



ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

4



РОССИЙСКАЯ  
АКАДЕМИЯ  
НАУК

# ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

---

Выпуск

4

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

# Т Р У Д Ы ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

---

Выпуск

**4**



МОСКВА НАУКА 2004

УДК 93/94  
ББК 63.3  
Т78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

*А.Н. Сахаров* (ответственный редактор),  
*Г.Б. Куликова, Е.Н. Рудая*

Научно-техническая работа выполнена  
*И.А. Головань*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Э.М. Шагин*,  
доктор исторических наук *Л.Н. Денисова*

**Труды Института российской истории / Ин-т рос. ист. – М., 1997–. –  
Вып. 4 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Наука. – 2004. – 311 с. –  
ISBN 5-02-009868-X (в пер.)**

В сборнике представлены научные доклады, сделанные на Ученом совете Института российской истории и его секциях, а также дискуссии по затронутым в них темам. Авторы касаются теоретических проблем, связанных с осмыслением основных событий истории России, и конкретно-исторических вопросов. Хронологические рамки сборника – от раннего российского средневековья до новейшей истории России конца XX – начала XXI в. Большой интерес представляют материалы по спорным вопросам идеологических процессов в России периода нэпа и социалистической модернизации конца 1920-х – начала 1930-х годов, о терроре в ходе революции 1917 г. и Гражданской войны, формировании и развитии военно-промышленного комплекса СССР, роли военного фактора в международных отношениях периода холодной войны, по истории взаимоотношений Москвы и Балтийских стран в послевоенные годы. Любопытны новые факты о дне Куликовской битвы, о “немецкой” моде, русском бонапартизме и другие.

Для историков.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-009868-X

© Коллектив авторов, 2004

© Российская академия наук и издательство  
“Наука”, серия “Труды Института рос-  
сийской истории” (разработка, оформле-  
ние), 1997 (год основания), 2004

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	5
<i>Юрасов М.К.</i> Хронографические карты по отечественной истории .....	7
<i>Аверьянов К.А.</i> Когда произошла Куликовская битва? .....	20
<i>Лисовой Н.Н.</i> Патриарх в Империи и Церкви.....	40
<i>Аксенов А.И.</i> Проблемы генеалогии непривилегированных сословий в России... ..	79
<i>Куприянов А.И.</i> “Немецкая” мода и идентичность в русском городе (конец XVIII – первая половина XIX века) .....	95
<i>Медушевский А.Н.</i> Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения .....	118
<i>Бокарев Ю.П.</i> Геополитический подход в компаративных исторических исследо- ваниях .....	182
<i>Алексеева Г.Д.</i> Идеологические процессы в России 20–30-х годов XX века .....	201
<i>Быстрова И.В.</i> Некоторые дискуссионные вопросы изучения ВПК СССР .....	221
<i>Жиромская В.Б.</i> Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечест- венной историографии .....	240

*Зубкова Е.Ю.*

**Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944–1953 годах ..... 266**

*Иванова Г.М.*

**Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 ..... 287**

**Сведения об авторах ..... 309**

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый выпуск “Трудов Института российской истории”, как и прошлые издания, посвящен одной из важнейших сторон деятельности института – научным докладом, сделанным на заседаниях Ученого совета ИРИ РАН и его секциях, а также обсуждению основных проблем, поставленных в докладах.

Практика показывает, что заседания Ученого совета и его секций являются действенной и результативной формой коллегиальной научной работы. Они способствуют углубленному осмыслению истории России. На них рассматриваются теоретические вопросы, выявляются новые исторические факты, дается современная интерпретация ранее известных положений, открывается простор для дискуссий. На Ученом совете звучат подчас глубокие и оригинальные размышления по поводу той или иной исторической категории, того или иного события, обсуждаются темы общего, глобального характера, часто имеющие непосредственную связь с другими общественными дисциплинами – демографией, социологией, археологией, этнологией, философией и филологией. Не обходятся и проблемы историографии, и вспомогательные исторические дисциплины. Такой выбор тем докладов расширяет горизонты научного поиска, рождает свежие подходы, приводит к новым выводам, заставляет размышлять, спорить, что существенно помогает двигать вперед научную мысль. Как и в предыдущих выпусках, здесь представлены доклады, охватывающие широкие хронологические рамки – от раннего российского средневековья до новейшей истории России конца XX – начала XXI в.

Проблемам общеисторического плана посвящены представленные в сборнике два доклада. Один из них, вызвавший оживленную дискуссию, сделал доктор философских наук А.Н. Медушевский – “Русский бонапартизм как предмет сравнительного изучения”. Автор рассматривает различные типы политических систем государств, имеющих тенденцию к повторению в сходных исторических ситуациях. В другом – доктор исторических наук Ю.П. Бокарев анализирует “Геополитический подход в компаративных исторических исследованиях”.

Темами почти половины помещенных в сборнике докладов являются различные проблемы истории России до XX в. Кандидат исторических наук М.К. Юрасов и доктор исторических наук К.А. Аверьянов касаются уточнения отдельных исторических дат, в последнем случае такой важной вехи русской истории, как Куликовская битва, методики составления хронографических карт. Доклад доктора исторических наук А.И. Аксенова связан с малоизученными проблемами генеалогии непривилегированных сословий в России. Оригинальная тема «“Немецкая” мода и идентичность в русском городе (конец XVII–XIX в.)» поставлена в докладе кандидата исторических наук А.И. Куприянова. На большом фактическом материале построен доклад кандидата исторических наук Н.Н. Лисового, в котором выясняется роль Патриарха в системе государства и Церкви.

Как и в предыдущих выпусках, в данном сборнике большое внимание уделено проблемам истории XX в. Изучению идеологии 1920–1930-х годов посвящен доклад доктора исторических наук Г.Д. Алексеевой. На ряд невыясненных в научной литературе моментов, имеющих принципиальное значение, обращает внимание доктор исторических наук В.Б. Жиромская. В своем докладе “Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечественной историографии” автор рассматривает типологию понятия “террор”, сочетание террора с репрессивной политикой советского государства, хронологические рамки и формы красного, белого и зеленого террора. Доктор исторических наук И.В. Быстрова освещает некоторые дискуссионные вопросы изучения военно-промышленного комплекса СССР, роль военно-стратегического фактора в международных отношениях в годы холодной войны.

В последнее десятилетие отечественная историческая наука уделяет все большее внимание истории взаимоотношений СССР с республиками Прибалтики. Механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в первые послевоенные годы (1944–1953), способы “встраивания” региона в советскую систему, преобразования его политических, социальных и экономических структур в соответствии с советской моделью проанализированы доктором исторических наук Е.Ю. Зубковой.

Практически неизученная проблема создания и деятельности особой системы специальных лагерных судов, существовавших в СССР в обстановке строгой секретности с 1945 по 1954 г., рассмотрена доктором исторических наук Г.М. Ивановой.

В данном выпуске представлены доклады, сделанные на заседаниях Ученого совета ИРИ РАН в 2000, 2001 и частично в 2002 гг. Издание будет продолжено.

## ХРОНОГРАФИЧЕСКИЕ КАРТЫ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ\*

Широкое распространение количественных методов в исторических исследованиях открыло исследователям новые возможности для работы с источниками и различного рода информацией, которая прежде находилась вне их внимания. При этом выборками и контент-анализом далеко не исчерпываются возможности применения количественных методов в исторической науке. Более того, со временем число их будет неуклонно возрастать.

Не претендуя на роль основателя принципиально новой методики исторических исследований, хотел бы рассказать об одном из опытов применения количественных методов в целях повышения уровня преподавания истории в средней школе и вузе, который имеет потенциальные возможности быть использованным и в исследовательских работах, прежде всего по военной истории. Речь идет о хронографических картах, которые я рисую уже в течение 18 лет и применяю их как для подготовки к экзаменам и лекциям, так и при объяснении нового материала на уроках в средних учебных заведениях.

Прообразом хронографических карт является *река времен* – разновидность генеалогического древа, широко распространенная в XVIII в. в различных странах Европы, в том числе в России. Она представляла собой схему, на которой в виде истоков и притоков показаны становление и взаимовлияние различных народов друг на друга в ходе исторического процесса. Так, например, в реку, представляющую Римское государство, вливаются в качестве притоков линии покоренных римлянами народов. Уже тогда для большей достоверности изображаемого использовалась вертикальная шкала времени, на которой были отмерены столетия человеческой истории. Одна из таких *рек времен* хранится в Москве в Государственной публичной исторической библиотеке.

Впоследствии *реки времен* превратились в более компактные хронографические карты, посвященные истории отдельных народов. Наряду с характерными обозначениями различ-

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 5 октября 2000 г.



ных народов в виде потоков на хронографических картах конца XIX – начала XX в. можно встретить и отмеченные под соответствующими годами территориальные приобретения или потери государства, созданного тем или иным народом. Одним из примеров подобных таблиц является хронографическая карта Польши, помещенная между страницами 74 и 75 сочинения В.А. Истомина “Всеобщая история. Выпуск I. Чтения из истории западных и южных славян”, вышедшего в Москве в 1904 г. Характерно, что названная книга была издана комиссией по устройству чтений для рабочих, которая, безусловно, требовала от авторов прежде всего доступности и наглядности изложения материала для лучшего понимания его малообразованными читателями.

Таким образом, я не являюсь создателем хронографических карт как одного из видов дидактического материала по истории. Однако, заинтересовавшись хронографической картой Польши, нарисованной В.А. Истоминым, я увидел в ней большие неиспользованные возможности. Прежде всего, передавая достаточно точно временные параметры динамики изменения площади Польского государства, Истомин весьма схематично показывал ее пространственные параметры.

Это натолкнуло меня на мысль о том, что, наряду с вертикальным масштабом карты, который уже на *реках времен* был проградуирован в единицах времени (веках), следует ввести еще и горизонтальный масштаб, проградуированный в единицах площади (тысячах или миллионах квадратных километров). Тем самым *схема*, которая получалась у создателей *рек времен* и В.А. Истомина, превращалась в *диаграмму*, где динамика изменения площади различных политических образований (государств, союзов племен, удельных княжеств и т.п.) четко проецировалась в двух плоскостях – временной и пространственной, и получалось более точное отображение размеров территории этих политических образований.

Все это потребовало тщательного вычисления не только собственно государств и равных им субъектов международного права, но и их территориальных приобретений и потерь. Подобное использование количественных методов лишней раз подтверждает, что история также является “точной наукой”, хотя и в определенных пределах. Так, при определении размеров территории племенных союзов восточных славян VI–IX вв. реально можно добиться точности от 10 тыс. кв. км, для удельных княжеств домонгольского времени до 1–5 тыс. кв. км, а для более позднего времени и более высокой степени точности. К настоящему вре-

мени историками определены достаточно точно границы государственных образований различных эпох.

Хронографические карты позволяют наглядно показать, как шли процессы объединения племенных союзов или княжеств в единое территориально-политическое образование или распада единого государства на отдельные независимые владения. Путем варьирования оттенками одного цвета можно также отобразить вызревание в недрах единых государств очагов сепаратизма.

Поскольку вертикальная шкала хронографических карт проградуирована в единицах времени, внутри контура, образуемого линиями диаграммы, можно подписать даты важнейших событий, расположив их в соответствии с масштабом времени. В этом случае диаграмма как бы сочетается с хронологической таблицей и превращается в разновидность опорного конспекта – одного из видов дидактического материала по истории, широко применяющегося в российских средних школах.

Таким образом, разработанные мной хронографические карты принципиально отличаются от тех, которые создавались в до-революционное время. Кроме того, большое значение для передачи информации в моих хронографических картах имеет цвет, в то время как карта В.А. Истомина черно-белая. Удачное цветовое решение помогает изобразить картину противоборства различных политических образований в тот или иной исторический период. Штриховка показывает зависимость одного государства или племенного объединения от другого. На хронографических картах наглядно представлено, как и когда происходило завоевание, раздробление или объединение территориально-политических образований.

Поскольку эти образования могли представлять собой как единые сильные государства, так и переставшие подчиняться центральной власти независимые феодальные владения, мне пришлось применить на своих хронографических картах их соответствующие обозначения. Непрерывные линии диаграммы показывают динамику изменения площади единого государства, а также крупных политических образований периода феодальной раздробленности. Пунктирные вертикальные линии очерчивают площади мелких удельных княжеств. При этом контуры единых государств заполнены определенным цветом, а у крупных уделов, претендовавших на роль объединителя страны, лишь обведены границы.

Специальными значками на разработанных мной хронографических картах отмечаются (в соответствии с масштабом времени) и годы правления того или иного князя или правителя бо-

лее высокого ранга. Этот значок называется “год смены правителя”. Между двумя подобными значками помещается имя правителя. При этом, если речь идет о правителе единой державы, его имя помещается в рамочку, имена же удельных князей и им подобных просто подчеркнуты.

Хронографические карты заметно повышают интерес учащихся к изучению истории в средних учебных заведениях и помогают эффективно готовиться к экзаменам студентам вузов. Об этом я уже рассказывал на страницах журнала “Преподавание истории в школе” (2000. № 5). В настоящем докладе хотелось бы остановиться на применении хронографических карт в исторических исследованиях.

Впервые попытка сопроводить исследование хронографической картой предпринята мною в дипломной работе по теме “Нашествие Бату на Венгрию. Историческая география похода”. Вычислив по месяцам примерные размеры площади, оккупированной монголо-татарами в Венгрии, я составил график (диаграмму), показывающую динамику разорения этой страны ордами Бату. Разумеется, никакого научного открытия при этом сделано не было, однако получилась наглядная картина, позволяющая одним взглядом окинуть весь поход Бату 1241–1242 гг. в Венгрию.

На основании материала моей дипломной работы в венгерском историческом журнале “Világtörténet” (“Всемирная история”) была опубликована моя статья “О характере похода Бату в Венгрию и причинах ухода татар”, в качестве приложения к которой была представлена хронографическая карта “Нашествие монголо-татар на Венгрию”.

Попытка создания хронографической карты военных кампаний Бату в Венгрии продемонстрировала возможности применения количественного метода исчисления размеров оккупированной или разоренной территории в области военной истории. Исследователи, создающие подробные карты боевых действий той или иной войны, сталкиваются с определенными трудностями, вызванными ограниченностью возможностей историко-географической карты. Особенно ярко это проявляется при попытках нанести на карту изменение линии фронта во время военных операций, шедших с переменным успехом. Перемещение линии фронта то в одну, то в другую сторону невозможно отразить на историко-географической карте, поскольку пользователю этой карты будет трудно разобраться в переплетении линий фронта, когда происходило наступление одного, а когда контр наступление другого противника.

В этом отношении ярко проявляется преимущество хронографических карт. Имея временную и пространственную шкалы, можно без особого труда и без боязни перепутать линии, показывающие изменение положения противоборствующих сторон, наглядно отразить все перипетии военной кампании. Даже если мы захотим показать, что Малоярославец в октябре 1812 г. восемь раз переходил из рук в руки, хронографическая карта отобразит это в виде сплошной линии, похожей на меха гармошки или на дорожный знак, запрещающий остановку личного или грузового транспорта в местах, где расположены остановки городского общественного транспорта.

В отличие от историко-географических карт, на которых трудно показать, когда периоды позиционной войны сменялись наступлениями так, чтобы это было наглядно, хронографические карты строго вертикальной линией диаграммы выражают период затишья на фронте, а кривой линией, направленной в сторону сужения или расширения контура, отображающего размеры площади того или иного территориально-государственного образования, – периоды отступления или наступления.

Подобно тому, как это делается в школьных опорных конспектах, на хронографических картах можно применять различного рода значки и другие обозначения, которые дают возможность сократить количество пояснительных подписей внутри контура диаграммы. Несомненно, ряд обозначений, традиционно используемых на военных картах, вполне подойдет и для хронографических.

Безусловно, хронографические карты не являются идеальной формой графической передачи подробностей военных кампаний. Применение вертикального временного масштаба, с одной стороны, помогает нагляднее показать противоборство двух воюющих сторон, но с другой, “отнимает” у карты две стороны света. Если на историко-географической карте строго соблюдается принцип: сверху – север, внизу – юг, слева – запад, а справа – восток, то на хронографической карте слева и справа располагается шкала времени, поэтому стороны света приходится объединять попарно, в зависимости от того, на каких фронтах проходили боевые действия в рассматриваемый период.

Другим недостатком хронографических карт является то, что на них трудно показать такие моменты военной кампании, когда наступление шло сразу на нескольких фронтах или театрах войны, поскольку по пространственной шкале можно отложить лишь общую площадь завоеванных или потерянных территорий на всех фронтах. Этот недостаток эффективно устраняется одно-

временным использованием историко-географической и хронографической карт боевых действий. В этом случае названные карты удачно дополняют друг друга.

В целом применение хронографических карт в исследованиях по военной истории дает наибольший эффект тогда, когда составляется атлас, каждая из карт которого посвящена какой-то одной военной операции. Для показа же общих итогов военной кампании на всех фронтах целесообразнее использовать историко-географическую карту.

Помимо применения в области военной истории, хронографические карты можно использовать и в других сферах исторической науки, поскольку помещаемая внутри контура “начинка” может быть разнообразной. Среди нарисованных мной карт для средней школы есть, например, такие, которые целиком посвящены отображению событий истории культуры.

Что же касается практического использования хронографических карт в нашем институте, то я считаю целесообразным создание в каждом центре справочных материалов подобного рода, посвященных тому или иному историческому этапу, которые затрагиваются в исследованиях сотрудников данного центра. Например, Центру по истории Древней Руси, где я работаю, не помешало бы иметь набор справочных хронографических карт, отражающих все события, о которых сообщают дошедшие до нас письменные источники, с указанием этих источников. Особым образом можно выделить наиболее интересные гипотезы, связанные с датировками событий, которые лишь приблизительно датируются в исторических источниках, а также уникальные свидетельства древних авторов, вызывающие дискуссии исследователей по проблеме их достоверности.

В качестве примера я попытался нарисовать хронографическую карту Древней Руси, на которой были бы отображены события, упоминаемые в “Повести временных лет”. Как видно из этой карты, избранный мной масштаб вполне пригоден для размещения датировок событий до середины XI в., после чего нужен более крупный масштаб.

Безусловно, подобного рода справочные материалы можно издать и в виде книг или обычных хронологических таблиц, что уже давно делается во многих европейских государствах, а в последние годы и в нашей стране (правда, пока еще не на достаточно высоком уровне). Однако все эти хронологические справочники малоудобны в применении и не обладают той степенью наглядности, которая бы позволяла охватить одним взглядом такой ог-

ромный пласт материала, как это возможно при использовании хронографических карт.

В будущем подобного рода справочно-дидактические материалы можно сделать в виде компьютерных программ, позволяющих представить политическую структуру любого, прежде всего средневекового, государства в тот или иной период его истории. Для этого необходимо разбить территориальную структуру рассматриваемого племенного или государственного образования на отдельные местности, тяготевшие к определенному политическому центру и никогда не делившиеся на более мелкие части. При составлении компьютерной программы нужно будет лишь отметить под определенным годом, какие именно местности были присоединены или потеряны и учесть их общую площадь.

Поскольку хронографические карты самым непосредственным образом связаны с исторической хронологией, нельзя обойти стороной проблему современного состояния этой отрасли исторической науки. Не хотелось бы называть имен, чтобы не делать этим людям лишнюю рекламу, однако всем хорошо известны творцы так называемой “новой хронологии”, различные издания которой заполнили не только книжные развалы и магазины, но уже и букинистические магазины, что свидетельствует об их широкой популярности.

В настоящее время предпринимаются попытки разоблачить эти “научные открытия” в области исторической хронологии, но следует признать, что профессиональные историки в борьбе с творцами “новой хронологии” пока еще ведут “оборонительные бои”, пытаясь развенчать те мифы, которые продолжают создавать ушедшие в историческую науку математики и специалисты в других точных науках. Наряду с несомненным вредом для нашей исторической науки творцы “новой хронологии” сделали одно, по моему мнению, хорошее дело – высветили наше недостаточное внимание к решению проблем исторической хронологии.

До сих пор в нашей науке не появилось исследований по древнерусской хронологии, результаты которых превзошли бы достижения Н.С. Бережкова сорокалетней давности. Более того, отсутствуют даже полноценные хронологические справочники по различным периодам отечественной истории, где были бы не “избранные” события, а претендующие на полноту отражения все дошедшие до нас сведения о событиях прошлого, как это давно издано в зарубежных странах Европы.

Мне представляется, пришла пора серьезно заняться проблемами исторической хронологии и в Институте российской истории РАН. Только тогда мы можем перехватить стратегическую

инициативу у творцов “новой хронологии”, когда вместо разоблачения их околонуучных мифов создадим серьезную, научно обоснованную “старую хронологию”, составим справочники, где будут отражены краткие сведения о всех событиях, упоминающихся в источниках ранних эпох и о заметных событиях последних столетий. По моему глубокому убеждению, в нашем институте должна появиться небольшая группа исследователей, занимающаяся проблемами хронологии и хронографии.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Л. Хорошкевич. В Академии педагогических наук знакомилсь с Вашими изысканиями в области хронографических таблиц?

М.К. Юрасов. Нет, потому что у меня не было никаких контактов с этой организацией.

А.Л. Хорошкевич. Второй вопрос. В основе таблиц лежат Ваши собственные изыскания? Вы мельком упомянули о литературе. На какой литературе и на каких источниках делаются ваши таблицы?

И последний вопрос. Знакомилсь ли Вы с “Историческим атласом”, оригинал которого хранится у Я.Е. Водарского?

М.К. Юрасов. При составлении таблиц, особенно по киевской истории, все измерения и обозначения сделаны мною приблизительно, исходя из средних оценок. Если, согласно литературе, территория Киевской Руси по площади колебалась от 700 тыс. до 1,1 млн кв. км, то я беру примерно среднюю величину. В тех случаях, когда удается установить проверенные конкретные размеры площади отдельных княжеств, пользуюсь ими. Я работал курстарно, т.е. переводил на миллиметровую бумагу и потом подсчитывал число квадратных миллиметров. Таким образом получалась площадь. Если у меня появится возможность найти где-то более точные измерения и статистику, буду пользоваться ими.

А.Л. Хорошкевич. Вы не до конца ответили на второй вопрос: на каких источниках и литературе делаются данные таблицы?

М.К. Юрасов. При определении площадей племенных союзов я пользовался книгой В.В. Седова из серии “Археология СССР”, где очерчены примерные ареалы их расположения. Что касается отдельных княжеств, то они не показаны, до них я не дошел.

В данном случае отображаются только территории Киевской Руси и Хазарии. При этом динамику изменения площади Киевской Руси я воссоздал на основе школьного атласа по истории Отечества, выпущенного Федеральной службой геодезии и картографии РФ.

В отношении других кочевников данные приводятся, исходя из приблизительных размеров степи, где они кочевали, поскольку для них вообще не было понятия “граница”.

На Ваш третий вопрос могу ответить, что Я.Е. Водарский не показывал мне эти материалы. Я с удовольствием посмотрю их, поскольку Ярослав Евгеньевич назначен ответственным редактором этого издания.

Я.Н. Шапов. Вы сказали о значении Ваших таблиц в педагогической деятельности и для изучения хронологии в школах. В процессе работы не появлялись ли у Вас мысли об уточнениях, о каких-то новых концепциях, о новой хронологии, поскольку Вы рассматриваете заново всю древнюю историю до начала XIII в.

М.К. Юрасов. Несомненно, такие мысли у меня возникали. С тех же позиций применительно к раннему времени нужно отображать несколько точек зрения и в тех же хронологических рамках. Иногда бывают разные оценки, ни одна из которых не стала господствующей.

Я.Н. Шапов. Для Вас как историка, исследователя этот материал может дать какие-то наблюдения, которых люди, не проделавшие подобной работы, не имеют?

М.К. Юрасов. Вот один из примеров. Когда я в Атласе решил отобразить рост территории Великого княжества Литовского, у меня получилось на левом фланге Великое княжество Литовское, на правом – орда, и я выделил земли, которые платили дань Золотой орде и которые вошли в зависимость от Великого княжества Литовского. Когда все это изображено графически, приходишь к выводу, что ослабление Золотой орды в Северо-Восточной Руси началось с сужения круга земель, которые платили дань. Ни в учебниках, ни в литературе я с этим не встречался.

Ю.А. Тихонов. Что у Вас главное – территория или временные рамки, хронология? Наверное, и то и другое.

М.К. Юрасов. И то и другое.

Ю.А. Тихонов. Значит, лучше говорить не “хронографические карты и диаграммы”, а “территориально-временные карты (или диаграммы)”. Это уже другое дело. На карту, конечно, это



не похоже. Чтобы подчеркнуть и территорию, и хронологию, такое двойное название, наверное, будет лучше.

М.К. Юрасов. Согласен, что “хронографические карты” название неудачное.

Ю.А. Тихонов. Территория или пространство играют не менее важную роль в Вашем изображении, чем хронология, т.е. временные рамки.

А.Л. Хорошкевич. При заслушивании доклада я вспоминала студенческие времена. Н.А. Горская и Я.Н. Водарский помнят, как Б.А. Рыбаков рисовал нам карты Хазарии. Приятно, что история повторяется, и романтическое направление в нашей историографии возрождается, как это было в 1949 г.

Одному человеку трудно осветить всю историю Отечества в виде хронографических таблиц или диаграмм без того, чтобы не ввести в заблуждение будущего читателя или пользователя этой карты. Прежде чем делать такую таблицу, должно быть четкое и ясное представление о литературе вообще, а не об учебниках и атласах анонимных авторов, и прежде всего о том круге источников, которым Вы пользуетесь. Это должно быть ясно каждому читателю. Одно дело, если Вы готовите такое общее пособие для всех граждан России, чтобы они имели представление о своем прошлом, и совсем другое – издание, претендующее на научное.

Отрадно, что в нашем институте появились лица, активно пекущиеся о развитии педагогики и педагогической науки в сфере истории, но несколько огорчительно, что эта попытка основана на такой весьма сомнительной базе. Полагаю, что каждая таблица или диаграмма должна иметь отсылку к материалу, которым Вы оперируете, чтобы не вводить читателя в заблуждение по поводу четкости Вашего взгляда на развитие отечественной истории.

Я.Н. Шапов. Существует не одна такая карта?

М.К. Юрасов. Это атлас.

Я.Н. Шапов. М.К. Юрасов специалист по Древней Руси. Продолжаете ли Вы исследование хронологически?

М.К. Юрасов. Я как специалист по Древней Руси предложил это в качестве пробного материала. Но для нашей школы, естественно, нужен полный комплект карт. Рассчитываю на то, чтобы отдельные центры нашего института выступили как эксперты тех карт, которые я буду составлять.

А.Л. Хорошкевич. Прежде чем издавать пособие для учителей (а этой проблемой прежде всего должна заниматься РАО – Российская академия образования), нам следует выпустить свои карты. Это будет географо-историографический опус. Потом можно делать таблицы. Прежде всего мы должны подготовить свой атлас – под грифом Института российской истории.

В.А. Кучкин. Некоторая полемика, которая возникла между членами Ученого совета, вызвана тем, что сегодня представлен не вполне обычный материал. Когда демонстрируют графики, показывающие изменение стиля произведений или еще чего-то, это для нас достаточно сложная вещь, и не вполне понятно, как их использовать.

Что касается данной попытки, то это попытка изобразить определенные стороны исторического процесса так, чтобы они были наглядны и понятны другим. Естественно, для таких высоких специалистов, которые сидят в зале, этого недостаточно. Но для людей, которые не имеют исторического образования, это полезно. Конечно, мы можем спорить относительно некоторых вещей. Тут показана территория, хронология, некоторые явления истории, история культуры, но нет, к примеру, военного дела.

А что касается использованной литературы, нельзя назвать что-то более подробное и тщательное, чем работа В.В. Седова по восточно-славянским племенам, с ареалами их расселения, с учетом археологических раскопок. Можно взять другие работы Седова, более поздние, которые корректируют некоторые вещи, но, тем не менее, это все правильно положено в основу.

И еще один тонкий момент: кто должен взять на себя инициативу такого издания? Правильнее подключить к этому Академию образования, потому что издание рассчитано не на высококвалифицированных историков, не на специалистов, которым надо знать какие-то тонкости, что нельзя отразить на таких картах. То же можно сказать, если иметь в виду подготовку исторических, географических карт, где также очень много сложного.

Я могу напомнить, что И.А. Голубцов был одним из крупнейших составителей карт по средневековой Руси, но ведь у него были такие карты, которые охватывали два или три столетия, а в таком случае совершенно невозможно понять динамику происходившего. Теперь мы уже приходим к выводу (в результате работы сектора, потом Центра по исторической географии), что полезнее всего, оказывается, составлять карты на определенную

хронологическую дату, чтобы потом можно было путем сопоставления таких карт, а не на одной карте, показывать все эти изменения. Тогда динамика выявляется вполне четко.

Конечно, это вопрос новый – составление, я бы сказал, изобразительного материала для познания исторического процесса и отказываться от него нельзя. Думаю, что мы должны быть благодарны М.К. Юрасову, который познакомил нас со своим подходом. Это не исключает критику и того, что Вы положили в основу, и отдельных частностей.

М.К. Юрасов. Хотел бы поблагодарить всех, кто участвовал в обсуждении, кто попытался близко почувствовать эту проблему. Согласен со всеми замечаниями, которые здесь прозвучали.

Но я могу дать и некоторые пояснения. Таблицы составлялись, естественно, прежде всего для школы, и представленный вариант – школьный в своей основе. Тем не менее я старался придать ему какие-то отдельные научные моменты, попытался уложить канву “Повести временных лет” и ряд дат из других источников. Необходимо было указать, откуда взяты даты. Это недостаток, и я его признаю. По русским княжествам я пробовал пользоваться научными работами. В целом ряде работ границы княжеств очень нечетко определены, особенно внешние границы, они выходят на степь или куда-то еще.

Что касается масштаба: одно деление – 10 тыс. кв. км. Для такой точности я и воспользовался школьным атласом. При подготовке следующего варианта, конечно, надо будет обратиться к более серьезной научной литературе.

Ю.А. Тихонов. Мы заслушали интересный и поучительный доклад, в котором материал подан в графическом, историко-педагогическом виде.

Вспоминаешь карты, учебники по всемирной истории, которые составлял в том числе и И.А. Голубцов. Такое впечатление, что обычные карты – это статика. А динамика процесса не может быть выражена для истории в обычных географических картах. Докладчик попытался показать эту динамику. Возникает вопрос: можно ли подключить сюда динамику населения?

К карте целесообразно дать краткую справку об источниках и литературе, спорных вопросах или расхождениях, тех или иных предпочтениях. Ваше право принять какую-то точку зрения относительно границ или датировки.

Словом, предстоит решить еще много вопросов. Но по форме и содержанию первая попытка оказалась удачной.

Нам не следует свертывать начатую работу, пусть каждый продолжает свое направление. Будет издан исторический атлас – прекрасно, если появится усовершенствованная диаграмма – тоже хорошо. Правильно поступил наш производственный совет, когда одобрил к печати эти диаграммы. Встает вопрос о спонсорах, средствах. Есть смысл связаться с Академией образования.

## КОГДА ПРОИЗОШЛА КУЛИКОВСКАЯ БИТВА?\*

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, на первый взгляд, кому-то может показаться странным. Еще со школьной скамьи известно, что данное событие произошло 8 сентября 1380 г. Именно эта дата сражения фигурирует во всех источниках, рассказывающих о сражении русских войск с полчищами Мамайя. Тем не менее вопрос датировки Куликовской битвы оказывается не таким простым. В этом легко убедиться, если сравнить, как определяют дату сражения различные источники. Все они единодушны в том, что битва состоялась 8 сентября 1380 г. Разногласия появляются в определении того, на какой день недели приходилось это событие. Содержащаяся в составе Рогожского летописца “Краткая летописная повесть”, а также “Задонщина” сообщают, что битва произошла в субботу. Если же обратиться к более позднему “Сказанию о Мамаевом побоище”, являющемуся наиболее полным источником по истории Куликовской битвы, легко обнаружатся определенные неувязки. Основная, Киприановская и Распространенная редакции “Сказания” называют днем битвы пятницу. Согласно же Печатному варианту Основной редакции битва состоялась в воскресенье<sup>1</sup>. Так в какой же день недели произошло это событие?

Историки сравнительно рано выяснили, что в 1380 г. указанный день приходился на субботу. Отметив эту неувязку в хронологии, они сделали вывод, что при описании Куликовской битвы следует опираться в первую очередь на ранние источники, содержащие правильную датировку. Что же касается “Сказания”, хотя и содержащего массу дополнительных подробностей, не встречающихся в более ранних источниках, отношение к нему было крайне скептическим.

Этот вывод, казалось, подтверждался и другими наблюдениями. В частности, еще Н.М. Карамзин обратил внимание на эпизод

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 4 октября 2001 г.

“Сказания”, в котором говорилось, что к Дмитрию Донскому на выручку пришли белозерские князья. Однако их имена отсутствовали в опубликованном к тому времени родословии этой ветви потомства Рюрика, помещенном в “Бархатной книге”. Все это в итоге привело историографа к оценке “Сказания о Мамаевой побоище” как источника в высшей степени недостоверного и во многом баснословного<sup>2</sup>. С.М. Соловьев в целом поддержал точку зрения Н.М. Карамзина. По его мнению, значение Куликовской битвы было настолько велико, “что одним сказанием не могли ограничиться. О подобных событиях обыкновенно обращается в народе много разных подробностей, верных и неверных; подробности верные с течением времени, переходя из уст в уста, искажаются, перемешиваются имена лиц, порядок событий; но так как важность события не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить из них новое украшенное сказание; при переписывании его вносятся новые подробности. Это второго рода сказание отличается от первого преимущественно большими подробностями, вероятными, подозрительными, явно неверными”<sup>3</sup>.

И хотя в дальнейшем некоторыми авторами предпринимались попытки выяснить – насколько достоверны сведения о битве, содержащиеся в “Сказании”, последующая историография в целом поддержала точку зрения С.М. Соловьева о том, что данный памятник является не более, чем литературным произведением, использовавшим отдельные факты о событиях конца XIV в. Правда, при этом так и не был дан ответ на вопрос – зачем составителям “Сказания” нужно было приурочить день битвы к пятнице или воскресенью, а не к субботе, когда в реальности происходила битва?

Разобраться в этой неточности попытались филологи. В 1998 г. вышла статья В.Н. Рудакова, в которой он сделал попытку отказаться от представлений о реальности большинства описываемых в “Сказании” событий и предположил наличие в памятнике некоторых более глубоких сакральных смыслов. В частности, он обратил внимание на символичность числа 8 для русского православия в его связи с датой Куликовской битвы 8 сентября, совпадающей с праздником Рождества Богородицы. Так, выступление засадного полка, решившего исход битвы, “Сказание” относит к 8-му часу по тогдашнему счету. Но тогда на Руси, по мнению В.Н. Рудакова, в походе, на ходу не умели точно определять время. Поэтому, по его мнению, эта цифра не отражает реального времени вступления в бой русских резервов, а является аллегорическим отражением идеи божественного предзнаме-

нования и заступничества “небесных сил”. Именно 8-й час должен был стать счастливым для русских ратников<sup>4</sup>. Эти идеи чуть позже развил Р.А. Симонов. Он также обнаружил, что 8 сентября 1380 г. приходилось на субботу, однако в “Сказании” указана пятница. «Может быть, – задает он вопрос, – пятница обусловливала “счастливость” 8-го часа?». Очевидно, автор “Сказания” должен был руководствоваться каким-то древнерусским произведением о “счастливых” часах. Подобные сочинения известны: одним из них является текст “Часы на семь дни: добры и средни и злы”, сохранившийся в списке XV в.<sup>5</sup> Из него следует, что 8 час был “добрым” в пятницу, субботу и воскресенье, но только в пятницу был “добрым” и 7 час. Если учесть, что в “Сказании” бой начался до 8 часа, то ни суббота, ни воскресенье для него не подходили, поэтому оставалась именно пятница<sup>6</sup>.

Правда, авторы подобных утверждений, отыскивающие некий скрытый смысл в “Сказании”, не учли одного обстоятельства. Уже в XVI в. на Руси довольно точно измеряли время в *часах*. Так, под 1386 г. псковская летопись сообщает о пожаре: “Погоре весь Псков... а загорелось маяя в 8, в 6 час дни, а до 9-го часа весь град погоре”<sup>7</sup>. Время определяли обычно по длине отбрасываемой человеком солнечной тени, измеряемой в стопах. Это довольно легко можно было сделать и в походных условиях. При этом использовался не привычный для нас астрономический час, а так называемый “косой”, т.е. переменный час, когда светлое время суток делилось на 12 часов. В зависимости от времени года он мог иметь различную продолжительность. Об этом свидетельствует, в частности, опубликованный Я.Н. Шаповым псковский календарь-месяцеслов, в котором, помимо прочих календарных данных, на каждый месяц даются сведения о длине отбрасываемой солнечной тени, измеряемой в стопах на каждый из 11 часов дня (от 28 стоп утром и вечером в феврале до 1,5 стопы около полудня в июне). И хотя в опубликованном им календаре таблицы длины солнечной тени соответствуют более южным широтам (Константинополь и Иерусалима), они могли использоваться и на Руси, с поправкой на известный коэффициент<sup>8</sup>.

Таким образом, говорить о некоем сакральном смысле часа выступления засадного полка просто не приходится. Что же касается символичности пятницы, то и это утверждение не выдерживает критики. Выше уже отмечалось, что если обратиться к различным спискам “Сказания”, то легко обнаружить, что в ряде из них сражение датируется и субботой (как это было в реальности), и воскресеньем. Все это заставляет внимательнее посмотре-

реть на хронологию всех событий, так или иначе связанных с Куликовской битвой и нашедших отражение в “Сказании”.

У каждого исторического события есть три основные координаты – время, место, участники. Следует признать, что самым слабым звеном для “Сказания” является именно хронология. В этом можно убедиться, если сравнить, как датируют основные вехи похода Дмитрия на Дон разные произведения Куликовского цикла. “Задонщина” и Краткая летописная повесть, содержащаяся в Рогожском летописце, знают лишь одну точную дату – день самой битвы – субботу 8 сентября “на Рождество святяга богородицы”<sup>9</sup>. Пространная летописная повесть, содержащаяся в IV Новгородской летописи, сообщает, что, русская рать вышла из Коломны 20 августа. Переправа через Оку состоялась “за неделю до Семеня дни”, приходящегося на 1 сентября, и происходила в “день неделный”, т.е. воскресенье. Сам Дмитрий перебрался со “своим двором” через реку в понедельник. Легко установить, что это были 26 и 27 августа<sup>10</sup>.

Количество дат, имеющих в “Сказании о Мамаевом побоище”, больше. Различные редакции “Сказания” (Основная, Киприановская, Распространенная) фиксируют следующие события. В воскресенье 18 августа, “на Флора и Лавра”, состоялась поездка великого князя Дмитрия к Сергию Радонежскому в Троицкий монастырь. Выход рати из Москвы датируется четвергом 27 августа, “на память святого отца Пимина Отходника”. В Коломну Дмитрий пришел в субботу. На следующий день, т.е. в воскресенье, в Коломне состоялся смотр войск на Девичьем поле. Переправа через Оку происходила в воскресенье, а сам Дмитрий переправился в понедельник. Здесь возможны два варианта: или 6–7 сентября, если Дмитрий пошел левым берегом Оки до устья Лопасни (но тогда не остается времени на переход от Оки к Дону), или же переправа совершалась непосредственно у Коломны, в день выхода из города, т.е. 30 августа. Битва произошла в пятницу 8 сентября<sup>11</sup>. Имеются и разночтения. Так, Киприановская редакция помечает приход войск в Коломну субботой 28 августа (на память Моисея Мурина). Взяв еще один источник – так называемый Печатный вариант Основной редакции, увидим совершенно иные даты: Сергия Радонежского Дмитрий посетил 18 августа, из Москвы он вышел в четверг 21 августа, на Коломну пришел в среду 28 августа и вышел из нее в четверг 29 августа. Битва состоялась в воскресенье 8 сентября<sup>12</sup>. Как видим, даты трех редакций “Сказания” разнятся между собой.

Составив небольшую табличку в виде календаря на август и начало сентября 1380 г. и сравнив только что приведенные даты,



мы приходим к выводу, что ни один из указанных “Сказанием” дней недели не совпадает с реальным днем, на которое падало то или иное число.

Дни недели		Август–сентябрь 1380 г.					
Понедельник		6	13	20	27	3	10
Вторник		7	14	21	28	4	11
Среда	1	8	15	22	29	5	12
Четверг	2	9	16	23	30	6	13
Пятница	3	10	17	24	31	7	14
Суббота	4	11	18	25	1	8	15
Воскресенье	5	12	19	26	2	9	16

Все это, по идее, должно свидетельствовать о несоответствии реальности всех дат, приведенных “Сказанием”, и быть еще одним доводом в пользу того, что оно является абсолютно ненадежным источником, и доверять ему нельзя. Но сделать столь категоричный вывод нам мешает одно обстоятельство. Можно еще понять, с какой целью и по каким причинам составители “Сказания” включали в него тот или иной эпизод. Однако остается совершенно непонятным, зачем им нужно было “фальсифицировать” даже не сами даты, а только дни недели, на которые они приходились. Какой смысл был в том, чтобы приурочивать дату битвы или одного из этапов похода к Дону на несоответствующий реальности день недели? В свое время Л.В. Черепнин честно признавался, что не может дать разумное объяснение данному факту<sup>13</sup>.

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к тому событию, с которого собственно и начинаются “неувязки” в хронологии “Сказания”. Речь идет об одном из центральных эпизодов повествования – встрече великого князя Дмитрия Донского накануне битвы с Сергием Радонежским.

Различные сказания и повести о Куликовской битве создавались на протяжении длительного времени – начиная с конца XIV вплоть до XVII столетия. При этом возникает внешне кажущаяся парадоксальной картина – чем дальше по времени от самой битвы создавался рассказ, тем больше в нем появлялось подробностей и деталей. Первые очень краткие рассказы о сражении превращаются в многостраничные повествования, обрастающие все новыми и новыми подробностями.

Все это характерно и для рассказа о свидании накануне битвы Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Известие о нем

отсутствует в наиболее ранних летописных сводах и появляется лишь в “Сказании о Мамаевом побоище”, возникшем много позже описываемых событий. Оно сообщает, что Дмитрий Донской, готовясь к отражению нашествия, приказал своим полкам собираться в Коломну “на Успение святыа богородица”, т.е. к 15 августа. К нему пришли рати из разных княжеств. Взяв с собой двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского и “вся князи русские”, он отправился в Троицкий монастырь “на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыа тоа обители”. Это произошло в воскресенье 18 августа, в день святых Флора и Лавра. Отстояв службу, Дмитрий хотел было ехать, но Сергей попросил его задержаться и, пока готовили освящение воды, пригласил великого князя к столу. После трапезы игумен торжественно благословил великого князя и “все христолюбивое его вѣинство”. В беседе наедине Сергей уверил Дмитрия, что тот обязательно вернется с победой, и повелел присоединиться к княжеской дружине двум инокам обители – знаменитым впоследствии Пересвету и Ослабе, на которых возложил монашескую схиму. Возвратившись в Москву, великий князь вместе с Владимиром Андреевичем Серпуховским пришел к митрополиту Киприану и поведал о том, что троицкий игумен предсказал ему победу. Митрополит повелел князьям хранить до поры в тайне сказанное Сергием. Спустя несколько дней, в четверг 27 августа русские рати выступили в поход из Москвы<sup>14</sup>.

Начиная с В.Н. Татищева рассказ о свидании Сергия Радонежского и Дмитрия Донского прочно вошел в литературу, посвященную Куликовской битве<sup>15</sup>. Н.М. Карамзин писал: “Димитрий выехал из обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь небесную”<sup>16</sup>. Ту же мысль повторил С.М. Соловьев<sup>17</sup>. Еще более образно по этому поводу в 1892 г. высказался В.О. Ключевский в речи, посвященной 500-летней годовщине со дня кончины Сергия: «Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: “Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь”»<sup>18</sup>.

Но уже в XX в. факт посещения Дмитрием Донским Троицкого монастыря стал предметом сомнений. Толчком к этой резкой перемене взглядов в известной мере послужили известные работы А.А. Шахматова по истории русского летописания. Применительно к нашей теме, вопрос стал следующим образом: можно ли доверять сведениям поздней Никоновской летописи и “Сказа-

ния”, описывающих подробности свидания Сергия Радонежского и Дмитрия, или же историку следует опираться только на данные более ранних летописей, где рассказ о нем отсутствует? В более широком плане он сводился к проблеме достоверности поздних летописных сводов по сравнению с более ранними.

Н.И. Костомаров считал, что “Сказание о Мамаевом побоище” “заключает множество явных выдумок, анахронизмов... вообще в своем составе никак не может считаться достоверным источником”<sup>19</sup>. Еще более резко по этому поводу высказывался А.С. Орлов. Он полагал, что повествование в “Сказании” носит явные следы целенаправленной обработки в целях возвеличивания роли церкви, что привело к введению “нового персонажа – предсказателя и чудотворца Радонежского игумена Сергия”<sup>20</sup>. М.Н. Тихомиров относил этот рассказ к разделу “повествований легендарного характера”. Ссылаясь на более ранние и поэтому заслуживающие большего доверия летописи, он выдвинул предположение, что “поездка Дмитрия к Сергию Радонежскому и разговор с ним о Мамае произошли до похода татар, когда только предполагалось, что они нападут на Русь”<sup>21</sup>. Аналогичной точки зрения придерживался Л.В. Черепнин: «Сильно разукрашен и эпизод с посещением великим князем Дмитрием Ивановичем Сергия Радонежского, хотя отрицать возможность такого визита и нет оснований. Внесение этого эпизода... вероятно, вызвано желанием приподнять роль Троице-Сергиева монастыря как церковного центра. Гораздо ближе к истине простой и лаконичный рассказ Ермолинской и Львовской летописей, согласно которому Дмитрий Иванович, уже подходя к Дону, получил “грамоту” от Сергия Радонежского с повелением “битися с татары”»<sup>22</sup>.

В 1985 г. вопрос о достоверности поездки Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому затронул В.Л. Егоров. Предметом его интереса стали фигуры двух иноков Троицкого монастыря – братьев Пересвета и Осляби, отправившихся по приказу Сергия с великим князем на берега Дона. Как отмечалось литературоведами, в “Сказании о Мамаевом побоище” фигуры монахов-воинов занимают значительное место и вырастают до символа, олицетворяющего вклад духовенства в победу над угнетателями Руси. Но при всем этом Пересвет и Ослябя являлись реальными персонажами, жившими и действовавшими во второй половине XIV в. Происходя из брянских бояр, они были людьми, искушенными в ратном деле, которых лично знал великий князь. Если учесть, что собранное Дмитрием Донским войско по своим размерам превышало все предыдущие русские ополчения, становится понятной острая нужда великого князя в опытных военачаль-

никах, “полк умеюща рядити”. Подобные люди все были наперечет, и понятно, что Дмитрий должен был в этих условиях вызвать Пересвета и Ослябю из Троицкого монастыря. Чтобы покинуть монастырь, его иноки должны были иметь разрешение игумена, т.е. Сергия Радонежского.

Но нужно ли было великому князю для этого самому ездить в Троицкий монастырь? По мнению В.Л. Егорова, совершенно необязательно. Свою мысль он поясняет тем, что при переработке памятника в XVI в. его редакторы использовали реальный эпизод отправки из Троицкого монастыря на Куликово поле двух иноков для того, чтобы выдвинуть на авансцену личность самого Сергия – настоятеля монастыря, давшего согласие на их участие в сражении. Аргументирует это он тем, что “Пространная летописная повесть”, более ранняя по времени, чем “Сказание”, не знает о визите великого князя в Троицу, но зато в ней имеется известие, что, когда войско стояло уже на Дону, Сергей прислал Дмитрию грамоту и благословение, “веля ему битися с тотары”<sup>23</sup>. Если бы ранее великий князь получил личное напутствие Сергия, такой поступок не имел бы смысла.

Отметил В.Л. Егоров и неувязки в хронологии. Как уже говорилось, сбор русской рати был назначен в Коломне 15 августа. Между тем поездка Дмитрия к Троице датируется 18 августа. По его мнению, фантастично уже то, что высшее военное руководство бросило на произвол судьбы подготовку похода и сбор войска в самый ответственный момент. Но самым главным доводом в пользу утверждения о легендарности поездки Дмитрия 18 августа является еще одно наблюдение. “Пространная летописная повесть” сообщает, что русское войско во главе с Дмитрием вышло из Коломны 20 августа. О том, когда ополчение прибыло в этот пограничный город Московского княжества, источник умалчивает. Но в нем говорится о посещении до этого великим князем коломенского Успенского собора, где князя и “вся воя его” благословил епископ Герасим<sup>24</sup>. По другим известиям мы знаем, что на здешнем Девичьем поле накануне выхода Дмитрия из Коломны, т.е. 19 августа, проходил смотр войск. Отсюда становится понятным, что Дмитрий 18 августа практически одновременно находился сразу в двух местах – днем у Троицы, а вечером – у Коломны, расстояние между которыми преодолеть существовавшими в XIV в. способами передвижения было просто невозможно<sup>25</sup>.

Доводы В.Л. Егорова о легендарном характере свидания Дмитрия и Сергия Радонежского в Троице развил двумя годами позже В.А. Кучкин. Согласившись с тем, что крайне непонятным является то, что, назначив сбор войск в Коломне на 15 августа,

Дмитрий не только не послал рати к Оке против Мамаю, но и, наоборот, увел их из столицы в противоположном направлении, на север к Троице, он привел новые доводы в пользу утверждения о недостоверности этого события.

Прежде всего, отметил он, упоминаемого в рассказе митрополита Киприана в 1380 г. ни в Москве, ни вообще в Северо-Восточной Руси не было. В это время он пребывал в Киеве. Поставлен был им под сомнение и факт посылки Сергием Радонежским инока Пересвета. Действительно, он упомянут в летописном перечне убитых, но без добавления слова “чернец”, что являлось обязательным для духовного лица. Поскольку Пересвет, судя по всему, был человеком светским, говорить о его связи с Троицким монастырем не приходится. Наконец, свидание не могло состояться в 1380 г., поскольку 18 августа в этом году приходилось не на воскресенье, как утверждает “Сказание”, а на субботу. Однако если В.Л. Егоров полностью отрицал сам факт свидания, то в отличие от него В.А. Кучкин попытался поставить вопрос по-иному – происходило ли свидание в действительности, и если да, то когда?

Обратившись непосредственно к “Житию” самого Сергия, В.А. Кучкин в наиболее ранней из сохранившихся полных редакций “Жития”, относящейся к 30-м годам XV в., выяснил, что описание встречи князя и игумена содержится в статье, носящей название “О побежении татаръ и иже на Дубенке о монастыри”, которая имеет характер неясного припоминания о том, что к Сергию “некогда же прииде князь велики”. Далее говорится, что Дмитрий сообщает игумену о приближении Мамаю к Руси. В ответ Сергей призывает великого князя идти в поход против татар и предрекает ему победу. В свою очередь, Дмитрий обещает в случае успеха поставить церковь в честь Успения Богородицы. После победы над татарами Дмитрий и Сергей по обету основывают монастырь на р. Дубенке<sup>26</sup>. Таково краткое содержание этого эпизода, но лишь в позднейших редакциях “Жития” он связывается с битвой на Дону.

Из летописей известно, что Успенский монастырь на р. Дубенке был действительно основан. Но это известие относится к 1 декабря 1379 г., т.е. за девять с лишним месяцев до сражения на Дону<sup>27</sup>. Отсюда В.А. Кучкин делает вывод, что если свидание Сергия Радонежского с Дмитрием и состоялось, то оно произошло до 1 декабря 1379 г., когда был освящен Успенский монастырь на Дубенке, т.е. гораздо раньше Куликовской битвы. Определяя возможное его время, он связал эту встречу с кануном сражения с татарами на р. Воже 11–12 августа 1378 г. Битва эта, как извест-

но, происходила в канун праздника Успения Богородицы (15 августа), окончилась победой русских полков, и понятно, что созданная по обету церковь должна была быть посвящена именно ему. Отсюда он сделал вывод, что свидание игумена Троицкого монастыря с великим князем состоялось накануне не Куликовской битвы, а сражения на р. Воже<sup>28</sup>. Позднее он попытался определить вероятное время этой встречи – в 20-х числах июня – начале июля 1378 г., тогда, когда примерно за полтора месяца до сражения в Москве стало известно о движении татар на Русь<sup>29</sup>.

Впрочем, эта версия вскоре была оспорена. В 1990 г. Н.С. Борисов отметил в ней серьезный изъян, обратив внимание на опубликованную еще в середине XIX в. статью М.В. Толстого об Успенском Дубенском монастыре. Суть ее сводилась к тому, что “Никоновская летопись”, источник очень близкий к “Сказанию”, дважды упоминает Дубенский монастырь – под 1379 г. и в тексте “Жития” Сергия, помещенного под 1392 г. В обоих случаях говорится об основании обители. Но есть и существенная разница. В известии 1379 г. сообщается, что игуменом нового монастыря был назначен Леонтий, а судя по тексту “Жития” – Савва, оба из учеников Сергия Радонежского<sup>30</sup>. Анализируя эти известия, М.В. Толстой пришел к выводу, что речь идет о двух совершенно разных монастырях – Дубенском Стромьинском (в 30 верстах на юго-восток от Лавры) и Дубенском Шавыкинском, “на острове” (в 40 верстах к северо-западу от Лавры). Первый из них был основан до Куликовской битвы, второй после, во исполнение обета, данного великим князем. Эти обители объединяло лишь то, что главные храмы в обоих монастырях были в честь Успения богородицы, да одинаковое, весьма распространенное, название двух речушек. Второй из Дубенских – Шавыкинский монастырь находился в лесной глуши и позднее запустел. Но следы его сохранялись еще в середине XIX в., и именно их обнаружил М.В. Толстой<sup>31</sup>.

Н.С. Борисов опровергнул и другие аргументы В.А. Кучкина и В.Л. Егорова. Как яркий пример “ненадежности” отнесения свидания великого князя с Сергием именно к 1380 г. обычно считают упоминание в нем фигуры митрополита Киприана, отсутствовавшего в это время в Северо-Восточной Руси. Действительно, если поздняя Никоновская летопись датирует приезд Киприана в Москву 3 мая 1380 г., то целый ряд ранних летописных сводов, включая реконструированную М.Д. Приселковым Троицкую летопись относят это событие к 1381 г., т.е. после Куликовской битвы. Однако в 1987 г. Ф.М. Шабульдо, на наш взгляд, достаточно убедительно показал, что Киприан все же летом 1380 г. находился в Москве<sup>32</sup>.

Упоминание в летописном перечне погибших имени Александра Пересвета без добавления слова “чернец” легко объясняется тем, что летописец, вероятно, человек церковный, счел неуместным поместить указание на духовный сан монаха среди убитых воевод. Посылка же Сергием Радонежским грамоты на Дон вовсе не отрицает факта поездки великого князя к Троице, хотя бы потому, что эта поездка предшествовала отправке грамоты.

18 августа 1380 г. действительно приходилось не на воскресенье, а на субботу. Но, по мнению Н.С. Борисова, Дмитрий едва ли ездил в Троицкий монастырь “одним днем”. Более естественно предположить, что он прибыл к Троице в субботу 18 августа, переночевал и на другой день, в воскресенье, отстояв обедню, отправился назад. При этом в подтверждение того, что свидание состоялось именно в середине августа, он специально обратил внимание на то, что перед отъездом из обители Пересвета и Осляби на подмогу великому князю Сергей Радонежский возложил на них схиму. Схимой именуется монашеское одеяние, в которое облачались монахи, принявшие схиму – высшую монастырскую степень, знаменующую полное отречение от мирской жизни. Принятие схимы сопровождалось наречением нового имени. Обычно оно давалось по имени того святого, память которого праздновалась церковью в день совершения обряда или в один из соседних дней. “Вблизи” 18 августа можно найти и Андрея – это имя получил Ослябя (19 августа – святой воин-мученик Андрей Стратилат) и Александра, которое взял Пересвет (12 августа – епископ-мученик Александр Команский). Да и сами имена инокам-воинам Сергей, вероятно, дал со смыслом. По-гречески Александр – “защитник”, Андрей – “мужественный”.

Правда, не все доводы Н.С. Борисова убедительны. По его расчетам, Дмитрий покинул Троицу 19 августа. За 7–8 часов непрерывной скачки он мог достигнуть лишь Москвы. Пространная летописная повесть сообщает, что русская рать 20 августа вышла из Коломны. Достичь ее в этот день Дмитрий никак не мог, и Н.С. Борисов в своей работе предположил, не приводя никаких аргументов, что русская рать, действительно, 20 августа двинулась на врага, но только не из Коломны, а из Москвы<sup>33</sup>. Очевидно, историк и сам чувствовал слабость своей позиции по этому пункту.

Поэтому В.А. Кучкин продолжал настаивать на своей прежней позиции и выдвинул в ее защиту ряд новых доводов, самым существенным из которых явилось то, что Дубенский Шавыкинский монастырь, поставленный в честь Куликовской битвы, был посвящен Успению Богородицы – празднику, незадолго до кото-

рого произошло сражение на р. Воже. Разгром Мамаю приходился на другой церковный праздник – Рождества богородицы (8 сентября). В селах, возникавших на Куликовом поле, ставились церкви в честь не Успения, а Рождества богородицы, напоминавшие о победе 1380 г. Поэтому монастырь в честь победы над Мамаем должен был иметь другое посвящение<sup>34</sup>.

Подобная разногласия среди историков, не могущих решить вопрос – когда же все-таки состоялось свидание Сергия Радонежского с Дмитрием Донским? – открывает свет различным “новым” теориям. В качестве примера сошлемся на статью нижегородского автора Н.Д. Бурланкова, в которой он предпринял попытку доказать, что произведения Куликовского цикла описывают не битву на Дону, а относятся к сражению на р. Воже<sup>35</sup>. Отсюда один шаг до “сочинений” А.Т. Фоменко с соавторами, переписывающих не только русскую, но и всемирную историю, в которых целая глава посвящена Куликовской битве и где “доказывается”, что она происходила чуть ли не под стенами Москвы<sup>36</sup>.

В чем же здесь дело? Когда же в действительности великий князь Дмитрий посетил троицкого старца? Самым разумным объяснением отмеченного противоречия может быть только то, что неправильная “привязка” основных этапов похода московской рати к той или иной дате содержалась уже в тех первоначальных источниках, которыми пользовались редакторы “Сказания”, составляя в XVI в. сводный текст памятника. В нем мы находим следы того, что редакторы “Сказания” уже столкнулись с этой проблемой и пытались хоть как-то решить ее.

Об этом говорит тот факт, что Основная и Распространенная редакции “Сказания” датируют выход рати Дмитрия из Москвы четвергом 27 августа. В Коломну войско прибыло в субботу. Если 27 августа (выход из Москвы) приходилось на четверг, то надо полагать, что в Коломну рать должна была прибыть 29 августа. Но в тексте этих редакций имеется указание, что появление Дмитрия в Коломне пришлось на день памяти “святого отца Моисея Мурина”<sup>37</sup>. По святцам этот праздник приходится на 28 августа, т.е. на следующий день после выхода рати из Москвы. Это хорошо знал составитель Киприановской редакции “Сказания” и поэтому обозначил датой прибытия в Коломну именно этот день. Но преодолеть расстояние в сотню верст между Москвой и Коломной войску всего за одни сутки в XIV в. не было никакой возможности, и поэтому составители Основной и Распространенной редакций “Сказания”, хорошо зная путь между этими двумя городами, полагали, что он был пройден, как минимум, за полных два дня. Составитель Киприановской редакции, не зная, как Дмит-



рию удалось добраться до Коломны всего за день, просто не стал указывать время отбытия Дмитрия из Москвы<sup>38</sup>.

Но, предположив, что “неправильные” даты появились уже в первоначальных материалах, послуживших основой для “Сказания”, необходимо выяснить вопрос – каким образом это произошло, и действительно ли эти “неправильные” датировки не соответствуют реальности.

Нет сомнений в том, что летом 1380 г. все русские княжеские дворы внимательно следили за приготовлениями Москвы и Орды к предстоящей схватке и гадали, чем она закончится. В этот судьбоносный для всей Руси момент резко активизируется деятельность разведки. Подтверждение этому мы находим в тексте все того же “Сказания”. Великий князь Дмитрий отправляет посольство Захария Тютчева и, помимо этого, несколько “сторож” для провеживания замыслов Мамаю. Московской стороне удалось выяснить, что соединение сил Мамаю со своими союзниками Ягайло и Олегом Рязанским планировалось на берегах Оки 1 сентября 1380 г. Необходимо было предупредить соединение сил врага и, согласно “Пространной летописной повести”, уже 27 августа Дмитрий переправился через Оку и появился на рязанском берегу реки.

Но разведка имелась не только у москвичей. Активные разведывательные мероприятия проводила и Рязань. Правда, рязанская сторона не сумела правильно использовать полученную информацию. Получив сведения о выходе Дмитрия из Коломны и его движении в сторону Серпухова, рязанские бояре, очевидно, посчитали, что москвичи со своими союзниками будут обороняться на рубеже Оки. Но, не доходя до Серпухова, Дмитрий резко повернул на юг и в районе устья Лопасни переправился через Оку. Рязанский князь Олег, узнав, что Дмитрий с огромной армией москвичей и своих союзников появился уже на рязанском берегу Оки, у самой границы его владений, собрал совет и начал упрекать своих бояр в том, что они проглядели врага. Бояре, потупив голову, молча стояли перед своим князем, но затем признались, что получили известия о выходе рати Дмитрия за 15 дней до этого. Киприановская редакция “Сказания” сообщает подробности этого совещания: «И глаголаша ему бояре его и велможи его: “Мы убо, господине, слышахом о сем за 15 дней и устыдехомся тебе поведати. Глаголют убо в вотчине его мниха некоего, именем Сергия... и тот мних вооружи его и повеле ему поити противу Мамаа”»<sup>39</sup>. Более ранняя Основная редакция “Сказания” уточняет важную деталь – источник этой информации: “Нам, княже, *поведали от Москвы* за 15 днии...”<sup>40</sup>.

Когда состоялось это совещание в Рязани? Источники по этому поводу молчат. Однако не будет большой ошибкой, если приурочить его к 1 сентября или очень близкой к этому числу дате. Выяснение времени военного совета у Олега Рязанского для нас интересно лишь одним обстоятельством – когда в Рязани узнали о поездке Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому? Воспользовавшись нашим календарем, отсчитываем от 1 сентября 15 дней назад. Искомой датой оказывается 18 августа – именно тот день, который указан “Сказанием” как дата поездки Дмитрия в Троицу. Но из того факта, что именно 18 августа в Рязани узнали о свидании великого князя с Сергием Радонежским, со всей очевидностью вытекает и другой факт – в этот день Дмитрия просто не могло быть в Троице, а следовательно, сама поездка состоялась раньше.

Когда? У нас имеется свидетельство, что визит Дмитрия в Троицу имел место в воскресенье. Предположив, что рязанский информатор в своем донесении указал только день недели, приходим к выводу, что данное событие следует датировать воскресеньем 12 августа. В Рязани известие о нем получили 18 августа. Очевидно, именно этой датой было помечено донесение о поездке в Троицу. Позднейший летописец, составлявший рассказ о Куликовской битве, который позднее лег в основу “Сказания”, не учел этого момента и датировал поездку Дмитрия 18 августа – тем днем, в который сообщение поступило в Рязань.

Пока это – всего лишь гипотеза. Но она обретает большую уверенность, если мы вспомним, что именно в день встречи Дмитрия с Сергием Пересвет принял схиму. Выше уже говорилось о том, что при принятии схимы давалось новое имя, обычно в честь святого, память которого праздновалась в день пострижения. Как звали Пересвета до пострижения нам, к сожалению, не известно, однако несомненно, что имя Александр – именно то, которое он принял, становясь схимником. Заглянув в святцы, мы убеждаемся, что именно 12 августа они содержат имя Александр, которое взял Пересвет при принятии схимы. Таким образом у нас появляется еще одно доказательство, что встреча игумена с великим князем произошла именно 12 августа. В Рязани известие об этом было получено лишь почти неделю спустя, 18 августа.

Выяснив этот факт, мы легко можем восстановить действительную хронологию похода Дмитрия на Дон. Выход войск Дмитрия из Москвы Печатный вариант Основной редакции датирует четвергом 21 августа<sup>41</sup>. Отыскивая по календарю ближайший четверг перед этой датой, получаем 16 августа, т.е. следующий день после праздника Успения Богородицы, на ко-

торый был назначен сбор ополчения. Основная и Распространенная редакции “Сказания” это событие датируют также четвергом, но уже 27 августа<sup>42</sup>. (Киприановская редакция молчит по этому поводу.) Но и здесь нет никакого противоречия. Именно в этот день великий князь переправился через Оку и появился у рязанских пределов. Прибытие Дмитрия в Коломну практически все редакции относят к субботе<sup>43</sup> (по нашему расчету 18 августа), лишь Печатный вариант – к среде (очевидно, 22 августа). Это можно объяснить тем, что, судя по имеющимся данным “Сказания”, не все части ополчения смогли вовремя прийти в Коломну. Приход именно этих отрядов мог зафиксировать рязанский информатор в Коломне. Из текста “Сказания” нам известно, что перед входом в Коломну Дмитрия встретили воеводы на р. Северке (суббота 18 августа), на следующий день (19 августа) происходил смотр войск на Девичьем поле, а в понедельник великий князь приказал “всем людям сниматися”. С этим полностью согласуются известие “Пространной летописной повести” о выходе ополчения из этого города 20 августа, а также рассказ Распространенной редакции “Сказания” о том, что новгородцы, посланные в помощь Дмитрию, не застали уже его в Москве, а их вестники, направившиеся вслед за ушедшем Дмитрием, догнали того в Коломне только в воскресенье перед заутреней<sup>44</sup>. Датировка же самой битвы пятницей и воскресеньем показывает, что об исходе сражения рязанский князь узнал только 14–16 сентября.

Выяснение действительной хронологии похода Дмитрия на Дон подводит черту под сомнениями в реальности событий, описанных в “Сказании” и не попавших в ранние источники. Важным представляется вывод о том, что при его составлении широко использовались материалы, основанные на донесениях рязанской разведки. Позднейшие редакторы не поняли того, что в них указывались даты получения информации и, не проверив по календарю, напрямую соотнесли их с описываемыми в них событиями. Рязанское происхождение этих материалов доказывает и то, что различные редакции “Сказания” возникают именно на рубеже XV–XVI вв. и тесно связаны с Никоновской летописью, созданной в 1526–1530 гг<sup>45</sup>. Составители первого общерусского летописного свода, столкнувшись с весьма отрывочным описанием похода 1380 г. в московских летописях, не могли не заинтересоваться более полными рязанскими материалами, которые стали доступны им только после того, как Рязань на рубеже XV–XVI вв. потеряла свою независимость – сначала де-факто, а затем и де-юре.

Определив дату свидания Дмитрия Донского с Сергием Радонежским в Троицком монастыре – 12 августа 1380 г., – мы снимаем имеющиеся сомнения в том, что эта поездка состоялась именно накануне Куликовской битвы. Снимаются все вопросы – как мог великий князь “бросить” собравшееся войско на произвол судьбы и отправиться в Троицу в тот момент, когда надо было выступать против Мамаю. Решается и “проблема” одновременного присутствия Дмитрия сразу в двух местах – великий князь после визита имел достаточно времени, чтобы доехать до Москвы и выступить из нее 16 августа. Свидание Дмитрия с Сергием волей случая происходило ровно через два года после битвы на Воже, и вполне понятно, что великий старец, увидев в этом Божественное провидение, основывает после Куликовской битвы новый монастырь не в честь самого сражения, пришедшегося на праздник Рождества Богородицы, а отмечает ее Успение, в канун которого произошла столь судьбоносная встреча.

Таким образом, выяснение, казалось бы, частного вопроса – в какой день произошла Куликовская битва – позволяет по-иному взглянуть на целый ряд проблем, остававшихся до сих пор спорными.

- <sup>1</sup> См.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- <sup>2</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. V. С. 241–243. Прим. 65.
- <sup>3</sup> Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. II (Т. 3–4). С. 617.
- <sup>4</sup> Рудаков В.Н. “Духъ южны” и “осьмый час” в “Сказании о Мамаевом побоище” // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 135–157.
- <sup>5</sup> Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 382–384.
- <sup>6</sup> Симонов Р.А. “Ведовские” мотивы “Сказания о Мамаевом побоище” в свете исторической психологии // История городов Московского края: Тезисы докладов II региональной конференции по истории Московской области, посвященной 70-летию Московского педагогического университета. М., 2000. С. 11–14.
- <sup>7</sup> Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 29.
- <sup>8</sup> Шапов Я.Н. Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 157–183; Латышев И.Н., Смирлова А.К., Симонов Р.А. Анализ астрономических данных псковского календаря XIV в. // Там же. С. 184–187.
- <sup>9</sup> Сказания и повести о Куликовской битве. С. 11, 14.

- <sup>10</sup> Там же. С. 18, 20.
- <sup>11</sup> Там же. С. 31, 34, 41, 57, 58, 81–83, 85, 89, 96.
- <sup>12</sup> Там же. С. 108, 109, 112, 119.
- <sup>13</sup> Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 605.
- <sup>14</sup> Сказания и повести о Куликовской битве. С. 30–31, 56–57, 82–83, 108–109.
- <sup>15</sup> Татищев В.Н. История российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 142–143.
- <sup>16</sup> Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. II. Т. 5. СПб., 1842. Стб. 36.
- <sup>17</sup> Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. II (т. 3–4). С. 275–276.
- <sup>18</sup> Ключевский В.О. Благодатный воспитатель русского народного духа // Возбранный России воевода. М., 1994. С. 65.
- <sup>19</sup> Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1912. Кн. 1. С. 180.
- <sup>20</sup> Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 73.
- <sup>21</sup> Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 346–347.
- <sup>22</sup> Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 606.
- <sup>23</sup> Сказания и повести о Куликовской битве. С. 19.
- <sup>24</sup> Там же. С. 18.
- <sup>25</sup> Егоров В.Л. Пересвет и Ослябя // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 177–183.
- <sup>26</sup> Изложение этого эпизода в Житии Сергия см.: Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. I: Житие Сергия Радонежского. С. 369–370.
- <sup>27</sup> Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XV. Вып. 1. Стб. 137–138. (Далее: ПСРЛ.)
- <sup>28</sup> Кучкин В.А. О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37. С. 100–116; Он же. Свидание перед походом на Дон или на Вожу? // Наука и религия. 1987. № 7. С. 50–53.
- <sup>29</sup> Кучкин В.А. Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 87.
- <sup>30</sup> ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 44–45, 144–145.
- <sup>31</sup> Толстой М.В. Несколько слов об Успенском Дубенском монастыре // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн. 1. Раздел 1. С. 45–50. На рубеже 1990-х годов С.З. Чернов провел раскопки на месте этой обители (Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 123–182).
- <sup>32</sup> Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 122–127.
- <sup>33</sup> Борисов Н.С. И свеча бы не угасла... М., 1990. С. 224–230.
- <sup>34</sup> Кучкин В.А. Сергий Радонежский. С. 86–87.

- 35 Бурланков Н.Д. Куликовская битва или битва на Воже? // Российский исторический журнал (Балашов). 1998. № 4. С. 41–48.
- 36 Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Т. 1. М., 1995. С. 245–282.
- 37 Сказания и повести о Куликовской битве. С. 34.
- 38 Там же. С. 57.
- 39 Там же. С. 59.
- 40 Там же. С. 35. Курсив наш. – К.А.
- 41 Там же. С. 109.
- 42 Там же. С. 31, 83.
- 43 Там же. С. 34, 57, 85.
- 44 Там же. С. 88.
- 45 О времени создания Никоновской летописи см.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 49–51.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.А. Кучкин. У меня ряд вопросов. Какой самый ранний документ, который упоминает Шавыкинский Успенский Дубенский монастырь? Сколько времени должно было пройти между пострижением в монашество и принятием схимы? Как объяснить, что Ослябя после Куликовской битвы возглавлял посольство московского великого князя в Константинополе, будучи, по вашему, монахом? Знаете ли Вы другие посольства, которые посылались от московского князя в другие государства, возглавляемые монахами?

Н.М. Рогожин. Не могли бы Вы конкретно ответить на вопрос: когда все-таки произошла Куликовская битва.

К.А. Аверьянов. Я вначале сказал, что Куликовская битва состоялась 8 сентября. Дело в том, что в разных списках “Сказания” упоминаются в качестве дня сражения суббота, пятница и воскресенье, но в реальности днем битвы являлась суббота. Тот факт, что в них встречаются также пятница и воскресенье, означает очень простую вещь – в лагере у Олега Рязанского узнали о Куликовской битве лишь 13 или 14 сентября, т.е. спустя несколько дней.

Ю.А. Тихонов. Вы предположили, что Олег Рязанский вызвал бояр и упрекал их в том, что они просмотрели переправу Дмитрия через Оку именно 1 сентября.

К.А. Аверьянов. Или в день, близкий к этой дате.

Ю.А.Тихонов. Но если он вызвал их не 1 сентября, а 31 августа, то это значит, что передвигается и день свидания Дмитрия Донского с Сергием Радонежским.

К.А. Аверьянов. Дело тут в методике подсчетов.

В.А. Кучкин. Пожалуйста, назовите документ, где впервые упоминается Шавыкинский монастырь.

К.А. Аверьянов. Я не готов ответить на этот вопрос, поскольку он не касается основной темы доклада. На Ваш вопрос, сколько времени могло пройти между принятием монашества и пострижением в схиму, отвечу: ряд лет или несколько дней. Например, перед смертью люди, согласно обычаю, постригались, в том числе и в схиму.

Я могу привести рассуждения некоторых историков о том, что Сергий, когда постриг двух иноков в схиму, понимал, что шансов возвратиться обратно живыми у них чрезвычайно мало.

Что касается посольства в Константинополь, которое возглавлял Ослябя, приведу самый яркий факт из того же XIV в.: митрополит Пимен, будучи духовным лицом, фактически возглавлял посольство к патриарху.

В.А. Кучкин. Доклад, который мы заслушали, называется “Когда произошла Куликовская битва”, но в нем говорилось совершенно о других вещах. Докладчик использует поздние сочинения о Куликовской битве, например, “Сказание о Мамаевом побоище”. Никаких ранних памятников он не разбирает, оставляет многие свидетельства в стороне. В “Житии Сергия Радонежского”, а это произведение XV столетия, с Куликовской битвой было связано одно сведение, но в определенной редакции. В более ранних редакциях оно дается безотносительно этой битвы. “Сказание о Мамаевом побоище” сохранилось в 150 списках. Там есть три основные редакции, и естественно, Вы должны очень четко уяснить, какие списки представлены и в какой редакции, какой это извод и т.д.

Ю.А.Тихонов. Это вопрос специальный, он требует не только подготовки, но и определенных знаний.

Мне представляется, что доклад интересен в исследовательском плане. Конечно, трудно не согласиться с В.А. Кучкиным, что нужно исходить из источников. Но источники дают различные даты, различные имена и т.д. Как здесь быть? Все равно исследователю придется делать выбор, основываясь на симпатии или антипатии к данному источнику.

Сопоставление необходимо. Но для окончательного вывода этого мало. У каждого исследователя остается поле для своего понимания. Поэтому нужно осторожно говорить “да” или “нет”.

К.А. Аверьянов. Я хочу еще раз поблагодарить участников обсуждения моего доклада и уточнить, что нам следует более внимательно изучать такой вид источников, как позднее летописание. Именно там при очень скудной источниковой базе периода XIV и более ранних веков мы можем найти необходимые крупницы информации, которые помогут воссоздать картину того далекого прошлого.



## ПАТРИАРХ В ИМПЕРИИ И ЦЕРКВИ\*

В служении Патриарха отчетливо выделяются две стороны, различные и по историческому происхождению. Во-первых, Патриарх является епископом, и в этом смысле его сан и функции полностью определяются литургическими и каноническими нормами. Но, во-вторых, Патриарх – Глава Церкви не только в литургическом, но и в административном, а значит, и в церковно-государственном смысле. Более того, если *епископ* и *архиепископ* – понятия отчетливо и исключительно *церковные* и в церковно-правовом пространстве вполне и исключительно *канонические*, то уже *митрополит* и тем паче *Патриарх* – понятия и не исключительно церковные, и соответственно, как ни парадоксально это прозвучит, *не вполне канонические*. В православной парадигме, как нам приходилось уже говорить, Церковь всегда – *Церковь в Империи*<sup>1</sup>. Тем самым, Глава Церкви есть лицо, определяемое *и своим положением в Империи*, в понятие *Патриарх* необходимо входит *и государственное начало*. Не говорим: “только положением в Империи”, но (причем всегда) “*и положением в Империи*”. Не говорим: Патриарх – должность (и номенклатура) государственная, но всегда *и государственная*. Выяснению сказанного и посвящен настоящий доклад.

### ПАТРИАРХ КАК ЕПИСКОП (УЧЕНИЕ О ЕПИСКОПСКОМ САНЕ)

*Епископ*, как и *Патриарх*, – термины библейские, унаследованные Церковью из греческого текста Священного Писания. Господь через пророка Исайю говорит избранному народу: “И поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими – правду” (Ис. 60, 17). В греческом тексте перевода LXX при этом читается: “поставлю архонтов (дословно “начальников”) в мире и Епископов (τους Ἐπίσκοπους) в правде”. И апостол Петр, говоря о необходимости восполнить Двоенадесятицу святых апостолов

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 3 января 2002 г.

после предательства Иуды, цитирует Псалтирь: “и достоинство его (в греческом оригинале “епископство его”) да примет другой” (Пс. 108, 8 = Деян. 1, 20). Еще более выразительно – и поучительно для дальнейших наших размышлений – применение апостолом Петром термина “Епископ” к Самому Пастыреначальнику Иисусу Христу. Апостол называет Его в своем Первом послании: “Пастырь и Блюститель (в греческом: Επισκοπος) душ наших” (1Пет. 2, 25). А “час Епископии” – это в эсхатологических контекстах Евангелия и посланий “время посещения Божия” (Лк. 19, 44; 1Пет. 2, 12).

Русский синодальный перевод не использует в данных контекстах терминов *епископ*, *епископство*, потому что они имели для читателя XIX в. (и имеют для современного) вполне определенное церковно-каноническое содержание. В новозаветных писаниях термин *епископ* употреблялся в менее связанных значениях, в частности без четкого отличия от термина *пресвитер*. Во всяком случае в тех немногих (пяти) ситуациях, когда то и другое слово встречаются в речах и посланиях апостола Павла, они используются как синонимы для обозначения одного и того же церковного служения.

Так, в Книге деяний рассказывается о том, как Павел проездом в Милете, на пути в Иерусалим, созвал пресвитеров ефесских (Деян. 20, 17) и, обращаясь к ним, сказал: “Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями” – в греческом тексте “епископами” (Деян. 20, 28). Переводчик опять не решился передать греческое *επισκοπος* русским *епископ* – конечно, во избежание недоразумения (созвал *пресвитеров*, а называет их *епископами*), контаминации терминов. Аналогично, когда апостол обращается к Филиппийской Церкви, с ее “Епископами и диаконами”, или когда говорит своему ученику Титу о поставлении по городам *пресвитеров*, достойных своего звания, “ибо *Епископ* должен быть непорочен как Божий домостроитель” (Тит. 1, 5–9), мы понимаем, что епископская и пресвитерская степени еще не выделились ясно в лестнице церковных служений, и само слово *Епископ* употребляется, скорее, в общем этимологическом смысле как “наблюдатель, блюститель, защитник”. Это подтверждается новозаветным использованием глагола “επισκοπεῖν” (наблюдать): “пасите Божие стадо, *надзирая* за ним” (1Пет. 5,2), “*наблюдайте*, чтобы кто не лишился благодати Божией” (Евр. 12, 15). В том и другом случае на месте слов, выделенных нами курсивом, употреблен греческий глагол, однокоренной со словом *епископ*.

Из приведенных, самых кратких по необходимости, размышлений над текстами Нового Завета следует вывод о неоднозначности содержания, которое связывалось в них с понятием *епископ*. Это слово могло иметь и обыденный прямой смысл – наблюдатель, надзиратель, и церковно-терминологизированный, но еще не дифференцированно отражающий степени священства и учительства в христианской общине. Оно могло, наконец, связываться и с самым высоким богословским значением: так называет Петр в одном случае апостолов, в другом – Самого Спасителя.

Последнюю, мистическую сторону архиерейского звания и служения раскрывает Дионисий Ареопагит в трактате “О небесной иерархии”<sup>2</sup>. В иерархии земной Церкви отражается, согласно его учению, иерархия небесная. “Святейшая наша иерархия, – писал он, – образована по подобию премирных небесных чинов... Цель иерархии – возможное уподобление Богу и соединение с Ним. Имея Бога наставником во всяком священном ведении и постоянно взирая на Божественную Его красоту, она, по возможности, запечатлевает в себе Его образ и своих причастников делает Божественными подобиями. Итак, кто говорит об иерархии, тот указывает на некоторое священное учреждение – образ Божественной Красоты, учреждение, существующее между чинами и званиями иерархическими для совершения таинств своего просвещения и для возможного уподобления своему началу”<sup>3</sup>.

Однако подобное таинственно-мистериальное значение епископское звание в ранних христианских общинах обрело далеко не сразу. Старшие памятники, такие, как “Дидахи” (“Учение двенадцати апостолов”), вслед за новозаветными писаниями, еще смутно отличают чин *епископский* от *пресвитерского*, а тот и другой – от древних харизматических: *апостольского*, *пророческого* и *учительского*. Так, в “Дидахи” говорится: “Что касается апостолов и пророков, согласно правилу Евангелия, поступайте так: всякий приходящий к вам апостол да будет принят как сам Господь. И всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не расследывайте; ибо всякий грех простится, а этот грех не простится”<sup>4</sup>. И в главе XIII сказано: “Всякий же истинный пророк, желающий поселиться у вас, достоин пропитания своего; точно так же и истинный учитель, как работник, достоин пропитания своего”<sup>5</sup>. В то же время “Учение” свидетельствует уже о том, что древние харизматические призвания восполняются и вытесняются постепенно иерархическими степенями, сохранившись до наших дней. “Поставляйте себе также епископов и диаконов, достойных Господа, мужей кротких и несребролюбивых, и правдивых, и испытанных, ибо и они исполняют для вас служение

пророков и учителей... ибо они должны быть почитаемы вместе с пророками и учителями”<sup>6</sup>.

Наиболее ранними свидетельствами о формировании трех современных степеней священства и собственно епископской власти в Церкви являются тексты святых Климента, папы Римского, и Игнатия Богоносца. Первый из них писал: “Апостолы были посланы проповедать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос – от Бога. Итак, приняв повеление, *апостолы...* проповедуя по разным странам и городам, первенцев из верующих, по духовным испытаниям, поставляли в *епископы* и *диаконы*” (1 Клим. 42)<sup>7</sup>. И Игнатий Богоносец в Послании Смирнянам наставляет: “Все последуйте Епископу, как Иисус Христос – Отцу, и пресвитерству – как апостолам. Без Епископа никто не делает ничего, относящегося до Церкви. Только та евхаристия должна почитаться истинной, которая совершается Епископом, или тем, кому он сам предоставит это. Где будет Епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и кафолическая Церковь” (Смирн., 8)<sup>8</sup>.

Очевидно, Игнатий и Климент знают уже в Церкви степени епископа, пресвитера и диакона, хотя и не вполне, может быть, устоявшиеся. Во всяком случае, со II в. право священнодействия достоверно принадлежит одним Епископам (и пресвитерам, как их заместителям). С III в. Епископу в Церкви стала принадлежать также и административная или, как в старину говорили, “правительственная” власть.

Подлинным “гимном” епископскому сану стали творения священномученика Киприана († 258), возглавлявшего Карфагенскую Церковь в период Валериановых гонений. В письме 33-м Киприан пишет: «Господь наш, чьи заповеди мы должны с трепетом соблюдать, определяя честь епископского сана и устроая Церковь, говорит в Евангелии, обращаясь к Петру: “И я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах” (Мф. 16, 18–19). С тех пор Епископы поставляются в непрерывной преемственности, и Церковь устроена так, что она стоит на Епископах и вся жизнь ее управляется этими Предстоятелями»<sup>9</sup>.

Самые важные положения содержат письма 59-е и 66-е. В первом из них Святитель говорит о “высоком, от Бога данном, праве управлять Церковью”. “Почему возникают ереси и рождаются расколы? – пишет он. – Потому что не повинуются Епископу Божью и не понимают, что в Церкви может быть одновремен-

но только один Епископ и один судья, занимающий на свой срок место Христа”<sup>10</sup>. Киприан указывает точные признаки правомочного епископства, в отличие от лжеиерархий, поставляемых для себя общинами, отделившимися от церковного единства. “Никто после указания Господня, после народного одобрения, после согласия всех епископов и не подумает сделаться судьей не епископов уже, а Самого Бога”<sup>11</sup>. Т.е. в первую очередь речь идет о Божественном призвании (“Не вы Меня избрали, но Я вас избрал”), затем о “народном одобрении” (“рецепции”, как говорили старинные канонисты) и, наконец, о “согласии всех епископов” (о единомыслии иерархии)<sup>12</sup>.

В епистолии 66-й вновь подчеркивается богоизбранность епископов (“Бог, судящий и ставящий Епископов”), причем противление епископской власти приравнивается к богоборчеству. Восставать на Епископа, по формуле Киприана, значит “восставать на Христа и Его Евангелие”<sup>13</sup>. Епископы “наследуют апостолам, как их заместители”. Епископ – “единственный глава Церкви”. “У братьев – Епископ, у народа – начальник, у стада – Пастырь, у Церкви – кормчий, у Христа – предстоятель, у Бога – священник”<sup>14</sup>. В VIII главе того же письма сформулированы наиболее известные, скажу даже, дерзновенные утверждения о высоте епископского служения. По учению Святителя Киприана, не только для верующих, но и для Самого Христа “Церковь – это народ, объединившийся вокруг своего Епископа”<sup>15</sup>. Соответственно, “кто не верит в Христа, назначающего Епископа, уверует в Него, отмщающего за Епископа”. “Епископ в Церкви, а Церковь в Епископе, – не устает напоминать великий богослов, – и кто не с Епископом, тот не в Церкви”. Именно иерархия обеспечивает единство Православной Церкви, так что “она не может быть ни разорвана, ни разделена; Епископы, крепко между собой связанные, представляют как бы клей, ее скрепляющий”<sup>16</sup>.

Высота архиерейского служения подчеркивалась в древней Церкви еще и тем, что, начиная с достаточно раннего времени, посвящение в епископский сан сопряжено было с принятием монашества, так как Епископу, по святоотеческому учению, всегда нужно быть *свободным* – свободным для Бога. С того времени как в пустынях Египта и Палестины зародилось и окрепло монашество, эти два служения в Церкви – архиерейское и иноческое развиваются параллельно, равно выражая собой дух Евангелия. Уже в IV столетии все столпы Православной Церкви – одновременно Епископы и монахи: Афанасий Великий в Александрии, Василий Великий в Каппадокии, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст в Константинополе, Епифаний на Кипре – все вышли

из среды монашества. Поучительно что каноны при этом не содержат прямых указаний о принятии иночества лицом, избранным на епископское служение. По меткому выражению епископа Иоанна Смоленского, почитаемого “отцом русской церковно-канонической науки”, “Церковь, не требуя архиерейства исключительно для монашества, требует монашества для архиерейства”<sup>17</sup>. Или, в более парадоксальной формулировке, “архиереем может быть и не монах, но архиерей должен быть монахом”<sup>18</sup>. Даже если кандидат и прежде архиерейства вел строго подвижническую жизнь, как, например, святой Никифор Исповедник, бывший тайный советник императора (оставивший службу и удалившийся в пустыню, выстроивший особый монастырь и затворившийся в нем, но не принявший иноческих обетов), он непременно должен был получить пострижение перед посвящением в епископский сан. На Константинопольском соборе 879 г. восточные Епископы объясняли римским легатам, что “на Востоке кто не пострижен во Христе, не может быть ни архиереем, ни патриархом”<sup>19</sup>.

Подчеркну: когда речь идет о соединении архиерейства с монашеством, имеется в виду собственно не *священство* Епископа, не духовный сан, связанный с хиротонией, но его личная жизнь и пастырская деятельность. Именно требование личностной чистоты и высоты привело к предпочтению, постепенно все более строгому, до степени “неписаного канона”, монахов на епископских кафедрах. Но какова богословская идея, стоящая за столь пререкаемым в протестантских и модернистских (= обновленческих) сочинениях XIX–XX вв. монашеством Епископов? Очевидно, мысль лежит здесь гораздо глубже, чем обычные требования *бытового* соответствия сану.

Церковь называется в Священном Писании “Невестой Христовой”, и союз Христа и Его Церкви апостол изображает в образе супружеского союза (Еф. 1, 5). Потому и Епископ, образ и заместитель Христа, *обручен* со своей Церковью. Так говорит о себе апостол Павел в отношении к Церкви Коринфской (2 Кор. 11, 2). Подобный союз может быть только *единственным* и *исключительным* – как для Епископа в отношении к Церкви, так и для Церкви в отношении к Епископу. Церковь (или кафедра), остающаяся без Епископа, называется по-церковному *вдовствующей*, а занятие Епископом двух кафедр, даже если одной после другой, считалось в древней Церкви “двоебрачием” и даже “прелюбодеянием”. Так трактует вопрос 14-е Апостольское правило, так понимал его известный толкователь канонов Симеон Солунский.

Для осуществления столь высокого идеала недостаточно одной только умственной, книжной образованности, недостаточно также и одной “попослушной веры”, необходимой рядовому верующему. Христианство, как хорошо известно, не просто система определенных догматов и не отвлеченная теория, а наука жизни и наука святости по преимуществу. Чтобы понять христианство и Евангелие, нужно принять их; чтобы прозреть сокровенный смысл догматов, нужно созреть духовно. Христианскую науку будущий Епископ и проходит опытно в школе иночества. Лишь после этого может он не только называться, но и подлинно быть “учителем Церкви”, может принять на себя право и обязанность “вязать и решить” вопросы веры и церковной жизни (37-е Апостольское правило; 2-е и 6-е правила VII Вселенского собора).

### “ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ”

После сказанного о праве и долге Епископа трудно и представить себе, какая нечеловеческая ответственность, по церковному пониманию, лежит на Патриархе – “отце отцов”, “Епископе над Епископами”.

По терминологии все не так сложно и, на первый взгляд, до прозрачности ясно. Если *архиерей* в буквальном смысле есть *начальник иереев*, то *Архиепископом* должен, очевидно, называться *Начальник Епископов*. Еще выше титул митрополита, хотя он не имеет в Православной Церкви столь же простого и точного канонического значения. Исторически *Митрополит* – *Епископ главного города*, поскольку главный город области назывался по-гречески *μητροπολις* (мать-город). Если он был при этом также и начальником других Епископов области, то делался *Архиепископом*. Таких *Архиепископов* мы видим в древности на кафедрах Иерусалимской, Мирликийской, Фессалоникийской и др. Когда затем, с течением времени, образовались Патриархаты, то *Архиепископами* в собственном смысле слова стали одни Патриархи. Относительно своего епархиального города, в котором находится их престол, они и теперь считаются *архиепископами*<sup>20</sup>.

Церковь давно живет в условиях, когда ни главные города не называются “митрополиями”, ни митрополичьи кафедры не ведают реально никакими подчиненными епископиями. Оба названия: *Митрополит* и *Архиепископ* – остались в Православной Церкви лишь в качестве почетных, наградных титулов.

Другое дело – Патриархи. Значения и пределов их служения и церковной власти невозможно понять без обращения к истории.

...Апостольское правило 34-е требует: “Епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его яко главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения. Но и первый ничего не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие и прославится Бог о Господе во Святом Духе – Отец и Сын и Святы́й Дух”<sup>21</sup>. Здесь указаны два высших начала жизни Поместной церкви: Собор и Первоиерарх. Не всегда и не везде “первый из Епископов” именовался Патриархом, известны Автокефальные Церкви, и ныне возглавляемые Митрополитом или Архиепископом. Но апостольская норма единоличного первосвятительского возглавления действует повсюду и неотменно.

Само слово *патриарх*, означающее в переводе с греческого “начальник отцов”, “родоначальник”, встречается в Писании крайне редко – трижды в Деяниях и один раз у апостола Павла, который употребил его в Послании к Евреям в применении к праотцу Аврааму (Евр. 7, 4). В истории ранней Церкви именование Патриарха могло прилагаться в качестве почетного к любому из наиболее авторитетных и почитаемых Епископов – Предстоятелей Поместных Церквей. Лишь постепенно титул стал выражать конкретную каноническую норму: Патриарх в главнейших из церковных центров был поставлен в такое же положение к Митрополитам, как Митрополиты в своих церковных округах – к Епископам. И подобно тому, как апостольское управление в Церкви было изначально соборным, а не единоличным (первохристианская община управлялась Собором Двенадцати Апостолов), так и каноническое устройство Полноты Православия определилось как соборное: Собор Автокефальных Сестер-Церквей, возглавляемых каждая своим Патриархом.

Церковные соборы, вообще формирование соборного строя в жизни и управлении Церкви способствовали тому, что среди Епископов произошло выделение “первых среди равных” – тех, кто, занимая кафедры наиболее важных государственно-административных центров, могли брать на себя созыв и организацию Поместных или Архиерейских соборов, по естественному праву председательствовать на них и утверждать их решения. Не по личному произволу, не по властолюбию, а только и исключительно от имени церковного народа – “всей общины” округа или провинции, представленной прежде всего “общиной большого города”. Таким парадоксальным, быть может, образом высшая власть в Церкви, предоставленная “Епископу над Епископами”, источник своего происхождения имеет *во власти церковного народа*. Эта основолежущая идея живет и сохраняется в Православ-



ной Церкви доньше. В знаменитом “Окружном послании Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам” (1848) так и было сказано: “У нас ни Патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т.е. сам народ”<sup>22</sup>.

## ЭКЗАРХ ИМПЕРАТОРА

Вселенские соборы, в отличие от Поместных, не имели и не могли иметь за собой подобной “большой общины”. Будучи буквально “вселенскими”, “ойкуменическими”, т.е. соборами всей Христианской Империи, они не могли быть созваны ни одним из самых даже почитаемых иерархов местных Церквей, ни один иерарх не был полномочен утвердить и тем самым узаконить их решения от имени “всего тела Церкви”. Так получилось, что, начиная с первого и наиболее авторитетного Вселенского собора в Никее (325 г.), высшая церковно-административная власть могла быть признана только за самим Императором – в данном случае, за равноапостольным Константином. Он созывал Собор, он председательствовал на нем, он узаконил его определения и правила. Именно в этом смысле на торжествах по случаю завершения заседаний Собора святой Константин назвал себя “Епископом внешних дел”<sup>23</sup>. Разумеется, Император не собирался присваивать сакраментальной, тайносовершительной и внутренней власти в Церкви. Он, скорее, имел в виду исконное, этимологическое значение слова Епископ – “назиратель”. Смысл его высказывания можно передать так. «Вот, вы поставлены от Бога Епископами в Церкви, а я поставлен Богом “Епископом” над вами – блюсти и назирать, охранять и направлять вашу священную деятельность от имени церковного народа и государства».

Православная Церковь, выведенная Константином Великим из катакомб, оказалась перед необходимостью строить свою деятельность внутри стройно продуманной, организованной и структурированной империи Диоклетиана. И она (епископы вполне солидаризировались в этом с первым христианским императором) сознательно и последовательно принимает административные формы, соответствующие светскому государственному устройству, в том числе территориально-административному делению империи, с ее округами, провинциями, диоцезами.

В мистическом плане Церковь не имеет на земле “своего града”, в каждом месте – в царстве, в городе, в селении – христианин

лишь *прихожанин*, т.е., по первоначальному смыслу, “пришелец”, “странник”. Почему же Епископу со своим *приходом* (а Епископ в апостольское и последующее, доконстантиновское время именно возглавляет приход)<sup>24</sup> не обрести временного земного пристанища в соответствии с гражданским территориальным делением? Именно так и происходит в империи Константина: возвращенные из гонений “странники” обретают мир и утверждение в соответствующих ячейках имперского, добротного организованного социума.

Структура управления Империей времен первых Вселенских Соборов была представлена в высшем эшелоне власти двумя “помощниками Императора”: “префектом претории” и “префектом Рима”. Очевидно, подобно тому как были у императора помощники в области светского и военного управления, должен был появиться помощник и в области управления духовного. Образу говоря, Православная Империя была чревата Патриархатом. Патриарх и становится со временем “духовным помощником”, экзархом или викарием Православного Императора<sup>25</sup>.

Так, с самого начала в формирование титула и сана Патриарха привходит начало внешнее, государственное. Не удивительно, что ранее других оформилась в качестве Патриархата Церковь Нового Рима – Константинополя.

После того как Константин перенес столицу Империи в древний Византий, ставший Константинополем, а его наследники приравнивали постепенно Новый Рим к Риму Ветхому во всех государственно-правовых отношениях, естественно было ожидать, что равенство это будет рано или поздно распространено и на область церковную. “В лучах и ауре священной власти василевса быстро вырос и стал как бы неразлучным с ней двойником и авторитет столичного Патриарха”<sup>26</sup>. Время между Первым и Вторым Вселенскими Соборами стало периодом становления патриаршей власти и патриарших пределов в Церкви. II Вселенский Собор (381) своим третьим правилом провозгласил: “Константинопольский Епископ да имеет преимущество чести по Римском Епископе, потому что град оный есть Новый Рим”<sup>27</sup>.

Более подробно “столичный”, если можно так выразиться, или *имперский* смысл и статус Патриаршества выясняется 28-м правилом IV Вселенского (Халкидонского) Собора (451). “Престолу ветхого Рима отцы прилично дали преиущества, поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбезнейших Епископов (участников II Вселенского Собора) предоставили равные преиущества святейшему престолу Нового Рима, праведно рассудив, да град, получивший честь бы-

ти градом Царя и синклита и имеющих равные преимущества с ветхим Царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому и будет второй по нем”<sup>28</sup>.

Принцип взаимного отражения церковных и государственных структур, восторжествовавший в Православной Империи, пришел в противоречие с прежним принципом преимущественного возвышения “апостольских” по происхождению древних кафедр. Для западных областей ситуация в этом смысле была проще: там, кроме Рима, не было кафедр, возводящих свое достоинство к апостолам. На Востоке картина выглядела сложнее и разнообразнее. Здесь признавались апостольскими архиепископские престолы Александрии, Антиохии; в меньшей степени – Иерусалима, Ефеса, Солуни и еще ряда городов. Возвышение Константинополя в качестве первого на Востоке (и второго после Рима) патриаршего центра вызвало хорошо известные церковным историкам разногласия и конфликты, завершившиеся ко времени IV Вселенского Собора (451) установлением Пентархии – системы пяти Патриарших престолов: Римского, Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского<sup>29</sup>. Все пять престолов признаются апостольскими<sup>30</sup>.

...Может быть, ярче и нагляднее богословие, стоящее за сном Епископа и Патриарха, раскрывается в литургическом наследии Церкви, в ее богослужебной практике. Церковный обряд, даже внешний вид святительских риз и порядок облачения в них глубоко и точно отражают самую суть епископского и патриаршего призвания.

## ЦАРСТВЕННЫЕ РИЗЫ (СИМВОЛИКА ПАТРИАРШИХ ОБЛАЧЕНИЙ)

“Империя и Пустыня” – так обозначил один из лучших церковных историков XX в. протоиерей Георгий Флоровский главное движущее противоречие церковной жизни в Византии<sup>31</sup>. В пустыне в буквальном смысле, в великих обителях Палестины и Египта, рождался богослужебный устав – плод богомыслия и молитвы иноков-подвижников. Но, перенесенный в Константинополь, к императорскому престолу, церковный обряд невольно должен был отразить на себе отблеск придворного великолепия, что приводило, в свою очередь, к новому богословскому осмыслению. Как писал профессор Московской духовной академии А.П. Голубцов, “достаточно вспомнить о саккосе, митре, разноцветных таблицах или *скрижалях* на епископских и архимандричьих мантиях, об *источниках* или иноцветных полосах на сти-

харях, о предносных архиерейских лампадах и орлецах, чтобы перестать сомневаться насчет заимствования некоторых частей церковного облачения из царского византийского костюма”<sup>32</sup>.

Это совершенно понятно в связи со сказанным выше относительно самого происхождения патриаршего сана, его непосредственной первоначальной близости к деятельности императоров. Характер развития богослужебных облачений в византийский период представляется известными нашими историками-литуристами (А.А. Дмитриевским, К.Т. Никольским, Н.Н. Пальмовым) примерно в следующем виде. В основе почти каждой инновации лежал почин императора. Та или иная деталь царственных парадных одеяний жаловалась сначала в знак признания достоинств и заслуг, т.е. в качестве награды, лично тому или другому из иерархов. Так, документальная история архиерейской митры начинается с того, что император Василий II Болгаробойца пожаловал Иерусалимскому Патриарху Феофилу право “украшаться в церкви (т.е. при богослужении) диадемою”. Это было, разъясняет А.А. Дмитриевский, знаком личного благоволения, “наподобие того, как другие императоры жаловали патриархам со своего царского плеча саккос, поручи, большой омофор или кундуры (башмаки с вышитыми на них золотом византийскими орлами)”<sup>33</sup>.

Иными словами, многие характерные принадлежности патриаршего и вообще епископского сана в Церкви, считающиеся ныне для него исконными, носили первоначально характер *награды* и личного *пожалованья*. Интересно, что образно-поэтическое значение слова (*наградить* – значит, “нагородить”, “собрать одно на другое”) совпадает с первичным значением тюркского по происхождению, как считают лингвисты, слова *сан* (“большое число”, “куча”; “вершина”, “слава”). В древнерусском словоупотреблении слово “сан” встречается в том числе и в смысле “совокупности церковных облачений”. В уставе читается, например, указание служить пасхальную заутреню “во всем светлейшем сане”. Церковные награды, образно говоря, и представляют собой как бы “дополнения”, “прибавки” к данному сану, приближающие его носителя к следующей, иерархически старшей степени. Для Патриарха, парадоксальным образом, этой “старшей степени”, к которой приближали его новые литургические одежды, был сан... императорский.

По церковному уставу в облачение священнослужителей высшего чина всегда входит облачение низших. Порядок облачения таков: сначала одевают одежды, присвоенные низшему чину. Так, диакон надевает сначала *стихарь*, общий для него с иподиаконами, иерей облачается в диаконские одежды, потом в собст-

венно иерейские, епископ сперва в одежды диакона, затем иерея и наконец в принадлежащие ему как епископу<sup>34</sup>.

К богослужебным одеждам иерея (священника или пресвитера) относятся *епитрахиль*, *пояс* и *фелонь* (верхняя риза). *Поручи*, как самостоятельная часть в облачении священнослужителей, пришли из византийского императорского убора, где составляли первоначально необходимое дополнение царского далматика. Выглядывавшие из-под коротких рукавов далматика стихарь или туника и были призваны закрывать поручи, или *нарукавники* (επιραμνία).

Полученные сначала в качестве *наград*, императорского пожалования лишь придворными архиереями, они распространились с XII–XIII вв. на священников (первоначально тоже не на всех), а к концу XIV в. стали их обязательной богослужебной принадлежностью. Сегодня в русской богослужебной практике поручи являются необходимой принадлежностью как дьяконских, так и иерейских и архиерейских одежд<sup>35</sup>.

Главным же богослужебным признаком архиерея является *омофор* – *наплечник*, или по-старославянски *нарамник* (греч. ωμοφοριον от ωμος – плечо и φερω – несу). Первый епископский омофор был по преданию соткан собственноручно Девой Марией для праведного Лазаря, когда она посетила его на Кипре, где он тридцать лет святительствовавал после того, как его воскресил Господь, “в граде Китейском” (ныне Ларнака).

Омофор, по свидетельству святого Исидора Пелусиота (436), всегда делался “из волны (шерсти), а не из льна, поскольку символизирует спасенную заблудшую овцу”. Но происхождение общепринятой сегодня формы так называемого широкого епископского омофора историки объясняют следующим образом. “Главное отличие должностного лица в древнем Риме был *лор* – широкая пурпурная кайма по тунике сенаторов и консулов. Затем, еще в доимператорское время, она отделилась – стала консульской широкой повязкой вокруг шеи, спадавшей на грудь. Когда от консулов лор перешел к императорам, его стали украшать драгоценными камнями и жемчугом. Этот-то лор, украшенный только крестами и бахромой, и стал знаком епископского достоинства, заменив простой древнейший омофор”<sup>36</sup>.

В истории омофора мы снова встречаемся с фактом первоначального *дарственного* или *наградного* характера важнейшего церковного отличия. Подобно тому, как широкий императорский лор имели право носить сначала лишь 12 главных византийских сановников, так и большой омофор (типа лора) Константинопольский собор 869 г. разрешал надевать только некоторым

епископам и лишь в определенные праздничные дни. (Речь шла при этом, разумеется, не об омофоре вообще, но именно о *большом омофоре* типа императорского лора.) Более того, ширина омофора зависела от иерархической высоты епископа.

Аналогичным образом и другая *знаковая* одежда епископа – *саккос* была первоначально одеянием одного лишь византийского императора. По месту своего происхождения, из Далматии, эта одежда в византийском царском обиходе получила название *далматик*. Иногда для удобства облачения далматик разрезался по бокам и разрезы связывались тесьмой или застегивались *фибулами*. На архиерейском саккосе фибулы были позже заменены так называемыми *звонцами* (колокольчиками) – по образу одежды ветхозаветного первосвященника.

В облачение Константинопольского Патриарха далматик (= саккос) вошел одновременно с тем, как он стал доступен высшим категориям придворных византийских вельмож (XII–XIII вв.). Но и в XIII в. Патриарх облачался в саккос лишь по трем большим праздникам: на Пасху, на Рождество и на Пятидесятницу, в другие, даже и праздничные, дни довольствуясь архиерейской фелонью.

Наши митрополиты первых веков существования Русской Церкви не имели ни саккоса, ни полиставрия (напомним, что в нотициях – списках архиерейских кафедр Константинопольского Патриархата – митрополия Русская занимала первоначально весьма скромное 61-е место). Но в 1346 г. митрополит Киевский уже благословил (пожаловал) архиепископу Новгородскому Василию Калике “крестчатые ризы” – *полиставрий* (греч. *πολισταυριον* от *πολι* – много и *σταυρος* – крест). Саккос был уже в то время достоянием русского митрополита<sup>37</sup>.

По учреждении в 1589 г. Патриаршества на Руси саккос становится знаковым облачением Патриарха Московского и предстоятелей четырех учрежденных тогда же митрополий – в Новгороде, Казани, Ростове и на Крутицах. Патриарший саккос отличался от митрополичьего *приперсником* – нашивной епитрахилью, унизанной жемчугом, – по образцу библейского Ааронова приперсника (Исх. 28, 15–24). Общей епископской принадлежностью саккос сделался лишь после упразднения патриаршества при Петре Великом.

Еще один отличительный элемент архиерейского богослужебного убора – *еписгонатий*, по-русски *полица* (т.е. малая пола) или, в просторечии, *палица* (греч. *επιγονατιον* – “наколенник” от *επι* – “на” и *γονυ* – “колено”). Палица представляет собой квадратный (точнее, ромбовидный) плат, который привешивается на

поясе за один конец на длинной ленте, так что висит на бедре ромбом, действительно напоминая по виду оружие – меч или палицу. При облачении архиерея, когда привешивается палица, произносится молитва: “Препояши меч твой по бедре Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею” (Пс. 44, 4–5).

Завершает архиерейское облачение специальный богослужебный головной убор, именуемый *митра*. Греческое духовенство называет митру *короной* (κροῦνα) или *венцом* (στεφανος) – так же, как называется царская корона. Как пишет А.А. Дмитриевский, “греческому национальному самолюбию было вполне естественно после падения Константинополя в 1453 г. возложить венец несуществующих уже императоров на голову своего Вселенского Патриарха, главы и единственного блюстителя интересов Православия на всем мусульманском Востоке”<sup>38</sup>. От Патриарха, по известному уже нам принципу награждения младших инсигниями старших, митры-короны перешли и к подчиненным Патриарху митрополитам и епископам. В Москве архиерейскую митру типа короны впервые увидели в 1619 г. на Патриархе Иерусалимском Феофане, прибывшем возглавить интронизацию Патриарха Московского Филарета. Позже митру такой формы заказал для себя на Востоке любитель греческих обычаев Патриарх Никон. (Что касается белого патриаршего куколя с херувимами, он является символом равноангельной высоты патриаршего служения. Патриарх именуется Ангелом Поместной Церкви.)

Одним из заметнейших внешних отличий патриаршего сана при богослужении является *посох*, который прошел в своей долгой церковно-литургической эволюции те же стадии, что и саккос или митра. С одной стороны, бесспорно родство архипастырского посоха с обычным пастушеским. Когда Господь в беседе на Тивериадском озере трижды говорит апостолу Петру: “Паси овец моих!”, он, по мнению церковных историков, возвращает ему при этом пастушеский посох, являвшийся в первохристианской общине знаком апостольского достоинства, утраченного Петром в ночь тройного отречения от Спасителя. Это его значение имеет в виду и апостол Павел, когда говорит в Первом Послании к Коринфянам: “Чего вы хотите? с жезлом придти к вам – или с любовью и духом кротости?” (1 Кор. 4, 21). На посохе Патриарха Московского Филарета Никитича, отца первого царя из династии Романовых Михаила, было написано: “(жезл) правления, наказания, утверждения, казнения”.

С другой стороны, в истории патриаршего посоха дело тоже не обошлось без влияния византийской императорской обрядности. Свой посох новоизбранный Патриарх Константинопольский

получал вслед за панагией во дворце из рук царя. И по устройству своему, за исключением верхней части, этот патриарший *диаканикий* (греч. *διακωνικιον* от глагола *διακονειν* – творить суд и расправу) похож был на царский: гладкий, серебряновызолоченный, красивый и дорогостоящий. Так, постепенно, из знака *пастырства* посох превращается в знак патриаршей *власти*.

Таковы богословские представления, заложенные в епископском и патриаршем служении, как они засвидетельствованы литургическими данными. Чин *интронизации* (дословно “возведение на трон”, что также явственно ассоциируется с императорским обиходом) воспроизводит в кратком символическом виде всю историю Патриаршества.

### МИТРОПОЛИТ И ПАТРИАРХ НА РУСИ (ВИЗАНТИЙСКАЯ НОРМА ДО И ПОСЛЕ ИМПЕРИИ)

Русская Православная Церковь вступала на арену истории как одна из митрополий Константинопольского Патриархата. Правда, оговоримся: с самого начала – пространнейшая и многолюднейшая из митрополий. И по мере того как Византийская Империя, а с ней независимая Православная Церковь на Востоке катастрофически сжимаются в последующие века под натиском ислама, с одной стороны, и крестоносного католичества, с другой, Православная Русь и Русская Церковь растут. Полнота Православия “прирастает” Святой Русью.

Но византийская норма, определяемая формулой “Церковь в Империи”, действует на Руси практически с самого момента Крещения. Достаточно вспомнить казус Илариона – первого митрополита Киевского из русских, которого Ярослав Мудрый, по летописи, “постави во Святей Софии, собрав епископы”<sup>39</sup>, т.е. без санкции Константинополя. Церковные историки, как те из них, кто видит в этом революционное нарушение киевским князем канонов (наиболее ярко М.Д. Приселков)<sup>40</sup>, так и те, кто считает, что утверждение в Константинополе позже все-таки состоялось (П.П. Соколов)<sup>41</sup>, при этом говорят исключительно о санкции Константинопольского Патриарха. Имя Илариона действительно уже вскоре, ранее смерти Ярослава, исчезает со страниц истории. Но мы думаем, что дело здесь не в прерогативах константинопольской кафедры как таковой. Просто митрополит Киевский и вся Русь, как и сам Патриарх Константинопольский, был *номенклатурой* византийского Императора. С этой точки зрения политика великого князя Киевского действительно могла квали-



фицироваться как *покушение на власть*, но не Патриарха, а Императора, в полном соответствии с византийской канонической нормой.

Подобная же ситуация повторилась сто лет спустя, при поставлении митрополитом Киевским знаменитого Климента Смолятича. И снова дело было не в том, что митрополит-грек Константин был “лучше” или достойнее русского антимитрополита Климента, кандидата одной из княжеских коалиций, а в том, что вновь были существенно задеты права и прерогативы *сюзерена*. Киевский князь и в этом случае вынужден был отступить. Именно князь – перед Императором, а не Митрополит – перед Патриархом. Вопрос в том, кто имеет *право* назначения, в том числе на кафедру митрополитов всяя Руси. Неудача постигла, как известно, и великого князя Андрея Боголюбского при попытке учредить у себя во Владимире особую митрополичью кафедру, на которую у князя был и свой, вполне, очевидно, достойный кандидат – епископ Феодор. Андрей получает решительный отказ от Патриарха Луки Хризoberга (переписка опубликована)<sup>42</sup>, а последующая судьба епископа Феодора, подвергнутого всевозможным (гражданским!) пыткам и казням, показывает, что речь шла о грубейшем, в византийском понимании, нарушении не только церковной, но и государственной субординации.

Ко времени великого князя Василия Димитриевича, сына Димитрия Донского, относится размолвка Москвы с Патриархом Константинопольским – и опять по вопросу не собственно церковному, а государственному, имперскому. Патриарх Антоний IV в своем послании (1393) укоряет князя за его слова: “у нас есть Церковь, но нет Императора”. “Священный Император, – пишет он, – не таков, как прочие правители и государи в других краях. Он помазан и избран василевсом и автократом византийцев, т.е. всех христиан”<sup>43</sup>. «Письмо Патриарха Антония, – комментирует Д.Д. Оболенский, – является классическим изложением византийской доктрины вселенской империи Второго Рима, управляемой василевсами, наместниками Бога на земле, власть которых должна распространяться, по крайней мере, в идеале и в “метapolитическом” смысле слова, на все христианские народы и их правителей. То обстоятельство, что столь безоговорочное утверждение принципа верховенства византийского Императора прозвучало из столицы государства, стоявшего на грани военного и политического коллапса, только подчеркивает поразительную силу и устойчивость этой политической доктрины, пронизывающей всю историю византийского государства»<sup>44</sup>.

С точки зрения отмеченной борьбы русских князей за “переподчинение” им Русской Церкви, находившейся, вместе со всем Константинопольским Патриархатом, в компетенции Византийских Императоров, борьбы, ведшейся исподволь и постепенно со времен Ярослава Мудрого до Василия Дмитриевича и Василия Васильевича Темного, показательна роль золотоордынских ханов – “царей”, как величали их на Руси. В каком-то смысле евразийцы были, может быть, не далеки от истины, когда говорили о значении ордынского, вообще азиатского фактора в формировании Московского Царства. Подобно тому, как турки, по убеждению некоторых восточных Патриархов, “прикрыли” Православный Восток от крестоносных и позднейших католических притязаний, так и татары обеспечили Московскому Митрополичьему Центру своеобразную, как принято теперь говорить, “крышу” – не только от Иннокентия IV и иных пап, мечтавших о распространении своей власти на русские княжества, но и... от Патриарха Антония и других церковных проводников византийской имперской политики. Русская Церковь, как и Русское Царство, мужали и зрели в “парниковом эффекте” монгольского ига, чтобы “вдруг” самим явиться великим царством на восточных рубежах Европы. В этот, позднейший, период церковного подчинения Константинопольскому Патриарху инициативы московских князей имеют не сплошь отрицательный исход, как в киевский период: неудача Дмитрия Донского с Митяем сменяется удачей Василия Васильевича с Ионой, “персональная” неудача с Дмитрием Внуком – полной удачей Иоанна Внука (имеем в виду царское венчание Грозного в 1547 г.).

С последним событием непосредственно связано и учреждение Русского Патриаршества в 1589 г. при непосредственном участии Патриарха Константинопольского Иеремии II. В “Уложенной грамоте об учреждении Московского Патриаршего престола в Москве” от имени царя Феодора Иоанновича сказано: «И мы ... помывлив о сем превеликом деле ... чтоб с Божиею помощию ... в царствующем нашем граде Москве устроить превеликий престол Патриарш, и мысль свою царскую Пресвятейшему Еремею... архиепископу Константинополя, Нового Рима, и Вселенскому Патриарху, объявили... И слышав таковая ... Пресвятейший Иеремей... Вселенский Патриарх ... глаголаше сице: “... во истину в тебе, благочестивом царе, Дух Святой пребывает, и от Бога сицевая мысль тобою в дело произведена будет... Понеже убо ветхий Рим падеся Аполинариевою ересью, вторый же Рим, иже есть Костянтинополь, агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем, твое же великое Росийское царствие, Третьей Рим,

благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствия в твое в едино собрася, и ты един под небесем христьянский царь именуешия в всей вселенней, во всех христианах»<sup>45</sup>. Как видим, титулования Московского Царя и обоснование этих титулований в точности те же, что в послании Патриарха Антония IV о вселенском достоинстве Императора, только акценты и геополитические адреса за прошедшие два столетия полярно изменились: теперь уже Царь Московский убажается как “автократор ромеев, т.е. всех христиан”.

Провиденциально Русская Церковь получила Патриаршее возглавление в самый канун Смутного времени, социальных и политических потрясений, угрожавших самому существованию нашего народа и государства. Словно история специально готовила страну и Церковь к ситуации, когда русские послы в 1611 г. смогут сказать: “Изначала у нас, в русском государстве, так повелось: если великие государственные или земские дела начнутся, то государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов, архиепископов и с ними советовались. И почитают наши государи патриархов великою честью... А до них были митрополиты... Теперь мы стали безгосударны, и Патриарх у нас человек начальный (т.е. главный, правящий народом)”. Иными словами, Патриаршество было устроено в конце XVI в. в Русской Церкви как бы в предвидении “бунташного” XVII в. как верное средство сохранения духовной – и не только духовной – цельности Православной России в условиях смуты и кризиса, иноземных нашествий и отступления от веры.

Тезисно и кратко можно сказать: если есть Царь – должен быть при нем и Патриарх. И действительно, сам Вселенский Патриарх Иеремия II приезжает, как было сказано, в Москву и ведет даже, хотя бы и по инициативе московской стороны, переговоры о том, чтобы стать ему Патриархом Московским и перенести на Русь Вселенский престол<sup>46</sup>. Иными словами, Патриарх *par excellence* пытается “подстроиться” под реального Императора (которого нет уже давно в Константинополе и который есть теперь в Москве).

...В Патриаршей резиденции в Чистом переулке висит на стене замечательная картина: “Собор Патриархов Московских и всея Руси”. Глядя на картину, всматриваясь в лики святителей, не устаешь удивляться проникновенной мысли художника. Подобно тому, как по замыслу великих зодчих разновременные и разного стиля церковные здания составили в Московском Кремле единый стройный ансамбль, так Святители, совершенно разные по рождению, воспитанию, учености, таланту, смогли на протяжении ве-

ков осуществить непостижимое единство и преемство в управлении Русской Церковью. И каждый из них оказывался на своем месте, каждый оптимально выражал волю и устремление народа Божия в данной исторической ситуации. В чем здесь загадка? Думается, причина была и в том, что каждый Патриарх избирался на престол Царем, единственным в *крещеном мире* лицом, призванным и способным хранить и беречь залог народной веры и благочестия в силу и в меру собственной цельности и верности.

Петр Великий в своих реформах в начале XVIII в., преобразуя Россию по западным образцам, не пощадил и священных канонов. Русская Церковь была лишена на 200 лет Патриаршего возглавления.

Думается, именно с выделенным нами выше не только русским и даже не только византийским, но общим православным пониманием Церкви в Империи и Патриарха как экзарха Императора связана причина так называемого *канонического паралича* – неспособности русской иерархии противостоять церковной реформе Петра Великого, и прежде всего уничтожению им Патриаршества. Более того, не только русские епископы, вразумляемые “Правдой воли Монаршей”, но и Восточные Патриархи без возражений признали, как известно, и учрежденный Петром Святейший Синод, и Обер-Прокуроров, и весь новый порядок управления Русской Церковью. Иначе и не могло быть. Кто, согласно византийской норме, имеет право сместить или избрать Патриарха? Патриарха, как Епископа над Епископами, *primus a inter pares*, – только Собор (= Архиерейский Собор). Или, если говорить о низложении, только Архиерейский Суд. Но Патриарха в собственном смысле, как экзарха Императора, – очевидно, только лицо, правоспособное созывать Соборы и утверждать их решения, т.е. Император. Император Петр Первый *имел право* в глазах православного Востока избирать или не избирать нового Патриарха (после смерти Патриарха Адриана), либо даже вообще ввести синодальную (соборную) форму церковного правления. Потому что, хотя это и не подчеркивалось гласно, все понимали, что действительный Глава Церкви – Император, Глава Православной Империи. Архиепископ Феофан (Прокопович), главный идеолог церковных актов Императора, своего рода “Евсевий” при петербургском “Константине” (или “Диоклетиане”, что то же самое), говорил об этом вполне последовательно и откровенно: “Есть бо нам вопрос, могут ли Государи христианстии в христианстем законе, то есть поелику христиансти Государи суть, нарещися Епископы. И на сие ответствуем, что могут не толко Епископами, но и Епископами Епископов нарещися”<sup>47</sup>.

Двадцать лет спустя, при Императрице Елизавете Петровне, иерархи именно к ней обращаются (в 1742 и в 1744 гг.) с ходатайством о восстановлении Патриаршества. Кто *мог* отменить, только тот *может* и восстановить. Это право Императора (созывать или не созывать Поместный Собор, ставить или не ставить Патриарха) до конца своих дней отстаивал, как ни относиться конкретно к его решению не созывать Собор, Император Николай II.

Указ о престолонаследии Императора Павла I (1797) цитируется обычно в качестве *единственного* непосредственно правового источника, утверждающего Царя в роли Главы Русской Церкви<sup>48</sup>. Но уже Екатерина Великая называла себя в переписке *Chef d'Église Grecque*. И в целом, с точки зрения обсуждаемой парадигмы, Павел Петрович лишь “озвучил”, как говорят теперь, то, что давно (всегда) существовало как норма и всегда подразумевалось, в том числе наиболее последовательно его прадедом, хотя, кроме отмеченного сочинения Феофана, и не объявлялось вслух.

Последний пример, который хотелось бы привести из практики императорской России, – случай с присоединением Грузинской Церкви к Русской после государственного объединения Грузии с Россией. В 1811 г. Святейший Синод постановил упразднить сан Патриарха-Католикоса в Грузинской Церкви и подчинить грузинские епархии ведению Святейшего Синода. На каком церковно-юридическом основании могло покоиться столь дерзновенное вторжение в жизнь и права другой Автокефальной Церкви? Только на том, что все постановления Святейшего Синода писались на бланке: “По указу Его Императорского Величества”.

Любопытно, что имперская византийская норма действовала и действует в пространстве русского церковного права как “до”, так (что более удивительно) и “после” Империи. Мы имеем в виду восстановление Патриаршества в Русской Церкви в 1917 г. и его функционирование во весь послеоктябрьский период. Вновь, промыслительным образом, патриаршее начало восстанавливается в Русской Церкви в канун исторических катаклизмов: потеряв Царя, Православная Русь вновь обрела Патриарха.

Уже резолюция Патриарха Тихона по поводу решения о его низложении обновленческого самозванного Собора 1923 г. апеллирует к “государственной” несостоятельности данного учреждения: “Собор меня не вызывал, *полномочий* его не знаю, решений не признаю”<sup>49</sup>. В данной ситуации невнимание советской власти к Церкви, в том числе в ее неканонической обновленческой ипостаси, “канонически” существенно “помогло” Патриарху. Не это ли было и в целом причиной ставки, вновь сделанной в 1923 г. со-

ветской властью, на Патриарха и его Церковь как гаранта церковной и церковно-государственной стабильности?

Совершенно очевидно, что так называемое “Завещание” Патриарха Тихона от 25 марта / 7 апреля 1925 г., как и знаменитая “Декларация” митрополита Сергия (Страгородского) от 16 июля 1927 г., вписываются в общую ситуацию поисков советской властью, как ни странно это для кого-то звучит, помощи от Церкви в плане исторической, в том числе церковно-государственной, легитимации. Образно говоря, руководство Советской России как бы говорит церковному священноначалию: “Вы являетесь печатью (штемпелем), и, значит, матрицей Империи; поставьте и на нас эту печать”. Или, говоря по-другому, все та же, хотя и в совершенно новых, причудливых и уродливых формах, Империя требует восстановления все той же апостольской парадигмы: «Бога бойтесь, “Царя” чтите» (1 Пет. 5,2).

Исповеднический подвиг Святителя Тихона (Белавина) определил путь Церкви в новых исторических условиях. Каждый из Патриархов последующих десятилетий – Сергий, Алексей I, Пимен – с честью исполнили предназначенное им служение. Они не только сохранили для православного народа возможность единения с Богом в таинствах Крещения, Евхаристии и др., но и способствовали тому, что Церковь в тяжелейших внешних условиях не утратила великого своего державосозидательного и духовно-культурного потенциала. Не Церковь нуждалась в государственной опеке, советская власть нуждалась, как ни странно, в рецепции со стороны Церковного Священноначалия. Именно в этом состоял мистический смысл требуемых от Церкви “деклараций” и “признаний” советской власти. Особенно значение Церкви вновь выявилось в годы Великой Отечественной войны, когда временами казалось, что Верховный Главнокомандующий с трибуны Мавзолея лишь озвучивал патриотическое содержание архипастырских посланий Святейшего Патриарха Сергия.

Тем более соответствует изложенному взгляду картина отношений Церкви и Государства в эпоху “церковного сталинизма” (1943–1953). Империя снова восстанавливает Патриаршество. Это опять продолжение той же модели: Церковь в Империи. Если не будет Церкви, во всем ее каноническом и литургическом величии, в Империи, то последняя не полноценна. И Патриаршество нужно И.В. Сталину не только с точки зрения внешней политики (этот аспект прекрасно проанализирован в работе О.Ю. Васильевой<sup>50</sup>), но и в плане политики внутренней. Реставрация Империи невозможна без восстановления имперской церковно-государственной парадигмы. (Мы нарочито избегаем при

этом термина “симфония”<sup>51.</sup>) Потому и планировался в Москве VIII Вселенский Собор (вместо которого получилось, правда, лишь Совещание Глав и представителей Церквей 1948 г.)<sup>52.</sup>

Указанная парадигма – Церковь в Империи, Церковь в Государстве – действует даже в крайних, вырожденных случаях, когда нет Императора, или когда при Синоде (и при Сталине, с 1925 по 1943 г.) нет Патриарха. Как говорил когда-то А.Ф. Лосев, “католицизм извращается в истерию, казуистику, формализм и инквизицию. Православие, развращаясь, дает хулиганство, разбойничество, анархизм и бандитизм”<sup>53.</sup> Обратите внимание: вырождение католичества отмечается на уровнях собственно церковных, духовных; вырожденные состояния православия относятся к социальным, антигосударственным аспектам.

Размышляя о судьбах Русской Православной Церкви в минувшем столетии, нельзя не видеть, что Бог и История вели ее в эти десятилетия совершенно особым, трудно поддающимся рациональному пониманию путем, который многие отказывались, да и сегодня отказываются понять и принять, но который привел Православие в России к возрождению. Церковь утверждалась мученической кровью и сокроенным свидетельством, мудростью пастырей и твердой верой простых людей, но, таинственным образом, также и невоспринимаемым и оболганным союзом и взаимодействием с Империей, которая в своем, столь же жертвенном и трагически искаженном и искореженном бытии по-прежнему нуждалась (и нуждается сегодня) в этом союзе и этом взаимодействии.

Противоречие эпохи сказалось и в том, что, с одной стороны, понесенные за десятилетия гонений невосполнимые потери привели к ослаблению, практически разрыву традиций преемственного христианского воспитания, поставили православных граждан нашего Отечества перед небывалой в истории задачей строительства церковной жизни почти с нуля. Но, с другой стороны, эти же исповеднические годы обострили церковное чувство, способность видения духовных проблем и перспектив тоже до крайней степени, недоступной, быть может, для иерархов и богословов “спокойных” эпох, характеризующихся “симфонией”, хотя бы и внешней, Церкви и Государства.

Не этим ли обусловлены новые “рамочные” условия восстановления Церковно-Имперского двуединства: активное содействие государства решению церковных задач – и не менее активное выступление Церкви на общественном и державном поприще. Русская Церковь всегда, во всех исторических испытаниях, была со своим народом, была не просто участницей, но и главной жиж-

дательной силой строительства и утверждения Империи. Сегодня пред нею вновь открылись возможности социального и державного служения, каких не имели не только непосредственные предшественники Патриарха Алексия Второго, но и церковные деятели эпохи императорской России.

...Может быть, знамением и показателем нового понимания и нового периода государственно-церковного единения стал тот факт, что в праздник Рождества Христова в юбилейном 2000 г. в Вифлееме собрались не только Предстоятели и представители Православных Церквей, но и Главы православных – или, по крайней мере, *исторически православных* – Государств, т.е. исторических преемников и частей, пусть разобщенных, но помнящих свое родство и единство наследия, Православной Империи.

<sup>1</sup> Лисовой Н.Н. “Святой Диоклетиан”: Империя и Церковь в римско-константинопольско-московской парадигме // Восточнохристианская цивилизация и восточнославянское общество в современном мире. М., 2001. С. 64–75.

<sup>2</sup> Святой Дионисий Ареопагит († 96) – по церковной православной традиции, ученик апостола Павла, обращенный им в Афинах, после проповеди в ареопаге (Деян. 17, 19); обсуждение сложной и интересной, имеющей огромную литературу проблемы Ареопагитик, их реального авторства и датировки, не может входить в тему настоящего доклада, тем более что ни авторство, ни датировка цитируемых ниже конкретных формулировок не имеют сколь-либо критериального значения в контексте дальнейших рассуждений.

<sup>3</sup> Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Изд. 6-е. М., 1898. Репринт: М., 1994. С. 20, 33–34.

<sup>4</sup> Учение двенадцати апостолов. Гл. XI // Раннехристианские церковные писатели. М., 1990. С. 12, 13.

<sup>5</sup> Там же. С. 14.

<sup>6</sup> Там же. Гл. XV. С. 14–15.

<sup>7</sup> Святого Климента Римского первое послание к Коринфянам. Гл. 42 // Там же. С. 49.

<sup>8</sup> Святого Игнатия Антиохийского послание к Смирнянам. Гл. 8 // Там же. С. 102.

<sup>9</sup> Письма священномученика Киприана, епископа Карфагенского // Богословские труды. М., 1985. Сб. 26. С. 197.

<sup>10</sup> Там же. С. 200.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> В следующей главе той же епистолии Киприан повторяет, с некоторыми изменениями, те же необходимые признаки законопреемственного епископства: “Когда епископ поставлен на место скончавшегося, когда он в дни мира выбран голосами всего народа, когда в гонение



- нии Господь покрывает его Своей помощью, и он, верный союзник всем собратьям, снискавший за 4 года епископства одобрение своего народа” (Там же. С. 201). Здесь также подчеркивается *единственность* (“на место скончавшегося”), *избрание* (“голосами всего народа”), Божественное *призвание* (“Господь покрывает Своей помощью”), *единомыслие* с иерархией (“верный союзник всем собратьям”) и, наконец, общецерковная *рецепция* (“одобрение своего народа”).
- 13 Письма священномученика Киприана, епископа Карфагенского. С. 209.
- 14 Там же. С. 210.
- 15 Там же. С. 212.
- 16 Там же.
- 17 *Архимандрит Иоанн (Соколов)*. О монашестве епископов // Православный собеседник. 1863. № 5. С. 99.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 110.
- 20 *Дурново Н.Н.* Историческое исследование о патриарших и архиепископских автокефальных престолах в Православной Восточной Церкви. М., 1910. С. 23.
- 21 Правила святых апостол // Книга правил святых апостол, святых соборов Вселенских и Поместных, и святых отец. СПб., 1893. Репринт: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 17.
- 22 Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848) // Догматические послания православных иерархов о православной вере. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 233.
- 23 «За обедом, который император дал отцам собора, он сказал им: “вы – епископы внутренних дел Церкви, я – поставленный от Бога епископ внешних дел” (των εκτῶ)». (*Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 3. С. 50.)
- 24 Там же. С. 215.
- 25 *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов: Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908. С. 467–468.
- 26 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 1994. С. 278.
- 27 II Вселенского Собора правило 3 // Книга правил... С. 41.
- 28 IV Вселенского Собора правило 28 // Книга правил... С. 62–63.
- 29 *Болотов В.В.* Указ. соч. Т. 3. С. 223–246.
- 30 *Дурново Н.Н.* Указ. соч. С. 5.
- 31 *Флоровский Георгий, протоиерей*. Империя и Пустыня. Антиномии христианской истории // *Флоровский Георгий, прот.* Догмат и история. М., 1998. С. 256–291.
- 32 *Голубцов А.П.* О происхождении, символическом значении и устройстве архиерейского посоха // Богословский вестник. 1909. № 6. С. 270.
- 33 *Дмитриевский А.А.* Новгородские шапки-митры // Труды Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. 1. С. 221.

- 34 *Никольский К.Т.* Пособие к изучению устава богослужения. Изд. 6-е. СПб., 1900. С. 52.
- 35 Подробнее см.: *Лисовой Н.Н.* Награды Русской Православной Церкви. М., 2001; Изд. 2-е. М., 2003.
- 36 *Пальмов Н.Н.* Об омофоре, саккосе и митре: Историко-археологический этюд // Труды Киевской Духовной Академии. 1912. № 7–8. С. 380.
- 37 *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 1. Пол. 2. С. 267.
- 38 *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 220. См. также: *Лисовой Н.Н.* Награды Русской Православной Церкви. С. 18.
- 39 ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стлб. 155.
- 40 *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.
- 41 *Соколов П.П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV века. Киев, 1913. Репринт: СПб., 2003.
- 42 Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. / [Изд. А.С. Павлов] // Российская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6.
- 43 Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Acta Constantinopolitana / Ed. F. Miklosch et J. Muller. Wien, 1862. В. 2. P. 188–192.
- 44 *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 543.
- 45 Уложенная грамота об учреждении в Москве Патриаршего престола // Идея Рима в Москве XV–XVI веков: Источники по истории русской общественной мысли. М., 1989. С. 185–191.
- 46 Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями). 1588–1592 гг. / Подготовка текста М.П. Лукьянова и Н.М. Рогожина. М., 1988. С. 35–37.
- 47 *Архиепископ Феофан (Прокопович).* Розыск исторический, коих ради вин и в яковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и християнстии, понтифексами... СПб., 1721. С. 22–23. (Цит. по: *Верховской П.В.* Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Т. II. Материалы. Ростов-на-Дону, 1916. С. 13 второй пагинации).
- 48 Закон о престолонаследии от 5 апреля 1797 года // ПСЗ РИ. Т. 24. СПб., 1832. Комментарий (небесспорный): *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1. С. 117–122.
- 49 Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 224, 283. См. также: Очерки истории Русской Православной Церкви. М., 1988. Вып. 2. С. 28.
- 50 *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999.
- 51 *Лисовой Н.Н.* “Святой Диоклетиан”. С. 73–74.
- 52 Подробнее см.: *Лисовой Н.Н.* Три Рима: Таинство Империи // Три Рима / Сост. Н.Н. Лисовой. М., 2001. С. 16–17.
- 53 *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Репринт: М., 1994. С. 891–892.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.М. Хевролина. Как вы оцениваете роль Константинопольской Патриархии в процессе создания автокефальных церквей на Балканах?

Н.Н. Лисовой. Константинопольская Патриархия, как ей и подобало, сколько могла, изо всех сил этому сопротивлялась и препятствовала, начиная со знаменитой болгарской схизмы 1872 г. и вплоть до нашего времени.

Константинопольская Патриархия и фанариотское движение, фанариотское сознание действительно в рамках греческой церковной жизни являются последовательными проводниками и наследниками той самой традиции. Даже когда Константинополь выступает против нас, он делает это с позиций своего “вселенского” приоритета, с точки зрения своей “вселенской” единственности.

Когда Сталин и Патриарх Алексей пытались в 1948 г. созвать даже не Собор и даже не Предсобор, но просто достаточно полномочное всеправославное совещание в Москве и приглашали участвовать Константинопольский Патриархат, Эвладскую Церковь и т.д., они получили чисто канонические отказы.

Другое дело, что там была тайная дипломатия, что была холодная война, что все это шито белыми нитками. Тем не менее московские власти получили канонически очень точный отпор: только Константинопольский патриарх (в качестве Вселенского) может созывать Соборы, совещания, просиноды и т.д. Таким образом, Константинопольская Патриархия в этом смысле продолжает свою “византийскую” линию.

Более того, я обещал не говорить об идее Третьего Рима, в данном случае о нерусском Третьем Риме скажу. Если у нас в России в XIX–XX вв. активно начала реанимироваться, скажем так, мифологема Третьего Рима, то подобное же, параллельное явление происходит и в греческом церковном сознании. И сейчас выходят книги греческих богословов и церковных историков, которые говорят: “Нет, только здесь, в Греции, может быть Третий Рим, только здесь может произойти возрождение единого всеправославного центра”.

Даже, повторяю, когда Сталин хотел немножко сместить церковный центр Православия в сторону Москвы – чего не сделал когда-то царь Феодор Иоаннович, – Константинополь немедленно его поправил: “Нет, только здесь может восстанавливаться величие и сила Православия. Пожалуйста, делайте все, чтобы восстановить, но здесь, у нас. Помогайте нам, давайте нам силы, деньги”.

Деньги брали, любую помощь принимали, но требовали, чтобы вселенский центр оставался там.

Вот позиция Константинопольского Патриархата.

В.Я. Гросул. В соответствии с нашей Конституцией Российская Федерация является республикой, вы же облакаете ее в статус империи. Что вы разумеете в таком случае под понятием “империя”? Это первый вопрос. И второй: почему на Востоке создается система патриархатов, а на Западе этого нет?

Н.Н. Лисовой. Начинаю с ответа на второй вопрос. Потому что на Западе римский папа подменил собой императора. Когда Тотила, последний из великих готских королей, изгнал римлян из Рима, то вдруг потом оказалось, что в пустой реторте римской государственности произошло рождение гомункулуса папской власти и вместо Римской Империи отныне существует только Римский Патриархат, власть римского папы. Империя перелилась, переплавилась в папскую власть, в папский централизм. Можно было допустить сколько угодно временных или постоянных государственных центров, но церковный центр и церковная власть была едина.

А на Востоке, поскольку Император был главой Церкви, патриархаты возникают в наиболее чтимых и почитаемых древних апостольских центрах, как первоначально и было задумано. Почему они выделились? Потому что было правило – именно только в тех центрах, которые учреждены самими апостолами, это возможно. Почему Рим, собственно говоря? Потому, что там апостол Петр положил начало Римскому Патриархату. Почему Александрия? Потому что там евангелист Марк был первым посланным Петром епископом. Антиохия – потому что основана Петром и Павлом. Иерусалим, наконец, (кстати, интересно, что Иерусалим позже всех обретает патриарший статус), – потому что там совершались все главные деяния новозаветной истории и родилась Сионская Церковь – “Матерь Церквей”, как ее называют. Т.е. именно потому что единство, в том числе церковное, на Востоке обеспечивал Император, а не Константинопольский Патриарх, можно было допустить условную равночестность Патриархов. А на Западе это отсутствовало: там просто не было императоров. Они первыми ушли из Рима. Никто не выгонял великого Адриана из Рима, в Риме его даже называли “грекулом”, т.е. “гречишкой” – он любил все греческое. Никто не изгнал и великого Диоклетиана из Рима, он сам всю жизнь прожил на Востоке. И Константин сам решил перенести столицу в Константинополь. Императоры сами виноваты. Но в историософ-

ском плане это означает, что сам “Рим”, сама Божественная Рома ушла из Рима, передав эстафету Империи на Восток, в Константинополь. Аналогично в 1453 г. “София”, душа Империи, уйдет из Царьграда на Русь. Так будет реализована преемственность трех Римов: Рима первого, второго, третьего.

А что касается чисто церковной стороны, то поскольку единство олицетворял Император, то соборность обеспечивалась на уровне Патриархатов. Православие на Востоке сложилось как Собор автокефальных Сестер-Церквей, в отличие от диктатуры папы на Западе.

Что касается первого вопроса – об Империи, то, строго говоря, Римская империя тоже рождалась постепенно. Мы не можем точно ее датировать, например, 27 г. до Р.Х., когда Август впервые официально назван императором, потому что императором (во всяком случае пожизненно) назывался и Юлий Цезарь. И само происхождение понятия “империя” достаточно сложно. В латинских словарях (я имею в виду традиционные наши латинско-русские словари) “*impero*” переводится как “обладать властью” и “властвовать”, без попыток этимологизировать это слово, т.е. берется просто лексикализованная форма, вместе с приставкой *im*, а на самом-то деле корень *rego* (*rago*) означает то же, что у нас поле “под паром” или английское *ragens* – родители. И вообще, если использовать русскую игру слов, “империя” – это по этимологии то, “что распирает во все стороны”. По внутреннему духовному содержанию это “державна”, с державной структурой и державным сознанием, которая берет на себя ответственность за судьбы мира. Когда ассирийский Саргон (XXIV в. до Р.Х.) впервые решил назвать себя не просто “Царь”, а “Царь царей”, “Шарукен”, тогда и родилась идея Империи. Т.е. “империя” – это религиозно-государственная структура, которая берет на себя ответственность за мировой миропорядок и за мировую историю. Именно с этой точки зрения и нужно рассматривать знаменитую великую триаду трех Римов: от Рима к Новому Риму и к Третьему Риму – Москве.

С этой же точки зрения не может быть четвертого. Не потому, что у московских книжников были какие-то особые геополитические или иные претензии, когда старец Филофей сказал: “четвертому Риму не быть”. Трезвое понимание того, что мы последний окоп, что за нами “Фукуяма” – конец истории, вот это и называется “третий Рим, а четвертому не быть”. Только и всего. Поэтому, когда мы говорим, что Империя родилась вместе с Христом, имеется в виду очень важная вещь, о чем Филофей потом так просто-душно скажет: “Ромейское царство разрушиться не может, ибо в Римскую власть написана Христос”.

Христос вписался в римскую власть, и возникла та неразрушимая Империя, о которой пророчествовал пророк Даниил.

И с этой точки зрения, 70 лет советской власти я сознательно и убежденно включаю в историю Российской Империи, потому что есть столица, есть граница, есть имперские структуры, есть имперское сознание, есть имперское отношение к Церкви и к другим Автокефальным Церквям, есть имперское отношение к внешней политике. Все это продолжение, причем в большинстве случаев очень логичное, того, что было в XVIII–XIX вв.

Я думаю, что происходящие у нас сегодня события или перемены в сознании позволяют думать, что Империя и идея Империи долго еще будут жить.

Н.В. Синицина. Что вы называете каноническим правом и каковы для вас хронологические рамки его формирования? Как оно изменялось после Апостольских правил и решений Вселенских Соборов? Вы говорили, что сначала понятие “Патриарх” отсутствовало в каноническом праве, а потом ссылались на постановления Вселенских Соборов.

Существует ли в греческой Церкви термин “Патриарх”, и как именуют себя сейчас, в современных документах, Константинопольские Патриархи? Я знаю, что они называют себя “Архиепископами Нового Рима”. С какого времени употребляется в титулатуре Константинопольского Патриарха именно этот титул Патриарха? Когда к определению архиепископа Нового Рима добавляются слова “Патриарх”, “Вселенский Патриарх”?

Н.Н. Лисовой. Впервые титул Вселенский Патриарх применен к Иоанну III Схоластику, составителю “Синаноги в 50 титулов” – первого канонического кодекса Православной Церкви, затем так назвал себя Иоанн IV Постник в послании папе Григорию Великому, что вызвало немедленно протест и полемику.

Н.В. Синицына. А в титулатуре?

Н.Н. Лисовой. Это и есть титулатура. Патриарх сам так себя назвал в официальном письме, а адресат, римский папа, тут же начал опровергать это. Таким образом в каноническое сознание Востока представление о Вселенском Патриархе и этот титул уже вошли.

Что касается понятия “патриарх”, в доконстантиновское время, а частично и в первые “константиновские” века оно было просто почетным именованием и могло применяться (в памятниках оно есть) почти к любому из почитаемых епископов, митрополитов в наиболее древних, чтимых церковных центрах.

Современного терминологического употребления слова “патриарх” не знают ни 3-е правило II Вселенского, ни 28-е правило IV Вселенского, ни даже 36-е правило V–VI, Трулльского Соборов. Говорится только о кафедрах и престолах.

Н.В. Синицына. А где встречается название “патриарх”?

Н.Н. Лисовой. Предстоятелей Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии стали называть патриархами с середины V в. Из церковных историков Сократ Схоластик, писавший в 440-е годы, первым говорит об “установлении Патриаршеств” (в своем рассказе о деяниях II Вселенского Собора). В официальных актах первоначальное употребление термина восходит к императорской канцелярии. Кажется, в первый раз слово “Патриарх” в значении высшего иерархического титула встречается в “Конституции” Зенона (477). Из канонических источников оно впервые упомянуто (именно упомянуто, а не определено юридически) в 7-м правиле Трулльского Собора (692). Ко времени Патриарха Фотия (IX в.) и великих толкователей канонического права XI–XII вв. – это уже общепринятое понятие.

Что касается того, кто как на Востоке себя называет в настоящее время, можно сказать по-разному. Патриарх Александрийский и в древности и теперь именуется обычно “папа”: “Папа Александрийский”, но и “Патриарх всей Африки”; в Иерусалиме и в Антиохии – “Патриархи”; в Константинополе – “Архиепископ Нового Рима – Константинограда и Вселенский Патриарх” (через “и”). Т.е. обсуждаемый нами термин входит в номенклатуру всех восточных Патриархов. Долгое время Константинополь не признавал (и сейчас не признает) права именоваться патриархами за некоторыми главами более поздних автокефальных Церквей, которые патриарший титул получили в позднейшие века. Даже в 1589 г., когда решался вопрос о Московской Патриархии, долгое время шли препирания о том, куда, на каком месте в синтагматоне (т.е. в списке Патриархов) надо будет поставить Московского Патриарха. Одни на Руси считали, что надо вообще первым, поскольку Москва – единственное православное царство (так считал и Сталин в 1945 г.). Другие говорили, что надо поставить по крайней мере третьим. Восточные Патриархи настояли на том, что он будет пятым после Иерусалимского. И на этом как бы остановились, потому что формально была восполнена та самая Пентархия – и опять Патриархов стало пять. И когда позже возник вопрос (уже в XX в.), называть ли, например, патриархом Грузинского патриарха или, скажем, Болгарского патриарха, то эти вопросы решались, а отчасти решаются и до сих пор, с очень

большим скрипом, потому что Константинопольская Патриархия, как я уже говорил, только себя считает настоящим патриаршим центром и Вселенским Престолом, только за собой признает прерогативу, кого называть Патриархом.

О каноническом праве. Церковь имеет и сохраняет благодать и право канонотворчества и сегодня, точно так же, как она имела его в III в. – в период Поместных Соборов, в IV–VIII вв. – в эпоху Вселенских Соборов, во времена Патриарха Фотия и великих канонистов Зонары и Вальсамона, в XIV в. – в бытность Матвея Властаря. Вопрос заключается только в церковной соборной рецепции этого самого канонотворчества.

В.С. Румянцева. Вы сказали, что Константинополь оставляет за собой право Вселенского Патриарха. А Вы с этим согласны?

Н.Н. Лисовой. Нет. Я просто пытаюсь объяснить позицию Константинопольского Патриарха, и хочу сказать, что, со своей константинопольской древнеканонической точки зрения, он прав. Считаю, что с того момента, когда Патриарх Иеремия приехал в Москву и сказал о необходимости основать здесь Вселенскую Патриархию, реальные духовные права перешли к Москве. Где царь, там и Вселенский Патриарх.

С.Г. Яковенко. Все-таки учреждение патриаршества в России – принципиальный вопрос. Важно установить, исходила ли эта инициатива от Константинопольского Патриарха Иеремии, который приехал в Москву “за милостыню”, или же ее выдвинула Москва.

Н.Н. Лисовой. Инициатива возникновения Московского патриаршества, разумеется, принадлежит Москве. Я говорю о реальном предложении Константинопольского Вселенского Патриарха Иеремии стать Патриархом Московским.

Н.В. Сеницына. Не было такого предложения!

Н.Н. Лисовой. Оно было. Это зафиксировано в изданной Н.М. Рогожиным “Посольской книге”. А на что нам еще опираться, если не на материалы Посольского приказа?

Н.В. Сеницына. Такая уж сложилась традиция у нас с докладчиком – выступать полемистами по отношению друг к другу, хотя это не мешает нам оставаться друзьями.

Мы слушали очень интересный доклад, который по-новому ставит многие вопросы и Русской Церкви, и русского государства. В частности, подчеркивается необходимость объяснения многих



наших явлений понятием “симфонии” между священством и царством, о чем стало возможным говорить сравнительно недавно.

Я помню, что когда мы готовили первый том “Православной энциклопедии”, посвященный истории Русской Церкви, и когда я писала раздел по XV и XVI вв., включая туда понятие “симфония”, то первоначально мне говорили: “О чем ты говоришь? Какая может быть симфония?”. Случаев соблюдения симфонии было куда меньше, симфония постоянно нарушалась. Это понятие завоевывает права гражданства постепенно.

Мне показалось очень важным, что в докладе понятие “симфония” распространяется (правда, не знаю, как далеко докладчик в этом заходит и вообще как далеко можно в этом зайти) и на историю современной Русской Церкви. На одном из последних обсуждений в нашем Центре мы говорили о том, каковы были те канонические нормы, которыми руководствовались, в частности, представители правого раскола, и на каких канонических нормах основывались их противники. Получается, что тогда вообще не было никаких канонических норм. На мой взгляд, в этот период следует говорить о *трагической симфонии* и о *трагическом праве*, потому что история развивалась тогда как трагедия.

Я не вполне согласна с тем, что можно видеть полную аналогию в истории Русской Церкви и Византийской. Конечно, с одной стороны, связь и традиция, несомненно, были. Но можно ли говорить (имеется в виду понятие “империя”) о Российской Империи, как о чем-то совершенно адекватном вообще Римской или Византийской Империи – древней Империи.

Дело в том, что уже в конце XIV в., когда византийский Император писал в своем послании, что Империя – одна, в России все-таки возникает представление о своей Империи, совсем нетождественной Византии. И еще до падения Византии возникает точка зрения о своем собственном Царе, Императоре, который может существовать параллельно византийскому, выполняя ту же самую функцию, что и Император Византии, – функцию защиты православия. И тогда, когда Империя прекращает свое существование, возникает Российская Империя со своими собственными законами и историей, не повторяющей Византийскую. Во всяком случае, говорить о том, что существует только одна Империя, единая, раз навсегда данная, по моему мнению, не совсем точно.

На мой взгляд, докладчик немножко противоречит самому себе, говоря, что вообще понятие “патриарх” неканонично, так как его нет в каноническом праве. Действительно, его нет в древнем каноническом праве, но в последующем-то каноническом праве оно существует – в IX в. при Фотии, в XII в. при Вальсамо-

не. Значит, данное понятие канонично и нельзя говорить, что оно неканонично как таковое. Первоначально – может быть, но потом оно вполне приобретает всю ту каноничность, если это имеет место у Фотия, в титулатуре и в постановлениях великих канонистов XII в.

Когда формировалось византийское право, России как таковой не существовало, и в каноническом праве вообще не разработан вопрос о том, каков будет статус вновь принимающих христианство Церквей, и тем более если одна из них (например, Русская) становится главной среди христианских Церквей. В каноническом праве Русская Православная Церковь вообще не упомянута даже географически. Поэтому здесь нужна большая осторожность. Я понимаю, что исторический подход – очень красивый, можно оперировать веками, но все-таки какая-то историческая почва должна оставаться.

Все, о чем шла речь в докладе, очень интересно и требует размышлений. Но все же история и историософия – это вещи разные, хотя обе замечательные.

А.Н. Боханов. Докладчик – тот редкий представитель нашей корпорации, который очень хорошо чувствует именно духовную проблематику. В докладе практически затрагиваются все аспекты и все периоды русской истории, начиная с довлдимирских и кончая нынешним временем. Здесь и онтология, и гносеология, и психология, и все это заслуживает отдельного рассмотрения.

Мои некоторые замечания связаны с русским властестроением, чем я и занимаюсь. Мне хотелось бы присоединиться к тем сомнениям, которые высказала Н.В. Синицына, и добавить другие. Не потому, что докладчик неправ, а потому что рассматриваемая тема настолько объемная, что ее не исчерпаешь никакими монографиями. Думаю, это действительно как бы онтология судьбы не только России, но и человечества вообще в течение двух тысячелетий, поэтому поставленные вопросы – и универсальные, и глобальные, и вечные. На мой взгляд, они останутся таковыми и в будущем.

Относительно *симфонии*: применительно к русской истории замечу, что вообще патриарх – это родоначальник. Он является не главой Церкви, а главой церковного управления. И когда патриаршество возникло в России, то Патриарх юридически не получил никаких новых компетенций: все те компетенции, которые имел митрополит, перешли к Патриарху. Патриарх олицетворяет духовное национальное самосознание, русское в первую очередь. Патриаршество – это особая система, особый процесс. В ис-

тории России можно назвать два момента, когда, с моей точки зрения, была симфония (понимаемая как слияние) священнической и светской или царской власти. Это период Филарета (мы знаем, какими причинами он вызван) и, естественно, период Никона. Именно при Никоне, как и при Филарете, когда функция священства превалировала над функцией царства, и возникла опасная ситуация (она всегда может возникнуть), которая в условиях империи не могла иметь симфонического решения. Такого разрешения не было и в Византии, где торжествовала идея цезаропапизма. В России такого не было. На Западе имел место папоцезаризм. По моему мнению (кстати очень многие с ним согласны, в особенности в кругах наших православных богословов), поражение Никона означало крах папистской идеи, идеи папоцезаризма, которая была очень заметна в историческом контексте применительно к России именно того периода.

Несколько слов по поводу как бы оправдания Святейшего Синода.

Н.Н. Лисовой. Но я о нем ничего не говорил.

А.Н. Боханов. Вы не говорили, но я касаюсь данной темы попутно, потому что она муссируется еще со времен славянофилов. Здесь славянофилы и западники совпадали: они осуждали. Вы сказали, что он был уничтожен. У меня есть много сомнений. Хотя я не сторонник Петра, однако он упразднил его с согласия иерархии и Восточных Церквей. И процесс этот был очень длительный. В отношении Синода есть одна очень важная деталь, которая мало привлекает внимание. Можно спросить: что такое “вера” вообще, вера православная? Она включает в себя три момента: Писание, Канон, Священное Предание. Когда было ликвидировано патриаршество, власть, взяв опеку над организацией церковного богослужения, в вопросы веры не вторгалась. Не была реализована идея папоцезаристская, потерпевшая поражение при Никоне. И при Петре цезаропапистская идея тоже не получила своего развития. Принимались специальные указы, законы, запрещающие ретивому священству воздавать особе государя те похвалы, которые должны быть адресованы только Господу нашему. Т.е. между двумя этими властеустроительными идеями была как бы середина, которую я бы назвал “Русский путь”, и это осуществилось именно благодаря наличию Синода, который не вторгался в веру, чему нет ни одного опровергающего примера. Православие сохранилось в своей первоизданной чистоте.

Сразу же возникает вопрос: надо было модернизироваться. Это очень популярный трюизм. Ведь все, что модернизировалось

на Западе, потерпело поражение: или совсем исчезло, или превратилось в свою, порой прямую, противоположность.

У Синода в данный период русской истории грехов было немало, но в данном случае проблема, безусловно, не так проста и не так однозначна, как ее очень часто трактует наша историография.

Такие темы (и соответственно доклады на них) – органичные и универсальные – надо развивать, так как они интересуют практически всех, пронизывают всю нашу отечественную историю.

Единственное, в чем бы я принципиально не согласился с докладчиком – это по поводу его любимого слова “парадигма”. Я не люблю это слово.

На мой взгляд, сейчас неверно говорить о “симфонии”, применительно к нынешней ситуации и даже 1920-х годов – они совершенно разные. Раньше все же был духовный организм – Россия, а потом совершенно другой. Если же мы берем чисто лабораторный вариант, как вы предложили, – без страсти, без содержания, а просто по абрису, тогда, наверное, так можно говорить. Но по существу это, конечно, не “симфония”.

В.С. Румянцева. Доклад очень интересный, заставляет думать и спорить. Но он несколько абстрактно поставлен, умозрителен и недостаточно учитывает исторические реалии.

Докладчик оперирует понятиями вечности, теми каноническими институтами, которые сложились, до сих пор существуют и за ними есть будущее. Что-то, конечно, сохраняется. Я занимаюсь личностью патриарха Никона. До сих пор полностью не изучены все материалы и рукописи, которые им созданы, его дела и взаимоотношения с царем. А все, что у нас есть в литературе по данной теме, является в основном очень предвзятым, даже примитивным, начиная с XIX в. и до сих пор.

Я не употребляю слово “симфония”. Дело в том, что мне приходилось изучать и послания апостолов, и “Деяния” при подготовке к изданию “Учения патриарха Никона”. И я сказала бы, что Церковь, начиная с апостольских времен, придает значение власти и силе. Взаимоотношения Церкви и ее главы с императором, с царем и великим князем занимают большое место и в разных источниках они трактуются по-разному. В период татаро-монгольского ига, например, Церковь признавала власть хана. Что делать! Митрополит вынужден был считаться с нею. Но вся система монастырей, Северной Фиванды – это неофициальная, может быть, но поддержка нашей христианской православной веры.

Патриарх Никон очень хорошо знал каноны, он даже написал сочинение о канонах. Предание церкви, говорит он, играет большую роль, но оно не должно затмевать учение Христа, т.е. Евангелие и учение апостолов. Он тоже признавал власть царя, говоря, что она дана от Бога. И в то же время Никон считал, что Церковь имеет право на свою духовную самостоятельность, и следовал за Иоанном Златоустом и его сочинением “Священство”, где говорится, что священство выше царства. Мы понимаем это по современному. А на самом деле он признает приоритет духовности над материальностью.

Сделан масштабный доклад, но если брать каждый конкретный случай, ситуация получается сложной.

Н.Н. Лисовой. Выслушав возражения и замечания, я все больше понимаю, что наиболее слабое место у нас – это терминология и первоначальные понятия, о которых говорила Н.В. Сеницына.

Ведя речь о том, что “патриарх” – понятие не экклесиологическое и не каноническое, я имел в виду его неканоническое происхождение. И несколько раз повторил: в самой Церкви, в ее внутренней жизни, для спасения души человеческой, для совершения таинств Патриарх не нужен. Думаю, что любой непредвзятый историк согласится со мной, что Епископ возглавляет Церковь, а Патриарх среди Епископов является первым среди равных.

Я не согласен с тем, что в моем докладе якобы имеется упомянутое в выступлении Н.В. Сеницыной противоречие. На самом деле апостол Павел за четыре века до Халкидонского Собора и за триста лет до Первого Вселенского Собора сказал вот эти знаменитые слова (13 глава “Послания к римлянам”): “Несть власть, аще не от Бога”. И в Первом Послании Петра говорится: “Бога бойтесь, Царя чтите”. Это сказали апостолы Павел и Петр, которые не только Россию, но и Византийскую империю не могли предвидеть. И Константина не предвидели – а сказали! Про кого они так говорят? Страшно подумать – про императора Нерона. Это про него апостол Петр сказал: “Бога бойтесь, Царя чтите!” Вот к какому Императору апеллировал Павел после суда у Феста и Агриппы, чтобы его из Палестины везли на суд кесаря: “Требую суда Кесаря!” И поехал к нему на суд. Он знал, что Нерон его не обласкает, а отдаст зверям на растерзание или казнит, но понимал: только Нерон является главой Империи – той самой Империи, в которую, по словам Филофея, “написася Христос”. Поэтому-то как только он доезжает до Рима, 28 глава “Апостольских деяний” вдруг обрывается, как будто дальше они пере-

стали действовать. Дальше не о чем говорить. Апостольская проповедь достигла Рима. “Все, – сказал как бы евангелист Лука, – я вам дальше не попутчик. Мы дошли до Рима. Здесь деяния апостольские и нашли свою вершину...”

Т.е. с самого начала Церковь осознает себя в Империи. Это еще время, когда никаких канонов нет. Вы говорите что терминология канонов IV в. не соответствует терминологии канонов IX в. Тут еще нет *никаких* канонов. Есть просто учение апостола Павла. И он уже осознает Церковь только *внутри* Империи, а не вне ее и не “поперек” ее: “Бога бойтесь, Царя чтите”.

То же самое должен ответить Александру Николаевичу Боханову по поводу Синода. Никогда ничего не имел против нашего Святейшего Правительствующего Синода. Я утверждал и могу это повторить, что любые, как мы теперь бы сказали, крутые непопулярные меры императора Петра Великого имели свою религиозную сакральную санкцию именно в его императорском достоинстве, и что бы он ни делал, Церковь благословляла это. Точно так же, когда Екатерина провела секуляризацию церковных имений и ввела штаты, Церковь, кроме одного митрополита Арсения Мациевича, ничего не возразила против этого и тоже благословила. И еще один пример – из жизни Православной Церкви под властью Османской империи в конце XIX в. В 1888 г. Председатель Императорского православного палестинского общества великий князь Сергей Александрович возмущался: «Я приехал в Иерусалим на освящение церкви Марии Магdalины, а Патриарх Иерусалимский вместо того, чтобы сказать что-нибудь в похвалу нашему православному императору, говорит: “Ах, как хорошо мы живем при благочестивейшем султани!”».

Как апостол Павел к Нерону относился, точно так же патриархи Востока чтити турецкого султана, а российская иерархия – любые постановления и нововведения православных императоров России. Именно это и дает мне право говорить, что в данном случае мы имеем дело с некоей парадигмой. И никакой историософии здесь нет. Нельзя путать термины. Я излагаю историю и историческую природу явлений. И только. Об историософии мы еще не говорили. Это особая тема.

В.Я. Гросул. Как относился к империи сам Иисус Христос?

Н.Н. Лисовой. Существует единственное свидетельство во всех четырех Евангелиях, когда Иисус сказал: “Божье – Богу, кесарево – Кесарю”. Это все, но между прочим эта фраза определяет ту самую симфонию. Кесарю – кесарево, т.е. если есть на монете изображение Императора – отдай ее как налог, как дань

ему; есть на бумаге императорская подпись – следуй тому, что там написано. “Начальник не зря носит меч”. Понимание того, что все исходящее от Императора должно беспрекословно выполняться христианами, и есть основа симфонии. Многие современные авторы трактуют “симфонию” неверно. Никакого союза *между* Церковью и Империей нет. Церковь в Империи! Только Император определяет, что хорошо для духовенства, и поправляет Церковь, когда она что-то делает не так. Вот в чем смысл преамбулы VI новеллы. Никакого “равноправия” и никакого парламентаризма здесь нет. Есть понимание ответственности Императора за вверенное ему, в том числе и за Церковь.

Ю.А. Тихонов. Мы заслушали очень интересный и содержательный доклад, который вызвал оживленную дискуссию. Обращение к древности, оказывается, очень актуально. Для нас, может быть, это бальзам, поскольку мы все занимаемся, с точки зрения современности, древностью. Будем считать, что мы тоже стоим на передовых позициях исторической науки.

## ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕАЛОГИИ НЕПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЙ В РОССИИ\*

Исторически и историографически сложилось так, что генеалогия развивалась как дворянская наука и наука о дворянстве. Это было обусловлено практическими интересами местнической системы управления государством, в результате функционирования которой был заложен корпус источников – разрядных, боярских книг и списков, собственно родословных росписей и других, – ставших основой для изучения генеалогии всей русской исторической науки, неизменно подчеркивавшей и разрабатывавшей ее исключительно княжеско-династический, дворянский аспект. Еще В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, указывая на необходимость, наряду с хронологией и географией, научного знания генеалогии, видели в ней единственное средство разобраться в громадном количестве княжеских имен, упоминаемых при систематическом изложении материалов по русской истории, чтобы точно знать, “кто от кого родился, от кого детей имел, с кем браками обязан был, из чего можно уразуметь правильные наследства и домогательства”<sup>1</sup>. Создание специальных родословных таблиц должно было служить удовлетворению справочной потребности в генеалогических фактах. М.В. Ломоносов, прежде чем приступить к написанию “Древней российской истории”, создает “Краткий российский летописец с родословием”, а по существу две “пространные” поколенные росписи русских великих князей и царей, которые и предваряют его “Историю”<sup>2</sup>. Подобные родословные росписи или таблицы сопровождают общеисторические труды В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Екатерины III, позднее Н.М. Карамзина, а также ряд документальных публикаций.

Наряду с этим начинают выходить специальные сочинения, посвященные княжеской и дворянской генеалогии: как профессиональные – М.Г. Спиридова<sup>4</sup>, кстати зятя М.М. Щербатова, так и любительские – Ю.А. Воейкова, В.А. Левшина<sup>5</sup> и др.

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 6 декабря 2001 г.



В XIX – начале XX в. особый размах приобрело издание справочных изданий по родословию русского дворянства, среди которых выделяются “Российская родословная книга” П.В. Долгорукова, “Русская родословная книга” А.Б. Лобанова-Ростовского, “Родословный сборник русских дворянских фамилий” В.В. Румеля и В.В. Голубцова, “Потомство Рюрика” Г.А. Власьева, “Великие и удельные князья Северной Руси” А.В. Экземплярского, “Родословные записи” Л.М. Савелова<sup>6</sup> и др.

Теоретически исключительность русской дворянской генеалогии обосновал один из самых крупных русских генеалогов Л.М. Савелов, прямо утверждавший в лекциях, прочитанных им в 1907–1908 гг. в Московском археологическом институте, что русская генеалогия носит “узкосословный характер”. Согласно ему, доминирующее положение дворянской генеалогии проистекает из высокого культурного уровня дворянства и низкого – “народной массы”. Отсюда следовал вывод об отсутствии письменных фамильных источников по генеалогии купечества, крестьянства и других сословий, делающем как бы невозможным восстановление их истории. Только некоторые из купеческих архивов, по его мнению, имеют “общеисторический интерес”, а документы вроде векселей, счетов “не представляют интереса даже для бытовой истории”<sup>7</sup>.

Действительно, на протяжении XVIII – большей части XIX в. мы не наблюдаем проявления интереса к генеалогии даже среди самого третьего сословия. Мне известен лишь один случай составления купеческой родословной в XVIII в. Он относится ко второй четверти столетия, когда после смерти главы семьи московских купцов Креховых его родственник по боковой ветви (племянник) предъявил права на наследование домом, для чего и составил “родословное древо Креховых” (в кружках), свидетельствовавшее о пресечении основной, мужской, линии рода и о том, что претендент – единственный наследник. Оно и зафиксировано в делопроизводстве Канцелярии конфискации.

Но в то время, когда Л.М. Савелов формулировал свою концепцию, в России, по мере укрепления капитализма, росло внимание и к истокам русской буржуазии. Это нашло отражение в обращении к истории отдельных капиталистических предприятий, в интересе некоторых представителей третьего сословия к своим предкам и целым купеческим группам. И хотя эта линия русского родословия не получила до революции широкого развития, преуменьшать ее значение нельзя, так как оно коренным образом меняло традиционные представления о генеалогии, прежде всего в источниковедческом аспекте.

В начале XX в. вышли исторические очерки П.Н. Терентьева, А.Ф. Грязнова, П.К. Симони о крупных промышленных и торговых предприятиях виднейших купеческих домов Прохоровых, Затрапезновых, Яковлевых, Кольчугиных. Освещение истории предприятий в этих работах было неразрывно связано с раскрытием родовой истории владельцев, в которой присутствовали различного рода родословные росписи и генеалогические таблицы<sup>8</sup>.

Изучению истории своих предков посвятили свои пышно, “собственным коштом” изданные сочинения Н.П. Вишняков и Н.В. Крестовников<sup>9</sup>. Истории родов в них охватывают период с XVII по XIX в. Особенно ценно, что авторы прослеживают развитие родов по всем линиям, опираясь на архивные материалы Московского архива Министерства юстиции.

Гораздо большее значение имело обращение к генеалогии купечества профессиональных историков. Первым в их ряду следует назвать Н.П. Чулкова, учившегося в Московском университете у В.О. Ключевского, В.И. Герье, дружившего с П.И. Бартеневым. По протекции историка М.С. Корелина после университета он был принят в МАМЮ, где проявил лучшие качества источниковеда и генеалога. Впоследствии он тесно сотрудничал с Московским археологическим обществом, Историко-родословным обществом Москвы (будучи одним из его учредителей, а в 1920–1922 гг. – руководителем), участвовал в подготовке лучших дореволюционных справочных изданий, таких, как “Сборник биографий кавалергардов”, “Русские портреты XVIII–XIX столетий”, и др. Именно он, по просьбе П.И. Бартевева, написал в 1907 г. первое систематическое исследование о родословии московского купечества<sup>10</sup>.

В значительной степени появление этого исследования было подготовлено титаническими усилиями двух выдающихся выходцев из купечества – И.Е. Забелина и Н.А. Найденова. Первый собрал и издал двухтомную публикацию материалов по истории Москвы, в том числе доимочные земские книги и ведомости окладных оброчных книг с подробным описанием городских рядов, торговых и промысловых лавок и мест и др.<sup>11</sup>

Огромен вклад в источниковедческое обеспечение изучения истории купечества Н.А. Найденова, осуществившего грандиозное издание нескольких серий многотомных публикаций<sup>12</sup>. Их подготовка была поручена архивисту МАМЮ Николаю Николаевичу Николаеву, который со своими сотрудниками выявил и обработал дозорные, переписные, окладные книги, ревизские сказки за XVII–XIX вв.<sup>13</sup>, общественные приговоры по московскому купечеству, а также по малым среднерусским городам Белеву, Боровску, Зарайску, Малоярослаvcу, Торопцу, Туле и др.<sup>14</sup>

В научный оборот были введены до того игнорируемые разновидности массовых делопроизводственных источников, разом перечеркнувшие концептуальные построения о невозможности изучения генеалогии купечества и других непривилегированных сословий. Именно на них базировалось исследование Н.П. Чулкова. Казалось, что открываются большие перспективы, но дальнейшего движения в этом направлении не произошло. Еще была подавляющей инерция дворянской генеалогии. А вскоре случилась Октябрьская революция. Купечество как объект исследования стало безликим и преимущественно ругательным (“Тит Тытычи”). Прошел не один десяток лет уже советского почти полного забвения генеалогии, в том числе и непривилегированных сословий, прежде чем введенные в оборот Н.А. Найденовым материалы “заработали” на исследовательской ниве. Это не означает, что в этой области ничего не делалось. В 50–60-х годах XX в. появился ряд фундаментальных исследований как по отдельным торгово-промышленным домам, так и по предпринимательским группам. В числе первых следует отметить монографии Н.А. Баклановой и А.А. Введенского о Калмыковых и Строгановых<sup>15</sup>. О династиях горнозаводчиков писал Н.И. Павленко<sup>16</sup>, а о крестьянских торгово-промышленных фамилиях – С.В. Бахрушин и Н.Е. Носов<sup>17</sup>. Но все же это были работы, ставящие иные исторические задачи и основанные на иной источниковой базе.

Принципиальные изменения произошли в 70–80-х годах, когда были опубликованы исследования М.М. Громько, Л.Н. Семеновой, автора этих строк<sup>18</sup>, основанные на тех разновидностях массовой документации, которые открыли для генеалогов Н.А. Найденов, Н.П. Чулков, И.Е. Забелин. Именно тогда стало ясно, что генеалогия не просто возрождается, что она на пути качественной трансформации.

Произошла, можно сказать, смена одновременно двух векторов: на источникововедческом и на структурном, или, точнее, на функциональном уровнях. Выход на новые социальные объекты – непривилегированные сословия, прежде всего купечество, – радикально изменил предметные функции генеалогии. Прежде всего абсолютно иной корпус источников требует совершенно новых приемов. Ведь в новых разновидностях источников отражены не генеалогические, а биографические по преимуществу факты. А это ставит исследователя не только перед конкретно-источниковедческой задачей оценки этих материалов, но и перед необходимостью проведения ряда промежуточных процедур, которые позволили бы свести дискретные биографические факты в некие генеалогические “клаузулы”, будь то генеалогические

досье, родословные таблицы или росписи, банки данных. Кстати, создание компьютерных баз данных по генеалогии стало очевидной приметой последнего времени, правда, к сожалению, в области древнерусской генеалогии<sup>19</sup>.

Таким образом, изучение генеалогии непривилегированных сословий требует комплексного подхода, специфических методов в оценке информационных возможностей источников и их дальнейшей обработки. Другими словами, источниковедческая проблема генеалогии непривилегированных сословий – это проблема массовых делопроизводственных, прежде всего ревизских материалов, обусловленных, согласно Б.Г. Литваку, наличием трех основных признаков: ординарности, однородности, формуляр<sup>20</sup>. Именно они позволяют производить своего рода неодипломатическую реконструкцию утерянных или несохранившихся фрагментов (например, ревизских сказок по отдельным переписям).

Другая сторона качественных изменений в генеалогии или смены на структурном уровне связана с тем, что обработка и анализ выявленных на источниковедческом уровне данных ставит исследователя перед необходимостью общеисторического их осмысления, связанного с разрешением задач изучения эволюции и развития отдельных социальных групп. Это принципиально меняет положение генеалогии в структуре взаимоотношений так называемого комплекса вспомогательных исторических, или, как их еще называют, источниковедческих дисциплин, который, как мы уже отмечали с Н.А. Соболевой, носит исключительно субординационный характер<sup>21</sup>. В одном случае не генеалогия выполняет вспомогательную по отношению к источниковедению функцию, а источниковедческие методы являются вспомогательными по отношению к генеалогии. В другом – генеалогия обретает самостоятельность на уровне исторического построения.

Неизмеримо усложняются исследовательские задачи при решении даже сугубо традиционных, т.е. “справочных” функций генеалогии низших сословий. Генеалог обращается к целому ряду разнородных по происхождению, структуре и сохранности разновидностей источников: писцовым и переписным книгам, ревизским сказкам, актам гражданского состояния (метрическим книгам), клировым исповедным ведомостям, капитальным, обывательским книгам, спискам составов посадов и общин. Хотя в основе каждой разновидности лежит посемейная сказка, существенные различия в реальном содержании, значительные хронологические разрывы, неопределенности с фамильными прозваниями вынуждают создавать новые методики для выстраивания родословных цепочек, искать новые источники.

Одной из ярких находок последнего времени, еще не реализованной в полной мере, является открытие (в буквальном смысле) первичных материалов Всероссийской переписи 1897 г. Известно, что опросные листы губернские статистические комитеты отсылали в Главную переписную комиссию в Петербург, но после обработки их данных и публикации сводных итогов по высочайшему повелению они были уничтожены. К счастью, не везде. Кое-где сохранились. Петербургские генеалоги М.В. Борисенко и А.В. Родионов независимо друг от друга и в разных архивах выяснили, что в некоторых губернских правлениях перед отсылкой в Петербург делались вторые, дублетные, экземпляры переписных листов для собственных местных нужд. В частности, сохранились переписные листы крестьян Московского, Богородского, Клинского уездов Московской губернии, Южно-Уссурийского округа, Приморской области, массив переписных листов крестьян по Тобольской и Архангельской губерниям<sup>22</sup>.

В частности, М.В. Борисенко установил, что в фонде Тобольского губернского статистического комитета хранятся заполненные от руки типографские бланки вторых экземпляров переписных листов по поселениям практически всей территории Тобольской губернии. Подворные переписные листы сгруппированы по городам, волостям, селам, деревням или владельческим усадьбам. Общее количество дел составляет 4036. Целиком учтено все наличное население, включая мелкие деревни, где отмечены даже гостящие и странствующие. Переписной лист содержал сведения в большем объеме, чем метрические книги и ревизские сказки: 1) фамилия, имя, отчество; 2) пол; 3) отношение к главе хозяйства и главе семьи; 4) возраст; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние, звание; 7) место рождения; 8) место прописки; 9) место жительства; 10) отметка об отсутствии, отлучке и о временном пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) умение читать и писать; 14) занятие главное: ремесло, промысел, должность или служба, побочные занятия, отношение к воинской службе. Отдельно имелись данные об особых приметах (слеп, глух, нем, умалишен), а также вопросы: живут ли в собственном доме? Сколько строений во дворе? Из какого материала?

Важно, что здесь заключалась информация о жителе в системе его родственных и хозяйственных связей. Каждый переписной лист содержал сведения не об отдельном человеке и даже не о конкретной семье, а имел подворный принцип записей о “домохозяйстве”, что является более широким понятием.

Но главное в этих источниках состоит в том, что они коррелируются с ревизскими переписями. Еще В.О. Ключевский отме-

чал, что на каждый данный момент истории в семье можно наблюдать представителей пяти поколений. Это теоретически допустимый максимум. Источниковедчески ревизские сказки и переписные листы содержат в себе данные о трех поколениях, а следовательно, перерыв между последней ревизией 1857 г. и 1-й Всероссийской переписью 1897 г. можно считать исчерпанным. В равной мере это относится и к последующим, уже первым советским переписям. Здесь порой случаются находки, которые связывают не только разноплановые источники, но и исторические эпохи. Показателен в этом отношении материал, введенный тульским генеалогом И.А. Антоновой, – именной каталог бывшего спецхрана Государственного архива Тульской области. Именные карточки здесь (а их в 30 раз больше, чем в общем фонде) стали собираться в каталог, основанный циркуляром ГАУ НКВД 1939 г. и спецприказом НКВД 23 декабря 1940 г. “Об использовании архивных материалов в оперативно-чекистской работе”, подписанным Л.П. Берией. А источниковой базой каталога стали фонды не только советского, но и досоветского периода – органы власти, правосудия, жандармерии, полиции и т.п. А в совокупности это дает возможность изучать генеалогию репрессированных лиц до пятого колена<sup>23</sup>.

Отличительная исследовательская особенность современного генеалoga в изучении непривилегированных сословий, в том числе и крестьянства, – комплексный источниковедческий подход, который опирается, кстати, на сложившиеся традиции. Ведь при кажущейся неразработанности крестьянской генеалогии, мы имеем солидную литературу. К перечисленным выше работам можно добавить исследования А.А. Александрова о крестьянах Сибири, В.М. Панеяха о холопах, М.Ф. Прохорова о вотчинных крестьянах. В этой связи не случайно то, что современные исследователи не только привлекают весь набор массовых разновидностей источников (ревизские сказки, исповедные росписи, метрические книги, актовые материалы), но и ставят вопрос о методологии генеалогии крестьян<sup>24</sup>.

В заключение – несколько общих соображений о генеалогии непривилегированных сословий как элементе или факторе исторического построения. Речь идет, как было сказано выше, о выходе генеалогии на общеисторический уровень, при сохранении ее первоначального справочного смысла. Конечно, значительная часть работ последних полутора–двух десятилетий посвящена изучению конкретных отдельных родов. Большая “Уральская родословная книга” содержит около двух десятков крестьянских родословных; монография А.В. Матисона, хотя и обращена к ге-

неалогии приходского духовенства, но изучает всего один род<sup>25</sup>. Это традиционные генеалогические изыскания.

Но складывается и другое направление, когда генеалогия перестает быть самоцелью, а становится средством или методом изучения более общих исторических вопросов. Конечно, А.В. Демкин говорит в своих работах о целом ряде купеческих фамилий Верхневолжья, но лишь для того, чтобы выяснить вопрос о переливе и, следовательно, функционировании купеческого капитала. Безусловно, Н.Г. Думова, восстанавливает семейные истории виднейших русских капиталистов, но только для того, чтобы подчеркнуть вклад отечественной буржуазии в культуру. А.Н. Боханов реконструирует купеческую родовую преемственность, но с тем, чтобы выявить характер социальной эволюции сословия. Г.Н. Ульянова использует весь арсенал генеалогических данных и семейные традиции благодеяния, но ставит задачу становления социального и нравственного самосознания русского купечества, одной из форм проявления которого была благотворительность. Наконец, автор этих строк писал именно о генеалогии русского купечества, но его книги в библиотечном каталоге проходят под рубрикой “Просопография”, поскольку это направление нацелено на изучение статуса, социально-экономической, политической жизни отдельных его страт.

Думается, там, где речь идет об изучении генеалогии непривилегированных сословий, так будет и впредь. За этим будущее. В данном докладе автор сознательно отшел от многочисленной конкретики, чтобы яснее представить проблемные тенденции. Но это всего лишь первый приступ, хотя и он с очевидностью показывает необходимость историографического обобщения в этой области, чтобы двигаться дальше.

<sup>1</sup> *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1. С. VII; *Шербаков М.М.* История российская от древнейших времен. Изд. 2-е СПб., 1794. Ч. 1. С. VI–VIII.

<sup>2</sup> [*Ломоносов М.В.*] Краткий российский летописец с родословием. Сочинение Михайла Ломоносова. СПб., 1760.

<sup>3</sup> [*Екатерина II.*] Записки касательно российской истории. СПб., 1787–1794. Ч. 1–6. Ч. 5: Родословник князей великих и удельных рода Юрика.

<sup>4</sup> [*Спиридов М.Г.*] Родословный российский словарь. Издан и усерднейше приносится благородному российскому дворянству Матвеем Спиридовым. М., 1793–1794. Ч. 1–2; *Он же.* Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве. М., 1804.

- <sup>5</sup> Подробнее см.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданным в XVIII в. Раздел II: Генеалогия / Сост. А.И. Аксенов. М., 1981.
- <sup>6</sup> Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854–1857. Ч. I–IV; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1873–1875. Т. 1–2. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. 1886–1887. Т. I–II; [Экземплярский А.В.] Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям А.В. Экземплярского. СПб., 1889–1891. Т. I–II; Власьев Г.А. Потомство Рюрика: Материалы для составления родословий. Т. 1. Ч. 1–3. СПб., 1906–1907; Т. II. Вып. 1. Пг., 1918; Савелов Л.М. Родословные записи: (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). М., 1906–1909. Вып. 1–3.
- <sup>7</sup> [Савелов Л.М.] Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом Институте преподавателем Института Л.М. Савеловым. Первое полугодие. М., 1908. С. 13–16.
- <sup>8</sup> Терентьев П.Н. Прохоровская трехгорная мануфактура в Москве. 1799–1899: Историко-статистический очерк. М., 1900; *Он же*. Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915. М., 1915; Грязнов А.Ф. Ярославская Большая мануфактура с 1722 по 1856 г. М., 1910; Симоны П.К. Материалы к истории Русской книжной торговли. Вып. 1: Н.И. Новиков и книгопродавцы Кольчугины. СПб. 1907.
- <sup>9</sup> Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903–1911. Ч. 1–3; Крестовников Н.В. Семейная хроника Крестовниковых. М., 1903. Кн. I.
- <sup>10</sup> Наумов О.Н. Н.П. Чулков – генеалог, историк, москвовед // Известия Русского генеалогического общества. Вып. восьмой. СПб., 1997. С. 38–44; Чулков Н.П. Московское купечество XVIII и XIX веков (генеалогические заметки) // Русский архив. 1907. № 12. С. 489–502.
- <sup>11</sup> Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884–1891. Ч. 1–2.
- <sup>12</sup> Подробнее о них см.: Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 18–22.
- <sup>13</sup> Краско А.В. “Материалы для истории городов” Н.А. Найденова как важнейший источник сведений по генеалогии отечественного купечества // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2000. Вып. 11. С. 5–10.
- <sup>14</sup> Подробнее о них см.: Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 15.
- <sup>15</sup> Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
- <sup>16</sup> Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводладельцы. М., 1962.



- <sup>17</sup> *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. II. *Носов Н.Е.* Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России (“лучшие люди” и “торговые мужики” двинских актов XVI в.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1968. Вып. I. С. 227–269.
- <sup>18</sup> *Громыко М.М.* Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // *История и генеалогия*. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 197–236; *Семенова Л.Н.* К истории генеалогии мастеровых Петербурга в XVIII – начале XIX в. // Там же. С. 234–265; *Аксенов А.И.* Положение и судьбы гостей в конце XVII–XVIII вв. // *Проблемы отечественной истории*. М., 1973. Ч. 1; *Он же.* Происхождение, судьбы и семейные связи московских купцов–именитых граждан // *Источниковедение отечественной истории*. 1984. М., 1984; *Он же.* Генеалогия московского купечества. М., 1988; *Он же.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993.
- <sup>19</sup> См.: *Смирнов М.И.* Экспертная система “Русская генеалогия” // *Историческая генеалогия*. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 3. С. 44–48; *Он же.* Компьютерная система “Русская генеалогия” // *Русский родословец*, 2001. № 1. С. 112–114.
- <sup>20</sup> *Литвак Б.Г.* Очерки по источниковедению массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 7, 287.
- <sup>21</sup> *Соболева Н.А., Аксенов А.И.* Вспомогательные исторические дисциплины: Современное состояние и структура взаимоотношений // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*. М., 1993.
- <sup>22</sup> *Борисенко М.В.* Первая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по истории крестьянских семей // *Известия Русского генеалогического общества*. СПб., 1995. Вып. 3. С. 12–19; *Родионов А.В.* Генеалогическое исследование поморского села Пурнема (Онежский берег Белого моря) // Там же. СПб., 1997. Вып. 8. С. 86–88.
- <sup>23</sup> *Антонова И.А.* Именной каталог бывшего спецхрана государственного архива Тульской области как источник сведений по генеалогии // Там же. СПб., 1995. Вып. 2. С. 54–56.
- <sup>24</sup> *Родионов А.В.* К методологии генеалогического исследования крестьян – поморов // Там же. Вып. 3. С. 24–30.
- <sup>25</sup> *Уральская родословная книга: Крестьянские фамилии*. Екатеринбург, 2000; *Матисон А.В.* Генеалогия православного приходского духовенства России XVIII – начала XX в. М., 2000.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н.А. Соболева. Что вам известно о современной программе “Генеалогия в России”, одобренной Думой? В контексте этой программы уже начинают появляться такие разработки даже не по отдельным регионам, а скорее по областям. Предположим,

изучается родословная симбирской или ульяновской ветви на уровне государственных программ. В частности, там речь идет как раз о метрических книгах, о которых Вы упомянули.

В.А. Кучкин. Понятно, что, допустим, генеалогия купечества проливает свет на переливы капитала. А что же тогда дает нам генеалогия духовенства или холопов? И какие вообще с помощью генеалогии можно исследовать общеисторические проблемы, которые не решаются или трудно решаются путем других изысканий, потому что, например, по переливу капитала вы можете посмотреть документы – продажа акций, покупка акций и т.д. и т.п.? Это тоже можно исследовать. Все же, когда занимают генеалогией, какие проблемы общего порядка мы можем изучить на этом основании?

Ю.А. Тихонов. Правильно ли я понимаю, что для выхода на общеисторический уровень по родословным крестьян, священников, купцов нужен определенный минимум материалов, а сейчас его мало. Скажем, по дворянам имеются обширные генеалогические материалы – справочники и др. А работы о каких-то закономерностях развития, эволюции дворянских родов в генеалогическом плане у нас пока нет. В чем тут дело?

В.А. Кучкин. Генеалогию купцов конкретно можно проследить только с XV в.? Значит, более ранние корни по материалам не установлены?

А.И. Аксенов. О думской программе я слышал. Но и только, никаких подробных публикаций о ней не знаю.

Относительно генеалогии целых регионов, могу сказать, что я сталкивался с несколькими проектами, поступающими в РГНФ. Один из проектов, касающийся Горьковской области, был у меня в руках года два или три тому назад. Он не был связан с думской программой, это исключительно инициатива с мест. На мой взгляд, данные проекты не представляют интереса. Они подготовлены сотрудниками бывших домов политпросвещения, которые разрабатывают всевозможные программы с тем, чтобы получить хотя бы минимум финансирования. Как раз проект по Горьковской области составлен бывшим директором Дома политпросвещения г. Горького.

Вроде бы он имеет благородную цель и задачу – создание всеобщей генеалогии Горьковской области. Но ни слова не сказано о его источниковой базе, методах подготовки, наконец, с помощью каких сил будет осуществляться? Т.е. методической проработки этого проекта не существует. Совершенно очевидно, что он не реален в принципе.

Если думская программа предполагает нечто подобное, можно только сожалеть о том, куда уйдут государственные деньги. Только и всего. Мне абсолютно ясно, что в научную среду эти программы не попадут, и я очень сомневаюсь, что к этому делу привлекут ученых. Скорее всего в регионах главы или соответствующие административные подразделения получают денежные вливания на такие программы и на этом все кончится.

Теперь относительно того, что дает генеалогия для изучения духовенства, крестьянства и т.д. Но ведь есть же примеры, я их приводил. Вот, скажем, В.М. Панеях писал о холопах или М.М. Громыко – о сибирских крестьянах. Здесь мы вступаем, в общем, в деликатную и пока у нас слабо разработанную область изучения микроисторий.

По существу мы не знаем, как функционировала в реальности крестьянская семья. У нас есть общее представление, а конкретика отсутствует. Т.е. на бытовом уровне нет достаточно ясных представлений, или же эти представления навеяны воспоминаниями из разных социальных или сословных слоев. И все. Я думаю, что задача генеалогии в данном случае как раз и состоит в том, чтобы прежде всего выйти на уровень решения микроисторических процессов, протекающих в тех или иных сословных и социальных группах.

Речь идет не только о купечестве, это имеет прямое отношение и к крестьянству с XVII в. Как только появляется массив разновидностей делопроизводственной документации, появляется возможность генеалогической реконструкции на первичном ее уровне с выходом на некие общеисторические процессы. Хотя я должен сказать, что у нас есть работы, в которых изучается и купечество, в том числе более раннего периода. Но там свои сложности, нет таких разновидностей материала, а следовательно, встают другие проблемы методического характера. Это – реализация источниковедческой информационной способности уже известных источников, но в другом ключе. Над этим работают, в том числе и в нашем институте.

По мнению Ю.А. Тихонова, создалось впечатление, что по генеалогии непривилегированных сословий мы имеем минимум источников. Наоборот, как я отмечал, произошло резкое изменение с тех пор, как был введен колоссальный массив делопроизводственной документации. Есть публикации по отдельным регионам. Все делопроизводство государственной машины содержит документацию, отражающую данные и о генеалогии, и следовательно, имеется возможность работать над ее изучением.

В.А. Кучкин. Недавно по телевидению рассказывалось о том, как один из представителей старой дворянской фамилии создает музей, в котором хотел бы представить не только своих предков, но и генеалогию крестьян и других людей, которые жили в поместье. Он готов собирать соответствующие материалы. Вот это очень интересный подход. Доклад А.И. Аксенова – научная иллюстрация тех тенденций, которые наблюдаются в обществе. Наша наука занимается в основном генеалогией князей, привилегированных классов, что важно, поскольку речь идет о земельных владениях, правах на престол и т.п. Но есть и та генеалогия, о которой говорилось в докладе.

В докладе подробно говорилось о сложных проблемах источников и методике их обработки. По существу можно говорить о массовом их прибавлении только с XV в. Это ясно видно, например, по актам: в XIV в. их было только около 200, а в XV в. уже больше 2 тыс.

Мы знаем попытки проследить генеалогию купеческих, крестьянских семей, когда речь идет, скажем, о выделении зажиточной верхушки, по материалам новгородских книг. Следует говорить не только о микроразличии таких работ, но и о их макроразличии для исторической науки. Генеалогия может сказать свое веское слово при ответе на вопрос: насколько общество консервативно, есть ли переходы из одного сословия в другое. Если на протяжении целого ряда столетий (а такие ранние записи имеются), например, род священников занимается только духовными делами, а холопы не выходят из своей среды, то мы можем совершенно определенно сказать, как общество развивается, в какой мере оно подвижно, существует ли взаимопроникновение между различными слоями этого общества и давать ему соответствующую характеристику.

Н.А. Соболева. Речь идет о сложной и важной области знаний. Сегодня люди начинают интересоваться своими предками. Видимо, в увлечении такой региональной генеалогией они увидели какое-то рациональное зерно. Хватит быть “манкуртами”, не помнить своего родства. В конце концов это становится важным и для развития генеалогии как науки и для современной истории. В поисках родословной обращаются к метрическим книгам. Ранее они хранились в храмах. При советской власти было велено сдавать их в областной архив. Многие там находятся и поныне. По ним возможно установить время рождения, крещения, бракосочетания, смерти за несколько поколений.

В.М. Кабузан. В интересном докладе не были названы очень многие массовые источники, которые позволяют исследовать проблему в динамике. Я имею в виду ревизские сказки.

А.И. Аксенов. Я их называл.

В.М. Кабузан. Но как-то очень незаметно. Если брать подворные переписи, ревизские сказки, то по определенному уезду, волости, стану можно узнать, сколько у каждого проживавшего там человека было детей, когда кто родился и т.д. вплоть до переписи 1897 г. А для привилегированных сословий очень интересный источник – переписи Москвы, Петербурга по каждому дому. Я встречал очень много таких материалов, например, по Москве 1767 г. Здесь есть сведения о каждом доме, домовладении, покоях, жителях, их возрасте, занятиях и т.д. В основном это дворяне. Охвачен весь город и его территория. На мой взгляд, надо начинать с таких массовых источников, которые позволяют выявить очень многое, а уж потом убрать дополнительные, второстепенные и заполнять бреши. По крайней мере в отношении сословия податных, начиная с начала XVII в., такая сплошная, единая массовая работа вполне осуществима.

М.Е. Бычкова. Доклад показывает возможности и многогранность генеалогического исследования.

Я обращала внимание на многоликость генеалогии и как метода исторического исследования, вспомогательной исторической дисциплины, и как возможности конкретному лицу приобщиться к истории, потому что в принципе создание истории своей семьи – это вхождение через частные случаи в общую историю страны, потому что предки участвовали в Великой Отечественной войне, в Первой мировой, я уже не говорю о войне 1812 г. Ведь поначалу в советское время генеалогическое общество было создано именно на базе Общества потомков участников войны 1812 г. и потомков декабристов (широкие генеалогические исследования велись именно на этой базе). Это были первые любители, которые занимались историей своей семьи и собирали материалы под эгидой этих обществ.

Меня тревожит то, что, занимаясь историей своей семьи и входя в историю России, человек приобщается к этой истории и создает свой ее вариант, иногда отличный от того, что мы знаем по источникам. Поэтому работы А.И. Аксенова важны тем, что профессиональный историк, специалист в данной области разрабатывает методику работы с массовыми источниками. Кроме того, древние источники надо еще уметь прочитать, что тоже тре-

бует определенной подготовки. Именно методика – самое главное из того, что содержится в докладе.

Генеалогическими проектами серьезно занята средняя школа. Там сохранились олимпиады школьников, имеющие всероссийский масштаб, и даются специальные разработки, связанные с микроисторией. Преподаватели поняли, что проводить исследования по макроистории, например, по войне 1812 г. и другим большим проблемам, – это не так интересно и не так важно для учащихся, как подготовка краеведческих работ на тему “Мое село”, “Моя семья”. Это важно, во-первых, потому, что учащиеся приобщаются к истории, учатся собирать исторический материал и сохраняют его для будущего.

Не правы те, кто считает, что по дворянской генеалогии у нас много материалов. Действительно за XIX в. есть прекрасные источники по губернским дворянским собраниям, но сколько их было уничтожено уже к середине XIX в.! Когда читаешь старую опись еще до 1917 г. и видишь современные пометки “уничтожено”, сердце кровью обливается. Поэтому сбор материалов на всех уровнях сейчас актуален. Важно приобщать людей к тому, чтобы они это делали, опираясь на методику, разработанную профессионалами, и обсуждаемый доклад, будучи опубликованным, принесет пользу не только специалистам-историкам, но более широкому кругу людей, занимающихся историей своей семьи.

Ю.А. Тихонов. В докладе нарисована яркая картина современного состояния генеалогии, и у меня сложилось впечатление, что мы накануне большого научного прорыва в этой отрасли знаний. А когда он произойдет, зависит прежде всего от введения в научный оборот источников.

Напомню еще об одном виде источников.

Сейчас в архивы идет массовый поток запросов (оплачиваемых): дайте мне историю моей семьи. И если обратиться к копиям ответов, то можно увидеть очень большой комплекс интересных материалов именно генеалогического содержания. Но важнее и сложнее – дать методологию исследований широкой общественности. Тогда эти разыскания в области генеалогии приобрели бы массовый характер. Сейчас важно накопить комплекс источников по семьям, и когда их будет определенное количество, тогда можно применять статистический метод.

А.И. Аксенов. В.А. Кучкин, разумеется, прав, говоря о важности актовых источников раннего периода. Я сознательно отшел от этой проблемы, поскольку от меня это довольно дале-

ко, но согласен, что здесь заложены серьезные большие перспективы для генеалогических исследований.

Привлекает внимание мысль относительно общих проблем, связанных с генеалогией непривилегированных сословий, консервативного общества. Я несколько раз обращался к теме диффузии сословий, но довольно робко. Это удастся сделать на каких-то локальных сословных группах, но всерьез к данной проблеме по-настоящему никто не подступал, а ее разработка, вероятно, многое может объяснить и дать для понимания устойчивого характера русского общества в целом.

Очень интересная проблема о запросах в архивах и уровень потребности общества в генеалогических знаниях. Это актуально, потому что еще лет 6–7 назад появились наблюдения провинциальных исследователей Тулы, Владимира, Ярославля, связанные именно с изучением таких запросов, и тогда отмечалось их небольшое число. Сейчас происходит некое качественное изменение, и к нему нужно отнестись всерьез.

Метрические книги я упоминал. Что же касается замечания о ревизских сказках, я их назвал, но не стал на этом останавливаться по одной простой причине – на основе ревизских сказок написаны все мои работы, поэтому еще раз говорить о них мне показалось неуместным.

Относительно прорыва. Как, когда и в какой форме он произойдет, не знаю. Но для меня очевидно одно: необходимо большое историографическое обобщение. Я понимаю всю сложность такого труда, поскольку массовая работа ведется на любительском уровне. За десятилетие этот уровень значительно вырос. Но характер этой работы не ясен в силу малой публикационной возможности для нее. Каким образом можно найти нужный консенсус, пока не знаю.

## **“НЕМЕЦКАЯ” МОДА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РУССКОМ ГОРОДЕ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)\***

“История костюма менее анекдотична, чем это кажется, – писал Ф. Бродель. – Она ставит много проблем: сырья, процессов изготовления, себестоимости, устойчивости культур, моды, социальной иерархии”<sup>1</sup>. Названная тема представляет интерес в первую очередь в контексте исследования социальной и этнической идентичности горожан. Эта тема позволяет также подойти к проблеме истории индивида в России, изучение которой еще ждет своих исследований. В центре исследования – регламентация властью по политическим, конфессиональным и социокультурным причинам внешнего облика подданных (одежды, причесок, усов и бород). История политики власти в этой сфере важна прежде всего для понимания характера взаимоотношений государства и индивида. Эта проблема имеет две стороны: одна – законодательные акты и повседневная практика воздействия власти на формирование желательного внешнего вида подданных; другая – реакция горожан на эти предписания государства. Обращение к теме “власть и мода”, как и любое социально значимое мероприятие правительства, позволяет судить о механизме прямой и обратной связи между властью и обществом. Однако по сравнению с другими, традиционно освоенными историками, данная тема имеет то преимущество, что прослеживается наиболее очевидно.

Вопросы социальной иерархии одежды, социальной, этнической, конфессиональной идентификации и самоидентификации посредством моды давно стали предметом исторических исследований<sup>2</sup>. Однако в историографии им не уделяется должное внима-

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 5 марта 2002 г. Первый вариант этого доклада был прочитан в ноябре 2001 г. на семинарах по истории Восточной Европы в университетах Марбурга и Констанцы. Автор выражает признательность профессорам Ш. Плаггенборгу и Б. Пиетров-Эннкер за сделанные ими замечания. Работа выполнена при поддержке фонда “Gerda Henkel Stiftung”.



ние. Можно назвать единственное монографическое исследование, выполненное в русле социальной истории<sup>3</sup>. Эта содержательная работа написана на официальных источниках (законодательных актах, постановлениях и т.п.), а также материалах публицистики. Поэтому вне поля исследовательских интересов остались представления самих индивидов о собственной идентичности и способах ее презентации. А между тем, учитывая регламентацию властью по политическим и социокультурным мотивам одежды, причесок, усов и бород подданных, изучение поведения людей в этой сфере весьма важно для истории индивида и частной жизни.

Историки моды мало обращались к отмеченным проблемам социальной и культурной истории. До сих пор социальным аспектам истории костюма наибольшее внимание уделили Е. Берман и Е. Курбатова – авторы пятитомного издания “Русский костюм”, завершеного более 30 лет назад<sup>4</sup>.

Существенный вклад в изучение отдельных вопросов темы “мода и идентичность”: семиотика дворянского костюма, переосмысление социокультурного кода бороды в русской культуре, конструирование новой национальной идентичности славянофилами, внесли культурологи и литературоведы (особенно Ю.М. Лотман).

В последние годы возрос интерес историков к проблемам социальной идентичности российского общества, в частности на международном конгрессе по истории Восточной Европы в Хельсинки в 2000 г. им была посвящена одна из панелей. В 1998 г. мной опубликована статья “Русский горожанин в поисках социальной идентичности (первая половина XIX в.)”. Основным ее источником стали дневники купцов и мещан<sup>5</sup>. Однако сегодня после работ семиотиков (Ю. Лотман и др.) и антропологов (С. Geertz и др.) очевидно, что для понимания механизмов социальной и этнической идентификации необходимо изучать не только дискурсивные практики, но и невербальные способы, с помощью которых люди в прошлом конструировали свою идентичность. Одним из важнейших способов презентации своей идентичности является весь внешний облик индивида, его одежда, прическа, символические жесты коммуникативного характера.

Для познания прошлого России исследование истории костюма особенно актуально в силу того раскола общества, который произошел при царе Алексее Михайловиче и имел конфессиональный характер. Этот раскол углубился и расширился при Петре I, приобретая глобальный социокультурный характер, оформленный знаковой трансформацией всего внешнего облика верно-

подданных. Таким образом, платье, прически и бороды приобрели ярко выраженную сословную и профессиональную окраску. Ареной этого уникального стилистического эксперимента стал, как известно, город. Доминирующую сельскую округу не пытались изменить даже Петр. Власть, в целях облегчения идентификации верноподданных, ввела для старообрядцев и других ревнителей старины – “бородачей”, “указное платье”, на котором должны были быть нашиты особые знаки. Дискриминационные ограничения в одежде затронули и жен “бородачей”, в число которых зачислили и всех городских жителей, которые не пожелали расстаться с бородой<sup>6</sup>. С этой регламентацией в сфере одежды старообрядцев и других “бородачей” покончила лишь Екатерина II указом 14 декабря 1762 г. и манифестом 3 марта 1764 г.<sup>7</sup>

Более 100 лет после Петра Великого европейская одежда в восприятии простого народа оставалась “немецкой”. Этот феномен обычно интерпретируется таким образом: этнонимом “немецкий” в связи с низким уровнем представлений о мире обозначили все западноевропейское. Однако если до эпохи наполеоновских войн данная интерпретация возражений не вызывает, то после 1812 г. она представляется сомнительной. Русские простолюдины на личном опыте научились быстро отличать французов от поляков, немцев и представителей других этносов, пришедших с армией Наполеона. Более того, как известно, влияние французской моды на дворянство, чиновничество высших и средних рангов, европеизированную верхушку купечества и другие образованные слои русского общества было доминирующим.

Что же касается основной массы русских купцов, зажиточных слоев мещан и низших разрядов чиновников, то они воспринимали весь рассматриваемый период европейскую моду как дворянскую, следовательно, чужую, и весьма избирательно заимствовали что-либо из нее.

Я полагаю, что роль Германии в распространении и адаптации европейского платья, причесок, отдельных элементов культуры досуга (танцы, застолье, рождественская ель и др.) остается недооцененной и требует дальнейшего изучения. Некоторые известные русские предприниматели и купцы сознательно ориентировались на немецкие буржуазные традиции: обучали своих детей немецкому и английскому, а не французскому языку, давали им среднее, а иногда и профессиональное образование в немецких учебных заведениях, в том числе и функционирующих в Российской империи. Учитывая галломанию в высших слоях общества, такие германофильские настроения в сфере культуры были свидетельством сознательной ориентации молодой русской тор-

гово-предпринимательской элиты на буржуазные социокультурные нормы. Эти нормы воспринимались в контексте сохранения консервативных ценностей, неприятия радикализма и революционаризма, которые ассоциировались с Францией.

## ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Наиболее массовый и надежный источник для темы “мода и идентичность” – этнографические описания. В 1840-х – начале 1860-х годов по призыву Русского географического общества были составлены сотни этнографических описаний. Многие из них посвящены быту жителей провинциальных городов. Эти источники зафиксировали доминирующий тип одежды в разных социальных группах и нередко те тенденции в городском платье, которые они непосредственно наблюдали в конкретных городах. Их авторы (чиновники низших рангов, учителя, священники, мещане) хорошо знали свой предмет и имели такой же социальный статус или были близки к тем социальным слоям, быт которых они описывали.

Общую картину господствующих мод, а иногда и индивидуальных предпочтений дает беллетристика. Мной были использованы произведения русских писателей первой половины XIX в.: Ф.В. Булгарина, Н.В. Гоголя, М.Н. Загоскина, А.Н. Островского, И.Я. Яковлева и др. К ним примыкают записки путешественников, фиксировавших в своих заметках непосредственные и, как правило, краткосрочные наблюдения. Эти источники также позволяют судить о распространении современной моды в разных слоях горожан, но ничего не говорят о мотивах индивидуального конструирования идентичности посредством одежды.

Источников, позволяющих исследовать дискурс индивидуального конструирования социальной идентичности (дневников, писем, мемуаров, автобиографий), созданных в средних “буржуазных” слоях русских горожан, сохранилось мало. Поэтому особую роль в изучении этих проблем приобретают изобразительные материалы. К ним относятся: портреты, жанровые картины, литографии, рисунки, дагерротипы, фотографии. Сопоставление визуальных источников с материалами этнографического характера, беллетристики и эгоисточниками делает картину исследования более объемной и многомерной.

Материалы периодики использовались в разных аспектах: иллюстрированные журналы с описаниями мод и рисунками одежды; данные о подписке на журналы мод; корреспонденции

о конфликтах, в центре которых оказывались платье или бо-рода.

Особый интерес представляют материалы суда и следствия, когда конфликты, связанные с одеждой, становились предметом судебного разбирательства.

Наконец, использовались также законодательные материалы и нормативные акты, регламентирующие одежду и моду разных социальных групп. Реакцию горожан на эту правительственную регламентацию можно проследить по агентурным донесениям в III Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Главный недостаток этого источника – почти все материалы касаются Петербурга и Москвы.

Механизмы распространения немецкой моды в России были разнообразны: журналы; непосредственные впечатления путешественников по Германии и прибалтийским губерниям Российской империи; готовая одежда, импортированная из Германии, продававшаяся на ярмарках и в магазинах отдельных крупных городов; влияние облика и бытового уклада немцев, проживавших в русских городах.

У меня нет данных о распространении в России первого немецкого журнала мод “*Journal der Luxus und der Moden*”, выходящего с 1786 г. Однако с ним были знакомы издатели русского журнала “Магазин английских, французских и немецких новых мод” 1791 г. Лишь в отдельных купеческих семьях были знакомы с европейскими журналами мод. Для большинства читателей-купцов они были недоступны. Купцы знакомились с ними посредством русских журналов мод и особенно литературных журналов и газет, многие из которых вели специальную рубрику о модах в столицах Западной Европы (Париж, Лондон, Берлин, Вена) и на модных курортах. Положение несколько меняется лишь во второй половине 1850-х годов в связи с возросшим интересом к периодике и ростом сети публичных библиотек, некоторые из которых выписывали и немецкие модные журналы.

Путешествия по германским землям, с точки зрения распространения моды, также были не очень эффективными из-за малочисленности выезжавших за границу. “Общее число лиц, выезжавших за границу в те годы, установить трудно: официальная статистика была случайной, отрывочной и страдала неполнотой”<sup>8</sup>, – пишет историк Н.А. Ерофеев. С ним следует согласиться лишь отчасти. Для подтверждения своего утверждения он приводит отрывочные официальные данные за 1816 г. (за границу выехало 698 человек) и за 1833 г. (1178 человек)<sup>9</sup>. А в 1849 г., когда правительство отдало распоряжение всем подданным вер-

нуться на родину, возвратилось более 40 тыс.<sup>10</sup> Однако в 1840-х годах число ежегодных путешественников возросло, составив, например, в 1846 г. 4101 человек<sup>11</sup>. Несомненно, среди “возвращенцев” 1849 г. оказалось много дворян, проживавших в Европе несколько лет. Именно этим обстоятельством, а не плохо поставленным учетом можно объяснить тот факт, что вопреки малочисленности ежегодно выезжавших за границу в царствование Николая I количество “туристов” вернувшихся, по воле царя, было значительно.

Официальные данные довольно точно отражают число представителей предпринимательских кругов, совершивших заграничные вояжи. Во второй половине 1840-х годов численность “торговцев и промышленников”, отправившихся за границу (как и их доля в общем потоке выезжавших), заметно возросла: в 1846 г. 2769 (67,5%) человек, в 1850 г. – 2392 (69,6%)<sup>12</sup>. В связи с изменением формы учета выезжавших мы не можем определить долю находившихся за границей купцов и предпринимателей в канун отмены крепостного права. Однако следует отметить внушительный рост количества путешественников и расширение социального состава лиц, пересекавших границы империи. Так, в 1860 г. выехало за рубеж 70 044 российских подданных разных сословий, включая в их число и 27 тыс. татар, переселившихся в Турцию. Доля дворян и служащих среди лиц, сохранявших российское подданство, составила 16,8%<sup>13</sup>.

К сожалению, официальные источники не дают сведений об “агентах” моды, ибо в них отсутствует информация об этническом составе путешественников. Вопрос о том, как много среди них было русских купцов и мещан, требует обращения к другим источникам – документам делопроизводства органов городского самоуправления. Не дают данные III Отделения и ответа на вопрос, сколько русских побывало в эти годы в Германии.

Так или иначе многие путешественники привозили в своем багаже готовое платье, сделанное в Германии. Этот канал распространения моды близок к импорту готового платья, но он отличался от него тем, что отбор осуществлялся самими путешественниками на основе собственного индивидуального выбора.

Более интенсивными, чем с германскими государствами, были в это время контакты русских купцов с немецким населением Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний. Однако здесь, как и в случае с русскими городами, в которых проживало довольно многочисленное немецкое население, уместно говорить не о немецкой моде, а влиянии традиций немецкой культу-

ры на одежду горожан. Впрочем, это замечание справедливо лишь отчасти, ибо среда немцев-горожан постоянно пополнялась ремесленниками и торговцами из Германии, специализировавшимися на производстве и продаже модной одежды и аксессуаров.

## РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОДЕЖДЫ ГОРОЖАН ВЛАСТЬЮ

Эту проблему следует начать с анализа двух конфликтов. Исследования отдельных казусов поможет выявить те аспекты интересующей нас проблемы, которые при методах макроистории, ориентированной на сериальные источники, остались бы в тени.

Летом 1830 г. в Москве полицией был задержан мужчина 29 лет “по сомнению имеющейся на нем ветхой одежды и отпущенной небритой бороды”. В это самое время по улицам Москвы шатались сотни нищих и бродяг и тысячи плохо одетых бедных людей. Однако из всей этой массы мужчин внимание полиции привлек именно этот человек. Каковы причины этого интереса? Согласно документам, бородатый и бедно одетый человек был отставным капитан-лейтенантом С.И. Кадыном. Полицейские чины усомнились в его личности из-за несоответствия его внешнего вида социальному статусу дворянина. Но следствие подтвердило его личность.

На допросе о целях своего путешествия моряк сказал, что “отправился поглядеть широкую землю русскую и добрый народ русский”. Частный пристав Токарев и квартальный надзиратель Лютов в числе других задали Кадыну и вопрос о его внешнем облике: “Почему Вы не имеете у себя приличного званию Вашему одеянья, а особливо не бреете бороды?..” Допрошенный дал весьма содержательный ответ, заявив, что он, “отправляясь из Херсону, взял с собою одну грубую и неценную одежду, дабы нося ее выучиться не стыдиться того, что непостыдно есть, укоренить себя в терзании и сблизить сердце с бедностью и нищетою”<sup>14</sup>.

Путешествующий без видимой надобности небритый человек (по правительственным предписаниям, даже отставные нижние чины должны были брить бороду) в “грубой” одежде ничем не напоминал своим видом бывшего флотского офицера, поэтому полиция принимает его за беспаспортного бродягу, похитившего чужие документы.

Степан Иванович Кадыян решил раньше, чем лидеры славнофилов А.С. Хомяков, П.В. Киреевский или И.С. и К.С. Аксаковы, отказаться от иноземного платья и принять облик, кото-

рый был присущ основной массе русских мужиков. Есть ли основания считать, что поступок отставного флотского офицера имел сходные культурные основания, что и шокирующие публику на первых порах шаги славянофилов в этом направлении? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Кадьян не был настолько беден, чтобы не иметь другой, более подобающей отставному офицеру одежды. Следовательно, он, как явствует из его ответов в полиции, пошел на сознательный выбор. Попытаемся разобраться в причинах, побудивших его отказаться от облика, приличного человеку его звания. Очевидно, такой наряд позволял ему легче войти в контакт с крестьянами или городскими низами. Однако у него была и другая причина для смены платья – в целях нравственного самосовершенствования отказаться от излишеств и принять бедность и тем самым, сблизившись с народом, обрести более широкую социальную идентичность. Отсюда и сознательный отказ от ношения одежды, имеющий знаковый характер принадлежности к “благородному обществу”.

Принципиальная разница между ним и славянофилами заключается лишь в том, что в отличие от них его действия были обращены не на других, а на себя. Он не стремится никого шокировать и не пытается ни на кого воздействовать своим примером, а хочет обрести себя в этой новой для него народной одежде и в своем желании познать “добрый русский народ”.

Его “грубая” одежда, борода, иррациональная, с точки зрения обыденного человека того времени, цель путешествия встретили насмешки полицейских чинов. И вот эти-то насмешки вызывали у отставного моряка чувство обиды и недоумения. Он писал: “... я по моим намерениям и делам достоин похвалы, а не унижения, осмеяния и содержания меня в частном полицейском доме под стражею...”<sup>15</sup> Однако, с точки зрения власти, подобный образ мыслей и такое поведение весьма неодобрительны. 25 сентября 1830 г. управляющий III отделением М. фон Фок в отношении к исполняющему должность московского обер-полицмейстера С.Н. Муханову писал, что император по докладу об отставном капитан-лейтенанте С.И. Кадьяне изволил приказать “выбрить ему бороду и взять с него подписку, что он впредь не будет делать неблагопристойностей, освободить его”<sup>16</sup>.

Современникам казалось, что царствование императора Павла I было последним, когда верховная власть постоянно стремилась регламентировать одежду подданных. При Александре I число предписаний о том, как должны одеваться подданные, резко сокращается, соответственно снижается и преследование полицией людей, нарушавших эти регламентации. Однако Николай I

счел нужным подтянуть “дисциплину” в обществе, преследуя либерализм во всех его проявлениях. Император лично обращал внимание на то, как одеты его подданные, какие у них прически, усы и бороды.

Выполняя волю царя, полиция наблюдает за внешним обликом горожан. По этому поводу время от времени возникают конфликты между гражданами и местной властью. Так, 7 декабря 1840 г. Тобольский полицмейстер Нога нанес “обиду” депутату квартирной комиссии Кошкарову. Последний подал жалобу. В объяснительной записке полицмейстер писал, что, войдя в присутствие квартирной комиссии, застал “сидевшего за судейским столом ...депутата мещанина Кошкарова, одетого в *тулуп и подпоясанного кушаком*, которому тотчас напомнил, что он явился в присутствие *не в приличном платье одеты...*” Депутат отвечал, что “*он одет прилично и как должно*” (курсив мой. – А.К.). Тогда полицмейстер заявил, что его оппонент должен быть в сюртуке или “другом, приличном званию его платье”, и потребовал, чтобы Кошкаров ушел и переоделся. Но мещанин вновь повторил, “что переодеваться не хочет и что он одет хорошо”. Тогда полицмейстер вывел его из помещения<sup>17</sup>.

В этом конфликте, разыгравшемся вокруг тулупа, подпоясанного кушаком, со всей отчетливостью видны социальные представления разных городских слоев об одежде. В картине мира полицмейстера то, как одет депутат квартирной комиссии мещанин Кошкаров, – это грубейшее нарушение всех норм приличия. Перед ним меркнет даже некорректное поведение мещанина, который разговаривал со стоящим чиновником сидя. Тобольский полицмейстер фиксирует в своем объяснении эту деталь, но не заостряет на ней внимание. Он концентрируется именно на несоответствии нормам социального этикета одежды депутата-мещанина. Полицмейстер Нога, оправдываясь, добавил, что он говорил мещанину: члену комиссии не подобает быть в тулупе, в котором “*прилично только ходить одним мужикам и какому-нибудь сапожнику, но вовсе не члену квартирной комиссии*”<sup>18</sup>. Кошкаров, как утверждал полицмейстер, на эти слова обиделся.

За конфликтом вокруг тулупа стояли представления о маркирующей социальной функции одежды. Констатируем принципиальное несоответствие взглядов по этому вопросу у чиновника и горожанина. Место, где произошел конфликт, занимала городская комиссия, избираемая домовладельцами. Эта комиссия занималась отводом квартир в домах горожан на государственные нужды. Для членов квартирной комиссии не была предусмотрена



униформа. Следовательно, они имели право приходить на заседания комиссии в своем обычном платье. Именно так и поступил Кошкарров. Однако в вопросе о допустимости (“приличности”) этой одежды мнения полицмейстера и мещанина оказались противоположны. Более того, тобольского мещанина больно задело утверждение чиновника, что его одежда пристойна лишь крестьянам (“мужикам”) и “какому-нибудь сапожнику”. Таким образом, он, признавая социальную иерархию в одежде, считал, что его одежда отличается от наряда крестьянина (“мужика”) или ремесленника, занятого “черным” (физическим) трудом. Здесь возникает вопрос, почему полицмейстер этих различий не усмотрел? Вероятно, он не обратил внимания на качество выделки тулупа или детали его отделки, но зафиксировал сам знаковый смысл вещи. Для чиновника тулуп – одежда низших слоев общества, которые по своему статусу не имеют права на власть. Поэтому мещанин своей одеждой профанирует сакральный характер власти, которым обладает каждое официальное учреждение, санкционированное царской властью.

Накануне отмены крепостного права вопрос о статусной роли одежды неожиданно обрел актуальность, и произошло это не на городской территории, как прежде, а в деревне.

В отчете корпуса жандармов и III отделения за 1859 г. обращалось внимание на участвовавшие подозрительные случаи хождения в народ образованных путешественников. В частности, в конце 1858 – начале 1859 г. кандидат Московского университета Рыбников ездил по Черниговской губернии, собирая сведения о промышленности. “Он носил бороду и крестьянское платье, сближаясь с раскольниками, и разговорами о их религиозных обрядах и о предстоящем в России преобразовании быта помещичьих крестьян, возбудив против себя подозрение, был арестован”. В Новороссийской губернии бывший студент Московского университета Свириденко “также носил русскую одежду, сближался с простым народом, женился на крестьянке и приобрел на сельских жителей влияние”. История с дворянином П.И. Якушкиным, задержанным в Пскове полицмейстером, стала предметом газетной полемики. Якушкин утверждал, что был задержан за то, что носил бороду и крестьянское платье. Псковский полицмейстер настаивал на иной причине задержания этнографа – “за неимение письменного вида”.

Власти не оставили эти происшествия без внимания, усмотрев в них опасный политический умысел: “Повторяющиеся случаи путешествий таких людей, которые сближением своим с простым народом, особенно при нынешнем ожидании помещичьими

крестьянами свободы, могут подать повод к беспорядкам, заставили обратить на этот предмет внимание”<sup>19</sup>. Этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне с участием шефа жандармов, министров внутренних дел, юстиции и народного просвещения. В результате обсуждения с разрешения царя постановили, “что одни ученые общества, утвержденные правительством, могут посылать от себя путешественников”, снабдив их паспортами, и о каждом случае доносить МВД, чтобы губернаторы были заранее извещены “о собирательстве сведений”. Ученым предписывалось, прибыв на место, заявлять о себе местной полиции. Издателям же газет и журналов было отказано в праве посылать от себя “подобных путешествующих”<sup>20</sup>.

Одежда служила знаком не только сословной, но в ряде случаев и конфессиональной принадлежности ее владельцев. Последнее замечание особенно справедливо в отношении мусульман и иудеев. Имела некоторые отличия и одежда старообрядцев, в частности, они носили традиционное русское платье, длинные волосы и бороды. Власть строго следила, чтобы православные не перенимали такой одежды инородцев, которая имеет знаковый конфессиональный характер. Так, в 1833 г. тюменская полицейская управа наказала розгами при земской полиции поселенца Нифантова. Вся вина последнего состояла в том, что он явился в тюменскую полицию “в неприличной камилавке, похожей на еврейскую ермолку”, а также в мантии, “похожей на краган”. За это “преступление” ему дали 20 розог. “Камилавку и мантию”, чтобы через ношения их “не могло быть соблазна другим людям”, истребили<sup>21</sup>. Своими действиями чиновники стремились ликвидировать прецедент, который мог нанести ущерб православной церкви. Логика их рассуждений кажется очевидной: а что, если православные, нося вещи, похожие на еврейские, вздумают перейти в иудаизм? Однако они не только охраняли интересы государственной церкви, но и стояли на охране социокультурных норм и предписаний традиционного общества, в котором сословия, социальные группы (“звания”, “чины”, “классы”, “разряды” людей) и конфессии не должны смешиваться.

Политика власти в этом вопросе в конце XVIII – середине XIX в. была, как правило, последовательной. Стремясь инкорпорировать евреев в российский обществе, правительство неоднократно предписывало евреям перейти на “обыкновенное платье”. Такое высочайшее предписание имело место в 1844 г. Однако евреи не спешили его выполнять и неоднократно добивались отсрочки. И все же в марте 1871 г. вступили в силу “правила” о неукоснительном соблюдении в Царстве Польском запрещения

евреям носить традиционную одежду. Эти правила придерживаются довольно архаичного деления одежды на “русскую” и “немецкую”. При этом все платье классифицируется с исчерпывающей полнотой: “5. Дозволяется также евреям носить одежду русского покроя и исключительно при оной могут они иметь бороды, но без пейсов. Следовательно, *те евреи, кои одеваются по-немецки*, то есть: при фраке, при коротких сюртуках или пальто, *бород отнюдь носить не могут*. 6. Русскою одеждою надлежит признавать: сюртук длиною за колена или по щеколадку, сшитый по такому покрою, как у русских купцов, панталоны в сапоги или сверху сапогов, шейный платок или шляпу, или обыкновенную фуражку. 9. Равным образом не должно принуждать евреев одеваться в русские кучерские армяки, которые, будучи исключительно одеждою одних только кучеров, вовсе не считаются общенародною русскою одеждою (курсив мой. – А.К.)”<sup>22</sup>.

Этот документ свидетельствует, что имперская власть, стремясь к унификации одежды поданных, не готова была позволить индивидам (в данном случае евреям) самим решать, как они должны одеваться. Одежда в картине мира русского чиновника по-прежнему должна была выполнять функцию социальной маркировки подданных, деля их по крайней мере на две социокультурные группы: народ и образованную публику.

## МОДА КАК СРЕДСТВО ОБРЕТЕНИЯ НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социокультурная власть в сфере одежды в традиционном обществе действовала не столько с помощью прямого насилия со стороны государства, сколько с помощью укоренившихся стереотипов поведения и вековых норм.

Одежда в первой половине XIX в. продолжала довольно исправно играть свою идентифицирующую роль в картине мира не только чиновников, но и других сословий и социальных групп. Известный экономист и публицист пореформенной эпохи В.П. Безобразов обратил внимание на тот факт, что в середине XIX в. любой крестьянин-предприниматель с. Иванова (жители этого села к тому моменту уже давно вели городской образ жизни и не имели ничего общего с сельским хозяйством), разбогатеет, “разрядится... непременно и разрядит в прах свою жену, если бы не для собственного удовольствия, то хоть людям на показ”. Он также зафиксировал распространенную среди жен мастеровых практику выходить на гуляния в дорогих сторублевых шелковых

платьях, взятых на прокат<sup>23</sup>. Эти факты он привел для характеристики нравов жителей Иванова и усматривал в них проявление тщеславия.

Историк К. Гества, изучавший протоиндустриализацию в России на материалах Иваново-Вознесенска и Павлова, на основании наблюдений В.П. Безобразова и некоторых других публицистов пореформенной эпохи предложил иную интерпретацию этих данных. Он справедливо считает, что ивановцы и павловцы (в первую очередь женщины), формально состоявшие в крестьянском сословии, стремились посредством городской одежды отгородиться от крестьянства окрестных деревень. Более того, К. Гества видит в показной роскоши нарядов женщин и рациональные моменты: публично демонстрируя богатство своего наряда, жены тем самым подчеркивали преуспевание и финансовое благополучие их мужей<sup>24</sup>.

Приверженность части горожан традиционному платью как знаковому отличию от обладателей фрака, башмаков и панталон едва ли уместно интерпретировать как неприятие всей социальной системы Российской империи. Ориентация на народную одежду вопреки моде – это лишь признак неприятия модернизации общества, но вовсе не отрицание социальной российской действительности. Так, в 1801 г. занимавшийся поставками для армии холста и “каламенки” фабрикант Грачев просил уволить его от службы и наградить. Для того времени его поведение было вполне типично – человек, прослужив на благо государства без нареканий несколько лет, требовал себе награды. Московский генерал-губернатор поддержал его ходатайство и просил “вместо награждения чином, как подобные ему члены ратгауза устаиваются, которого он по старинному образу одежды своей не желает, пожаловать ему каковой либо знак отличия для ношения на шее”<sup>25</sup>.

При этом в образованных слоях горожан престиж мундира в николаевское время постепенно снижался, в купеческой среде он рос. Так, в 1840–1850-е годы массовый характер приобретают прошения купцов о награждении их правом носить мундир за службу по выбору. В одной Тверской губернии с ходатайством по этому вопросу обращались: калязинский купец Ногин в 1845 г., старицкий купец Веревкин в 1851 г., новоторжские купцы Вавулин, Попов и Свешников в 1849, 1850 и 1857 гг., в 1858 и 1859 гг. бывшие бургомистр Некрасов и ратман Воронов зубцовского магистрата, а также зубцовский купец Посохин<sup>26</sup>. И это не полный список пожелавших испросить себе в награду за беспорочную службу право носить форменный мундир по последней должности.

## МОДА КАК СРЕДСТВО ОБРЕТЕНИЯ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В начале XIX в. в гардеробе купчих были те же вещи, что и у прочих горожанок. Отличались эти наряды прежде всего качеством отделки и стоимостью материала. Однако принципиальная близость одежды купчих и женщин из “простого народа” перестает устраивать молодых купчих, которые, получив образование в пансионе, стремятся подражать столичным модам. В этом было не только желание провинциалок не отстать от моды. Одевая “шмиз”, а позже кринолин, эти женщины проводили резкую черту между собой и “простолюдинками”. Тем самым модная одежда сама по себе становилась средством обретения новой культурной идентичности, она выполняла эту роль более успешно, чем пусть дорогая, богато украшенная, но все же народная в своей основе одежда. Модные наряды были отличительным признаком благородства ее обладательницы. Молодая женщина в модном европейском платье всем своим видом сразу дистанцировалась и от простонародья, и от пожилых женщин, верных старозаветным традициям.

Мужское общество в отношении одежды было значительно консервативнее женского. Характерной чертой модернизированной народной одежды было сочетание русского платья с деталями модного дворянского костюма. Большинство носителей традиционной купеческой культуры не готово было даже в середине XIX в. следовать современной моде. Можно ли это неприятие европейской моды объяснить тем, что фрак – наиболее знаковая одежда мужского костюма воспринималась как “чужое”, “немецкое” или “дворянское”, платье?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к “Заметкам на пути из Петербурга в Барнаул” публициста и этнографа П.И. Небольсина. Он путешествовал по Сибири в 1845–1846 гг. в качестве представителя одной из акционерных золотопромышленных компаний. В частности, Небольсин писал о барнаульском купце С.А. Федченко, у которого снимал квартиру: как и большая часть сибиряков, он “ходит по-немецки”, но не решается носить фрак. И далее проводит антифрочную мотивацию своего собеседника: “Право, этот *кургузый* балахон носить совестно! Да и взглядитесь хорошенько, на что похож человек во фраке? То ли дело сюртук, али ныне пальты попридумали? – Благодарь да и только! И *перед бабьем не краснеешь*, и дешево обходится; износил, выворотил: он и заново (курсив мой. – А.К.)<sup>27</sup>.”

Таким образом, для этого сибирского купца мода уже внациональна и внесловна. Он приветствует ту современную оде-

жду, которая удобна, создает комфортное ощущение и не выглядит слишком вызывающе. Напротив, соображения экономического, нравственного и эстетического характера, унаследованные от народной культуры, препятствовали принятию короткой и облегчающей одежды, которая едва ли гляделась на дородных русских купцах. Авторы “Русского костюма”, работавшие над материалом для сценических постановок, справедливо писали, что даже “купцы-щеголы, заказывая модный сюртук, “пускали его подлинней”, потому что по народным понятиям “куцая” одежда смешна”<sup>28</sup>.

В то же время кричащее сочетание цветов даже в мужском костюме не кажется в соответствии с народной традицией неуместным или смешным. Так, П.И. Небольсин не без удивления описал наряд томского мещанина Сизых в день, когда бывший приказчик на приисках давал “бал” по случаю дня рождения жены: “На хозяине был надет зеленый бархатный, подбитый белкою, халат; из под него виднелась пестрая русская рубаха; желтые сафьяновые туфли надеты на босу ногу”.

В рассматриваемое время московское купечество было едино в своих вкусах и отношении к моде с провинциальным. “У нас никогда по моде не одеваются, – писал А.Н. Островский в “Записках замоскворецкого жителя”, – это даже считается неблагопристойным. Мода – постоянный, неистощимый предмет насмешек, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головами с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде”<sup>29</sup>.

Еще в 1815 г. журнал “Кабинет Аспазии” утверждал: “Купечество не знает мод, а только обычай”<sup>30</sup>. Однако со временем желающих одеться по моде становилось все больше и больше. “В старину можно было отличить по платью чиновника от купца, купца от ремесленника... Теперь? – Все состояния имеют – фрак! Идешь по улице – встречаешь вельможу, сидельца из магазина, титулярного советника, сапожника – все одеты одинаково”, – обличал в 1828 г. столичные нравы литератор Яковлев<sup>31</sup>.

Картина единообразия мужских нарядов, разумеется, утрирована, но верно отражает сразу несколько социокультурных процессов. Во-первых, писатель справедливо указал на универсальность фрака как престижной одежды; во-вторых, зафиксировал проявившуюся тенденцию к стилевому единообразию мужской моды, к ее унификации, распространявшуюся в широких слоях постоянного городского населения; в-третьих, предпочтение, отдаваемое офицерами фракам, свидетельствовало о некотором

снижении популярности военных в среде столичного дворянства; приоритет, отдаваемый служащими фраку в сравнении со штатскими или армейскими гвардейскими мундирами, свидетельствовал об изменении отношения дворянства к службе. Теперь даже служащие отдают предпочтение частной жизни, что находит свое выражение и в ношении фрака – этой подчеркнуто приватной одежде.

Итак, для большинства русских купцов и мещан современная мода оставалась “чужой”: дворянской или/и “немецкой”. Одежда служила важнейшим фактором подтверждения своей социальной (городской) и национальной идентичности. Однако процесс проникновения общеевропейской моды в русском городе в среду непривилегированных горожан в середине XIX в. зашел достаточно глубоко. Это стало возможным благодаря ряду факторов. Во-первых, произошла определенная демократизация моды, которая стала больше выражать интересы буржуазии. В демократизации женской моды огромную роль сыграла одежда из ситца. Этот материал способствовал проникновению модного платья в широкие слои городского, а затем и сельского населения. Во-вторых, вырос и образовательный уровень русских горожан, а с ним изменилось и отношение к моде. Мода начинает восприниматься не как “дворянская”, но как внесословная. В-третьих, несомненно, определенную роль здесь играл и пример немецкой буржуазии.

<sup>1</sup> *Бродель Ф.* Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986. Т. 1. С. 333.

<sup>2</sup> *Roche D.* The Culture of Clothing: Dress and fashion in the “ancien regime”. Cambridge, 1999. (Работа впервые опубликована на французском языке в 1989 г.); *Bergelt C.* Das “Journal des Luxus und der Modern” (1786–1827). Ein soziologischer Beitrag zur Durchsetzung des bürgerlichen Familienideals im Spiegel einer deutschen Modenzeitschrift. Marburg, 1984; *König R.* Menschheit auf dem Laufsteg: die Mode im Zivilisationsprozess. Frankfurt a/M., 1988; *Petraschek-Heim I.* Die Sprache der Kleidung: Wesen und Wandel von Tracht, Mode, Kostuem und Uniform. Baltmannsweiler, 1988; *Amtmann J.* Mode und Moral: Aesthetil und soziale Normen der bürgerlichen Gesellschaft im Spiegel der literarischen Darstellung der Kleidermode des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1994; *Steele V.* Fetisch: Mode, Sex und Macht. B., 1996; *Mode, Weiblichkeit und Modernitaet / Hrg. G. Lehnert.* Dortmund, 1998; *Wiebke K.-M.* Der Mensch und seine Kleider. T. 1. Die Kulturgeschichte der Mode bis 1900; T. 2. Kulturgeschichte der Mode im 20. Jahrhundert. Düsseldorf; Zürich, 2000.

<sup>3</sup> *Würschfer E.K.* Social Identity in Imperial Russia. De Kalb, Il. Northem Illinois, 1997.

- 4 Берман Е., Курбатова Е. Русский костюм. 1750–1917: В 5 вып. М., 1960–1972. Впрочем, возможно в последнее время российские искусствоведы почувствовали вкус к данным проблемам. Так, Р. Кирсанова в трех монографиях, написанных в середине 1990-х годов, вопросам конструирования идентичности посредством моды не уделила никакого внимания, а в статье “Офранцузенный сарафан”, опубликованной в 1997 г. в журнале “Родина” (№ 7), именно они находятся в центре ее исследования.
- 5 Куприянов А.И. Русский горожанин в поисках социальной идентичности (первая половина XIX в.) // Одиссей. 1998. М., 1999. С. 56–72.
- 6 ПСЗ-I. Т. IV. № 1741, 1887; Т. VI. № 3944; Т. VII. № 4596.
- 7 ПСЗ-I. Т. XVI. № 11725, 12067.
- 8 Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 34.
- 9 Там же.
- 10 Нифонтов А.С. Россия в 1848 г. М., 1949. С. 73.
- 11 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 223. Д. 11. Л. 169. (Далее: ГА РФ.)
- 12 Там же. Л. 169; Д. 15. Л. 126.
- 13 Там же. Д. 25. Л. 199.
- 14 Там же. 1 экспедиция. 1830. Д. 325. Л. 5–6 об.
- 15 Там же. Л. 7.
- 16 Там же. Л. 15.
- 17 Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 6–6 об. (Далее: ТФ ГАТюО).
- 18 Там же. Л. 6 об. – 7.
- 19 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 21 об.
- 20 Там же. Л. 21 об. – 22.
- 21 ТФ ГАТюО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 37. Л. 19 об. – 20 об.
- 22 ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп., 1845 г. Д. 136. Л. 56 в. – 56 в (об).
- 23 Безобразов В. Село Иваново: Общественно-физиологический очерк. СПб., 1864. С. 293.
- 24 Gestwa K. Proto-Industrialisierung in Rußland. Göttingen, 1999. S. 470–473.
- 25 ГАРФ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2979. Л. 145 об.
- 26 Государственный архив Тверской области. Ф. 466. Оп. 1. Д. 11402, 13466, 13526, 14377, 16707, 16914, 16915, 17157.
- 27 Небольсин П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 240.
- 28 Берман Е., Курбатова Е. Указ. соч. Вып. 1. С. 25.
- 29 Островский А.Н. Записки замоскворецкого жителя // Он же. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 1. С. 59.
- 30 Кабинет Аспазии. 1815. № 7. С. 60–61.
- 31 Яковлев. Записки москвича. М., 1828. Кн. 1. С. 68.



## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Тихонов. Когда появляются журналы мод?

А.И. Куприянов. Вообще-то журналы мод в России стали выходить еще в 70-е годы XVIII в. Но это, строго говоря, не журналы мод, а “толстые” журналы, где рассматриваются и новинки моды.

Ю.А. Тихонов. А специальные модные?

А.И. Куприянов. Специальные модные журналы стали выходить гораздо позже – уже в пореформенное время. Но практически во всех популярных журналах были специальные разделы, посвященные новейшим модам.

Ю.А. Тихонов. Заглавие у вас содержит слова “первая половина XIX века”, но вы существенно переходите за эту грань, говоря и о 60–70-х годах.

А.И. Куприянов. Хронология социокультурных процессов не совпадает с общепринятой, “большой”, периодизацией.

Но хронология есть: это период (конец XVIII в. – 1870-е годы) достаточно цельный, и грань здесь проходит в середине 70-х годов, и выявляется она на отношении власти к бороде. В цитируемой мной издании “Русский костюм. 1750–1917” сказано, что усы и борода находились под негласным запретом какое-то время после смерти Николая II, и ситуация такая продолжалась до воцарения Александра III. Однако, во-первых, государственные служащие раньше стали носить усы и бороды; во-вторых, даже при Александре II в 1874–1875 гг. были изданы два указа, которые разрешили (вначале это не касалось гвардии и чинов военного министерства) офицерам и нижним чинам носить бороды. Здесь власть пошла навстречу обществу, и процесс либерализации, который шел в разных сферах, в конце концов коснулся и облика индивидов. Подданным было дозволено самим решать, как они хотят выглядеть. Наконец, либерализация коснулась и этой сферы.

Ю.А. Тихонов. Вы задаетесь вопросом соотношения материалов для платья – импортного и отечественного производства?

А.И. Куприянов. Я не ставил этот вопрос, вероятно, преобладали отечественные материалы. Но пока не появилось массовое производство ивановских ситцев, не произошла демократизация материалов, мода была недоступна большинству тех людей, которых я отношу к средним слоям населения. Они были вынужде-

ны предпочитать дешевые материалы или, условно говоря, создавать те “модели”, которые по финансовым соображениям носили несколько лет, хотя они уже вышли из моды.

Ю.А. Тихонов. А до появления ситца какие материалы считались дешевыми?

А.И. Куприянов. Льняные.

Когда мы смотрим различные изобразительные источники, то нередко видим даже на горожанках, не принадлежавших к верхушке купечества, и частично на крестьянках наряды, шитые из дорогих тканей. Как известно, по социальному статусу человек мог быть “крестьянином”, а на самом деле занимался крупной торговлей или солидным промыслом. Поэтому когда мы видим портрет крестьянки, на которой дорогие кружева и платье, украшения импортного производства, это отнюдь не свидетельство того, что подобным образом одевались крестьяне и городские низы. В данном случае формальный сословный статус не соответствовал материальному положению и неформальной иерархии человека в обществе.

В.В. Керов (Российский университет дружбы народов). Вы говорили, в частности, о Николае I, о противодействии индивидуальному выбору одежды и соответственно самоидентификации. Однако очевидно, что в ряде случаев по отношению к старообрядцам и тем же евреям речь шла о стремлении противодействовать каким-то корпоративным устремлениям, а отнюдь не об индивидуальном выборе, говорилось не о представителе общности, который одевался не так, как ее остальные члены, а наоборот, о попытке размыть, разрушить это корпоративное единство. Очевидно, что там где-то есть грань.

Когда регламентация властью одежды становится осознанным противодействием индивидуальному выбору?

А.И. Куприянов. Мы сталкиваемся с разными параллельными процессами, которые происходят в одно и то же время.

С одной стороны, есть тенденция к некоей культурной ассимиляции евреев в обществе. Кстати, отчужденность евреев не была всеобщей. Например, путешественники по Сибири уже в 1830-е годы отмечают, что еврейские женщины одеваются в ту же одежду, что и русские мещанки. Соответственно еврейские мужчины тоже носят длинные сюртуки и одеваются так же, как мещане сибирских городов. Но в западных губерниях были районы, где существовала другая тенденция, где евреи проживали компактно, многочисленными группами, они не желали утрачи-

вать свой этнический облик. И здесь как раз власти стремились размыть эту сплоченность.

Что же касается старообрядцев, то их преследовали по другой линии: были ограничения избрания на ведущие должности в самоуправлении, поощрение перехода старообрядцев в единоверчество. Но в области одежды никаких прямых предписаний не было, которые бы запрещали им носить свою традиционную одежду. Т.е. механизмы воздействия на старообрядцев с целью размыwania их общности принимали другие формы.

Препятствия по отношению к индивидуальному выбору человека в сфере внешнего облика при Николае I практически относились по большому счету только к одной группе – к дворянству, чиновникам. Их облик регламентировали. Например, в 1837 г. последовало высочайшее предписание запретить носить бороды не только государственным служащим, но и отставным и неслужащим дворянам, что вызвало недоумение. Люди обсуждали это и говорили: мода меняется, и то, что мы сейчас заимствовали бородки в испанском стиле, – не значит, что через 2–3 года эта мода сама по себе не отойдет, как отмирали предыдущие моды. Подражать в модах Западу давно стало привычкой. Высочайшее повеление озадачило даже, как свидетельствовали осведомители III отделения, “благонамеренных горожан”.

В общем, разные были тенденции и по-разному воздействовала на них власть. Прежде всего она исходила из сословной парадигмы. Когда я говорю о власти, то наряду с государем императором речь идет и о чиновниках – полицейских и жандармах, которым было выгодно, чтобы дворянин резко отличался по своей одежде от мещанина, дабы их не путать. С размыwанием сословного характера одежды, когда купцы и мещане стали одеваться по моде, а дворяне начали отпускать бороды, у чиновников возникает кризис распознавания незнакомого человека. Происходили многочисленные конфликты, иногда отставного генерала принимали за купца и соответствующим образом с ним разговаривали. Нередко разбирательства кончались судом или становились предметом ироничных газетных публикаций.

Н.В. Сеницына. Доклад очень интересный. Этой темой мы никогда не занимались. Но мне кажется, что здесь немножко спутаны два понятия, и материал, который предложен, несколько не соответствует названию доклада. В названии речь идет о социальной идентификации, а в докладе – о национальной идентификации, потому что говорилось о французской, о немецкой ориентации. Но главное даже не в этом. Спутаны два понятия – “мода”

и “регламентация одежды”, по-моему, это совершенно разные категории, и в докладе больше говорилось о регламентации одежды скорее по сословному принципу. Предписание носить ту или иную одежду различным категориям населения к моде никакого отношения не имеет. мода – это индивидуальный выбор. Выбор сюртука или другого вида одежды не является модой. мода – это выбор покроя сюртука, его цвета, фасона, материала. А регламентация не имеет отношения к моде.

О хронологии. Конец XVIII в. – это одно время, а середина XIX в. – уже другое, автор приводил примеры и из конца XIX в. Представляется, что автору следует обдумать дефиниции, что он понимает под модой и чем мода отличается от регламентации. Кроме того, надо делать различие между купцами и горожанами – это не одно и то же.

Ю.А. Тихонов. Доклад любопытный, на новую тему, но вызывает целый ряд вопросов.

В качестве пожелания хотелось бы предложить автору начинать не с конца XVIII в., а брать весь XVIII в. Там нет материала по затронутым сюжетам, но можно определить, когда начинаются и как идут небольшие еще изменения в моде. Начиная с Екатерины II вероятны уже и значительные изменения. Так возможно достичь более определенного понимания темы.

А.И. Куприянов. Вот почему я и взял конец XVIII в.

Ю.А. Тихонов. Конец XVIII в. – это определенная грань, что хорошо бы доказать.

В описании имущества сельских дворянских усадеб в XVIII в. очень мало и редко упоминается одежда и мало сведений о материале – шелковом, полотняном или суконном. Может быть, к этому времени не настало время для дворян иметь запас одежды. Ходили в какой-то одежде, пока она имела приличный вид, потом заказывали новую. Не исключено, что это относится только к сельским усадьбам, а в городских дворянских усадьбах уже появлялись гардеробы и т.д.

Желательно связать тему с экономической историей, больше сказать о материалах – привозные или отечественные, полотно, сукно, шелк, шерсть; об изготовителях – кто шил: городские портные, сельские (из своих крепостных); доле привозного платья и т.д. Без этих сюжетов все как-то повисает в воздухе, остаются только вкус, законы верховной власти, а общественные интересы, экономические возможности обойдены.

А.Е. Иванов. Смысл доклада не в исследовании моды как таковой. Это не задача автора, и он об этом говорил. Эстетические функции одежды исследуются искусствоведами в определенном историческом ряду и т.д.

Доклад сводится к теме “Одежда и социальная идентификация”, с одной стороны, и в определенном отношении освещает внутреннюю, сословную политику правительства, с другой. И здесь открываются совершенно неожиданные и новые возможности более точного и филигранного исследования этой политики, осуществляемой в условиях регулярного общества, когда каждая его сословная страта должна была иметь совершенно очевидные, точно выраженные признаки внешнего облика. По существу доклад посвящен той проблематике, о которой в самом тезисном изложении я сейчас говорил. Это очень важная область, которая как раз доступна гражданскому историку, историку культуры и сложна для историков моды, костюма, одежды.

А.И. Куприянов. Я попытаюсь сказать о том, почему речь идет о моде и что же такое “мода”.

Я не затрагивал все проблемы моды. Как совершенно верно отметила Н.В. Синицына, когда говорится о моде, подразумевается прежде всего индивидуальный выбор. Но “мода” – это не только покрой вашего фрака, но и вопрос об отношении к моде: следуете ли вы принятым стереотипам или предпочитаете выражать свою индивидуальность, отвергая таковые.

Меня, строго говоря, не интересовала проблема индивидуального выбора в пределах того, как дворянки, которые являлись ко двору, меняли фасоны, цвета, материи нарядов. О каком индивидуальном выборе придворных идет речь? Платья, наряды были строго регламентированы. Конечно, некоторый выбор был, но это уже касается вкуса, стиля и неких индивидуальных предпочтений, но отнюдь не моды горожан. Проблема моды как таковая остро стояла как раз в средних слоях, особенно горожанок. Чем занимались женщины в XIX в.? Значительная часть горожанок, которым позволяли средства, конструировали собственные наряды. Гораздо важнее отметить не то, какой цвет был в этом году моден (историки моды этим и занимаются). Меня интересовало другое, к примеру то, что в г. Осташкове в начале 1860-х годов женщина, занятая тяжелым ремесленным трудом, как пишут современники, “образочек заложит и последнее колечко обручальное в ломбард снесет, но вот кринолинчик себе сделает, чтобы к обедне или на гулянье выглядеть как чиновница”. Вот она, проблема индивидуального выбора – когда люди начинают идти на

определенные жертвы и стремятся для себя решить некоторые вещи, которые они считают принципиальными.

Я обратил внимание на регламентацию одежды и облика горожан властью, чтобы понять, как развивалось общество, как менялись отношения между властью и индивидом. Проблемы моды и самоидентификации, как справедливо отмечали мои коллеги, важны и для изучения истории сословий, социальной истории России. В 1994 г. Б.Н. Миронов и С.К. Лебедев, полемизируя с М. Хильдермайером, отрицавшем наличие культурных и социальных различий между сословиями в России (исключая дворянство и купечество первых двух гильдий), писали, что стихийное приобретение одеждой знаковой функции свидетельствует о существовании именно культурных различий между сословиями. При этом они опирались на работы известных этнографов – М.Г. Рабиновича, Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой. Однако утверждение о том, что с конца XVIII и до середины XIX в. одежда горожан становилась все более сословной, представляется спорным. Этот вопрос, как и поставленные в докладе проблемы, требуют дальнейшего изучения.

## РУССКИЙ БОНАПАРТИЗМ КАК ПРЕДМЕТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ\*

Классические модели конституционализма и парламентаризма стабильных западных демократий, став основой политической и правовой модернизации других стран, неизбежно претерпели существенные модификации. Их функционирование в странах с более традиционными социальными отношениями и политическими институтами, очевидно, должно приспособливаться к реальности, навязывающей свои правила игры и способы осуществления властных решений. Именно поэтому большинство стран современного мира при внешнем сходстве форм правления имеет политические режимы, отличные от первоначальных моделей, а практика функционирования политических институтов вносит в них свою специфику.

Современная политическая наука использует понятие “переходный период”, интерпретируя политические режимы разных стран как синтез традиции и инновации, новых форм и прежнего содержания, стремление к поиску оптимального сочетания социальных структур, правовых норм и политических функций в условиях модернизации. В этой перспективе мы считаем целесообразным разграничение таких понятий, как *реальный, номинальный и мнимый конституционализм*. Последний представляет собой известное сочетание двух чистых его типов – реального (свойственного стабильным демократиям) и номинального (являющегося откровенной демагогией, свойственной тоталитарным режимам) и дает формулу авторитарного режима, в котором конституционализм и политическая демократия допускаются лишь в той мере, в какой это не мешает исполнительной власти осуществлять модернизацию страны. Подробнее теория мнимого конституционализма рассмотрена нами в книге “Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе” (М., 1997).

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 17 апреля 2001 г.

Бонапартизм – наиболее цельный вариант мнимого конституционализма, впервые в новое время реализовавший синтез демократии и авторитаризма. Именно поэтому данный феномен заслуживает внимания в настоящее время в сравнительной перспективе. В отличие от других исследователей, предпочитающих синхронные сравнения российского политического режима, мы полагаем, что более оправданными являются асинхронные сравнения, призванные раскрыть сходные стадии развития различных обществ. Исходя из этого, современный российский политический режим следует сопоставлять не столько с президентскими режимами современных стабильных демократий, сколько с политическими режимами тех же стран, но на более ранних этапах, когда процессы трансформации в них имели большую конфликтную динамику, проходили в условиях радикальных изменений правовой системы, отношений собственности и власти. Это сравнение, при всей специфике национальных особенностей становления гражданского общества и правового государства в каждой стране, способно выявить в длительной исторической перспективе причины цикличности и повторяемости тех или иных фаз политического развития, факторы, определяющие позитивную или негативную направленность переходных процессов, а также динамику смены доминирующих политических идеологий.

Данный подход обусловил предложенную нами трактовку бонапартизма: он понимается, во-первых, как модель или идеальный тип конкретной политической системы, имеющей тенденцию к повторению в сходных ситуациях: во-вторых, как политическая идеология постреволюционного периода, направленная на реализацию принципов центризма; в-третьих, как система институтов и процедур управления, дающая возможность практической реализации данной идеологии в условиях расколотого общества. Эта широкая социологическая трактовка бонапартизма позволяет элиминировать различные конкретно-исторические его проявления и модификации. Объектом исследования становится социологическое содержание предложенной бонапартизмом модели выхода из социального кризиса. Следует подчеркнуть, что данная модель не содержит элементов оценочного, аксиологического характера, является ценностно-нейтральной, какой и должна быть всякая научно сконструированная модель.



## БОНАПАРТИЗМ КАК ТИП ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Концепция конституционных циклов является важным инструментом выяснения объективных причин повторяемости схожих фаз конституционного развития разных стран в условиях революционных кризисов. Она способствует также пониманию феномена конституционных заимствований, выражающего ориентацию тех или иных режимов на определенные конституционные модели, рассматриваемые как доминирующий ориентир. Для постсоветского конституционного процесса таким ориентиром (если не считать американской модели, общей для всех президентских систем) стала, безусловно, французская модель Пятой республики. Она сохраняет свое влияние и в настоящее время, что выражается в трактовке российского Основного закона как “голлистской конституции без Де Голля” или интерпретации нынешнего режима как мобилизационной модели голлистского типа и т.д. Между тем в самой Франции данная модель явилась продуктом разрешения острого национального кризиса.

Французская модель политического развития нового и новейшего времени представляет наибольший интерес для сравнительной политологии именно потому, что она (в отличие от других) дает четкие правовые формулы каждой фазы политического развития. При изучении французского бонапартизма ряд исследователей подчеркивали идею цикличности смены политических режимов, различая по аналогии с экономической теорией краткие и длительные волны цикличности. Краткие циклы (соответствующие “принципу маятника”) позволили выявить сменяющиеся фазы политического доминирования правых, левых, анархии, диктатуры, господства доктринеров, компромисс умеренных сил. Краткие циклы, хотя и присутствуют повсюду, где развитие имеет более или менее спонтанный характер, в большой степени зависят, однако, от конкретных обстоятельств политического развития данной страны. Они могут в своей смене при известных обстоятельствах поглощать друг друга, иметь различную протяженность, а иногда и пропускать некоторые промежуточные фазы.

Гораздо интереснее для сравнительного изучения так называемые длительные циклы, которые во Франции представлены соответственно старым порядком (чистый консерватизм), восстанием привилегированных слоев и умеренной революцией, революционными эксцессами, народной революцией, термидорианской реакцией и, наконец, периодом национальной стабилизации вокруг авторитарного правительства с последующим либераль-

но-консервативным сдвигом и, далее, новой реакцией<sup>1</sup>. Затем начинается новый цикл. Во Франции эти циклы, начавшись с революции 1789 г., хотя и не равны по длительности и цельности (из-за внешних вмешательств), но проявляются достаточно четко. Бонапартизм и голлизм являются завершением ряда длительных циклов французской истории (точнее четырех – Первая империя, Вторая империя, голлизм эпохи войны, послевоенный голлистский режим). Бонапартизм и голлизм – синтез новизны и традиции, соединения различных противоречивых теорий и партийных идеологий. Бонапартизм являлся историческим примирением Старого порядка, с одной стороны, идеологии Просвещения XVIII в. и принципов революции 1789 г., с другой. Голлизм реализовал сплав либерального общества XIX в. с социалистическими и, особенно, марксистскими принципами, возникшими тогда же и получившими распространение после большевистской революции 1917 г.<sup>2</sup>

Если современное западноевропейское общество, базирующееся на принципах социал-демократии, вступит в полосу кризиса, то возможно появление нового типа авторитаризма, развивающего традиции бонапартистского и голлистского режимов. В конечном счете это всегда продукт кризисов, стремления восстановить порядок и воссоздать общество из анархии. Оба течения персонифицируются в харизматических лидерах. Бонапартизм (в той или иной исторической форме) выступает как логическая завершающая фаза всех крупных исторических циклов, связанных, как правило, с радикальными социальными изменениями. Это позволило нам в свое время выдвинуть тезис о бонапартизме как высшей стадии всех радикальных революций, когда происходит синтез нового со старым.

Бонапартизм и голлизм сходны в том, что являются порождениями кризисных ситуаций, по своим идейным источникам, которые специфически интерпретируются для конкретных эпох, их объединяет отношение к власти. Методом утверждения у власти для Наполеона и Де Голля являлся фактически переворот, ратифицированный плебисцитом, авторитарное утверждение новой конституции, ограничивающей роль парламента, отстранение нотаблей, подавление оппозиции и так называемых олигархов, обращение к широким слоям населения для возрождения страны и умиротворения общества, осуществления оригинальной политики обновления и модернизации во всех областях, укрепления личной власти и прямого диалога с общественным мнением<sup>3</sup>. Бонапартизм и голлизм – авторитарные течения, опирающиеся, однако, на широкую массовую базу, патриотизм и стремление к

реформам. Общей ключевой особенностью этих режимов является антипарламентаризм, они приходят к власти в условиях дискредитации институтов представительной демократии в общественном мнении – выдвигаются на отрицании парламентаризма, партийных компромиссов и режима ассамблеи.

Ситуации кризисов, в которых стали возможны перевороты бонапартистского типа, характеризуются сходными чертами: революционные потрясения внутри страны (революции 1789 и 1848 гг., революционные забастовки и война в Алжире в 1947 г., распад СССР и война в Чечне в современной России). Эти потрясения, идущие на фоне ослабления экономики и поляризации общества, вызывают опасения правых и агрессивность левых. В этих условиях возникает настоятельная потребность в некотором высшем арбитре – политическом деятеле (харизматическом лидере), стоящем над партиями и парламентскими дебатами, который в силу своего морального капитала (прежде всего блестящих военных побед) оказывается способен сплотить общество.

В случае необходимости подобный сильный правитель быстро отыскивается среди военных лидеров, политиков или среди вождей предшествующего периода, оказавшихся в отставке или даже в эмиграции. Эта ситуация временами (особенно в странах третьего мира) носит почти комичный характер как, например, троекратное возвращение к власти Перона в Аргентине. Постепенно происходит упрочение этой власти (от 10 декабря 1848 г. к декабрю 1852 г., от июня 1958 г. к октябрю 1962 г.) и основание режима плебисцитарной демократии. Этот процесс теоретически сопровождается рядом позитивных тенденций – беспрецедентным подъемом экономики, усилением внешнеполитического влияния страны.

Стремясь встать над враждующими партиями, выражающими и укрепляющими линии социального раскола, бонапартизм повсюду выступает как сторонник единства и ищет его источники в интегрирующих идеалах, символах и исторических прецедентах. Ими могут стать идеи национализма, патриотизма, религиозной аутентичности, но в равной мере социального прогресса, реформ и модернизации. На этой основе делается попытка радикального пересмотра существующего режима партий (с целью добиться господства одной из них – правительственной) и системы административного регулирования и управления. Будучи консервативным по своей социальной природе и стоящим перед ним функциям, бонапартизм первоначально опирается на правые элементы общества (во Франции легислатуры 1848–1851 и 1958–1962 гг.), но затем интегрирует в систему элементы и пред-

ставителей различных политических сил – от якобинцев до термидорианцев. Приоритетное значение в условиях кризиса и государственного переворота имеет опора на армию и силы госбезопасности, которые являются постоянными вертикальными опорами режима.

Революции нового времени – Английская, Французская, Русская, а в новейшее время – демократические революции в странах Восточной Европы были, разумеется, следствием объективных причин: политического, социального, идеологического кризисов, которые концентрировались в кризисе власти и ее легитимности. Эти революции, однако, могли стать реальностью прежде всего вследствие несостоятельности и слабости государства<sup>4</sup>. Крушение государства в ходе крупных социальных потрясений и невозможность его восстановлений делает события неуправляемыми, заставляя их инициаторов плыть по течению. Данный феномен спонтанности объясняет постреволюционные тенденции к стабилизации власти, усилению централизации и бюрократизации.

Сложная социальная природа бонапартизма, сочетающего черты демократического и авторитарного режимов, затрудняла определение его социальной природы и функции. Основные споры развернулись во Франции в ходе установления режима Луи Наполеона по следующим вопросам: соотношение демократии и авторитаризма, недостатки самой демократии и позиция либерализма, классовые причины бонапартизма, бонапартизм как модернизация сверху. Наибольший вклад в формирование современной концепции бонапартизма внесли три доктрины – либеральная, революционная и реформистская. Сравнение трех основных произведений о бонапартизме, представляющих эти три течения – В. Гюго, К. Маркса и П.-Ж. Прудона, позволяет выявить как общее, так и особенное между ними. Все эти мыслители – современники бонапартистского переворота – отмечают индифферентность масс, принявших диктатуру, но дают различное объяснение данному феномену, его цикличности.

Либеральная концепция ассоциируется с В. Гюго, который в известном памфлете – “*Napoleon le petit*” сочинил своего рода театральный сценарий событий переворота, дав новую версию античных представлений о сопротивлении тирании и поставив для этого в центр внимания саму личность принца-президента<sup>5</sup>. В этом отношении он развивал идеи мадам де Сталь и Бенджамена Констан, осуждавших “военный деспотизм” первого бонапартистского режима и способствовавших его либеральной трансформации. Либералы, как Гюго, придерживались жесткой протестной позиции, осудив государственный переворот с точки зрения

нравственного идеала и конституции. Высшей политической ценностью являлась для них либеральная демократия, а самостоятельной значимой общественной целью – демократическая конституция 4 ноября 1848 г., статья 68 которой позволяла признать юридически ничтожными результаты успешного провозглашения принца-президента. Либералы последовательно выступали против идеи (объединившей к 1851 г. бонапартистов и монтаньяров) реформирования конституции с целью разрешения принцу-президенту добиваться проведения всеобщих выборов по окончании его президентского мандата. Бонапартистский переворот, совершенный фактически для достижения этой цели (отмена ст. 45 Конституции 1848 г.), оказался первым антилиберальным переворотом новейшего времени. Он вызвал поэтому шок у современников, пораженных механическими действиями армии, слепо выполнявшей приказы о расстрелах толп народа и интеллигентов на баррикадах. Либеральная интеллигенция испытывала глубокое презрение к массам, избравшим Наполеона президентом и не захотевшим бороться с ним после переворота. Именно в это время таким дальновидным мыслителям, как Токвиль, стали очевидны издержки демократии и всеобщего избирательного права. Успех переворота объяснялся либеральной оппозицией индифферентностью народа, его страхом перед коммунизмом, а также недоверием к парламентаризму.

Наиболее глубокую социологическую интерпретацию феномена бонапартизма предложил А. Де Токвиль, являвшийся также активным наблюдателем и аналитиком событий. Токвиль поставил в центр анализа переход к демократии через всеобщее избирательное право и влияние его на расстановку политических сил. Дискуссия о целесообразности введения всеобщего избирательного права (предложенного Луи Бланом) именно в это время выявила диаметрально противоположные позиции. Токвиль показал, что неограниченная демократия является врагом либеральных свобод и переходит в авторитаризм. Данная интерпретация выводится из его концепции Французской революции. Усматривая ее содержание в реализации идеи демократии (понимаемой как всеобщее равенство и свобода), Токвиль раскрывает внутреннее противоречие данного социального феномена. Будучи мощным социальным движением, реализующим идею всеобщего равенства, демократия тяготеет к отрицанию прав меньшинств и индивидуальной свободы. Поэтому два основных принципа революции – свобода и равенство – противоречат друг другу и не могут быть реализованы одновременно. Революция заканчивается восстановлением государственной власти, столь абсолютной, ка-

кой не пользовался ни один из предшествующих королей. В этом состоит объяснение цикличности появления бонапартистских режимов после всякой крупной революции, а также специфики их природы – двойной легитимности, совмещающей принципы демократии и монархического суверенитета.

В своих “Воспоминаниях” Токвиль, говоря о событиях революции 1848 г. и избрании Луи Наполеона президентом, констатировал неразрешимое противоречие принципов коллективистского равенства (выдвигавшихся социалистами) и политической свободы в ее либеральной трактовке. Отсюда следовал вывод о неизбежности авторитаризма, подтвердившийся вскоре установлением новой империи – “внебрачной монархии”<sup>6</sup>.

Революционная концепция бонапартизма, представленная К. Марксом в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, объясняет его как проявление контрреволюции, стоящее на пути поступательных социальных изменений<sup>7</sup>. Если либеральная концепция бонапартизма усматривала в нем объективное следствие дестабилизации общества в результате революции, стремившейся к достижению утопических целей, то Маркс расценивает установление бонапартистской диктатуры как следствие страха мелкой буржуазии (крестьянства) перед пролетарской революцией. Специфика бонапартизма согласно марксизму состоит в его исключительной способности к межклассовому лавированию, придающей ему значительную автономию и известную политическую самостоятельность, выражающуюся в умении регулировать социальные отношения и противоречия сверху. Отсюда проистекает также отрицательное отношение марксизма к регулирующей роли бюрократии, которая характеризуется исключительно как феномен классового господства, а не интегрирующий инструмент управления. Соответственно выход из данной ситуации усматривается в новой социальной революции, которая должна привести к классовой диктатуре нового типа. Цикличность бонапартизма вытекает из цикличности революционного процесса, крупные этапы которого чередуются с этапами контрреволюции и бонапартизма.

Реформистская доктрина дала третью интерпретацию бонапартизма, отличную от двух предыдущих. Ее основной представитель – Прудон разошелся в оценке переворота как с либералами (Гюго, Токвиль), так и с революционерами (Маркс). В отличие от первых, однозначно осудивших переворот, Прудон занял более гибкую, даже макиавеллистическую позицию. Исходя из своей идеи социализма и отмены государства, он рассматривал режим Луи Наполеона как шаг на пути к осуществлению социальных ре-

форм и отмены государства. Как и Маркс, Прудон рассматривал бонапартистский режим как продукт революции и специально анализировал социальную структуру французского общества в годы кризиса 1848–1852 гг. Обоих мыслителей интересовало выявление социальной логики государственного переворота. Однако Маркс обвинял Прудона в том, что его историческая реконструкция событий превратилась в апологию переворота.

Прудон стремился не к оправданию переворота, а к использованию его результатов для революционных преобразований, видя в новом режиме “отрицание самого монархического суверенитета”. Поэтому он предлагал новому режиму программу государственного управления и обращался к Наполеону лично. Во время встречи Прудона с Наполеоном 26 сентября 1848 г. будущий диктатор выслушал его, согласившись с осуждением политики Кавеньяка, и внешне солидаризировался с рядом социальных идей Прудона. Луи Наполеон очаровал публициста, который, однако, продолжал видеть в нем угрозу для республики.

События декабря 1851 г. вызвали резкое осуждение Прудона, однако не привели к изменению его позиции в отношении режима. Как и ранее, он стремился “сделать революцию единственно возможной программой для Луи Бонапарта”. Отрицая основные социальные институты гражданского общества – классовое неравенство, всеобщее избирательное право, парламентаризм, он усматривал социальный прогресс в их революционном устранении. “Корень революции, – говорил он, – находится в правосудии, а вовсе не в парламентских институтах, которыми господа Ледрю-Роллен и Луи-Блан хотели осчастливить Республику и которые погубили ее”. Исходя из этого, Прудон видел в бонапартистском режиме инструмент реализации анархической программы разрушения существующего строя, в частности системы парламентаризма и политических партий. Бонапартизм выступал для него в качестве союзника в деле дезинтеграции управления (или “неуправления”) и дестабилизации демократических институтов власти. В то время как крестьяне и рабочие грезят о славе империи и верят в правление сильной руки, полагал он, развиваются первые шаги к свободе. Поэтому Прудон принимал режим Наполеона, считая его “универсальным отрицателем” (*le negateur universel*)<sup>8</sup>.

С этих позиций решался им и вопрос о цикличности бонапартизма. Сравнивая фазы великой революции с теми, которые сменились на его глазах в 1848 г., Прудон составил сравнительную таблицу политических режимов – “*Epoques paralleles de l’Histoire de France*”, где сопоставляются имена деятелей 1789–1800 гг. и 1848 г.: короли Людовик XVI – Луи Филипп; Мирабо – Ламартин;

Лафайет – Кавеньяк; Робеспьер – Ледрю-Роллен; Баррас – Тьер; императоры Бонапарт – Бонапарт. Из этих выкладок видно, что Прудон видел закономерность установления второй империи. Об эффективности этой модели говорит тот факт, что в нее укладываются в основном политические циклы всех крупных революций, начинающиеся с режима неограниченной власти и заканчивающиеся им. Для каждой фазы цикла можно выделить политические партии и лидеров со сходной программой для разных стран и революций. Повсюду традиционная и не пользующаяся легитимностью авторитарная власть уступает место умеренным демократам, которые, не справляясь с ситуацией традиционными демократическими методами, оказываются вынужденными предпринять попытку установления чрезвычайного или военного режима, а ответом становится диктатура революционеров, сменяющаяся бюрократией термидорианского типа, вновь ведущей, в свою очередь, к неограниченной власти или бонапартизму.

Общий вектор циклической смены политических форм в ходе революционных кризисов усматривается Прудоном в последовательной централизации власти: “24 января 1848 г. революция свергла конституционную монархию и заменила ее демократией; 2 декабря 1851 г. другая революция заменила эту демократию десятилетним президентством; через шесть месяцев, возможно, третья революция уничтожит эту президентскую власть и восстановит на ее руинах легитимную монархию”<sup>9</sup>. Механизм установления режима: богатый класс ненавидит революцию, а республиканская партия запуталась в конституционализме. Наполеон, получив на выборах огромный перевес голосов, становится “органом революции”. Такова “логика вещей”. В этом режиме революция и контрреволюция сливаются воедино: “Независимо от народных симпатий, которые вознесли его к власти, Луи Бонапарт стал после 10 декабря представителем революции; напротив, через свой союз с лидерами старых партий и оппозицию республиканцев он стал главой контрреволюции”. Как и его дядя, Наполеон есть “революционный диктатор, но с той разницей, что Первый консул пришел завершить первую фазу революции, в то время как президент открывает следующую”<sup>10</sup>.

Бонапартизм выступает всегда как синтез революции и контрреволюции. С первой он связан самим характером своего возникновения (народный мандат на проведение социальных реформ), со второй – социальной функцией (достижение политической стабильности и поиск соответствующей социальной опоры). Таким образом, это, как мы сказали бы сейчас, режим переходного типа, на ходу меняющий свою социальную природу. Выходя



из революции, он означает контрреволюцию. Отсюда проистекает невозможность полного отказа бонапартизма от проведения демократических реформ без разрушения собственной легитимности. Вопрос о легитимности ставился Прудоном как центральный. В письме Луи-Наполеону, направленном в связи с запретом его книги цензурой, Прудон подчеркивал революционный компонент этой легитимности: “Louis Napoleon est mandataire de la revolution” (Луи Наполеон есть доверенное лицо революции).

Мы рассмотрели три концепции бонапартизма – либеральную, революционную и реформистскую. Все они присутствуют и в современном российском обществе в дискуссиях о перспективах политической стабилизации.

Исторический бонапартизм определяется исследователями как новая формула власти, соединяющая демократию (пассивную) и авторитаризм (активно реализуемый)<sup>11</sup>. Она неизбежно носит поэтому центристский характер и основывается на сложном типе легитимности. Идеологическими источниками бонапартизма являлись одновременно идеология старого порядка и революции, а целью – примирение абсолютной монархии (с ее бюрократической централизацией и традицией реформ сверху) и якобинской диктатуры, основанной формально на народном согласии. Переворот 18 брюмера означал триумф политического прагматизма над теорией и идеологией. В целом бонапартизм в 1799 г. достиг успеха там, где не преуспели Мирабо, Барнав, а затем Баррас: он остановил французскую революцию<sup>12</sup>. Это форма авторитарного правления и централизованной администрации, главный критерий которой – прагматизм и поиск эффективности.

Основными результатами процесса политических и административных реформ стала выработка четких параметров бонапартистской системы модели власти: изменение идеологии режима; централизация власти; ограничение (вплоть до полного подавления) независимости законодательной власти; дискредитация парламентских дебатов как “говорильни”: отмена многопартийности и духа фракционной борьбы, вообще роли идеологических дискуссий в политике; борьба с другими автономными центрами влияния – независимыми региональными лидерами – нотаблями, финансовой олигархией в лице отдельных ее представителей; превращение правительства в исполнительный орган, лишенный собственной инициативы; нейтрализация положений конституции, касающихся роли Законодательного корпуса и Сената в законодательной политике. Антипарламентаризм вообще стал характерной чертой бонапартизма. Реализация данной программы делала систему управления сверхцентрализованной и негибкой

(отсутствие индивидуальной инициативы), а временами парализованной в условиях отсутствия главы государства. Наполеон реализовал, таким образом, абсолютистскую централизацию власти, вновь открытую якобинцами в 1793 г.

Обращение к данной концепции реформирования политической системы, сложившейся в основных чертах еще в эпоху первой империи, происходило затем во Франции (разумеется, с известными коррективами) неоднократно – в период второй империи и голлистской реформы конституционного строя. Данная программа затем заимствовалась многими странами с целью стабилизации социального строя и политической системы после крупных потрясений революционного характера, связанных с изменениями отношений общества и государства, власти и собственности, конституционными переворотами<sup>13</sup>.

В целом суть бонапартистского проекта в том, что он позволяет совместить демократическую легитимность (в виде всеобщего избирательного права) и возможность для исполнительной власти активно вмешиваться в процесс модернизации общества. В условиях расколотого общества данный тип политического режима часто становится системной реакцией на процесс социального распада. Обращение к бонапартистской модели является постоянным. Но ее интерпретации, акцентирование той или иной ее составляющей оказывается различным и даже диаметрально противоположным. Это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию именно российской социально-политической ситуации на том или ином этапе развития. В эпоху декабризма, когда в центре внимания оказалась идея неотложных и кардинальных изменений всей системы государства, на первый план выступает идея провиденциальной личности, облеченной народной поддержкой и обладающей властью для осуществления этих революционных перемен. В этой связи можно рассматривать обращение Пестеля и других его современников к образу Наполеона как сильной и обладающей непререкаемой властью личности (поддержка армии), способной к властным переменам в стране. Актуальна здесь идея народной сплоченности в рамках унитарного государства и централизованной власти.

В эпоху реформ 1860-х годов и далее до Столыпина выделяется идея консолидации общества, прежде всего крестьянского, вокруг сильной власти, ориентированной на радикальные реформы. Для “аграрного бонапартизма” Столыпина характерны программа стабилизации и консенсуса (не состоявшегося) и, кроме того, сильная личность самого Столыпина, выступающего на основе демократической легитимации (Думы).

Бонапартизм как альтернатива революционному распаду общества становится актуальным в предреволюционную эпоху и с этой стороны значим как для сил, противостоящих революции (Милюков, Струве, Кокошкин), так и заинтересованных, напротив, в расколе консенсуса и видящих в бонапартистской модели главное препятствие реализации своих планов (ленинизм). В пост-революционную эпоху актуализируется идея консенсуса общества (особенно с крестьянством). Альтернативой этому является идея “уничтожения классов” и тоталитаристская консолидация власти.

## ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ БОНАПАРТИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

В истории России бонапартизм никогда не реализовался как сформировавшийся политический режим говорить о нем можно лишь как об идеологии. Тем не менее он всегда существовал в новое и новейшее время как политическая концепция, проявлявшаяся особенно четко в переломные периоды. Обращение к бонапартистской идеологии в России коррелируется с радикальными социальными реформами, требующими централизации власти, а также, при некотором запоздании, с усилением авторитарных тенденций в Западной Европе. Периодизация истории российского бонапартизма как идейного феномена позволяет выявить неоднозначность его трактовок на разных этапах.

Эта периодизация укладывается, на наш взгляд, в пять основных этапов, реализующих различные модели интерпретации данного феномена: бонапартизм как компонент идеологии декабристов и программа военной революции, захвата и удержания власти; бонапартизм как концепция аграрной революции сверху, начиная с периода либеральных реформ 60-х годов XIX в. и заканчивая так называемым аграрным бонапартизмом периода столыпинских реформ начала XX в.; бонапартизм как либеральная альтернатива большевизму: концепции военной диктатуры периода революции и гражданской войны; бонапартизм как модель “термидорианского перерождения” революционного авангарда в условиях новой экономической политики; современная научная концепция бонапартизма. Эти модели интерпретации бонапартизма, заметно отличаясь друг от друга, имели значительное количество идеологических оттенков внутри каждой из них, широкий спектр которых включал полярные оценочные характеристики данного явления.

Первый российский аналог бонапартистской программы представлен в одном из основных идеологических памятников декабристского движения – “Русской правде” П.И. Пестеля. Его представления о бонапартизме сложились под непосредственным влиянием успехов Первого консула и его законодательства, а также политической легенды.

Вопрос о введении нового конституционного порядка стал предметом разногласий между Трубецким и Пестелем. Первый колебался между “собором депутатов” и “временным правлением” как переходной формой власти. Второй однозначно выбирал “временное правление” и давал ему отличную интерпретацию. Он остановился на идее диктатуры временного правления, организованной из членов общества, которые должны занять все основные должности в гражданском и военном управлении. Характерно, что даже принятые “конституционные начала” Пестель считал не основой для объединения общества, а директивой для революционного правительства, стремясь не распространять их вне круга руководителей во избежание разногласий. Исходя из этого, можно сказать, что он был сторонником жесткой централизации власти в самом тайном обществе – в руках директории, единой для Северного и Южного общества (в составе самого Пестеля и Юшневского на юге, Трубецкого – в Петербурге). Это означало сосредоточение решений всех дел в узком кругу вождей – “партии” или “своего рода центрального комитета”, по словам А.Е. Преснякова<sup>14</sup>. Сходство воззрений Пестеля с последующей авторитарной тенденцией в русском революционном движении усиливается тем вниманием, которое он уделял необходимости особой революционной организации. Эта организация не имела ничего общего с якобинским клубом, а представляла собой скорее секретное общество с четкой структурой и организацией. Будучи внедренными в русскую общественную мысль, идеи революционного переворота и бонапартизма стали доминирующими в воззрениях радикальной части политического спектра.

В дальнейшем бонапартизм актуализировался в спорах о концепции аграрной революции сверху. Эта другая модификация бонапартистской модели власти рассматривала ее как приемлемый для России вариант разрешения аграрного вопроса – сверху, путем осуществления направленных радикальных социальных реформ. Данная модель вытекала из концепции отношений общества и государства, сформулированной в рамках гегелевской философии права. Как и в Германии того времени, в России данная модель получала революционную и либеральную трактовку.

Первая из них представлена М. Бакуниным в 1864 г., когда тот объявил царю, что революция неизбежна и единственное спасение для монархии – это возглавить ее. Сделав это, монархия станет, одновременно революционной и консервативной силой в обществе, взяв на себя фактически функцию бонапартистского режима. Эта интерпретация близка позиции Прудона в отношении французского бонапартизма 1852 г., но связана с известным упрощением ситуации, поскольку на деле оба мыслителя предлагали монарху не столько возглавить революцию, сколько сотрудничать с ней. Если Англия победила Наполеона I на поле битвы, то Наполеон III, согласно Прудону, может победить Англию на поле коммерции и промышленности, проводя антипротекционистскую политику. Русский царь, полагали М.А. Бакунин и А.И. Герцен, может остановить революцию, если реализует ее задачи путем радикальных реформ, осуществляемых вопреки сопротивлению правящего класса<sup>15</sup>.

Русские либералы, подобно немецким, считали сильное национальное государство движущей силой реформ<sup>16</sup>. В условиях радикальной крестьянской реформы 1861 г. остро встал вопрос о перспективах перехода к гражданскому обществу и трудностях на этом пути. Проекты реформ М.Т. Лорис-Меликова, П.А. Валуева, а затем С.Ю. Витте, стремившихся модернизировать традиционные институты империи путем либеральных реформ, введения элементов ограниченного представительства, создания законосовещательных институтов просвещенной бюрократии при монархе, актуализировали в то же время интерес к бонапартизму, его различным модификациям во Франции и Германии Бисмарка. Своего наиболее полного выражения данные дискуссии достигли в период столыпинских реформ, которые рассматривались как проявление так называемого “аграрного” бонапартизма. Концепция последнего разрабатывалась под сильным влиянием опыта Франции Наполеона III и особенно Германской империи, где развитие элементов гражданского общества, и в частности такого важного, как мелкая частная собственность на землю, открывали для имперских режимов перспективы обеспечения социальной базы и возможности для социального лавирования. Эти условия обеспечивали способность режимов противостоять революционным потрясениям. В данном контексте концепция реформ Столыпина включала ряд важных элементов бонапартистской программы – идеологию национального величия (патриотизма) и сильного государства, правового порядка и собственности (суть аграрной реформы), отрицание парламентаризма и политических партий, усиление централизации и бюрократизации управления<sup>17</sup>.

Необходимостью для такой системы обеспечить легитимное проведение курса реформ объясняется стремление к созданию думского большинства и изменение избирательного законодательства, получившее у либералов не вполне адекватную характеристику “стольпинского государственного переворота”<sup>18</sup>. Важными элементами дискуссий стали споры о Столыпине как русском Бисмарке и интерес либералов к данной проблеме.

Развитие политического режима в этом направлении вызывало опасения леворадикальных партий, поскольку реализация бонапартистской программы делала невозможной социальную революцию. Не случайно особое внимание к бонапартизму Ленина, характеризовавшего его как “лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, – монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, – заигрывать, чтобы управлять, – подкупать, чтобы нравиться, – брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке”<sup>19</sup>. Цель бонапартизма полемически усматривалась в “приобретении власти путем формально законным, но по существу дела вопреки воле народа (или партии)”.

Моделью бонапартизма служили Ленину режимы Наполеона I и Наполеона III во Франции, а также Бисмарка и Вильгельма II в Германии, хотя он признавал определенные различия между ними. В первом случае речь шла об идеальном типе данного феномена, отличного от предшествующей монархии, во втором – возникал синтез между ними, позволявший констатировать появление особой модификации бонапартизма в виде “военного деспотизма”, добивавшегося успеха благодаря революции сверху и ряда исключительно удачных войн. Если в Европе, где уже произошла глубокая социальная трансформация общества в ходе революций, бонапартизм означал лавирование между буржуазией и пролетариатом, то в России он имел еще более существенную специфику. Его аналогом выступал так называемый аграрный бонапартизм Столыпина, специфика которого усматривалась в сочетании бонапартистских приемов и либеральной политики, которым противопоставлялась идея аграрной революции. Объективное социальное содержание данного режима в России определялось как сдвиг “в сторону аграрного бонапартизма, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т.е. = буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений”. Характерными “историческими приемами бонапартизма” стольпинского курса Лениным признавались правительственный национализм и идеология великодержавности, опора на зажиточные

слои деревни и защита принципа частной собственности, изменение избирательной системы (“государственный переворот 3 июня 1907 года”), т.е. “делание выборов”, ставшее неизбежным из-за отсутствия “твердой, прочной, испытанной цельной социальной опоры, когда приходится лавировать между разнородными элементами”. В перспективе последующего роспуска Учредительного собрания и создания причудливой квазидемократической советской избирательной системы обращает на себя внимание критика Лениным “неслыханной подделки выборов в IV Думу, напоминающей бонапартистские приемы авантюриста Наполеона III”, осуждение растущей при Столыпине регулирующей роли государства и административно-полицейской машины.

Так проблема бонапартизма ставилась и другими теоретиками большевизма, например, Л.Б. Каменевым, опубликовавшим в 1923 г. свои полемические статьи дореволюционного периода (1908), посвященные проблеме так называемого столыпинского аграрного бонапартизма. В них он анализировал концепцию П.Б. Струве, видя в ней стремление либералов разрешить социальный конфликт путем радикальных реформ. Тогда он давал отрицательный ответ на данный вопрос: «Возможен ли русский Бисмарк, возможна ли сейчас в России “революция сверху”?»<sup>20</sup>. Если в Германии, полагал он, режим обладает способностью к лавированию благодаря национальному объединению и успешным войнам, то в России, в случае разрешения аграрного вопроса, он может прибегнуть лишь к межклассовому лавированию (масштаб которого весьма ограничен). Бонапартистская программа тогда интересовала большевиков как реальная альтернатива социальной революции. В 20-е годы, особенно в период наивысшего развития нэпа, вопрос приобрел иной смысл: каковы те элементы бонапартистской программы лавирования, которые может и, вероятно, должен использовать большевизм для удержания власти, и каковы, в этом случае, гарантии старой революционной элиты. Революционная большевистская элита действительно была восприимчива к опыту бонапартизма.

Интерпретация бонапартизма как неограниченной диктаторской власти могла быть использована для характеристики большевистского режима, стремившегося, вопреки Марксу, поддерживать свое существование, лавируя с крестьянством. Именно так понимал данный термин Г.В. Плеханов, писавший о ленинском режиме: “Это просто-напросто мертвая петля, туго затянутая на шее нашей партии, это – бонапартизм, если не абсолютная монархия старой дореволюционной манеры”. Он справедливо указывал на связь этой тенденции с традициями народничества,

отметив, что “такой централизм, наверное, понравился бы покойному С. Нечаеву”<sup>21</sup>.

В период революции и гражданской войны бонапартизм выступает как либеральная альтернатива большевизму. Либеральная концепция бонапартизма, восходящая к Токвилю, видела в нем естественное порождение неконтролируемых тенденций процесса к демократии и в силу этого рассматривала его как меньшее зло в сравнении с народной революцией, как необходимый корректив экстремизму. П.Н. Милюков, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин выступали за необходимость военной диктатуры против большевистской. Стратегия установления военной диктатуры (например, Корнилова или Колчака) выступала как меньшее зло в сравнении с установлением однопартийной большевистской диктатуры. Выдвигая идею национального и духовного возрождения России, П.И. Новгородцев усматривал его возможность в социальной консолидации, позволяющей “забыть свои особые интересы во имя общего национального интереса”. “Если всякая революция, – пояснял он, – в стихийном своем течении превращается в диссолюцию, в разложение государства и народа, то обратный процесс восстановления и возрождения начинается с собирания народной силы воедино”. Новгородцев выдвигает на первый план “национальное чувство”, “сознание общей связи” и патриотизм против революционной идеологии и партийного догматизма. Примерами создания политического режима, опирающегося на широкий социальный консенсус, служили: выход из Смутного времени в России начала XVII в. и постреволюционная стабилизация в Европе, “когда Франция под водительством гениального Бонапарта выходила из своей революции XVIII века”<sup>22</sup>. Если Франция, разоренная революцией, была “умиротворена и успокоена Наполеоном”, то почему аналогичный метод не мог быть реализован в России?

Сходная интерпретация функций бонапартистской модели власти давалась непосредственными участниками корниловского движения, а также его наблюдателями и оппонентами. Она прослеживается в той или иной форме в свидетельствах Корнилова, Керенского, Савинкова. Наиболее полно данная альтернатива большевизму представлена генералом А.И. Деникиным в “Очерках русской смуты”, второй том которых получил выразительное название – “Борьба генерала Корнилова”. Предпринятая им попытка государственного переворота и установления военной диктатуры предстает как “мучительное искание наилучшего и наиболее безболезненного разрешения кризиса власти”, “единственный выход из положения, созданного духовной и политической



прострацией власти”. В соответствии с этим обсуждались различные формы авторитарной власти, определения которых заимствованы из лексики Французской революции: “пересоздание на национальных началах кабинета Керенского, перемена главы правительства, введение Верховного главнокомандующего в состав правительства, совмещение званий министра председателя и Верховного, директория и, наконец, единоличная диктатура”<sup>23</sup>. При этом характерным именно для бонапартистской традиции являлось то обстоятельство, что Корнилов, стремясь к диктатуре, придавал в то же время “огромное значение факту законной преемственности”. Не в последнюю очередь именно с этим стремлением к легитимному достижению власти объясняется поиск компромисса с Керенским и сложная комбинация политических сил в условиях острого кризиса власти.

Марксистская концепция бонапартизма как раз видит в нем опасность предотвращения или разрешения этого кризиса. Она рассматривает бонапартизм как продукт известного баланса сил различных классов в условиях спада революций. Стремясь выразить интересы этих классов, бонапартистский режим вынужден лавировать между ними, но в то же время получает большую относительную самостоятельность, позволяющую ему выступать от имени всей нации. Еще в “Письмах из далека” Ленин констатировал стремление либерального Временного правительства осуществить реставрацию царской монархии в новой форме путем замены “монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держатся подтасованным народным голосованием)”. В Государстве и революции” он выдвигает тезис о бонапартистском характере “правительства Керенского в республиканской России”, говоря о его стремлении подобно Луи Наполеону остановить революцию путем переворота. Наконец, в специальной работе “Начало бонапартизма”, написанной сразу после июльского кризиса 1917 г., Ленин уже подчеркивает существование в России “классической почвы бонапартизма” и “бонапартистской контрреволюции”, хотя признает, что, в сравнении с французскими моделями 1799 и 1849 гг., “русский бонапартизм 1917 года отличается рядом условий” – нерешенностью коренных задач революции (земельного и национального вопросов). В послереволюционный период он обращался к этой проблеме уже исключительно в связи с угрозой реставрации капитализма в условиях новой экономической политики, таящей, по его мнению, угрозу бонапартизма<sup>24</sup>. Эта трактовка бонапартизма как исключительно классового явления допускала применение данного понятия лишь

при анализе конкретных революционных конфликтов буржуазии и пролетариата. Возможно ли применение этого понятия в случае возникновения баланса сил каких-либо других социальных групп или даже фракций внутри одной правящей партии?

Поиск ответа на этот вопрос в рассматриваемый период был направлен на выявление специфики социальной природы различных типов бонапартизма. Февральская революция в России, открывшая период двоевластия, способствовала кристаллизации идеи бонапартизма. Отказ от двоевластия означал установление самостоятельной и жесткой власти, способной выполнить роль суперарбитра: “Идея вершителя судеб, возвышающегося над классами, – говорит Троцкий, – есть не что иное, как идея бонапартизма”<sup>25</sup>. Однако бонапартистская модель власти может быть стабильной лишь в том случае, если опирается на уже реализованные фундаментальные социальные преобразования. Так, режим “маленького корсиканца” возник уже после разрешения революцией своих основных задач (решения аграрного вопроса, создания новой армии), предлагал социальную стабильность и условия роста буржуазии и крестьянству и представлял собой их защиту от реставрации старого режима. Эпигонский бонапартизм Наполеона III, хотя и не завершал смену одного социального слоя другим и не опирался на победоносную армию, мог сыграть стабилизирующую роль в условиях революционного кризиса буржуазной эпохи. Бонапартистские черты режима Бисмарка определялись его способностью разрешить столь великую национальную задачу, как немецкое единство. Согласно формуле Маркса, бонапартизм унаследовал историческую роль абсолютизма: он балансировал между буржуазией и пролетариатом как абсолютизм между феодалами и буржуазией.

Социальные предпосылки бонапартизма в России не сформировались: потенциальные задачи социальной революции еще не были разрешены (аграрный, рабочий и национальный вопросы), а экономический кризис и продолжение войны делали невозможной политику социального лавирования. Этим объясняется суррогатный характер русского бонапартизма. Этот, по терминологии Троцкого, “худосочный бонапартизм” был представлен политической линией Керенского, а затем Корнилова. Бонапартизм Керенского стал возможен благодаря кратковременному “балансу буржуазии и демократии”, формула которого была предложена Милюковым. Возвышение Керенского отражает меняющееся соотношение сил между ними. Февральское восстание сделало его министром юстиции, апрельская демонстрация – военным и

морским министром, июльские дни – главой правительства, сентябрьское движение масс – верховным главнокомандующим.

Социальная аморфность русского бонапартизма, ставшая фундаментальной причиной его исторического поражения, выражалась в кризисе лидерства. Концепция твердой власти не получила четкого формального выражения в виде директории или единоличной диктатуры. В первом случае правительство могло осуществлять коллективную диктатуру, основанную на компромиссе интересов политического руководства и военных (триумvirат Керенского, Корнилова и Савинкова), во втором – требовался единый признанный лидер. Личные амбиции вождей переворота и их соперничество, стремление Керенского до конца балансировать между армией и советами были, по мнению Троцкого, решающей тактической ошибкой, признаком политической “неряшливости и дилетантизма”.

Попытка военного переворота генерала Корнилова рассматривается как запоздалая реализация стратегии предотвращения надвигающейся социальной революции. Он интерпретирует ее как контрреволюционное выступление армии, руководство которой стремилось захватить власть с целью нанесения решающего удара по большевикам после июльского выступления. Анализ Троцким подготовки этого переворота, его организации и хода привлекает внимание с точки зрения его представлений о стратегии и тактики захвата власти. Его интересует прежде всего состав элитных групп, принимавших участие в принятии решения о перевороте, его движущие силы, а также вопросы легитимации будущей власти. Анализ совещания под председательством Родзянко, предшествовавшего данной акции, позволяет реконструировать основные силы, выступавшие за переворот, – промышленники и банкиры (Рябушинский и Третьяков), генералы (Алексеев и Брусилов), лидеры кадетской партии во главе с Милюковым, представители духовенства и профессуры. Прикрытием были представители Крестьянского союза, который давал поддержку кадетам у крестьянства. Кандидатура Корнилова, таким образом, была выдвинута “наиболее авторитетными представителями имущих и образованных классов России”. Самой динамичной силой в организации переворота выступает кадетская партия, сознательно сделавшая ставку на отказ от политической демократии и установление военной диктатуры. В этой ситуации уже не оставалось место “царству золотой середины” и вполне правильна была формула Милюкова – “Корнилов или Ленин”<sup>26</sup>. Исходя из этого, кадеты (Милюков, Косошкин) формулировали свой ультиматум Временному правительству Керенского о принятии программы Корнилова.

Эта прямолинейная трактовка абсолютизма и бонапартизма, исходящая из марксистской классовой формулы, не позволяла объяснить исключительную автономность бонапартистских режимов от общества, дававшую им возможность выполнять функции суперарбитра. Более того, она приводила к отрицанию самого факта политической независимости данного режима. “Независимость бонапартизма, – отмечал Троцкий, – в огромной степени внешняя, показная, декоративная: символом ее является императорская мантия”<sup>27</sup>. Это решение проблемы было затем отчасти пересмотрено самим Троцким. Обвиняя позднее сталинский режим в бонапартизме и цезаризме, он не мог не видеть огромной автономности советской номенклатуры и бюрократии от общества. Прежняя классовая схема трактовки бонапартизма никоим образом не объясняла этот феномен, а попытки вывести сталинскую диктатуру из нового процесса классовообразования и “термидорианского перерождения” оказались неубедительны. Ответ был найден в сравнении сталинизма с другими диктатурами XX в., позволившем создать эскиз концепции тоталитаризма.

Внимательный современник (А. Терне), анализирувавший природу “социально-полицейского режима” апостолов коммунизма, указывал уже в начале 1920-х годов на возможность его бонапартистской эволюции. Главную угрозу сохранению однопартийной диктатуры он видел в офицерском корпусе Красной Армии, руководимой Троцким. “Троцкий, – писал он, – несомненно жаждет разыграть роль Наполеона I, и все действия его напоминают классические примеры из жизни французского императора. Он несомненно заискивает перед высшим прежним командным составом, а вместе с тем выдвигает на высокие посты лиц весьма одаренных из неизвестности”. Пользуясь неограниченным доверием офицеров красного генерального штаба, он теоретически вполне может предпринять попытку переворота. “Не решаясь пускаться на подобную авантюру, Троцкий пришел к выводу возвратиться к прежней деятельности – военной, предполагая прикрепить окончательно армию к своей особе, чтобы таким путем, опираясь на нее, может быть, со временем повторить опыт Наполеона I. Диктатура, и притом единоличная, увлекает Троцкого, который сознает свои крупные индивидуальные силы и задыхается, находясь в тени”<sup>28</sup>. С этими амбициями связываются общие воззрения Троцкого – его теория мировой революции, “наполеоновские речи”, планы нападения на Афганистан и организации похода на Индию. Осознавая опасность этих планов для своего режима, Ленин стремился уравновесить влияние армии влиянием тайной политической позиции, которая “служит глав-

ным орудием Ленина в деле укрепления власти”. «Усвоив всю важность осуществления в России режима “твердой власти”, опирающегося на чека и штыки красной армии, Ленин поручил дела армии Троцкому и, в противовес к ней, создал на всякий случай по совету Дзержинского и внутреннюю охрану, чтобы в случае ненадежности полевых войск Троцкого, в нужную минуту опереться на войска внутренней охраны (“вохра”»<sup>29</sup>.

Социальная динамика постреволюционных режимов породила дискуссию о термидорианском перерождении. В условиях спада мировой революции, считала оппозиция, в России произошла эрозия социальной базы политического строя. Вынужденный искать опору в широких крестьянских массах и растущей буржуазии, он последовательно утрачивал свой революционный характер. Следствием являлось изменение социальной природы советского режима, перерождение классового характера власти. Понятие “перерождение” говорило об эволюционном характере данного процесса, его осуществлении в рамках прежней советской легальности. Вопрос о том, до какой степени может дойти этот процесс, некоторое время оставался открытым и получал различные решения на разных этапах дискуссии. В условиях растущего соперничества пролетариата и новой буржуазии госаппарат, по мнению аналитиков оппозиции, получал возможность лавирования, которое предполагало учет интересов новой непманской буржуазии. Данный процесс интерпретировался по аналогии с французской революцией как термидор, за которым неизбежно следовал бонапартизм. Суть процесса усматривалась оппозицией в растущем отрыве государственного аппарата от его классовой базы и превращении в надклассовую, относительно самостоятельную силу, а также наделении его иными функциями, получении другого “социального заказа”.

Для современников в рассматриваемый период была свойственна осознанная и вполне понятная попытка осмыслить русскую революцию в категориях французской революции XVIII в. В соответствии с этим многие (как противники, так и сторонники революции) полагали, что вслед за торжеством русских якобинцев – большевиков неизбежно должен последовать термидор – экономическое и социальное перерождение власти, ее политическое свержение и установление военной диктатуры. Наиболее четко данная концепция была представлена в известном сборнике “Смена вех”, инициатор которого Н. Устрялов предсказывал наступление русского термидора<sup>30</sup>.

Автором концепции перерождения революции был Н. Устрялов. В условиях спада революции внутри страны и ее отсутствия

в мировом масштабе большевистская власть не может быть стабильной: «она будет постепенно наполняться новым содержанием, или ей придется вообще уйти»<sup>31</sup>. Наиболее оптимальный путь для страны – эволюция коммунистического режима в буржуазное государство, социальную базу которого составляет частная (прежде всего крестьянская) собственность. Движущими силами трансформации режима, или его социального “перерождения”, Устрялов считал созидательную буржуазию, зажиточное крестьянство, кооператоров, квалифицированных рабочих, интеллигенцию (“спецов”) и новых менеджеров американского типа (людей “американской складки”). Данный прогноз имел, как показала история, неоправданно уверенный характер, поскольку основывался на идее о возникновении в России благодаря новой экономической политике среднего класса. В соответствии с этим выстраивалась логика развития режима, образцом которой служила модель циклической смены политических фаз французской революции, завершающаяся термидорианским перерождением и бонапартизмом.

Концепция Устрялова сыграла двойственную роль в истории политических дискуссий в России. С одной стороны, она была демагогически отвергнута идеологами большевизма. Г. Зиновьев в специальной работе – “Философия эпохи” (1925) противопоставил ей в качестве доминирующего коммунистического догмат всеобщего равенства – “уничтожение классов, новая жизнь, социалистическое равенство”<sup>32</sup>. Однако этот “подлинный ключ к пониманию философии нашей эпохи” не решал проблемы роста социального неравенства в условиях спада мировой революции и формирования бюрократической буржуазии в процессе новой экономической политики. С другой стороны, большевистская элита восприняла аргументы Устрялова как вполне серьезный научный анализ, результаты которого выявляли полную бесперспективность ее будущего. Стремясь избежать участи французских якобинцев, она искала возможности для этого в искусстве лавировать “на пути к социализму в крестьянской стране”. Оппозиция, напротив, использовала термидорианский аргумент для дискредитации политических оппонентов. Если прогнозу Устрялова суждено было сбыться, то не в ближайшей исторической перспективе, а лишь в конце XX в. Основной причиной некорректности его прогноза являлось сохранение в России (в отличие от Франции) традиционного аграрного общества, незавершенность промышленного переворота и, как следствие, отсутствие среднего класса, способного противостоять деспотической коллективистской диктатуре.

Констатируя также неизбежность политического термидора, Милюков особенно внимательно анализировал советскую политическую систему, организацию власти и расстановку сил в партийной олигархии. Главным вопросом развернувшейся борьбы за власть он считал отношение к ленинскому революционному наследию – постепенный отказ от него, переход от “идеализма к реализму”. В данной перспективе триумвират оказывался лучше самого вероятного преемника Ленина – Троцкого. Последующий раскол самого триумvirата в 1925 г. означал победу “лицемерного оппортунизма” Сталина над ленинизмом. Тот факт, что партия после смерти Ленина предпочла Сталина Троцкому, является, по мнению Милюкова, глубоко символическим: это был сознательный отказ от идеи всемирной или перманентной революции. Термидор оказался возможен в рамках советской политической системы без изменения ее внешних форм: «Термидор, – писал он, – есть действительно перерождение тканей, – сама революция, принявшая новый аспект, а не отрицание революции, не “контрреволюционный” переворот»<sup>33</sup>. В этом отношении Милюков не пересмотрел своего отношения к Сталину в последующий период проведения им “революции сверху” – коллективизации с катастрофическими последствиями, а также процессов 1937 г., которые он считал естественным завершением термидора и окончательной расправой со сторонниками ленинизма в партии.

Тезис о “термидорианско-бонапартистском перерождении” русской революции в устах оппозиции означал признание сходства ее основных фаз с французской революцией и другими крупнейшими буржуазными революциями нового времени. Он жестко выражал идею цикличности революционного процесса и подразумевал объективный характер контрреволюции и авторитарной власти бонапартистского типа. Основная ошибка этого сравнения вытекала из общей односторонности марксистского подхода к государству, интерпретировавшего его исключительно как феномен классового господства. Это не позволяло, в частности, предвидеть возможность существования особого, тоталитарного типа государства, самостоятельно формирующего свою социальную базу на внеклассовой основе маргинализованного массового общества. Исходя из этого, качественно новый феномен сталинизма рассматривался теоретиками оппозиции в традиционных терминах, как обычная буржуазная военно-бюрократическая диктатура. Ее появление связывалось с переходом власти от партийного авангарда к “аппаратчикам”, сверху деформировавшим государственный аппарат пролетарской диктатуры<sup>34</sup>. В “Преданной революции” и других сочинениях этого времени

Троцкий интерпретировал кризис русской революции именно как ее “термидорианское перерождение”, а опасность нового переворота – как становление бонапартизма<sup>35</sup>. Эта программа действительно имела много общего с бонапартизмом и итальянским фашизмом, суть которых усматривалась в осуществляемой государством программе модернизации путем лавирования, корпоративизма и социальной демагогии (“популизма”).

В подобной трактовке бонапартизм (или генетически сходные с ним авторитарные режимы) действительно имел иные внешние признаки, в частности допускал различные фиктивные формы участия масс в управлении. Эти фиктивные формы демократии (партия, профсоюзы и т.д.) становились основным аргументом противников теории бонапартистского перерождения. «Нас ругают “бонапартистами”, “узурпаторами” и пр., – заявлял Бухарин в 1927 г., – но что скрывается за всеми этими криками? До сих пор бонапартом или бонапартистами именовали какую-нибудь сильную личность, или группу таких людей, которые, насилуя волю крупного коллектива и апеллируя к улице, делают свое дело. У нас есть партия, миллион человек, у этой партии есть коллективная воля, вырабатываемая и воплощаемая на съездах, и есть, с другой стороны, несколько человек, которые на Ярославском вокзале апеллируют к молочницам. И вот эти одиночки, которые идут против огромного коллектива, говорят этому огромному коллективу: “Это бонапартисты, а мы воплощение воли партии (Смех)”»<sup>36</sup>.

Обвинение в бонапартизме, выдвигавшееся оппозицией в отношении советского режима 20-х годов, действительно, было не вполне убедительно, поскольку диктатура, имеющая сходные признаки, существовала со времени большевистского переворота. Дискуссии о термидорианстве и бонапартизме имели поэтому смысл только в контексте советской легитимности власти и тезиса о ее социальном перерождении. “Я считаю, – писал Г. Беседовский, – что каждая революция должна иметь свой термидор. Таковы законы истории. Те, кто не хочет подчиниться этим законам, совершают тягчайшее преступление перед революцией. Они компрометируют ее цели, они компрометируют ее исторический смысл. Их надо свалить безжалостно в помойную яму истории вместе с сором, который они раньше так успешно выметали...”<sup>37</sup>. Только те, кто верил в особый социалистический характер советской власти, могли поверить тезису о ее перерождении или бонапартизме.

Полемика с оппозицией носила поэтому не научный, а чисто политический характер. Бухарин констатировал в 1927 г., что



“идейные разногласия уже переросли рамки тактических разногласий, они стали программными, и людям с такими взглядами в нашей партии не место”. Советский режим оппозиция представляет в лучшем случае как факел мировой революции, который уже начинает потухать и чадить “термидорианством”. Оценка этого режима квалифицировалась как “неоменьшевистская”. Наконец, оппозиция обвинялась в подготовке “государственного переворота” с целью “захвата руководства партией”<sup>38</sup>. Констатируя раскол партийной элиты, он вынужден был признать дестабилизацию ситуации, выражающуюся “в росте кружков группочек, мечтающих о терроре, о заговоре”, и грозил “показать кулак всей этой шпане”. Эти аргументы были, возможно, политически эффективны, однако они оставляли в стороне существо спора о социальном содержании советского политического режима и перспективах его развития.

Бухарина не смущает даже аналогия с монархическим или бонапартистским режимом, где эта функциональная целесообразность доведена до логического предела – власти одного лица. «Так называемый “личный режим”, – писал он, – отнюдь неправильно противопоставлять классовому господству. Наоборот, при определенном сочетании условий господство класса может находить себе наиболее адекватное выражение как раз в личном режиме»<sup>39</sup>.

Сталинизм и бонапартизм сравнивались в ходе споров о природе советской диктатуры. Основные противоречия официальной конституционной доктрины с точки зрения марксизма раскрыл Троцкий в книге “Преданная революция”, глава X которой названа “СССР в зеркале новой конституции”. Главный критический аргумент – несоответствие новых теоретических принципов и закрепляемых правовых норм. Провозглашая “юридическую ликвидацию принципа диктатуры пролетариата”, официальная доктрина в то же время фиксировала задачу укрепления диктатуры, которая реально могла быть только бюрократическим режимом. Троцкий усматривал здесь противоречие, поскольку придерживался марксистского принципа, согласно которому уничтожение классов означает исчезновение государства. Особое ожесточение Троцкого вызывает отказ от классовой советской системы выборов (по производственным группировкам) и замена ее традиционными принципами “всеобщего, равного и прямого” избирательного права. “Общегосударственное законодательное учреждение на основе демократической формулы, – заключает он, – есть запоздалый парламент (вернее – его карикатура), но ни в коем случае не верховный орган советов”<sup>40</sup>.

Вся реформа политической власти рассматривается им как целенаправленная политика перехода от революционных принципов Октябрьской революции в направлении принципов бонапартизма, в силу которых “империя Наполеона продолжала именоваться республикой”. Основную цель конституции он трактует как классовую нивелировку общества, проведенную в интересах бюрократии. “Юридически закрепляя абсолютизм” внеклассовой бюрократии, новая конституция, заключает он, “создает политические предпосылки для возрождения нового имущего класса”. Следует заметить, что концепция Троцкого не имела столь завершенного характера, который придали ей его последователи. В “Преданной революции” он говорил скорее о тенденциях, чем об их завершении<sup>41</sup>.

Главный вопрос при изучении конституции 1936 г. – ее роль в создании режима сталинизма. Сталинизм как социальный и политический режим вызывает различные трактовки. Наиболее полно бонапартистскую или цезаристскую направленность сталинизма подчеркивал его главный оппонент – Троцкий. Обычно указывают при этом на его известную аналогию между сталинизмом и термидором, основанную на сравнении этих двух фаз французской и русской революций. Согласно этой концепции русская революция в новых условиях прошла тот же путь, что и английская в середине XVII в. Ленин представлялся московским Кромвелем или Робеспьером, а приход к власти Сталина мог быть сопоставлен с утверждением у власти Монка и Бонапарта или даже с реставрацией монархии в обоих предшествующих случаях. Концепция термидорианского перерождения революции в этом историческом контексте объясняла сталинизм как разновидность бонапартизма, который (по крайней мере в его традиционной марксистской трактовке) был буржуазной реакцией на радикальные революционные изменения и стремление нового правящего слоя (коррупцированной бюрократии) обеспечить свои привилегии.

Идея термидора возникла в сознании революционной элиты с резким поворотом от военного коммунизма к новой экономической политике. Однако она постоянно отвергалась по принципиальным идеологическим соображениям. “Признать неизбежность термидора, – говорил один из идеологов новой экономической политики (Марецкий), – это признать, что Октябрьский переворот в конечной стадии был не социалистическим переворотом, а трагическим выкидышем мировой войны”<sup>42</sup>. Само понятие “термидора” имплицитно включало для них представление о буржуазном (а не социалистическом) характере революции, невоз-

возможности якобинцев достичь понимания с крестьянством, росте классовой борьбы и отсутствии командных высот у якобинского руководства. Напротив, противники официального курса делали упор на сходство его с термидором, направляя острие своей критики на формирующийся бюрократический режим в партии. Сталинская постановка вопроса о диктатуре класса в противовес диктатуре партии означала для них дезорганизацию революционного авангарда (отсутствие выборности, свободы дискуссии, а главное – контроля над аппаратом), объективную замену его аппаратом. Главное противоречие существующего строя оппозиция усматривала в смещении власти от классового авангарда – партии к партаппарату и бюрократии, становящейся в условиях спада революции основным орудием “враждебных классовых сил”<sup>43</sup>. Эта концепция, казавшаяся убедительной в нэповский период, не могла, однако, охарактеризовать дальнейшие события, выразившиеся в известной “революции сверху” начала 1930-х годов и фактическом заимствовании троцкистской программы индустриализации. Феномен сталинизма требовал новых объясняющих схем.

Одна из них была предложена внутри страны фанатичным ленинцем М. Рютиным – создателем подпольного “Союза марксистов-ленинцев” (1932). В программной книге – “Сталин и кризис пролетарской диктатуры” Рютин, интерпретируя сталинизм, придерживался в целом концепции термидора. Он сам называл себя якобинцем и действительно постоянно соотносил события русской и французской революции. Он писал, в частности, о “18 брюмере Сталина”, называл его “Азефом ВКП(б)” и развивал утопическую программу восстановления ленинизма и диктатуры пролетариата. В ходе этих рассуждений, однако, Рютин пошел несколько дальше термидорианской концепции и пытался предложить собственную типологию диктатур и диктаторов. Диктатуры он делил на революционные и контрреволюционные, возникающие в результате массовых движений или дворцовых переворотов, опирающихся на широкую социальную базу или исключительно на аппарат насилия. В соответствии с этим все главы этих режимов классифицируются на народных вождей и чистых диктаторов, различие которых усматривается в отношении к народу – первые говорят массам правду, вторые заигрывают с ними ради удержания власти. К числу первых относились Ленин, Робеспьер и Марат, к числу вторых – Сталин. Эта классификация, хотя весьма несовершенная, позволяла, однако, поставить сталинский режим в ряд с другими диктатурами прошлого и современности, в том числе фашистскими и военными диктатурами

разных стран. “Наполеон, Муссолини, Хорти, Пилсудский, Примо де Ривера, Чай Кайши и пр., – говорит он, – все они в основном укладываются в эту характеристику. В эту характеристику укладывается и диктатура Сталина”<sup>44</sup>. Специфика сталинской диктатуры объясняется тем, что она выросла из пролетарской диктатуры и является ее искажением. Исходя из этого, формулировалась задача устранения Сталина от власти, осуществление которой само по себе вернет страну к ленинизму. Гипнотизирующее воздействие марксистского постулата о классовом характере всякой власти было настолько сильным, что и в дальнейшем мешало реалистической интерпретации сталинизма.

Следует отметить, что в дальнейшем троцкистская концепция сталинизма претерпела определенную эволюцию и привела к созданию новой интерпретирующей схемы. Вместо идеи термидора или наряду с ней Троцкий выдвинул более емкую (и менее марксистскую) концепцию сталинизма как цезаризма современной эпохи. Фактически отказавшись от чисто классового трактовки природы власти, она делала акцент на механизме ее функционирования и форме. Она открывала возможность аналогий сталинского режима не только с бонапартизмом, но и с другими формами диктаторских режимов, в том числе фашистских, проведения их типологии.

Исходным пунктом этой концепции послужил предшествующий марксистский тезис о несостоятельности парламентской демократии как формы правления и неизбежность авторитарных режимов во всех странах мира в той или иной форме. Казавшиеся несокрушимыми принципы демократии оказались, по мнению Троцкого, неэффективными и исторически обреченными. Демократия сама привела к диктатурам. Массовые движения XX в., с этой точки зрения, напоминали ему эпоху Возрождения, когда кризис устоявшихся порядков средневекового общества привел к появлению широкого социального недовольства, росту насилия как способа разрешения социальных конфликтов, вторжению военных в сферу политики – появлению кондотьеров, наемных убийц, цинизму в политике как доминирующему моральному фактору (образы Борджиа, Медичи, Макиавелли в его сочинениях).

Интересно, что Троцкий, сам являвшийся профессиональным революционным демагогом и кондотьером, чувствовал генетическую близость большевистского режима и последующих фашистских диктатур. Сопоставляя их в своей последней книге о Сталине, он фактически рассматривает их как однопорядковые явления, возникшие в результате неэффективности демократии XIX в. как формы правления и призванные преодолеть ее. Преи-

мущество большевистской диктатуры, возникшей после короткого “интермеццо демократического хаоса” в России, состояло в том, что это был первый исторический вариант нового типа организации власти. Последующие фашистские режимы не дали ничего нового, с точки зрения организации власти, лишь копируя большевистский образец<sup>45</sup>. Сопоставление большевистского и фашистского режимов, однако, еще не раскрывало специфики сталинизма. Главной особенностью сталинского режима явилось то, что он (в отличии от большевизма и фашизма) опирался не столько на массовое движение, сколько на бюрократический аппарат и силовые рычаги государственной власти – чиновничество, армию, службу безопасности. Это давало возможность более эффективно использовать власть социальных преобразований, модернизации, которая приобретала черты догоняющего развития. Эти особенности уловил и Троцкий в своих параллелях. Определяя сталинский режим с точки зрения его легитимирующей основы и руководящих принципов, он склонялся к обобщающей формуле цезаризма. “Власть Сталина, – констатировал он, – представляет собой современную форму цезаризма. Она является почти незамаскированной монархией, только без короны и пока без наследственности”<sup>46</sup>.

Отметим, что весьма сходную интерпретацию сталинизма давали ведущие теоретики русской эмиграции. Они принимали концепцию термидора, однако рассматривали его не как отрицание революции, но как ее логическое завершение. Для понимания сталинского режима они считали целесообразным обратиться не к западным диктаторам, а к традициям российской государственности. Логическим завершением этого стало сближение или даже отождествление советского режима с царским, а Сталина с Петром Великим (позиция Милюкова во время Второй мировой войны). Таким образом, революционеры и либералы, расходясь в оценке социальной функции сталинизма, были едины в определении его как цезаризма.

В этом определении – ключ к интерпретации советской конституции 1936 г. Анализируя механизм власти данного режима, Троцкий близко подходит к его трактовке как тоталитарного. Он говорит о тоталитарной диктатуре как особой форме авторитаризма, тоталитарной партии и вожде. Особенность тоталитарной диктатуры по сравнению с другими формами авторитарных диктатур состоит в тотальности бюрократического контроля над обществом. Основным следствием становится недопущение оппозиции в какой-либо форме. Борьба с оппозициями выступает как важнейшая стадия консолидации диктаторского режима. “Грубая

и бесстыдная шумиха вокруг конституции преследовала в качестве главной цели завоевать мировое демократическое общественное мнение и на этом фоне раздавить оппозицию, как агентуру фашизма<sup>47</sup>.

Д. Волконогов видит в сталинизме извращение “научного социализма”, отчуждение власти от народа, термидорианское перерождение и цезаризм, заимствуя, таким образом, все основные критические положения Троцкого. Данный подход, однако, не лишен противоречий, как и вся концепция перерождения, исходящая из некоего идеального состояния демократии (в ленинский период), которому суждено было быть деформируемым в последующее время. Он отдает дань официальной доктрине противопоставления ленинизма сталинизму, как “аномалии социализма”. В то же время Волконогов исходит из закономерности этой трансформации: “Можно, пожалуй, сказать, что каждой революции, без исключения, угрожает свой термидор. Он может быть в разных формах: реставрация старого, частичная деформация, постепенное вырождение. Сталинизм явился формой термидора как перерождения и извращения народовластия и превращения его в диктатуру одной господствующей личности<sup>48</sup>”. Социальное содержание сталинизма – господство тотальной бюрократии, которой необходима деспотическая фигура – император или первый консул. Форма этой власти определяется как “культовый вождизм”, который можно назвать “цезаризмом XX века”. Цезаризм в условиях XX в., как и во время его возникновения, – это диктатура единовластия при сохранении всех внешних атрибутов государственной демократии<sup>49</sup>.

В современной науке высказываются различные мнения о природе сталинской власти: одни видят в ней следствие общего процесса централизации управления в тоталитарном государстве, другие рассматривают как способ искусственного поддержания целостного лишённого органического единства многонационального государства, третьи – как следствие и основной рычаг для проведения модернизации страны в условиях внешнеполитической изоляции<sup>50</sup>.

Легенда о бонапартистском перерождении питалась аналогиями с французской революцией и в какой-то мере позволяла объяснить последующее уничтожение революционной элиты и установление тиранической власти. Основные аргументы против этой власти, выдвигавшиеся в 20-е годы оппозиционерами в рамках советской легитимности, были суммированы в эпоху большого террора его жертвами. В известном “Открытом письме Сталину” (от 17 августа 1939 г.) Ф. Раскольников ставил ему в вину из-

менение советского политического режима. Среди обвинений фигурировали: “растоптанная как клочек бумаги конституция”, превращение выборов в “жалкий фарс голосования за одну единственную кандидатуру”, уничтожение оппозиционных депутатов, несмотря на их неприкосновенность, начало эпохи террора в отношении политической государственной элиты. Он особенно подчеркивал начало “дьявольской кровавой карусели” в отношении старой гвардии, деятели которой предстали на процессах “какими-то карнавальными чудовищами в масках”, а сами процессы вызвали ассоциации с знакомыми Сталину по семинарским учебникам средневековыми процессами ведьм”. В результате Раскольников делал вывод о замене диктатуры пролетариата “режимом личной диктатуры”, которая, “как гнилая колода, лежит поперек дороги нашей страны”<sup>51</sup>. Бонапартизм (как синоним сталинизма) в этой перспективе представлял как отказ от ленинизма, хотя последний, вероятно, был ближе к историческому бонапартизму, чем сталинский режим.

К 1930-м годам окончательно выработалась та формула бонапартизма, которая оставалась затем господствующей в советской печати. Она отражена в основных энциклопедических изданиях. В широком смысле термин “бонапартизм” применяется для обозначения политического течения, стремящегося к стабилизации «в обстановке неустойчивого равновесия классов и ликвидации революции во имя, якобы, интересов всего “народа” путем провозглашения и установления диктатуры какого-нибудь популярного, чаще всего военного, вождя (как это было в случае с ген. Наполеоном Бонапартом)». Под интересами народа, предсудителен разъясняли авторы для избежания параллелей с советским строем, “скрываются на деле интересы буржуазии, и личная диктатура является по существу классовой диктатурой буржуазии”. Исходя из этого, решался вопрос о российском бонапартизме: “Мечты о бонапартистском перевороте прельщали и российскую буржуазию после Февральской и Октябрьской революций, и она выдвигала одного за другим кандидатов в российские Бонапарты: Керенского, ген. Корнилова, Деникина, Врангеля. Но российский пролетариат, под руководством РКПб, ставший на защиту завоеваний революции, убил эти мечты, не дав им превратиться в действительность”<sup>52</sup>.

Тема мировой революции и бонапартизма оказалась в центре дискуссии в Коминтерне. Начавшаяся в Китае политическая эмансипация крестьянства, его индифферентность в отношении коммунистической идеологии и приверженность милитаристам делали актуальной проблему китайского бонапартизма. Споры о

том, какие социальные интересы выражает Чан Кайши, в этой перспективе, выглядели вполне закономерными. Преобладающий мотив этих споров – о классовой природе его формирующейся военной диктатуры – определялся марксистский концепцией бонапартизма. Концепция эта видела в бонапартизме лишь исторически определенный баланс классовых сил (буржуазии и пролетариата), позволяющий политической надстройке (государству) балансировать между ними в условиях революционного кризиса. Эта концепция, чрезвычайно упрощавшая суть бонапартизма, сводила его по существу исключительно к политике лавирования относительно автономной государственной власти между сформировавшимися классами буржуазного общества. Классическим вариантом такой конструкции выступал французский бонапартизм, а его элементы усматривались, как было показано, также в режимах Бисмарка в Германии и Столыпина в России (так называемый аграрный бонапартизм). Троцкий писал в том же смысле о “худосочном” бонапартизме Керенского и Корнилова как нереализовавшейся альтернативе большевизму. Данный подход, однако, не учитывал возможности более широкой трактовки бонапартизма, как феномена, связанного вообще с переходом от сословного общества к массовому и в этом смысле являющегося порождением демократии, он недооценивал возможной степени самостоятельности бонапартистской власти, доходящей до способности направленного формирования собственной социальной базы. При таком подходе возникновение вариантов бонапартизма возможно в различных социальных ситуациях, как показал опыт различных авторитарных режимов в Европе, Азии и Латинской Америке XX в.

Сама постановка вопроса о бонапартизме Чан Кайши (в Китайской комиссии Коминтерна) особенно интересна именно потому, что в Китае подавляющая крестьянская стихия вообще исключала возможность какого-либо классового лавирования. Эксперты Коминтерна спорили, однако, о том, является ли эта диктатура выражением интересов “крупной и средней” буржуазии или “мелкой” и в последнем случае допускали возможность ее эволюции “влево”. Последняя интерпретация основывалась на аграрном радикализме (надежде на изгнание помещиков), а также унификаторских тенденциях (борьба с мелкими региональными милитаристами) нового режима. “Может случиться, – говорил Эйдуз, – что Чан Кайши превратится в бонапартиста и пострадает революция. Но на союз с Чан Кайши не надо смотреть как на союз с представителями крупной буржуазии”<sup>53</sup>.



Более развернутая теоретическая аргументация этих позиций представлена в проектах тезисов Ф. Петрова (Ф.Ф. Раскольников) и П. Мифа (М. Фортуса) по “китайскому вопросу”, подготовленных к VII расширенному пленуму ИККИ (16–19 ноября 1926 г.) В тезисах Петрова – “Анализ движущих сил Китайской революции” и предложенном им проекте резолюции последовательно проводится идея создания национального блока во главе с Гоминьданом, который неизбежно должен эволюционировать влево под влиянием революции. В основе данной концепции лежит модель тактики большевиков в ходе революции 1905 г., интерпретируемой в рамках известной ленинской формулы о гегемонии пролетариата в союзе с крестьянством и революционной городской демократией. Отсюда выводится “руководящая роль левого крыла в Гоминьдане”. В основе программы его деятельности – решение аграрного вопроса. В числе основных мер – конфискация земель монастырей, милитаристов, джентри, компрадоров и распределение их среди крестьян; национализация ирригационных сооружений; отмена земельных сделок, налогов и задолженностей и ограничение арендной платы, проведенные специальным законом; организация органов сельского самоуправления; вооружение крестьян и параллельное разоружение помещичьих отрядов (миньтуаней). Позитивная часть предложений отразила влияние русской аграрной программы, включив положения об организации правительством потребительской и производственной кооперации, организации переселения крестьян в наименее заселенные районы, создания “союзов работников земли и леса с целью охраны труда последних”.

Китай, полагал Петров, фактически уже разделен географически (по Желтой реке) на северную часть – “господства реакции во главе с Чжан Цзо Лином” и южную (революционное правительство в Кантоне), а потому вооруженный конфликт между ними неизбежен. В этой ситуации Коминтерн должен стремиться создать “федерацию южных государств” и противопоставить ее Северу. Набросав схему гражданской войны, он выдвигает в качестве ее движущей силы Кантонское государство, правительство которого должно последовательно включать в свой состав руководителей вновь присоединяемых провинций и представителей революционных организаций с тем, “чтобы состав правительства в целом обеспечивал для исполкома Гоминьдана возможность твердого руководства его политикой”<sup>54</sup>.

Данная программа, явно преувеличивавшая возможности Кантонского правительства, вызвала скептические замечания коллег автора, изложенные в карандашных заметках на полях

тезисов. “Нельзя из Москвы, – гласит одна из них, – давать такие смешные детальные указания до палок и дубинок включительно”<sup>55</sup>. Что касается самой идеи “федерации южных государств”, то она комментировалась так: “Необоснованно, а по существу спорно”<sup>56</sup>.

В тезисах П. Мифа находим сходную концепцию Китайской революции, выражающуюся известным понятием “перерастания” – своеобразным эквивалентом перманентной революции. Существенная специфика китайской революции раскрывается более полно в сравнении с русской революцией 1905 г. и турецкой 1922 г. Отличие от первой заключается в том, что Китайская революция решает не только внутренние (аграрный вопрос), но и внешние задачи (конфликт с империализмом при поддержке России). Отличие от второй более существенно. В Турции к началу национальной революции не было рабочего класса и власть перешла к национальной буржуазии. В Китае (особенно в Шанхае), напротив, есть предпосылки для пролетарской революции. Известная теория перерастания демократической революции в коммунистическую становится основой нового типа правительства, получившего парадоксальное название “демократической диктатуры”. Разъяснения показывают, что речь идет о своеобразном “бонапартизме наоборот” – политическом режиме, способном лавировать между буржуазией и пролетариатом, причем последовательно эволюционировать в сторону последнего. Его окончательная гегемония, которая могла бы быть, по авторской логике, названа “недемократической диктатурой”, устанавливается путем роста контроля над представительными учреждениями различных типов и уровней. В сельской местности – это крестьянские советы, становящиеся органами крестьянского самоуправления; в городах – национальные собрания. Завершением этой пирамиды становится “Всеитайское национальное собрание” – высший орган власти, осуществляющий “демократическую диктатуру мелкой буржуазии при руководящей роли рабочего класса”<sup>57</sup>. Функционирование этого причудливого политического института в условиях радикальной аграрной реформы должно привести к изменению политической природы Гоминьдана, а в перспективе – принятию им коммунистической программы.

Китайский бонапартизм ассоциировался и с переворотом Чан Кайши 20 марта, положившего конец власти коммунистов в Кантоне. Причины переворота стали предметом анализа в докладе М. Рафеса на совещании по китайскому вопросу. Они усматривались, разумеется, в слабости социальной базы революционной

организации, “не закрепившейся в низах и не успевшей очистить все низовые организации от контрреволюционных элементов, которые сидели в деревне, уездах и поняли сигнал Чан Кайши как наступление против революции”. Это позволило быстро отстранить правительство Вантвеев, разоружить крестьянские союзы и подавить сопротивление локальных комитетов.

Однако главная причина успеха переворота в том, что “военный фактор оказался сильнее революционных организаций”. Иначе говоря, успех Чан Кайши обуславливался преимуществом его тактики. В условиях нестабильной ситуации в стране и борьбы различных течений внутри Гоминьдана он совершил упреждающий путч, предотвратив готовящийся коммунистами переворот по захвату аппарата ЦК Гоминьдана. Чан Кайши, хорошо знавший русскую революционную тактику 1917 г., использовал ее по назначению. Фактически это был первый случай применения тактики Троцкого против самих коммунистов. “Коммунисты считали, – говорил М. Рафес, – что если они овладеют аппаратом ЦК Гоминьдана и аппаратом правительства, то могут действительно господствовать в Гуандуне и даже перейти к целому ряду аграрных реформ. В своей ранее наступательной политике они изолировались от близких элементов, оттолкнули группу центристов. Чан Кайши видел этот напор и говорил: если не я сделаю переворот, его произведут коммунисты, лучше я сделаю первый”<sup>58</sup>. Таков вполне квалифицированный анализ китайского “путча”<sup>59</sup>.

Основные направления борьбы с линией Троцкого отражены в подготовительных материалах к готовившемуся докладу Д.З. Мануильского на VII Пленуме ИККИ о противоречиях США, Англии и Японии в Тихоокеанском регионе и перспективах Китайской революции<sup>60</sup>. Оппозиция обвиняется в нанесении удара по Коминтерну в критический момент Китайской революции, а позиция Троцкого сопоставляется с критикой кадетами военного министра Сухомлинова, приведшей к дестабилизации царского режима в условиях войны. Особенно не понравились Мануильскому обвинения Исполкома Коминтерна и Политбюро в классовой измене и подготовке бонапартизма. Троцкий, по его мнению, встал на точку зрения Устрялова о реставрации капитализма и трансформации советского общества в направлении бонапартизма. Так выглядел взгляд на позицию Троцкого в отношении сталинской бюрократии и одновременно ее политики в Китае. Троцкий действительно сравнивал Чан Кайши с Кавеньяком и обвинял его в бонапартизме, а позицию лидеров Интернационала – с воззрениями Ледрю-Роллена, Луи-Блана и других умеренных.

Сталинская линия в Интернационале устами Мануильского провозглашала ошибочным сравнение Китайской революции с предшествующими в Европе XIX в. и с русскими революциями начала XX в. Отличие Китайской революции от классических усматривалось в ее буржуазно-демократическом и прежде всего аграрном характере. Отсюда неадекватность сравнения Гоминьдана с французскими радикалами; Уханьского правительства – с правительствами стран, вышедших из процесса буржуазных революций; тактики борьбы с ним – с тактикой в отношении Временного правительства; роли советов в русской революции 1917 г. или германской 1923 г. – с их функцией в Китае.

Бонапартистский переворот интерпретировался и как способ преодоления однопартийной диктатуры в эмиграции. Проблемы переворотов активно обсуждались в 20–30-е годы в связи с анализом эволюции ситуации в России. В среде эмигрантов ситуация в России после смерти Ленина рассматривалась в перспективе опыта Французской революции, термидора и бонапартизма. Даже в последние годы автору настоящей статьи приходилось слышать от старых эмигрантов мнение, что Россия может преодолеть коммунизм только с помощью военной диктатуры. Это мнение, которое, конечно, вызывало споры в условиях демократических реформ, перестало казаться столь парадоксальным после ряда попыток переворотов последнего времени.

Русская эмиграция в Париже стала центром обсуждения этой проблемы. В архивах французской полиции сохранились интересные документы об отношении эмиграции к возможности переворота. Слухи о готовящемся перевороте появлялись всякий раз накануне радикальных изменений советского режима. Они начали появляться вместе с поступающей на Запад информацией о противоречиях внутри партийного руководства. Примером является пристальное внимание к выступлению так называемой рабочей оппозиции против Ленина. Предметом анализа в этой связи стала листовка Рабочей группы РКП(б) “К пролетарской части РКП(б)” (май 1923 г.). Обвиняя партию в социальном перерождении, а ее руководство (в лице Зиновьева) в подавлении инакомыслия, группировка отстаивала принципы так называемой производственной демократии. “Уж не надвигается ли на нас, – спрашивали авторы, – опасность со стороны господствующих в РКП(б) новых эксплуататоров с революционными фразами и подавлением нас. Где гарантии? Рабочий класс России, и в первую голову коммунистическая его часть, должны найти в себе силы отстоять свою партию от этой зарвавшейся кучки интеллигентов, они должны охранять завоевания Октября от перерождаю-

щейся в привилегированную касту верхушки партии, они должны выправить линию партии”<sup>61</sup>.

Впервые в полном объеме проблема государственного переворота встала с введением новой экономической политики и болезнью Ленина. Кризис власти в Кремле констатируется уже вполне определенно в сообщении французских агентов от 24 апреля 1923 г. (“La Crise Sovietique”). В руководстве коммунистической партии, согласно этому сообщению, возник острый конфликт между левыми (Дзержинский) и правыми (Каменев). Дзержинский “настаивает на необходимости усиления диктатуры, немедленного восстановления ЧК с чрезвычайными полномочиями, категорического разрыва с западными державами. Каменев, в согласии с Троцким, напротив, выдвигает более умеренный курс, подчинение ЧК, установление демократического режима, приемлемого для Европы, и упорядочения судов. Поскольку одна группа народных комиссаров поддерживает Дзержинского, а другая – Каменева, конфликт достиг наивысшего напряжения. В случае смерти Ленина он может вылиться в открытую борьбу за власть”<sup>62</sup>. Раскрывая содержание этой борьбы (*lutte ouverte pour le pouvoir*), источник прямо говорит о возможности нового государственного переворота, инициаторами которого может быть одна из этих группировок. Поскольку страна находится в критической ситуации, а недовольство населения приняло широкий размах, судьба переворота решается не только путем военного заговора, но и реализацией новой политической программы. Впрочем, документ сообщает о заговорах в армии и методах службы безопасности по их подавлению.

Согласно другой информации французских спецслужб от 20 марта 1923 г. неизбежная скорая смерть Ленина будет иметь самые серьезные последствия для политического руководства<sup>63</sup>. Она разрушит равновесие в соотношении сил различных борющихся за власть группировок, открытый конфликт которых сдерживался лишь волей признанного вождя. Наиболее вероятным преемником Ленина назван Троцкий. Документ, однако, подчеркивает, что, несмотря на популярность Троцкого как создателя Красной Армии, его лидерство отнюдь не незыблемо. Другая группа вождей, не осмеливавшаяся бороться с Лениным, может открыто выступить против Троцкого, учитывая его бонапартистские тенденции. Основным уязвимым местом в позиции Троцкого, согласно авторам сообщения, является его еврейское происхождение, поскольку в партии господствует мнение, что “вождь вождей” должен быть русским. Квалифицируя возможную смерть Ленина как “событие первостепенной важности”, источник указывает на возможность

существенного изменения внешней политики режима, ибо она “далеко не безличностна”. Последующий анализ данной ситуации позволяет понять, почему Троцкому не удалось совершить переворот бонапартистского типа.

Другой поворотный момент во внутренней политике связывался с вероятностью военного переворота в конце 1920 – начале 1930-х годов. Особенно внимательное отношение к перспективам военного переворота проявляло правое крыло русской эмиграции (монархический съезд, евразийцы и фашисты). Монархический съезд, состоявшийся под председательством П.Б. Струве в Париже, характеризовал новый советский режим как нелегитимную диктатуру, которая должна быть свергнута вооруженным путем<sup>64</sup>.

Либеральные конституционалисты также определяли установление большевистской власти как переворот. Эта позиция была выражена 21 января 1921 г., когда Парижская группа партии Народной свободы организовала обсуждение теоретических докладов Милюкова, Родичева, Винавера и Карташова о ситуации в России. Оценка итогов русской революции стала, в частности, темой собрания, организованного 22 февраля 1924 г. в Club de Faubourg. П.Н. Милюков, говоривший о русской революции 1917 г. и правительстве Керенского, констатировал, что большевики “не совершили никакой революции, но лишь внезапно захватили власть и удерживают ее с помощью террора. Русские тюрьмы полны социалистическими республиканцами”<sup>65</sup>. В результате этого анализа был сделан вывод о нелегитимном характере власти большевиков и решительно заявлено о невозможности признания данного режима. В своих теоретических трудах о революции и большевизме Милюков оценивал их скорее как консервативную реакцию на процесс модернизации, нежели подлинное движение вперед. Возможный выход из ситуации виделся поэтому во внутренней эволюции советского строя, неизбежно ведущей к контрреволюционному перевороту<sup>66</sup>. После 1937 г., считал Милюков, такой переворот приведет к уничтожению Сталиным ленинской гвардии.

Призрак термидора, все более явственно выступавший с середины 20-х годов, постепенно обретал отчетливые контуры. Иностранцы журналисты открыто обсуждали эту проблему в Москве 1929 г. с видными деятелями советского режима. Лучше понять их настроения позволяют секретные материалы французской разведки. Один из таких документов представляет собой краткую сводку мнений эмигрантов о возможной роли М.Н. Тухачевского. Документ составлен в связи с визитом

советской военной миссии во Францию с 10 до 17 февраля 1936 г.<sup>67</sup> Служба охраны советского маршала во Франции сообщала о всех визитах и встречах, отражающих не только чрезвычайно широкий круг его интересов, но и высокий уровень оказанного ему приема. Он посетил центры военного образования и индустрии (заводы Испано-Суиза и предприятия Гавра), авиационные базы, присутствовал на военных учениях в Фонтенбло. Ряд встреч был организован с руководителями военного и военно-морского ведомства (генералами Гамеленом и Мореном). Особо следует отметить посещение Высшего военного совета (Conseil Supérieur de la Guerre) и встречу с маршалом Петеном. О том, что данный визит носил не только чисто военный, но и политический характер, говорит состав лиц, приглашенных на прием в советское посольство, среди которых помимо французского генералитета присутствовали видные политические деятели, как, например, Э. Эррио, военные атташе ряда других государств. Из рапортов французской охраны очевидно, что Тухачевский отнюдь не был совершенно свободен в своих действиях и встречах. Тем более интересен факт организации завтрака в отеле Ритц на одиннадцать персон, где маршал имел возможность беседы с высшими французскими офицерами, а по возвращении в Москву в честь его состоялся прием, организованный французским послом Шарлем Альфаном накануне 18-й годовщины основания Красной Армии.

Эти встречи с западными дипломатами и военными во Франции, а ранее также в Англии отражали не только военно-дипломатическую ситуацию, но и фактический статус маршала как реального руководителя армии, а в перспективе – возможного главнокомандующего и диктатора. О присутствии таких настроений в среде русской эмиграции говорит аналитическая записка французских спецслужб от 24 июня 1931 г. «В русских кругах Парижа, – констатировалось в ней, – стало известно о предполагаемом назначении генерала Тухачевского генералиссимусом советских армий в случае войны. Это назначение, однако, будет держаться в секрете до дня начала открытого конфликта. Генерал Тухачевский в настоящее время будет находиться в Москве, где станет главным сотрудником народного комиссара Ворошилова. Известно, что этот генерал, называемый “русским Наполеоном”, принимал активное участие в русско-польской войне»<sup>68</sup>.

Сам Тухачевский обращался к проблеме бонапартизма в своих сочинениях. Попытку левоэсеровского переворота Муравьева он связывает не с его политическими взглядами, но с бонапартистскими амбициями. “Муравьев, – пишет он, – отли-

чался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовывать солдатские массы. Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти безграмотен. Однако знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо и когда не надо. Мысль сделаться Наполеоном преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках”. Заговор Муравьева (11 июля 1918 г.) включал вооруженный роспуск Симбирского губисполкома, объединение с чехословаками и объявление войны Германии. Основными причинами поражения выступления Муравьева стали, по мнению Тухачевского, непродуманность общего плана действий и неопределенность руководства, а главное – отсутствие внезапности. Он потратил слишком много времени на переговоры о власти с местным губсоветом и Варейкисом, готовившим в это время его арест. “Эти переговоры и послужили главной причиной столь быстрой гибели Муравьева”<sup>69</sup>. Этот анализ определенно свидетельствует о понимании Тухачевским бонапартистской альтернативы и размышлениях о ее реализации.

О возможности военного переворота в Советской России сообщали и другие источники. Один из высокопоставленных советских чиновников, имя которого в документах не называется, сделал подробный анализ положения в армии. Он представлен в документах как “высокопоставленный функционер, выполнявший в 1923–1924 гг. функции секретаря Сталина и эмигрировавший в 1928 г.” Эти данные, а также информация о том, что он имел доступ к протоколам и другим секретным материалам Политбюро, позволяют предположить, что речь идет о секретаре Сталина Б. Бажанове, авторе известной книги о формировании советского режима<sup>70</sup>. Наряду с записками В. Кривицкого она является ценным источником о секретной политической истории сталинского режима. Он позволяет разъяснить и конкретизировать его теоретические обобщения, описание атмосферы Термидора и в то же время понять, почему бонапартистский переворот классического типа не произошел в конечном счете в России. По мнению автора документа, Красная Армия является организацией, полностью подчиненной партии: она настолько отделена от власти, что совершенно бесперспективны попытки организации внутри нее заговора с целью свержения коммунистической диктатуры. Эти конспиративные сообщества несомненно будут раскрыты немедленно и являются практически бесполезными, поскольку армия лишена власти. Однако во время войны по-



ложение армии, очевидно, будет совершенно иным, и только в ней могли бы сформироваться организации, способные осуществить государственный переворот. В условиях войны, когда власть практически полностью перейдет из рук партии в руки армии, задача осуществления переворота не выглядит столь бесперспективной. Это, как считает информатор, руководство армии понимает достаточно хорошо. Среди высшего командования есть несколько способных офицеров, которые, “являясь коммунистами только по названию”, на деле очень мало связаны с партией и с “симпатией относятся к идее свержения коммунистической диктатуры путем переворота”<sup>71</sup>. Наиболее яркой личностью среди них признается Тухачевский.

Кадры офицеров, сочувствующих идее переворота, по мнению аналитика, присутствуют в замаскированном виде. Несмотря на то что вся номенклатура офицеров и генералов в целом зависит от Отдела организации и распределения ЦК, необходимость оценки их чисто военных способностей заставляет подчас пренебрегать их идеологическими и политическими качествами в пользу профессиональных. Кадровые решения в этой области (в отличие от других наркоматов) принимаются с учетом мнения Генерального штаба и Наркомата обороны. В качестве главы Генерального штаба Красной Армии Тухачевский, сообщается в документе, предоставил значительное количество важных постов людям “сомнительным, с коммунистической точки зрения”, как, например, бывший командующий Ленинградским военным округом А.И. Корк, оставшийся по своему менталитету и симпатиям, несмотря на свой партбилет, офицером старой армии. Сталин и Ворошилов, отмечает источник, быстро поняли игру Тухачевского, который готовился к войне, рассчитывая осуществить государственный переворот во время военных действий, и стали постепенно отстранять всех командующих, связанных с Тухачевским.

О распространении слухов, касавшихся готовившегося переворота в среде русской эмиграции даже после массовых репрессий в армии и завершения политических процессов, свидетельствует сообщение французских спецслужб от 5 апреля 1939 г.: “Генеральный штаб советской армии становится все более и более явно антисталинским. Таково мнение правых русских ассоциаций, которые на протяжении определенного времени возлагают на этот генеральный штаб все свои надежды по восстановлению старого порядка”<sup>72</sup>.

Однако подобная информация могла оказаться ложной. В качестве примера можно привести сообщение от 13 ноября 1941 г. о предстоявшем радикальном изменении советского

государственного строя. Согласно сообщению грузинских источников, Сталин планировал реорганизацию формы и состава правительства, а в перспективе предполагал изменить конституцию и политический режим, о чем свидетельствовал якобы тот факт, что коммунизм “скрыто осужден”. Утверждалось, что “Сталин, избавившийся от лучших революционеров, подготовил таким образом изменение режима”<sup>73</sup>.

После уничтожения военной элиты в советской России проблема бонапартизма утратила свою практическую актуальность. Об осознании партбюрократией ее потенциальной угрозы для режима говорит проведенная после Великой Отечественной войны “чистка победителей” – репрессии в отношении свободно мыслящей части офицерского корпуса, отстранение наиболее успешных военных лидеров от власти. Вновь проблема бонапартизма возникла на короткое время в период борьбы за власть после смерти Сталина. Позиция армии оказалась решающей в 1953 г. при устранении Л.П. Берии, обеспечении победы Н.С. Хрущева в 1955 г. и разрешении июньского кризиса власти 1957 г., закончившегося осуждением сторонников сталинизма как “антипартийной группы”. Став в результате министром обороны и членом Президиума ЦК партии в 1957 г., маршал Г.К. Жуков потерял свой пост уже три месяца спустя (по решению пленума ЦК 26 октября). Его отстранение от власти было связано с растущей популярностью в обществе и опасениями партийного руководства утратить контроль над армией. Воспользовавшись визитом маршала за границу, Хрущев поставил вопрос о “культе личности Жукова и его склонности к авантюризму, открывающему путь к бонапартизму”<sup>74</sup>. Характерно, что среди акций, которые инкриминировались ему пленумом ЦК КПСС, фигурировало ослабление идеологической работы и упразднение партийных структур в войсках, что рассматривалось как проявление бонапартизма.

## БОНАПАРТИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Обращение к современной российской политической системе и программе преобразований в сравнительной исторической перспективе позволяет увидеть в ней сходные параметры. В своей “Политической романтике” К. Шмитт, писавший в Веймарской Германии, передает атмосферу, свойственную эпохам постреволюционной стабилизации. Политическая романтика (которая мо-

жет быть как революционной, так и консервативной) всегда выражается в неудовлетворенности позитивной реальностью, востании против нее во имя некоего идеала. Для политической романтики характерно отрицание рационализма и поддержка иррационального. Эти чувства выражаются на спаде революций в таких идеалах, как “история”, “народ”, “государство”, провиденциальная личность. Отрицание закономерности и вера в случайность – есть квинтэссенция романтики<sup>75</sup>. Впервые в новое время данная система идей выдвинулась в эпоху Реставрации, концентрируясь в интерпретации монархии и бонапартистской диктатуры. Затем она неоднократно воспроизводила себя в истории, особенно в авторитарных режимах, для которых свойственна была романтическая идеализация тех или иных символов идеологической веры. Из данного мироощущения выводится другая важная политическая парадигма – противоречие между легитимностью и законностью. Первая выражает оценку политического режима с позиций должного (как правило, романтического идеала), вторая – с позиций сущего (позитивного права). Их конфликт есть движущее начало трансформации политического режима в революционные и постреволюционные эпохи. Право (как публичное, так и частное) есть в этой перспективе воплощение воли государства, в соответствии с которой граждане наделяются большим или меньшим масштабом индивидуальных прав.

Обращение к современной российской политической мысли позволяет констатировать, что мы стоим у истоков новой политической романтики. Доминирующими мотивами стали критика либерализма и модернизации, вообще отрицание западного пути развития для России. Из всего культурного наследия русской эмиграции межвоенного периода была извлечена евразийская теория, служащая обоснованием особого (антизападного) развития страны. С этих позиций ведется поиск государственной идеологии, национальной и религиозной идентичности, а принципы права и свободы личности пытаются подменить понятиями нации, патриотизма, деления общества на друзей и врагов государства. Новая доктрина “национальной безопасности” и принятая в ее развитие доктрина “информационной безопасности” выражает именно эти идеологические принципы. Идея национального государства стала центральной для всего этого спектра консервативной мысли. Не удивительно, что основу искомой политической стабильности консервативные идеологи видят в соответствующей византийско-православной традиции сильной авторитарной власти, стоящей над обществом и наделенной патерналистскими чертами в отношении к нему. Не удивительно, далее, что

система образов и лексика современных российских адептов национальной идеи больше напоминает язык германских романтиков эпохи Бисмарка, или французских историков времени Наполеона III, нежели современных политологов. В этом контексте целесообразно провести сравнительный анализ текущих изменений российского законодательства, выражающих в целом тенденцию перехода от принципа народного суверенитета к принципу государственного суверенитета.

Данная программа начала осуществляться как корректировка предшествующего курса радикальных социальных преобразований, связанных с отказом от советской модели общества, и в этом смысле, безусловно, имеет консервативную направленность. В то же время речь не идет, вероятно, о прямой реставрации советских порядков, которая, по крайней мере до последнего времени, отвергалась режимом (заявления о том, что итоги приватизации не будут пересмотрены). Скорее его идеология определяется понятиями “стабилизация”, “порядок” и “прагматизм”, взятыми из бонапартистско-голлистской лексики и выражающими сходные политические ориентиры. Идеология режима пытается найти если не консенсус, то известный баланс интересов советского и постсоветского периодов, защитников возврата к старому и их противников, славянофилов и западников (что хорошо проявилось в спорах о важнейших атрибутах государственности – гимне, гербе и флаге). Легитимирующая формула нового российского политического режима также имеет двойственный характер, базируясь одновременно на демократических выборах и традиционной советской легитимности (апелляция к “героическим традициям наших отцов и дедов”).

Другие параметры новой российской модели власти также напоминают бонапартистскую модель. Это – антипарламентаризм (идеи перенесения законодательного собрания из Москвы в Петербург, осуждение “говорильни”, выборов “по спискам” и “неконструктивной” работы парламента), реализация целенаправленной стратегии завоевания пропрезидентского парламентского большинства (буквально заимствованная из голлистского арсенала). Это – идея централизации власти и управления (унификация регионального законодательства, выстраивание властной вертикали и создание нового механизма власти, усиление прокуратуры и силовых структур на местах), дополненная реформой основных политических институтов государства (Совета Федерации). В перспективе обращает на себя внимание концепция Государственного совета – института бонапартистской системы власти, заимствованного М.М. Сперанским в России непосредствен-

но из нее. Другой стороной того же процесса стала борьба за усиление государственного контроля над финансовыми потоками, ресурсами с целью недопущения их использования против реальной концепции власти.

Сопоставление современной российской модели власти с бонапартистской может быть продолжено рассмотрением сходных воззрений на политические партии, правительство, задачи административной и судебной власти, комплектование правящей элиты, механизмы подбора и расстановки руководящих кадров, роль силовых структур (армии, госбезопасности, прокуратуры), вообще функции государственной власти в переходный период. Столкновение различных позиций проявляется в спорах о конституционной реформе – ее задачах, целях и принципах.

До последнего времени вопрос о русском бонапартизме мог быть лишь предметом общих теоретических размышлений, но не конкретного научного анализа. В России не существовало серьезных объективных предпосылок для бонапартизма (как специфического синтеза демократии и авторитаризма) в виде более или менее развитого гражданского общества, системы всеобщих выборов, фиксированных в праве отношений собственности и автономного “общественного мнения”. Собственно говоря, не было ни политической (конституционной) демократии, ни даже авторитаризма в его западном понимании (как усиления исполнительной власти по отношению к законодательной). На переломных периодах русской истории, как показано выше, предпринимались отдельные попытки реализации бонапартизма, но они были заранее обреченными на поражение в условиях социального вакуума (программа Пестеля в условиях военной революции декабристов, аграрная программа Столыпина, попытки установления военной диктатуры как либеральная альтернатива большевизму в 1917 г., идеи ниспровержения коммунистической однопартийной диктатуры путем военного переворота в советское время). Реальные предпосылки для бонапартизма в России возникли лишь в постсоветский период, когда сформировались первые признаки дуализма формирующегося гражданского общества и государства. Программа нового правительства показывает сознательное стремление реализовать данную модель политического режима. Мы указывали на эту возможность в ряде публикаций о политических и законодательных дебатах последних лет, подчеркивая, что стабильности конституционного устройства угрожает как левая, так и правая опасность. Можно констатировать, что высказанный нами ранее прогноз о перспективах развития мнимого конституционализма близок к реализации<sup>76</sup>. Следующ-

щей его фазой становится новая модификация мнимого конституционализма, принимающая все более устойчивые черты сходства с бонапартизмом.

Анализ современных конституционных изменений показал, что их масштаб вполне укладывается в схему маятника, колеблющегося от коллективистской до бонапартистской диктатуры. В ситуации подобного исторического выбора типа авторитаризма бонапартизм в его умеренной форме, вероятно, выступает как вполне реальная перспектива. Мы видели, что эта, несомненно, авторитарная, модель власти имеет компромиссный характер и подвержена различным интерпретациям в направлении большего или меньшего авторитаризма.

В условиях политического кризиса постсоветского периода, особенно в периоды острой конфронтации с парламентом, именно чрезвычайные полномочия президента определяли логику политического процесса. Президентская власть выступала не только как определяющий и наиболее динамичный фактор политического процесса, но временами как единственный. Это достигалось соответствующей интерпретацией конституции, гарантом которой провозглашен президент, но еще более так называемым указным правом, которое, формально не противореча конституции, может давать ей весьма авторитарную трактовку.

Политические кризисы постсоветского периода как в России, так и в других государствах СНГ показали, что президент обладает еще одним мощным инструментом влияния на правовую ситуацию – возможностью изменения конституции с помощью референдума. Подобный референдум вполне может рассматриваться как аналог бонапартистским плебисцитам или практики конституционных референдумов, которыми Де Голль укрепил свою власть. Как известно, действующая конституция была принята на референдуме после переворота 1993 г. В последнее время президент Украины продемонстрировал, каким образом с помощью референдума можно радикально изменить конституцию страны.

Это выдвигает на первый план проблему конституирующей власти в противовес конституционной. Конституция слишком неопределенна в этой части: она говорит лишь о необходимости созыва Конституционного собрания для принятия новой конституции (изменения глав 1, 2 и 9). Поэтому с самого начала существования конституции обсуждался вопрос о Конституционном собрании и о том, кто и как будет его создавать. Конкурирующие проекты в этой области выражали позиции основных политических сил – компартии и бюрократии. В настоящий момент вновь выдвинут ряд альтернативных проектов, один из которых выра-

жает позицию нового президентского большинства в парламенте, а другой претендует на альтернативный характер.

Вопрос о том, насколько вообще необходимо в данный момент изменение Конституции, имеет принципиальный характер. Его обсуждение, шедшее в течение значительного времени, едва ли не с момента принятия новой конституции в 1993 г., показало, что дискуссия носит скорее политический, нежели юридический характер: одни хотят вернуться к старому, другие сохранить или укрепить то, что есть. Мы констатировали, что дилемма состояла в выборе между коллективистской диктатурой и бонапартизмом. Теперь речь идет уже о выборе типа самого бонапартизма. Нужно ли в таких условиях менять конституцию? Данный вопрос решается опять не высшими соображениями государственной пользы (*raison d'Etat*), а расстановкой политических сил, доминирующая из которых хочет закрепить свою победу и обеспечить дополнительную конституционную легитимацию своим решениям. Для этого нужен не всесильный и избираемый, а назначаемый орган конституирующей власти (не депутаты, а назначаемые члены).

В России систему политических партий стремятся реформировать в сходном направлении. В последнее время было выдвинуто четыре законопроекта о политических партиях. По мнению их авторов, опасности реставрации однопартийного государства нет, однако необходимо согласование партийной системы с рационализированным парламентаризмом. Однако риторика правительственной партии "Единство" заставляет вспомнить язык авторитаризма: борьба с фракционностью, попутчиками, людьми, пробравшимися в движение, и т.д., смесь грубости и патернализма. Это ли путь к демократической партийной системе?

Разрабатываемый ныне по инициативе власти проект закона о партиях преследует ряд основных целей, свойственных бонапартистской модели власти. Во-первых, уменьшить резко их количество путем укрупнения. Официальная позиция состоит в том, что общество устало от партийной анархии, обилия малых партий, выражающих лишь интересы меньшинств, обществу нужны большие партии. Эта система позволит улучшить избирательную систему и более соответствует президентской форме правления. Укрупнение партий, которое оставит лишь самые жизнеспособные из них, позволит структурировать политический процесс, навести порядок, поскольку регламентация лучше неопределенности. Во-вторых, ограничить их роль в общественной жизни путем рутинизации, рационализации и бюрократизации их деятельности. Для этого выдвигается предложение ввести

при регистрации известное число членов партии (называлась цифра в 10 тыс.), поставить ряд условий по предоставлению финансовых отчетов об источниках расходов на предвыборную агитацию, а также необходимости участия в выборах (пропуск двух избирательных кампаний означает отказ в регистрации и утерю статуса партии). В-третьих, поставить их под более жесткий государственный контроль (для чего предполагаются бюджетные ассигнования на них и навязанная система финансирования). Закон определяли как способ “не допустить оппозиционные партии к власти”. По мнению его либеральных критиков, он отсекает весь спектр малых партий и имеет целью сохранить лишь официальную партию власти, а также допустить существование умеренной оппозиционной партии.

Те законопроекты, которые были внесены в Думу, говорят о том, что движение идет в сторону усиления президентской власти. Внесенные президентом в Думу законопроекты ведут к резкому усилению его власти (и без того очень значительной). К их числу относятся инициативы, позволяющие президенту на законных основаниях фактически осуществлять роспуск региональных законодательных учреждений и отстранение региональных глав исполнительной власти. Решением Конституционного суда президент наделен правом отстранять генерального прокурора в случае возбуждения против него уголовного дела. Это настоящий прецедент по заполнению пробелов и лакун в конституции в интересах президентской власти. В том же направлении идут некоторые последние законодательные инициативы – обсуждение в Думе законопроектов о конституционном собрании, чрезвычайном положении, о предоставлении неприкосновенности бывшим президентам. Они не только реализуют голлистский идеал “республиканского монарха”, но идут еще дальше, возвращая нас по существу к концепции мнимого конституционализма.

Создание института полномочных представителей президента РФ в федеральных округах указом от 13 мая 2000 (№ 849) стало важным шагом по установлению жесткого контроля над регионами. Создание федеральных округов только формально может рассматриваться как акция, не противоречащая действующей конституции. Фактически, однако, она связана со всем комплексом законодательных инициатив, радикально меняющих политический режим в направлении его централизации и бюрократизации. Создание семи огромных федеральных округов позволило сконструировать промежуточный механизм управления, меняющий функционирование российского федерализма. Это – настоящая революция сверху, но осуществленная методами правового



(или точнее, квазиправового) регулирования. Сами критерии образования федеральных округов иные, нежели субъектов федерации. Полномочные представители президента – своего рода бонапартистские префекты, наделенные всей полнотой власти.

Унификация законодательства ведет к изменению функций судебной власти и прокуратуры, которые стали основным инструментом процесса централизации и унификации власти. В этой связи показательна готовящаяся реформа судебной системы, суть которой представлена в законопроекте, внесенном Верховным судом в Государственную Думу – “О федеральных административных судах в Российской Федерации”. Согласно законопроекту, в системе судов общей юрисдикции предполагается создать самостоятельные административные суды, не связанные с существующим административно-территориальным делением страны.

В случае успешного реформирования политической системы Госсовет станет, несомненно, главным образом представительным, если не декоративным органом. Об этом говорит круг возлагаемых на него обязанностей (он не должен подменять Совет Федерации). Оппозиция уже определила этот шаг как выражение централизации власти и бюрократизации режима. Внутри Госсовета решающая роль принадлежит его президиуму, обсуждающему такие вопросы, как государственная символика, стратегия экономического развития, реформирования социального законодательства и ограничения самостоятельности местного самоуправления. То, что Государственный совет начал свою деятельность с обсуждения советского гимна (вскоре утвержденного в качестве российского), лишь подтверждает эту характеристику.

При известных обстоятельствах бонапартистская модель власти может стать наиболее привлекательной для расколотой политической элиты в условиях упадка демократических ценностей, распространения индифферентизма и политической романтики. Реализации этой модели, однако, препятствуют существенные объективные факторы, не позволившие ей стать доминирующей в прошлом. Среди них следует указать прежде всего на сложный национальный, этнический и религиозный состав населения, затрудняющий реализацию провозглашенной национально-патриотической составляющей государственной идеологии. Это препятствие не позволило, например, реализовать бонапартистскую модель Боливару в Латинской Америке. Другое обстоятельство – федеративный характер государства, затрудняющий его политическую централизацию и унификацию правового пространства, что необходимо для эффективной деятельности рационализированной бюрократической машины. Третье, главное

препятствие – отсутствие развитых традиций частной собственности вообще и мелкого земельного собственника (составляющего социальную базу классического бонапартизма), в частности. Это явилось, вероятно, одной из центральных причин, по которым бонапартистская модель власти не установилась в ходе революций начала XX в. в России, а затем и в других аграрных странах. Ведь бонапартизм как выражение политического центризма, включавшего определенные гарантии экономических и гражданских прав, не имел здесь социальной базы. Существенным аргументом против бонапартистской перспективы является также отсутствие в России рациональной государственной службы, аналогичной той, которая досталась империи от старого порядка. Деспотический характер российской, и особенно советской, государственной власти, стоявшей над обществом и подавлявшей его, стал основной общей причиной не только слабости гражданского строя, но и того, что аутентичная модель бонапартизма (или другие близкие к ней формы) не смогли реализоваться в истории России. В современной России существо политических дискуссий во многом сводится к поиску национальной формы политического центризма. Специфика этих дискуссий заключается, в частности, в том, что они идут на фоне современной идеологии прав человека и глобализации.

Современный российский режим в то же время приобрел ряд ключевых признаков классического бонапартизма. Он лавирует между силами старого порядка, жаждущими реванша, и силами, выступающими за модернизацию по буржуазному образцу. Его характерными проявлениями являются двойная легитимность (демократическая, через выборы, и авторитарно-патерналистская), антипарламентаризм, недоверие к политическим партиям, непартийное техническое правительство, централизм, бюрократизация государственного аппарата и формирующийся культ сильной личности.

Сюда следует добавить систематические референдумы и плебисциты, которые уже неоднократно имели место в постсоветский период, поскольку их легко организовать на основе нынешней конституции, слабый парламент (парламентское большинство как разновидность этого феномена). Начавшаяся фактическая перестройка основного законодательства и высших институтов власти идут в том же направлении. Цель реформ очевидна: найти приемлемый исторический синтез старого и нового, революции и контрреволюции, модернизации и консерватизма, для чего создать национальное авторитарное государство, новую политическую элиту, ориентированную на интересы власти.

Центральной для переходного периода оказывается проблема легитимности власти, ее объединяющих идей и символов. Та же проблема, которая стояла перед французским бонапартизмом – отношение к революционной легитимности и старому порядку – приобретает актуальность в новом виде. Вопрос об отношении к советскому прошлому и репрессиям – язва легитимности современного режима (отсюда известная неопределенность в вопросе о реституции, гимне и т.п.). Во всех действиях власти видны внутренние противоречия и поиск идеологических ориентиров. С одной стороны – тезис о незыблемой частной собственности и результатов приватизации (который должен успокоить бизнес, прежде всего иностранный), с другой – попытки ограничения прав собственности и преследования отдельных оппозиционных магнатов. С одной стороны – тезис об аграрной реформе, с другой – опора на коллективистские принципы советской эпохи. С одной стороны – западничество в экономике, с другой – сотрудничество с православной церковью и культивирование национальных символов. Эти противоречия, типичные для бонапартистской модели власти вообще, раскрывают в то же время историческую специфику его современной российской модификации.

Она выражается как в ее общем социальном облике, так и тенденциях развития. Если классический бонапартизм и голлизм выступали как правая альтернатива левым течениям политического спектра (экспансии социалистических идей), то их российская модификация (по изложенным выше причинам) не может претендовать на это, не рискуя утратить собственную социальную базу. Поэтому концепция центризма, открывающая бонапартистским режимам уникальные возможности для политического лавирования, здесь выражена гораздо менее заметно. В связи с этим российская модель бонапартизма будет объективно эволюционировать в режим “сильной власти”, противостоящий дестабилизации и национальному сепаратизму. Его социальная функция сходна с бонапартизмом, однако историческими символами данной модели могут быть названы скорее Петр Великий и Столыпин, нежели Наполеон III. Для его политологической квалификации подходит понятие “демократического цезаризма”, однако идеологическое оформление, а также некоторые практические шаги напоминают в большей степени о советских традициях.

Говоря о перспективах российского бонапартизма, следует помнить о судьбе его классических моделей. Эта политическая система, достаточно эффективная для стабилизация режима и разрешения конституционных кризисов, оказывается все менее эффективной с последующей поступательной эволюцией гражданского об-

щества. Она обрекала систему на застой, поскольку не содержала внутренних механизмов саморегуляции и корректировки. При растущей инерционной стабильности центристский режим перестает отвечать интересам новых динамичных социальных процессов и политических сил. Более очевидные внешние причины поражения подобных режимов не должны затемнять того факта, что оно становится возможным лишь как выражение их внутренней слабости.

Бонапартизм или шире – “демократический цезаризм” возникает в переломные эпохи и имеет сходные исторические функции, но его траектория исторического развития, социальная база, цикличность динамики могут быть различны. В России это чревато появлением более жестких его модификаций – некоторой разновидности так называемого азиатского бонапартизма. Исторический выбор либерализма в современных российских условиях оказывается весьма ограниченным: он заключается в поддержке либеральной трактовки бонапартизма как инструмента защиты гражданского общества.

Изучение феномена российского бонапартизма позволяет объяснить, почему практически все наиболее яркие политические мыслители и деятели последних двухсот лет обращались к данной проблеме, каков был смысл этого интереса к бонапартизму на разных этапах российской истории и, наконец, почему бонапартизм как целостная политическая философия не реализовался в стране до настоящего времени. Данный подход к бонапартизму и его русским интерпретациям имеет, как было показано, определенное прогностическое значение, позволяя увидеть те элементы конструкции, которые при определенных условиях способствуют или мешают ее реализации в российских условиях. Современные дискуссии об итогах русской революции, коммунистического эксперимента и путях выхода из него, перспективах российского центризма, гражданского общества, федерализма, национализма и государственности, по моему глубокому убеждению, не могут избежать обращения к проблеме бонапартизма.

Это обращение происходит в идеологических спорах: сторонники коллективистской демократии советского типа используют бонапартистский аргумент для критики олигархических тенденций и узурпации власти; сторонники западной модернизации видят в нем необходимый корректив дестабилизирующих тенденций слишком быстрого перехода к демократии в неподготовленной для этого стране; наконец, националистически и почвеннически настроенные сторонники традиционализма усматривают в нем доказательство необходимости реставрации исторических традиций сильной (в идеале монархической) власти. Отсюда происходят со-

вершенно непохожие трактовки бонапартизма и различные социальные ожидания, связанные с этим явлением.

Как и в истории других стран переходных периодов, русская модель бонапартизма представляет собой одну из модификаций мнимого конституционализма, существование которого объективно связано с интегрирующими функциями государственной власти в дифференцированном переходном обществе. От того, какими методами будет преодолен социальный раскол и достигнут консенсус, каково будет соотношение правовых и неправовых инструментов в данном процессе, наконец, от того, сколько времени потребуется обществу для решения задач переходного периода, – от всех этих факторов будут зависеть в конечном счете исторический профиль русского бонапартизма и его эволюция в истинный конституционализм.

- <sup>1</sup> Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М., 1999.
- <sup>2</sup> *Choisel F.* Bonapartisme et Gaullisme. P., 1987.
- <sup>3</sup> *Nick Ch.* Resurrection. Naissance de la V-e Republique: un Coup d'Etat democratique. P., 1998.
- <sup>4</sup> *Richet D.* De la Reforme a la Revolution. Etudes sur la France moderne. P., 1991. P. 453–480.
- <sup>5</sup> *Hugo V.* Napoleon le petit. P., 1964.
- <sup>6</sup> *Tocqueville A. de.* Souvnirs. P., 1964.
- <sup>7</sup> *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8.
- <sup>8</sup> *Proudhon P.-J.* La Revolution sociale demontree par le Coup d'Etat du Deux Decembre // *Oeuvres Completes de P.-J. Proudhon.* Т. 9. P., 1936. 386 p.
- <sup>9</sup> *Ibid.* P. 117.
- <sup>10</sup> *Ibid.* P. 174, 153–154.
- <sup>11</sup> *Bluche F.* Le bonapartisme. P., 1981.
- <sup>12</sup> *Туган-Барановский Д.М.* У истоков бонапартизма. Саратов, 1986.
- <sup>13</sup> О сходных тенденциях в Веймарской Германии см.: *Funke M.* Republik im Untergang: Die Zerstörung des Parlamentarismus als Vorbereitung der Diktatur // *Die Weimarer Republik. 1918–1933. Politik, Wissenschaft, Gesellschaft / Hrsg. von K. Bracher, M. Funke, H.-A. Jacobsen.* Bonn. 1987. S. 505–531.
- <sup>14</sup> *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926.
- <sup>15</sup> *Бакунин М.А.* Философия. Социология. М., 1989.
- <sup>16</sup> *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- <sup>17</sup> Данная программа сформулирована самим преобразователем: *Столыпин П.А.* “Нам нужна Великая Россия”: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991.
- <sup>18</sup> *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин. Б.г. См. также: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. М., 1995. Гл. 12: Государственный переворот 3 июня 1907 года.

- 19 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 273–274. См. также. Т. 5. С. 74; Т. 8. С. 364; Т. 22. С. 131, 203, 321. (Далее: ПСС.)
- 20 *Каменев Л.Б.* Между двумя революциями. М., 1923. С. 294, 365, 433. Об угрозе «замены самовластия Романова – “Божиею милостию” самовластием Ленина во имя самодержавного народа» Б. Кистяковский писал П. Струве еще в 1903 г. См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 279. Оп. 1. Д. 80. Л. 124. (Далее: РГАСПИ.)
- 21 *Плеханов Г.В.* Централизм или бонапартизм? // Возвращение публицистики, 1900–1917. М., 1991. С. 43.
- 22 *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 572–573.
- 23 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. М., 1991. С. 35–43.
- 24 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 20; Т. 33. С. 13; Т. 34. С. 51; Т. 43. С. 208.
- 25 *Троцкий Л.* История русской революции. М., 1997. Т. 2(1). С. 145. О соотношении воззрений Милюкова и Троцкого на конституционные кризисы и их разрешение см.: *Медушевский А.Н.* Неолиберальная концепция конституционных кризисов в России // П.Н. Милюков: Историк, политик, дипломат. М., 2000.
- 26 *Троцкий Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 437.
- 27 Там же. Т. 2(1). С. 148.
- 28 *Терне А.* В Царстве Ленина: Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 18–19.
- 29 Там же. С. 23.
- 30 Смена вех. Прага, 1921. Концепция “либерального бонапартизма” разрабатывалась в то же время в России: *Лукин Н. (Антонов Н.)* Парижская коммуна 1871 г. М., 1924. С. 57.
- 31 *Устрялов Н.* Под знаком революции. Л., 1925. С. 48.
- 32 *Зиновьев Г.* Философия эпохи. Л., 1925. С. 20.
- 33 *Милюков П.Н.* Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 92; Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1–2.
- 34 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990.
- 35 *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. М., 1991. Гл. V: Советский Термидор.
- 36 *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 364.
- 37 *Беседовский Г.* На путях к Термидору. М., 1997. С. 339. Некоторые современные исследователи склонны принять концепцию советского термидора и перерождения. Между тем ее принятие возможно лишь в случае согласия с интерпретацией предшествующего ленинского режима как пролетарского.
- 38 *Бухарин Н.И.* Избранные произведения: Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 205.
- 39 *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 171.
- 40 *Троцкий Л.Д.* Преданная революция. С. 213–225.

- 41 *Дойчер И.* Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 366–367.
- 42 Архив Троцкого... Т. 1. С. 247.
- 43 Записка Троцкого в Политбюро от 6 июня 1926 г. // Архив Троцкого... С. 230–238.
- 44 *Рютин М.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры // На колени не встану. М., 1992. С. 135.
- 45 *Троцкий Л.* Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 9.
- 46 Там же. С. 15.
- 47 Там же. Т. 2. С. 278.
- 48 *Волконогов Д.* Триумф и трагедия: Политический портрет Сталина. М., 1989. Кн. 2. Ч. 2. С. 82, 125–126.
- 49 Там же. Кн. 1. Ч. 2. С. 136–137.
- 50 *Nove A.* Stalinism and After. L., 1975. P. 41.
- 51 *Раскольников Ф.* О времени и о себе: Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 542–543.
- 52 Бонапартизм // Малая советская энциклопедия. 1930. Т. 1. С. 805.
- 53 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 67. Л. 24–25.
- 54 Там же. Д. 68. Л. 10.
- 55 Там же. Л. 16.
- 56 Там же. Л. 2.
- 57 Там же. Д. 69. Л. 6.
- 58 Там же. Д. 71. Л. 4.
- 59 Дискуссии о революции в Китае и проблемах бонапартизма см.: *Бухарин Н.И.* Проблемы Китайской революции. М., 1927; 1956. *Рафес М.* Революция в Китае. М.; Л., 1927; *Миф П.* Китайская революция. М., 1932; См. также: *Воронцов В.* Чан Кайши. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989.
- 60 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 165. Д. 110. Л. 50–58.
- 61 Bibliotheque Nationale Française. F/7/ 13492.
- 62 Там же. Информация. Р. 7. 648. У. Подробнее см.: *Коллонтай А.* Рабочая оппозиция: Только для членов X-го съезда Р.К.П. (На правах рукописи.) М., 1921. 48 с.
- 63 Bibliotheque Nationale Française. Информация Р. 7.470.У.
- 64 Русский монархический съезд // Archives de Prefecture de Police (APP). ВА 290 (Congres des Emigres Russes).
- 65 APP. ВА 2016 (Paul Milioukoff).
- 66 *Миллюков П.Н.* История второй русской революции. София, 1921; *Он же.* Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Париж, 1927.
- 67 APP (Cabinet du prefet): В. А/ 1704 (Toukhatchevsky).
- 68 APP. ВА/1704.
- 69 *Тухачевский М.Н.* Первая армия в 1918 году // Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 75–76, 80.
- 70 *Бажанов Б.* Воспоминания. М., 1990.
- 71 APP. ВА. 1708.
- 72 Ibid.

<sup>73</sup> АРР. ВА. 2195.

<sup>74</sup> *Верт Н.* История советского государства. М., 1998. С. 400–401.

<sup>75</sup> *Schmitt С.* Politische Romantik. В., 1968.

<sup>76</sup> *Медушевский А.Н.* Конституционный переворот или конституционная реформа: Поправки к конституции 1993 г. как инструмент борьбы за власть // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3(28).

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я. Гросул. Социальная опора бонапартизма – это новая буржуазия, церковь и крестьянство? Каково современное российское крестьянство и его взаимоотношения с властью?

В чем существенное отличие между российскими центризмом и правом на современном этапе?

А.В. Кучкин. Вы все сводите к бонапартизму. Но если обратиться к истории до Бонапарта, разве этих явлений не было?

Я.Н. Шапов. Вы не упомянули события 25 октября 1917 г., не видите здесь никаких черт бонапартизма, например, использования установившегося демократического режима, популистских лозунгов и личной власти для решения важных политических, социальных и прочих проблем.

А.Н. Боханов. Можете ли вы дать дефиницию – что такое бонапартизм?

А.Н. Медушевский. Бонапартизм – это центристский авторитарный режим, совмещающий демократию и авторитаризм и основанный на делегировании народного суверенитета главе государства.

Исходя из этого, можно дать ответ на другой вопрос: были ли такие режимы раньше? Таких режимов раньше не было, потому что бонапартизм опирается на систему гражданского общества и всеобщее избирательное право.

В.А. Кучкин. Т.е. это капиталистическое государство?

А.Н. Медушевский. Бонапартизм, если говорить шире, возникает при переходе от традиционного сословного общества к гражданскому, когда возникает феномен правового равенства между людьми и всеобщего избирательного права. Бонапартизм использует данный феномен, демократию, для установления авторитарного режима. В этом смысле он имеет демократическую



легитимность, т.е. опирается на народное волеизъявление, но одновременно является авторитарным.

Конечно, были другие авторитарные режимы и в новое, и в новейшее время. Можно назвать эту ситуацию мнимым конституционализмом в отличие от номинального. Мнимый конституционализм предполагает конституцию – есть вроде бы демократические выборы, народное волеизъявление, а режим остается авторитарным ввиду громадных полномочий главы государства по конституции и возможных ее толкований; лакун и пробелов в праве; использования различных обходных инструментов, например, создания институтов, которые конституционно не регламентируются; того или иного толкования Конституции и т.д. Возможностей очень много.

Это гибридный режим, если угодно: не абсолютная монархия старого времени, не тоталитарный режим, как, например, фашистский, не военная диктатура. Я должен подчеркнуть, что военная диктатура опирается только на штыки, а бонапартизм – на народные плебисциты и на, так сказать, организованную поддержку масс. Даже Наполеон I, который разогнал парламент 18 брюмера, все-таки его потом собрал и заставил проголосовать за дарование ему больших полномочий для борьбы с якобинцами, а впоследствии это очень широко использовалось. Потому-то в современном праве такое настороженное отношение к референдумам. Имея полномочия проводить референдум, глава государства с его помощью может радикальным образом изменить Конституцию, опираясь на народное волеизъявление. Данное обстоятельство привело к усложнению процедуры объявления референдума.

Бонапартизм – уникальное явление, хотя отдельные его проявления были в других странах, например, режим Перона, который три раза возвращался к власти в Аргентине, режим Чан Кайши в Китае. Можно найти элементы бонапартизма в других авторитарных режимах, например, диктатура Пилсудского в Польше. Если говорить об исторических аналогиях, я бы сравнил бонапартизм с просвещенным абсолютизмом – самый близкий исторический вариант, или с полицейским государством в германском смысле слова, потому что он опирается на рациональную модель организации общества, с одной стороны, и предполагает активное регулирование правовым путем отношений собственности, с другой. Но это не близкий аналог, ибо просвещенный абсолютизм имеет монолегитимность – монархическую, а не народ.

Относительно 25 октября 1917 г. надо сказать, что Плеханов считал приход к власти Ленина бонапартистским переворотом,

по его словам, “Ленин – это Бонапарт” и т.д. Ленинизм, безусловно, использовал бонапартизм и был близок к нему по многим направлениям. Но ленинизм нельзя отождествлять с бонапартизмом по той простой причине, что его целью было уничтожение частной собственности, он отрицал маневрирование. Ленинизм стал приближаться к бонапартизму в эпоху нэпа, о чем писали Устрялов и “сменовеховцы”. Но эта эволюция шла постепенно. Если же говорить о том, до какой степени он был демократически легитимирован, то вопрос – что считать его практической легитимацией в России 1917 г. – довольно сложный. Большевики фактически собрали съезд Советов с целью захвата власти до созыва Учредительного собрания. Таким образом они хотели противопоставить одну форму легитимации власти – коллективистски-патриархальную (в виде съезда Советов) – демократически избранному Учредительному собранию как конституирующей власти, которая может начать новый конституционный процесс. В этом смысле, думаю, и процедуры у них были не демократические, они использовали демагогию и опирались на люмпен-пролетарский элемент.

В.Я. Гросул. Каковы настроения современного крестьянства и его отношение к нынешней власти?

А.Н. Медушевский. Отношения эти непростые. Полагаю, что советский период привел к разрушению традиционного российского крестьянства. Современное российское крестьянство является более маргинализированным, люмпенизированным, в значительной степени оторванным от своих социальных корней и исторических преданий и, следовательно, хорошим объектом для демагогического манипулирования. Именно в этом заключается причина трудностей в проведении аграрной реформы в России: крестьянина – реального собственника не осталось, фермеры составляют, по разным данным, от 3 до 7%, крестьяне не хотят становиться собственниками.

Многие исследователи говорят о том, что аграрный вопрос в классической форме вообще не разрешим в России. Поэтому государство вынуждено лавировать. С одной стороны, ясно, что создание нормального собственника необходимо, с другой – предпринимаемые меры отличаются непоследовательностью. Если в собственность отдаются только земли, которые выведены из сельскохозяйственного использования, то что мешает потом государству сказать, что это земли как раз сельскохозяйственного предназначения. Нет правовой базы для реформы. Нельзя проводить ее наполовину. Кроме того, независимо от нашего отно-

шения к частной собственности на землю, ясно, что в современных условиях аграрная реформа тормозится из-за отсутствия нормальной судебной власти.

Таким образом, важной ее предпосылкой является реформа судебной власти, прокуратуры, администрации и т.д.

А.Н. Боханов. Мы заслушали сегодня очень интересное выступление. А.Н. Медушевский является представителем того направления отечественной исторической науки, обществоведения, которое можно определить как западническое. Я считаю, что вся наша историография вообще вплоть до сегодняшнего дня делится на два основных направления: христианское, традиционалистское и секулярное, позитивистское, которое в русском контексте нашло свое замечательное воплощение в работах и в фигуре Павла Николаевича Милюкова. Автор доклада читал Милюкова, писал о нем, изучал его творческое наследие, и вот этот “милюковизм” определяет многие его позиции и сентенции.

У меня сложилось такое впечатление, что доклад был для всех и обо всем, а в такой постановке – это ни для кого и ни о чем.

История – вещь конкретная. И я думаю, что задача нашего Ученого совета – ставить проблемы конкретизированные, оптимизированные применительно к русской истории, потому что размышлять о явлениях, которые, скажем, не имеют даже четкой дефиниции, и тем более экстраполировать какие-то западные модели, для которых парадигмаидальный подход очень характерен, бесперспективно, как вообще бесперспективны позитивизм и атеистический формализм. Я хорошо знаю, занимаясь много десятилетий русской фактографической историей, как актуализировались и развивались социально-экономические процессы в России. Еще раз хочу повторить: все, что сказано применительно к России, в лучшем случае свидетельствует о взглядах автора на этот процесс.

Парадигмаидальный подход ведет к нивелированию, к выхолащиванию очень многих специфических черт и особенностей. Естественно, никто не будет отрицать, что существуют универсальные законы человеческого сообщества. Это как бы общая установка, здесь нечего спорить. В то же время очевидно, что существуют специфические, эндемичные, аномальные процессы и явления, аномальные общности, к числу которых принадлежит и Россия. В данном случае не подразумевается никакого уничижительного смысла. Это действительно уникальное явление, которое очень тяжело воспринимать через призму мировоззрения, считающего, что Солнце человечества восходит на Западе.

Естественно, автор имеет право на собственную точку зрения, но в принципе надо выступать с содокладом, потому что позиции доклада применительно к России бессмысленны и бессодержательны. По существу надо говорить снова и снова. Сошлюсь на Сперанского, которого вы выделяете, занимаясь конституционными проектами. Сперанский наряду с Чаадаевым, конечно, принадлежал к числу самых ярких мыслителей. Он хотел синтезировать самодержавие с Кодексом Наполеона. Но в России было православие, и синтезировать Наполеона с православием и самодержавием невозможно по определению. Сперанский вышел из той же среды, что и Карамзин – их просветила русская история. В своих “Записках” Сперанский пытался моделировать те парадигмы, которые ему хотелось внедрить в России. Причисляя его к числу первых теоретиков бонапартизма, следует отметить, что все его предложения не соответствовали той самой народной массе, на которую опирается бонапартизм. Сперанский делал ставку на аристократию, просвещенных русских магнатов.

Бонапартизм вообще в своем первичном, главном и основном содержательном воплощении – это компромисс между определенными социальными силами, определенными социальными элементами, реально существующими как бы в историческом развитии, и в этом смысле термин, который Вы употребляете, к русскому контексту совершенно не применим. Вы говорите, что его носителями были представители русской юридической школы. Но, во-первых, понятие “русская юридическая школа” – это абстракция. Ее представляли Алексеев, Новгородцев, Гессен, и каждый из них – отдельная юридическая школа. Согласно Вашей интерпретации, в 1917 г. Милюков с Гучковым пытались инспирировать реализацию модели диктатуры, в которой Вы усматриваете проявление бонапартизма. Ничего подобного! Возможность компромисса там не просматривается.

Была в России и частная собственность, в том числе частная собственность на землю. В России существовали буржуазия, капиталистические отношения, она развивалась по буржуазному пути, но не стала буржуазной страной именно потому, что была эндемична в силу тех причин, которые Вы не учитываете. Я имею в виду духовно-исторический аспект, органичный для Русского государства. Из этой органичности и проистекают все коллизии, связанные с непростой судьбой России XX в., которая объясняется только тем, что как раз эту органику наши власть имущие начиная с 1917 г. в расчет не принимали, как не учитываете ее и Вы.

А.Н. Медушевский. В выступлении А.Н. Боханова продемонстрирован консервативный подход. Было сказано, что парадигмы не нужны, но по существу выдвинута новая парадигма.

Наука отличается от литературы и искусства тем, что она оперирует моделями. Конечно, жизнь богаче таблицы Менделеева, но если Вы будучи химиком игнорируете таблицу Менделеева, то Ваши результаты не будут иметь научного значения.

Если мы хотим видеть в истории не просто грудку фактов, а некоторую основу для научного размышления и объяснения, то должны спорить именно парадигмами. Если вас не устраивает парадигма бонапартизма, предложите другую, и это будет конструктивная основа для спора. Вы же предлагаете вместо парадигмы эмоции. Это по поводу метода.

Относительно существа вопроса было сказано, что у государственной школы не было попытки осмыслить это явление, тем более в 1917 г. Но не кто иной, как Новгородцев, написал целое сочинение по поводу бонапартизма. Он сравнивал русскую революцию со Смутой, говорил о том, что за всякой революцией следует диссолюция; подобно тому, как Россия в XVII в. обрела стабильность путем усиления центральной власти, точно так же она должна ее обрести в новых условиях благодаря режиму, который он сравнивал с режимом Наполеона во Франции.

Если же говорить о документах, то я знаком с перепиской Алданова и Кусковой, которые называли имена людей, помешавших реализовать переворот. На мой взгляд, он не состоялся потому, что не опирался на право, что характерно для бонапартизма. Во всяком случае, даже отрицая право, последний стремится легитимировать себя. С этим как раз и связаны шатания Корнилова. Он мог бы совершить государственный переворот, если бы действовал, как Ленин. Но Корнилов хотел обеспечить себе легитимность, для чего ему были нужны нудные переговоры с Керенским. В этом заключалась его ошибка.

По моему мнению, к вопросам можно подходить теоретически, инструментально, эмоционально. Консерватизм – очень хорошее литературно-историческое течение. Жозеф де Местр и Луи де Бональд – те авторы, которые создали консервативную политику, романтику, о которой я говорил. Идеи политической романтики имеют право на существование, но, к сожалению, не вносят ничего нового в научное обсуждение проблем.

А.Н. Сахаров. Мы не собираемся делать каких-то заключений или давать рекомендации, потому что в условиях дискуссии это сложно и рискованно.

На Ученом совете могут обсуждаться и доклады обобщающего характера. Это тоже форма научного осмысления событий, развития страны, спорных проблем. Также правомочны выступления на конкретно-исторические темы, с размышлениями по поводу того или иного исторического события. Мы не должны противопоставлять одно другому. Практика заслушивания докладов как глобального, даже социологического, историко-философского характера, так и по локальным проблемам будет продолжена и впредь, тем более что они вызывают размышления, иногда раздражение, брожение в мыслях. Это для институтской общественности весьма полезно.

Выражаю благодарность А.Н. Медушевскому за то, что он рискнул в нашей непростой, достаточно традиционной среде выступить с таким докладом, и желаю ему успеха в разработке конкретно-исторической основы тех проблем, о которых в докладе шла речь в общесоциологическом плане. Тогда мы достигнем столь необходимого нам синтеза, о котором шла речь.

## ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КОМПАРАТИВНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ\*

Очевидно, что история русского народа имеет и сходства, и отличия от истории других народов. Однако обсуждение проблемы в таком ключе почему-то не устраивает отечественных мыслителей. Русская историософская мысль бьется в границах крайностей. Одни, напирая на особенности русской культуры, создают теорию национальной самобытности. Другие, не относясь серьезно к этим особенностям, конструируют теорию единства русской цивилизации с мифической “общечеловеческой”. Споры между сторонниками этих отрицающих друг друга теорий могут вестись бесконечно, ибо каждая сторона обладает частью истины, но не может подойти к ней ближе, так как это было бы шагом в сторону противника.

Многие считают, что разгоревшийся в 40-х годах XIX в. спор между западниками и славянофилами стал достоянием истории. Но мне представляется более правильной позиция Г.В. Плеханова, полагавшего, что этот спор в различных модификациях проходит через всю историю русской общественной мысли<sup>1</sup>. Он не утих и в советское время, когда в условиях жесточайшей цензуры Главлита прозападническому марксизму противостояло “почвенническое” течение, а в 60-х годах после проведенной на страницах литературно-художественных журналов дискуссии был снят ярлык “реакционного” учения со славянофильства.

В настоящее время благодаря допущенным в ходе прозападных реформ многочисленным ошибкам возрождается и получает широкое распространение еще одно учение о русской самобытности – евразийство. Его горячие адепты не сомневаются в том, что “обязательно рано или поздно” оно утвердится в качестве доминирующей идеологии “российской государственности”<sup>2</sup>.

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 октября 2000 г.

Нет смысла оспаривать данное утверждение. Это увело бы нас к нескончаемым схоластическим дискуссиям. Но есть смысл раскрыть истоки евразийства, поставить его в рамки более широкой общественной теории и методологии, возникшей в Западной Европе в конце XIX в. Речь идет о геополитике. Именно ее создателями было впервые сформулировано понятие “Евразия”. Многие современные общественные теории, такие, как талассократия, атлантизм, мондиализм, модернизм, геозкономика, которые евразийцы рассматривают как “враждебные”, также восходят к геополитике и основываются на общей с евразийством методологии.

Геополитика предлагает такую трактовку исторического процесса, которая не укладывается в рамки традиционных исторических концепций. При этом важное место в мировой истории геополитика отводит истории России. Поэтому отечественным историкам важно определить, насколько исторические построения геополитиков, в большинстве случаев историософские, соответствуют историческим реалиям и в какой степени они могут помочь историкам в познании сложной исторической действительности.

**И д е я Е в р а з и и .** Основоположник геополитики Фридрих Ратцель так определял значение пространства (Raum) в жизни народов: «Государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы... Совокупность всех этих характеристик составляет страну. Но когда говорят о “нашей стране”, к этому добавляется все то, что человек создал, и все связанные с землей воспоминания. Так изначально часто географическое понятие превращается в духовную и эмоциональную связь жителей страны и их истории»<sup>3</sup>.

Такое понимание географического пространства близко к общему для восточных славян понятию “Русской земли”, является стержневым для отечественной истории. На нем основывается характерное для многих поколений русского народа понимание патриотизма. Ибо других оснований для патриотизма в России нет.

Развивая идеи Ратцеля, швед Рудольф Челлен сформулировал понятие такого пространства, обладание которым наделяет нацию и государство осевым динамизмом, позволяющим структурировать и объединять вокруг себя другие державы. Челлен считал осевым пространством Центральную Европу и потому приписал Германии интегрирующую мировую роль. Но вскоре эта концепция была опровергнута.



В 1904 г. директор Лондонской экономической школы Хелфорд Дж. Маккиндер опубликовал статью “Географическая ось истории”, в которой попытался “установить, с известной долей определенности, связь между наиболее широкими географическими и историческими обобщениями” и “выяснить формулу, которая так или иначе выразит определенные аспекты географической обусловленности мировой истории”<sup>4</sup>.

Маккиндер рассматривал Европу и европейскую историю как “явления, подчиненные Азии и ее истории, ибо европейская цивилизация является в весьма большой степени результатом вековой борьбы против азиатских вторжений”. Полагая, что “идеи, формирующие нацию... обычно принимаются... при общей необходимости сопротивляться внешней силе”, Маккиндер утверждал, что Франция возникла, когда “франки, готы и жители римских провинций оказались вынуждены встать плечом к плечу на поле битвы у Шалона”. В результате разрушения Аквилеи и Падуй возникла Венеция. В борьбе с аварами “была основана Австрия”. Таким образом, “большая часть современной истории (Европы. – Ю.Б.) может быть написана как комментарий на изменения, прямо или косвенно явившиеся последствием тех рейдов (из Азии. – Ю.Б.)”.

Отталкиваясь от этого, Маккиндер сформулировал концепцию “Евро-Азии”. Это территория в 21 млн кв. миль (половина всей земной суши), включающая Восточно-Европейскую равнину, Урал, Сибирь, Центральную Азию и Монголию. Анализируя почвенно-климатические условия, флору и фауну, рельеф местности, направления течения рек, он пришел к выводу, что в ранние времена Евразию делили две социально-экономические системы и соответственно два типа политических объединений: степных кочевников-скотоводов, располагавшихся от Монголии до Карпат, и оседлых земледельцев, селившихся на северо-западе, на лесных полянах”.

Хотя Евразия богата реками, но, за исключением западной ее части, “эти реки были практически бесполезны для целей человеческого общения”, так как текут или “в соленые озера”, или “в холодный северный океан”. В результате Евразия была недоступна для европейцев, пользовавшихся преимущественно водным транспортом, но Европа была досягаема для кочевников, проникавших в нее на лошадях.

“На запад, на юг и на восток от этой зоны (Евразии. – Ю.Б.) находятся пограничные регионы, составляющие широкий полумесяц и доступные для мореплавания”. Маккиндер разделил их на четыре: Западная Европа (без Британских островов), Ближ-

ний Восток, Индия и Китай. Занимая площадь в 7 млн кв. миль, эти регионы концентрируют две трети населения земли. Они являются важнейшими культурными центрами, “причем немало важно, то в принципе они совпадают, соответственно, со сферами распространения четырех великих религий – буддизма, брахманизма, ислама и христианства”.

Третью зону составляют Британия, Канада, США, Южная Африка, Австралия и Япония. Они “являют собой своеобразное кольцо, состоящее из островных баз, предназначенных для торговли и морских сил, недостижимых для сухопутных держав “Евро-Азии”.

Россия возникла “на лесных полянах”. Леса укрывали ее от кочевников. Из-за монгольского нашествия “развитие России было задержано и искажено именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед”. Но кочевники не разрушили страну (что было связано с их неумением действовать в лесах), а вызвали в ней здоровую реакцию. “Пока морские народы Западной Европы покрывали поверхность океана своими судами, отправлялись в отдаленные земли и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь... Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири”.

Железные дороги устранили недостатки Евразии в плане коммуникаций. “Русские железные дороги бегут на протяжении 6000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке... Не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в плане населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли... Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение”.

Эти рассуждения позволили Маккинтеру назвать Евразию “географической осью истории”, а Россию – “осевым государством”. “Никакая социальная революция не изменит ее (России. – Ю.Б.) отношения к великим географическим границам ее существования”. Он считал, что региональные комбинации других го-

сударств для уравнивания России “совершают что-то вроде кругового вращения вокруг осевого государства”<sup>5</sup>.

В последующих работах Маккиндер развил и уточнил положения указанной статьи. Центр евразийского континента он назвал Heartland’ом – сердцевиной мира; пограничные с Евразией регионы – Rimland’ом, т.е. береговыми землями, “оправой” Heartland’a; расположенные вне этих двух зон земли – внешним полумесяцем (inner crescent)<sup>6</sup>.

Идея Heartland’a оказала влияние на все последующие поколения геополитиков. Россия и оценка ее истории стала важной частью геополитической проблематики.

**Е в р а з и й ц ы.** Концепция “Евро-Азии” Маккиндера оказалась созвучной с концепцией славянофилов о самобытности России и ее исторической миссии. Поэтому геополитика оказала большое воздействие на интеллектуальные слои русской эмиграции 1920-х годов (прежде всего пражской) и привела к формированию особого историсофского течения–евразийства.

Основоположником евразийства был князь Н.С. Трубецкой, автор книги “Европа и человечество”. В ней он характеризовал Евразию как особую цивилизацию, соединяющую “архаическую укорененность в традиции и стремление к авангардному культурно-технологическому рывку”. В геополитическом плане Евразия противостоит Европе, родине “романо-германской цивилизации”, агрессивной, стремящейся к “единственности, гегемонизму, цивилизационному геноциду”.

Трубецкой призывал “человечество” к антизападной освободительной борьбе под эгидой Евразии, “передававшей духовное послание от туранцев Чингисхана Московской Руси”. Историческая миссия России – быть “форпостом человечества в его противостоянии романо-германской Европе”, “территорией фронта, на котором решается судьба мира”. Все периоды сближения России с Западом Трубецкой считал “аномалиями”, а всякое ее обращение к Востоку как “шаги духовного самоутверждения”.

В книге “Наследие Чингисхана” Трубецкой изложил свое видение истории России. Киевскую Русь он считал не предшественницей Московской Руси, а религиозной провинцией Византии и политической провинцией Европы, “лишенной интегрирующей идеи”. По его мнению, татаро-монгольское нашествие было благодетельным для России. Монголы “исполняли великую имперостроительную функцию, закладывая фундамент гигантского континентального государства, базу многополюсной евразийской цивилизации, сущностно альтернативной германо-романской модели”. Произошедшие от смешения славян с татарами ве-

ликороссы “стали ядром и зерном континентальной России–Евразии, переплавились культурно и духовно в особый интегрирующий, государствообразующий этнос”<sup>7</sup>.

Согласно Трубецкому, русское государство возникло тогда, когда московские князья, полностью заимствовав от татар государственный строй, “взяли на себя татарскую геополитическую миссию”. Период Московской Руси был для Трубецкого “центральным парадигматическим моментом” в истории России: “Двести лет Московской Руси – это двести лет Руси идеальной, архетипической, строго соответствующей своей культурно-исторической, политической, метафизической и религиозной миссии”.

Конец идеальной Руси был предопределен расколом. Реформы Никона были нацелены на усиление геополитического могущества Московского государства, но осуществлялись с “преступной халатностью”. Поэтому они расчистили путь секуляризации и европеизации России, что для Трубецкого означало катастрофу.

Приход к власти Петра I Трубецкой называл началом “романо-германского ига”, которое продолжалось до 1917 г. Оно принесло России лишь “отчуждение, карикатуру, вырождение глубинного импульса”. Органический ход истории России прервался, расслоился на два уровня: “дворянско-аристократический” и “народный”. Верхи шли путем западничества, народ “оставался верным допетровскому укладу”. Все-таки идущие от народной жизни импульсы в какой-то степени достигали правящего слоя. Этому петербургская Россия обязана всему духовному, самобытному и национальному в своей жизни. “Если Россия так и не стала восточным продолжением Европы, несмотря на все романо-германское иго, то только благодаря народной стихии, евразийским низам, осторожно и пассивно, но упорно и несгибаемо противившимся европеизации”.

В Октябрьской революции Трубецкой видел подъем народного духа, раскрепощение народных низов, смутную, неосознанную, но отчаянную и радикальную попытку “вернуться к временам, предшествовавшим германо-романскому игу”. В пролетарском интернационализме он углядел “не стремление уничтожить нации, но воссоздать в рамках СССР единый евразийский тип, мозаику общеевразийского национализма”. Большевистскую идеологию Трубецкой расценивал как “неизбежный результат многолетнего господства в России западной мысли”, настолько повлиявшей на общество, что “даже протест против романо-германского ига смог оформиться лишь в терминах, заимствованных из арсенала европейской мысли”.

В еще большей мере геополитика оказала влияние на другого яркого представителя евразийства П.Н. Савицкого. Его исходная концепция образования России–Евразии основывалась на природном дуализме Восточноевропейской равнины – антиномии леса и степи. Природному дуализму соответствовал этнический дуализм – арийский и туранский. Русские – не славяне и не турки, не европейцы и не азиаты. Это новая этническая общность со своей уникальной культурой, образом жизни, миропониманием. Россия – синтез двух номосов, снятие их противоположности, разрешение конфликта между ними. Такое уникальное образование может существовать только в одном географическом пространстве – Евразии<sup>8</sup>.

Россию–Евразию Савицкий именовал “срединным миром”, который соединяет Европу, Азию и Северную Америку. По его словам, «Россия–Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин – Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония – превращается как бы в “рассыпанную храмину”. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от классической Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все».

Соединительная роль Евразии проявилась еще тогда, когда она принадлежала не России, а кочевникам: “Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур”. Отвоевав Евразию у кочевников, Россия приняла на себя их миссию.

В отличие от Трубецкого Савицкий не настроен враждебно по отношению к Европе: “В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила. Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу – особенность русской культуры и геополитики”.

Объясняя культурные, экономические и политические особенности России, Савицкий опирался на геополитическую методологию. «Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода “сепаратизмов” – будь то политических, культурных или экономических. “Мозаически-дробное” строение Европы и Азии содействует возникновению небольших, замкнутых, обособленных мирков. Здесь есть материальные

предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве. Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера “флагоподобного” расположения зон не содействует ничему подобному. Бесконечные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций».

Покрытый лесами север с неблагоприятными для земледелия условиями не может прожить без взаимодействия с сельскохозяйственным югом. Степной юг, нуждающийся в древесине, не может прожить без взаимодействия с севером. «Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии... Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская (XIII–XIV вв.) и др. Эти попытки охватывали не только степь и пустыню, но и лежащую к северу от них лесную зону и более южную область “горного окаймления” Евразии».

Поскольку объединительные тенденции на территории Евразии преобладают над разъединительными, там «нет противоположения “высших” и “низших” рас». По словам Савицкого, «над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас – от германской (крымские готы) и славянской – до тунгусо-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов».

Господство объединительных тенденций в Евразии имеет следствием то, что “здесь легко просыпается воля к общему делу”. Оно означает подчинение частных интересов общим, человека – коллективу. С этим связана огромная роль в России объединительных идей, господствующей идеологии.

Поэтому в основе русского государства лежит особая форма политического устройства, которую Трубецкой и Савицкий называли “идеократией” (власть идеи). Она предполагает господство идеального над материальным, духовных ценностей над прагматическими интересами, долговременных целей над потребностями сегодняшнего дня. Увлеченная православием Киевская Русь, захваченная идеей “третьего Рима” Московское государство, зараженная европоцентризмом Петербургская Россия, оказавшийся под властью марксизма СССР – суть разные формы идеократии. Если бы Савицкий не умер в 1968 г., то он мог бы продолжить этот список.

Идеократическое устройство предполагает наличие особого слоя в составе политической элиты – “духовных вождей”. Они, как правило, не входят в институты власти, а образуют особый авторитарный институт, влияющий на общество в целом. В Киевской Руси духовными вождями было греческое духовенство, в Московском государстве – русская православная церковь, в Петербургской России – интеллигенция, в СССР – коммунистическая партия.

Г у м и л е в. Когда советские войска вошли в Прагу, Савицкий, в числе других эмигрантов, был арестован и осужден на 10 лет лагерей. Там с ним познакомился Л.Н. Гумилев, ставший его учеником и горячим сторонником всех историсофских концепций евразийцев. Ради них он был вынужден проявлять “недоверие к источникам”, отвергать летописные свидетельства и археологические данные, предпочитая фактам теоретические реконструкции.

Пытаясь обосновать евразийские концепции, Гумилев далеко вышел за пределы геополитической проблематики. Основатель этнологии, он определял ее как “географическую науку, изучающую становление этносферы Земли как результат процессов этногенеза в историческую эпоху”. Гумилев широко использовал биоэнергетические гипотезы В.И. Вернадского и его последователей, позволившие ему сформулировать теорию пассионарности, лежавшую в основе его исторических реконструкций. Она помогла ему избежать многих трудностей исторического объяснения.

Например, не соглашаясь с А.А. Шахматовым в том, что миграции славян начала IX в. на восток вызваны появлением империи франков Карла Великого, Гумилев предложил следующее объяснение: “Целостность этноса, а тем более суперэтноса поддерживается уровнем пассионарного напряжения. Когда напряжение спадает – этнос распадается, и чаще всего по территориальному признаку. При этом высвобождается часть энергии, идущая на миграцию... Вот причина (лежащая в плане этнической истории), из-за которой вятичи и радимичи сменили место обитания”.

Теория пассионарности вызвала отход Гумилева от геополитической методологии. Например, чтобы объяснить образование восточнославянского этноса и установление его доминирования на Восточноевропейской равнине с позиций геополитики требуется тщательный анализ политического, военно-стратегического, торгового, экономического и т.п. значения территории их расселения, роли культурных, религиозных, экономических, воен-

ных, внешних воздействий, расстановки всех политических сил, способных вмешаться в ход событий, учета их геополитических интересов. С точки зрения теории пассионарности, все это лишнее: “Высокий уровень пассионарности дал славянам преимущество над восточными балтами (ятвяги, голядь) и финно-уграми (меря, мурома, весь) и повлек за собой слияние славянских племен в единый древнерусский этнос, осуществившееся в конце X в.”<sup>9</sup>

Гумилев верил, что теория пассионарности позволит ему преодолеть молчание источников. Раскрывая причину, по которой поляне платили дань хазарам, он писал: “Для этого должно быть научное объяснение. Замечено, что если особи некоей популяции упрощают свою морфологическую структуру, они резко увеличивают биогеохимическую энергию (для животных это энергия размножения)... Перенеся эту закономерность с организменного уровня на популяционный уровень, мы констатируем, что при начинающемся вырождении, или упрощении структуры, имеет место выброс свободной энергии, проявляющейся в стремлении к расширению ареала. Примеры того – ханьская агрессия II–I вв. до н.э., колониальные захваты европейских стран в XIX в. и интересующее нас столкновение на тропе войны Иудео-Хазарии с Киевской Русью”<sup>10</sup>.

Такое “научное объяснение” привело Гумилева к произвольной трактовке источников. Ссылаясь на найденную П.К. Коковцовым еврейскую рукопись XII в., в которой говорилось о предпринятом по просьбе византийского императора Романа I Лакапина набеге вождя приазовских россов Халгу на хазарский порт Самкерц и его сражениях с полководцем Песахом, Гумилев придумал поход Хазарского каганата на Киевскую Русь, закончившийся в 940 г. победой Песаха над киевлянами.

Использование геополитической методологии позволило бы избежать этой ошибки. В указанное время Хазарский каганат был отрезан от Киевской Руси печенегами, отвоевавшими у хазар северное Причерноморье и Приазовье вплоть до Саркела и заключившими мир с князем Игорем. С юго-запада хазар теснили аланы, подступавшие к Саркелу и Итилю. Каганат с трудом отбивал набеги приазовских россов на таманские и восточно-крымские порты (набег Халгу на Самкерц был лишь одним из множества). В этих условиях большой, длительный и тяжелый поход на Киев через земли враждебных печенегов был физически неосуществим.

Придуманная война Киевской Руси с Хазарским каганатом заняла важное место в исторических построениях Гумилева. “По-



беды Песаха позволили хазарскому царю перенести налоговый гнет на русское население Поднепровья, ибо варяжские конунги готовы были оплачивать свой покой данью, собираемой со славян”. Походы Игоря на Византию, набеги росов на шиитов Аррана, сбор дани с древлян объяснялись им как действия попавших в зависимость от хазар варяжских князей в интересах “купеческой верхушки иудейской общины”.

Гумилев стремился доказать историческую несовместимость интересов “иудейских общин” с интересами народов Восточно-европейской равнины и Кавказа, включая самих хазар: “...Крови было пролито немало, погибли ни в чем не повинные обитатели побережий Черного и Каспийского морей, сложили головы за чужое дело русские богатыри, были обобраны и ежедневно оскорбляемы хазары, аланы потеряли свои христианские святыни, славяне платили дань по белке с дыма... гузы не смыкали глаз... Это перманентное безобразие было тяжело для всех народов, кроме купеческой верхушки Итиля и обслуживавших ее наемников, но последние за приличное содержание платили своей кровью”<sup>11</sup>.

Поэтому разгром Хазарского каганата Святославом в изображении Гумилева приобретает всемирно-исторические масштабы: «Все партии, опиравшиеся на поддержку агрессивного иудаизма, утратили опору, крайне для них ценную. В результате во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонию национальным князьям и феодалам; в Китае отдельные солдатские и антикочевнические мятежи переросли в агрессивность и национальную исключительность новорожденной династии Сун; халиф в Багдаде ослабел и потерял контроль даже над Египтом, не говоря уже о “прочей Африке” и Аравии; дезорганизация разьедала Саманидский эмират. Короче говоря, союзникам погибшей Хазарии стало плохо». Однако “остались евреи, не потерявшие воли к борьбе и победе и нашедшие приют в Западной Европе”<sup>12</sup>.

Таким образом, отойдя от геополитической методологии ради теории пассионарности, историческая состоятельность которой не доказана, Гумилев потерял ориентацию в мировом историческом процессе. О его работах можно было бы подробно не говорить, если бы они не оказали большое влияние на современное евразийство.

Д в у х п о л ю с н ы й м и р. Если для Маккиндера “географической осью истории” был Heartland, то немецкому историку и философу Карлу Шмитту мировой исторический процесс представлялся борьбой двух полюсов: Востока и Запада. “Противо-

стояние Востока и Запада... включает в себя противоречия различного рода: экономические интересы, качественное различие правящих элит и несовместимость основополагающих интеллектуальных установок”<sup>13</sup>.

Борьбу между оседлыми и кочевыми народами Шмитт низвел до второстепенного исторического эпизода. Основой же конфликта между Востоком и Западом он считал “основополагающий дуализм элементов Земли и Воды, Суши и Моря”. Шмитт писал: “То, что мы сегодня называем Востоком, представляет собой единую массу твердой суши: Россия, Китай, Индия – громадный кусок Суши... То, что мы именуем сегодня Западом, является одним из мировых Океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океаны. Противостояние морского и континентального миров – вот та глобальная истина, которая лежит в основе объяснения цивилизационного дуализма, постоянно порождающего планетарное напряжение и стимулирующего весь процесс истории”.

Враждебность континентальных и морских держав связана с различиями в способах их существования: “В центре сухопутного существования стоит Дом. В центре морского существования плывет Корабль. Дом – это покой. Корабль – движение... Люди, живущие на Корабле, находятся в совершенно иных отношениях как друг с другом, так и с окружающей средой”. Поэтому, “с какой бы позиции мы ни смотрели на это различие, – с Моря на Сушу или с Суши на Море, – оно проявляется в совершенно иначе структурированном силовом цивилизационном и культурном поле, при этом надо заметить, что культура сама по себе в большей степени относится к Суше, а цивилизация – к Морю”.

Характеризуя цивилизационные различия между народами суши и моря, Шмитт использует понятие “номос” (от греч. νόμος – нечто оформленное, организованное). Номос – это гармоничное сочетание всех элементов общественной жизни, сложившихся в результате освоения окружающей географической среды.

Для Шмитта мировая история начинается с эпохи великих географических открытий, когда Англия стала “островом, отделившимся начиная с XVI в. от европейского континента и сделавшим первые шаги к чисто морскому существованию”. Несмотря на огромные успехи в мореплавании, ни Португалии, ни Испании, ни Голландии не удалось преодолеть свою континентальность. Начиная с XVI в. Англия “вступила в эпоху великих географических открытий и принялась отвоевывать колонии у Португалии,

Испании, Франции и Голландии. Она победила всех своих европейских соперников не в силу морального или силового превосходства, но лишь исключительно из-за того, что сделала решительный и бесповоротный шаг от твердой Суши к открытому морю”: Шмитт назвал это первой планетарной революцией пространства.

С этим шагом связано и опережающее технико-экономическое развитие Англии: “В условиях морского существования технические открытия совершаются более легко и свободно, так как они не обязательно должны встраиваться в фиксированную структуру нормативов, свойственных сухопутному существованию... Переход к чисто морскому существованию уже несет в самом себе и в своих прямых следствиях раскрепощение техники как самостоятельной и самодовлеющей силы... Безусловная вера в прогресс (понятый как технический прогресс) является верным признаком того, что совершен переход к морскому существованию”.

Промышленную революцию Шмитт рассматривает как ответ на великие географические открытия. Для него глубоко закономерно то, что именно Англия стала родиной промышленной революции: “Англичане, совершившие в XVIII в. все свои знаменитые открытия, повлекшие за собой промышленную революцию, – коксовые печи, сталелитейное производство, паровую машину, ткацкий станок и т.д., – не были гениальнее других народов... Технические открытия, лежащие в основе промышленной революции, только там на самом деле приведут к индустриальной революции, где сделан решительный шаг к морскому существованию”.

На фоне промышленной революции “политическая революция, расплывшаяся начиная с 1789 г. по всему европейскому континенту, есть лишь бледный идеологический эпифеномен”. Французская революция привела к первому глобальному столкновению между континентальными и морскими державами. “Планетарный характер битвы между Сушей и Морем впервые обнаружился во времена войн Англии против революционной Франции и Наполеона, – писал Шмитт. – Правда, тогда деление на Сушу и Море, Восток и Запад не было еще столь четким, как сегодня. Наполеон был, в конце концов, разгромлен не Англией, а континентальными Россией, Австрией и Пруссией. Номос Земли еще заключался тогда в равновесии между силами Суши и Моря; одно Море не могло добиться своими силами решительной победы. В 1812 г., когда столкновение достигло своего апогея, Соединенные Штаты объявили войну не Наполеону, а Англии.

Тогда произошло сближение между Америкой и Россией, причем оба этих молодых государства стремились дистанцироваться как от Наполеона, так и от Англии. Противоречие между Землей и Морем, между Востоком и Западом еще не выкристаллизовалось тогда в чистое противостояние стихий, что произошло лишь в момент Североатлантического союза в 1949 г.”

Поражение России в Крымской войне Шмитт рассматривал как кульминационную точку в противоборстве морских и континентальных держав, пик могущества Англии. Идеологически это выразилось в господстве английской классической политической экономии, которая “была концептуальной суперструктурой, разработанной на основании первой стадии промышленной революции”.

Марксизм, в свою очередь, основал свое учение уже на этой суперструктуре классической политэкономии. Он развил ее и разработал концептуальную суперструктуру для второй стадии промышленной революции. В этом качестве марксизм был взят на вооружение элитой русских профессиональных революционеров, которым удалось совершить в 1917 г. революцию в Российской империи и перенести двойную суперструктуру на условия своей аграрной страны. Во всем этом речь шла отнюдь не о практическом осуществлении чистого учения и о логичной реализации объективных законов исторического развития. Речь шла о том, что промышленно отсталая аграрная страна испытывала необходимость вооружиться современной промышленной техникой, так как в противном случае ей была обеспечена роль добычи для других более развитых промышленно крупных держав. Таким образом, марксизм из идеологической надстройки второй стадии промышленной революции превратился в инструмент для преодоления индустриально-технической незащищенности огромной страны, а также для смещения старой элиты, не справляющейся с исполнением исторической задачи”<sup>14</sup>.

“С р е д и з е м н ы й о к е а н”. Ревизию идей Маккиндера предпринял Николас Спикмен. Он считал, что Маккиндер переоценил значение Heartland’a в мировой истории. Развитие Rimland’a совершалось не под влиянием вторжений из Азии, а само по себе. Heartland не выполнял никакой исторической миссии, а получал импульсы для своего развития извне. Он был лишь потенциальным пространством, а ход мировой истории диктовался Rimland’ом. Поэтому не Heartland, а Rimland и прежде всего его четвертый западный регион является “географической осью” древней и средневековой истории.

Однако в новое и новейшее время решающую роль в истории стала играть новая геополитическая конфигурация. Спикмен назвал ее “Средиземным океаном” (Midland Ocean). Подобно тому как в античную эпоху Средиземное море способствовало объединению живущих по его берегам народов, образованию мировых культурных центров и формированию греко-римской цивилизации, так в XIX–XX вв. такую же роль стала играть северная часть Атлантического океана. Живущие по его берегам народы связаны общей западноевропейской культурой, демократическими ценностями, либеральной экономикой, составляют единое Атлантическое сообщество. Они являются лидерами мирового исторического процесса, распространяют импульсы, определяющие развитие остальных частей мира<sup>15</sup>.

\* \* \*

Геополитические теории играют все возрастающую роль в современной политике. Конструкция НАТО целиком базируется на идеях Спикмена. Крупнейшим геополитиком современности является Збигнев Бжезинский, посвятивший свою жизнь расколу Евразии. Однако роль геополитики в будущем видится весьма неопределенной.

В XX в. развернулась вторая планетарная революция пространства. Человек поднялся над поверхностью земли и моря, приобрел новые средства передвижения, новое оружие. Меры и соразмерности вновь изменились, а возможности человеческого господства над природой и над другими людьми расширились до необозримых пределов. Поэтому море и суша больше не играют той роли, какую они играли в прежние времена. Однако историки не должны забывать того, какое значение имела географическая обусловленность для судеб народов и государств. В сравнительных же исторических исследованиях геополитический подход представляется безусловно необходимым.

<sup>1</sup> Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. М.; Л., 1925. Кн. 1. С. 9–10.

<sup>2</sup> Дугин А. Преодоление Запада / Николай Трубецкой. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 5.

<sup>3</sup> Цит. по: Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Изд. 3-е, доп., М., 1999. С. 35–36.

<sup>4</sup> Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. 1996. № 7. С. 26–27.

<sup>5</sup> Там же. С. 26–31.

<sup>6</sup> См.: Mackinder H. The Round Planet and the winning of the Peace. N.Y., 1943.

<sup>7</sup> Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 223–292.

<sup>8</sup> Савицкий П. Континент Евразия. М., 1997. С. 13–78.

<sup>9</sup> Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М., 2000. С. 170.

<sup>10</sup> Там же. С. 184.

<sup>11</sup> Там же. С. 210.

<sup>12</sup> Там же. С. 226.

<sup>13</sup> Schmitt C. Land und Meer. Leipzig, 1942.

<sup>14</sup> Schmitt C. Der Nomos der Erde. Köln, 1950.

<sup>15</sup> Schmitt C. Geography of Peace. N.Y., 1942.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.К. Соколов. Существует довольно много геополитических концепций. Они начали появляться еще с середины XIX в. Основоположником является наш ученый И.И. Мечников. Потом появились более современные геополитические теории и т.д. Почему Вы выбрали концепцию Маккиндера?

Ю.П. Бокарев. Потому, что он первым обратился к историческим сюжетам.

А.К. Соколов. Но есть и другие геополитические концепции. Однако Вы именно Маккиндера рассмотрели как основоположника евразийства, откуда возникло представление об особом пути России и т.д.

Ю.П. Бокарев. Думаю, что разговор об особом пути возник гораздо раньше, но Маккиндер первым обосновал его геополитически.

А.К. Соколов. Тем более, что Маккиндер работал на рубеже XIX–XX вв.

Ю.П. Бокарев. Он активно работал и в 1920-е годы. В 1920 г. он был на территории России, пытался расколоть Евразию, делал ставку на белое движение. Последняя его работа датируется 1943 г.

А.К. Соколов. С этой точки зрения как соотносится концепция Маккиндера с концепцией Спикмена, с геополитической концепцией “Средиземного океана”?

Ю.П. Бокарев. По моему мнению, они соотносятся так, как прошлая и более близкая к нам история. Не существует некоей извечной географической конфигурации. Земля за исторический период не слишком изменилась, но само значение территории и ее важности для развития менялось на протяжении истории. И ес-

ли, скажем, в начальную эпоху эти пространства, эти степные набеги действительно потрясли европейский мир и способствовали определенным процессам, то теперь мы больше испытываем влияние объединения атлантической цивилизации, распространения культурных интересов Запада на остальной мир.

Т.е. Маккиндер и Спикмен занимались именно историей, и поэтому я выбрал их работы для анализа, а вовсе не потому, что кто-то основоположник, а кто-то нет. В мои планы вовсе не входило читать лекцию по геополитике – таких учебников слишком много.

Маккиндер и Спикмен ошиблись в устойчивости этих конфигураций. И я думаю, что концепция НАТО базируется целиком на спикменовских представлениях.

Маккиндер был противником Хартленда, хотя и придавал его влиянию большое значение. Он призывал к необходимости окружить Хартленд и расколоть его, называл эту стратегию “кольцом анаконды”. В этих условиях и сторонники Спикмена, и сторонники Маккиндера просмотрели выделение еще одного географического региона – Юго-Восточной Азии, потому что ни в одной геополитической теории этот регион не рассматривался как способный на геополитическое возвышение.

А.К. Соколов. Как вы относитесь к концепции глобализации? Этот вопрос сейчас широко дискутируется. Признаете ли вы наличие каких-то общих цивилизационных начал, или геополитика диктует нам различные цивилизационные начала на поверхности земного шара?

Ю.П. Бокарев. Земля маленькая, и в конце концов много культур на ней просто не уцелеет. Я рассматриваю это исторически. В моем отзыве на Ваш двухтомник отмечено, что Ваш подход с позиций модернизма совершенно правомерен к тому периоду, который Вы избрали. Но если брать более ранние эпохи, он может не соответствовать историческим реалиям. Вы в теории модернизации придерживаетесь объединения культур. А было время, когда, наоборот, культуры раздвигались, размежевывались. Т.е. надо подходить исторически. Что касается глобализации, она идет. Но есть и мощное движение против нее.

А.К. Соколов. А каково ваше отношение к ней?

Ю.П. Бокарев. Двойственное. С одной стороны, она создает возможность ускорения прогресса, с другой, вносит такие подвижки, особенно в отсталых регионах, которые иногда оборачиваются катастрофой. Взять недавний финансовый кризис в Азии.

Он тесно связан с глобализацией. Создаются гигантские финансовые структуры. Они превосходят любой банк. Эти структуры находят место там, где инвестиции очень выгодны, и устремляются туда, происходит мощный экономический взлет. Но вскоре оказывается, что другой регион стал гораздо доходнее. Инвестиции перетекают туда, акции продаются, цена их падает и начинается кризис.

А.К. Соколов. Сегодня геополитические исследования становятся весьма и весьма популярными, и нельзя проходить мимо этого. Хочу напомнить, что геополитика – это учет географического фактора во внешней и внутренней политике государства, в экономике. Считаю, что проблемы, которые ставятся в геополитических исследованиях, заслуживают внимания. Когда речь идет об изучении влияния географических факторов на историю той или иной страны, я целиком “за”, о чем писал в статье “О влиянии географических факторов на новую и новейшую историю России”, опубликованной в сборнике “Природопользование в России”.

Когда речь идет о ранних веках нашей истории, там влияние географического фактора прямое, этого отрицать нельзя. В новое и новейшее время это влияние тоже очевидно. Например, такой природный фактор, как нефть – важнейший аспект международной политики, но его влияние не прямое, а через ряд опосредований, которые, тем не менее, очень легко фиксируются и изучаются на уровне практических исследований. Что не устраивает в современных геополитических построениях? Это, во-первых, рассуждение преимущественно в историко-философском, иррациональном ключе, которое, на мой взгляд, чревато преувеличением этого географического фактора, а во-вторых, ведет нас к ложным построениям, тупикам и конструкциям о “необъяснимом свойстве русской души”, русского народа и т.п.

Ю.П. Бокарев. При чем здесь геополитика?

А.К. Соколов. Но это существует. Вы уже упоминали об этом. Рациональное объяснение здесь полностью отсутствует как таковое. Может быть, я сугубый эмпирик, но, наблюдая окружающих людей, не вижу в них никаких “тайн русской души”. Это люди простые, элементарные, рациональные и т.д., и т.п. Об абстракциях мне очень трудно судить. Возьмем ту же нефть – ее роль для нашей страны совершенно не такая, как на Западе. Поэтому изучать географический фактор, конечно, надо, но на несколько иных методологических основаниях. Рассуждения Маккиндера хороши. Но я бы перевел проблему в плоскость конкретных исторических исследований.



Л.Н. Нежинский. Я поддерживаю А.К. Соколова в том, что нужно изучать геополитические теории и подходы. В последнее десятилетие им посвящена довольно большая отечественная литература. Однако некоторые вещи просто удивляют. Например, один из авторов солидной по объему монографии по геополитике современной России, депутат Государственной думы, поставил вопрос так: необходимо решать наши проблемы с точки зрения геополитики, в том числе и в регионе Прибалтики, и если литовское руководство будет продолжать придерживаться своей неблагоприятной позиции по отношению к современной России, то мы не должны останавливаться перед тем, чтобы сбросить атомную бомбу на Вильнюс, на литовский парламент – и вопрос будет решен...

Важно максимально научно подходить к самой постановке проблемы в зависимости от различных этапов российской истории, особенно на современном этапе.

Как бы мы ни признавали действительно большого значения географического положения, размеров государства и т.д., но никто не станет отрицать, что экономику и политику современной Монголии, территория которой составляет 1,5 млн кв. км, нельзя сравнивать с современной Швейцарией, которая занимает около 65 тыс. кв. км.

И сегодня, даже после распада Советского Союза, Россия остается крупнейшей по территории державой мира (17,5 млн кв. км). После нее идет Канада, потом Китай, Бразилия. И тем не менее все, кто занимается состоянием современной экономики России, вынуждены признать, что уровень развития экономики европейской части России и всей ее зауральской территории, включая Дальний Восток, конечно несопоставим. Индекс выглядит как 5 : 1, в некоторых отраслях 3 : 1, а в некоторых и 10 : 1 в пользу европейской части.

Поэтому прежде чем обращаться к геополитическому подходу, имеет смысл подумать о том, какие усилия необходимо предпринять, чтобы зауральскую Россию поставить на рельсы того экономического развития, которого она заслуживает, и добиваться более или менее гармоничного развития обоих регионов страны.

В целом сама постановка вопроса в докладе интересна, но она заслуживает более широкого исторического охвата.

## ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ 20–30 годов XX века\*

Предлагаемая для обсуждения тема принадлежит к числу почти не исследованных историками, философами, социологами, хотя она давно приобрела не только научное, но и первостепенное практически-политическое значение для современной социальной практики государства. Наблюдается парадоксальное явление: чем чаще в лексиконе ученых, политиков, идеологов партий и движений различных направлений звучит слово “идеология”, тем меньше ясности и четкости в подходах, определении, понимании этого сложного явления социальной, духовной жизни общества и государства, места и роли идеологического фактора в общем прогрессе XX в.

Отсутствие разработанных исследовательских подходов к этой фундаментальной проблеме проявляется прежде всего в различных толкованиях самой дефиниции “идеология”, которая в советское время отождествлялась с теорией, наукой<sup>1</sup>, а в современной литературе – с концепцией, позицией, программой партий, с совокупностью гипотетических идей (например, выхода из кризиса) и предложений и т.п. Подобный разноречивый влияет на научные позиции историков.

До сих пор, несмотря на многочисленные и громогласные заявления о независимости от политики и официальной идеологии, историки остаются в той или иной степени заложниками влияния мнений и оценок, функционирующих, а чаще господствующих в политическом секторе общества<sup>2</sup>. Отсутствие четкого научного понимания, а следовательно, и определения понятия “идеология” негативно влияет на разработку этой проблемы и на диалог ученых друг с другом, т.е. на полемику.

Вторая существенная черта неразработанности рассматриваемой проблемы – недооценка историками важности ее изучения, т.е. отношение к ней как к либо несущественной, либо достаточно ясной и не требующей серьезных исследовательских усилий.

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 16 ноября 2000 г.

Этот подход присутствует во многих современных трудах историков, пользующихся господствующими шаблонами и заимствованными из политики штампами типа тоталитарная, псевдоколлективистская идеология, идеологические догмы, идеологический пресс, т.е. набором новых идеологических догм, которые исключают научный, объективный взгляд на данную сложную проблему, порождая весьма опасную для науки ситуацию, может быть более вредную, чем это было в советское время. К тому же эти оценки, характеристики, словосочетания часто носят весьма навязчивый, агрессивный характер, что вообще нетерпимо в работах научного типа, ибо любые позиции следует объяснять, а не “вдалбливать” в сознание читателя, чем занимаются некоторые историки и бездарные политики<sup>3</sup>.

Изучение идеологических процессов на современном уровне развития науки невозможно без глубокого осмысления структуры объекта, всех его реальных составляющих, соотношения и взаимосвязи с другими областями общественного сознания и влияния на идеологию и на массовое сознание (например, литературу, искусство). Этот аспект проблемы имеет особенно важное значение для изучения конкретных реальных идеологических процессов, протекавших в любом обществе, в том числе и в России 1920–1930-х годов. Ибо самые различные факторы и сферы были включены в процесс формирования новой государственной идеологии (советской): образование, воспитание, наука, все виды искусства, литература. Кстати эти процессы происходили в XX в. во всех странах мира, что тоже следует учитывать историкам России. Изучение этой сложной системы взаимоотношений и связей нуждается в разработке четких продуманных, научно обоснованных методов и принципов подхода к конкретному историческому материалу, его анализу, объяснению и оценке.

Самый большой вред может нанести создание необъективной предвзятой картины этого явления, сложившаяся в современной науке игра в факты и фактики, когда исследуется не весь процесс и все его составляющие, а вырываются отдельные события и факты, и на них историки строят свои объяснения и оценки, игнорируя сложный характер взаимосвязи явлений с общей тенденцией развития, с социальной ситуацией в обществе, с особенностями исторического этапа. Четко осмысленные методологические подходы к изучению реальных идеологических процессов, протекавших в стране, позволяют показать их в тесной связи с другими сферами общественного бытия – массовым сознанием, которое существует и развивается в виде сознания всего общества, отдельных социальных групп, индивидуумов, с их психо-

логией и настроениями, первоосновой которых всегда является сознание, т.е. осознание бытия.

Нередко в современных исследованиях встречается отождествление сознания и психологии общества<sup>4</sup>, что возвращает науку к началу XX в., к точке зрения Г.В. Плеханова, стоявшего на позициях их относительного тождества, к дискуссиям того времени, которых, к сожалению, мы до сих пор не знаем, хотя именно в ходе полемики тех лет рождалось научное понимание такого явления, как идеология, ее места и роли в общественной эволюции.

Являясь неотъемлемой частью общественного сознания, идеология в то же время остается достаточно самостоятельной областью, имея свое конкретное содержание, структуру, формы распространения на каждом этапе общественного развития. Массовое, групповое, индивидуальное сознание всегда подвержено влиянию идеологии (и официальной, и оппозиционной), оно зависит от конкретных периодов развития общества. Это следует учитывать при изучении формирования идеологической политики государства в различные исторические периоды, ибо она тоже существенно отличается в условиях спада и подъема, становления и зрелости общественных отношений. Идеология как и все общественное сознание не является чем-то застывшим, неизменяемым, однообразным, как это нередко изображают некоторые современные историки, склонные отождествлять идеологические процессы 1920–1930-х и 1960–1980-х годов, объединяя и характеризую все одним понятием “советская идеология”. Это грубое нарушение элементарных требований историзма.

Как показывает история, в сложном процессе эволюции общественного сознания всегда присутствует идеологическая составляющая, которая по-разному взаимодействует с социальной психологией. На этот процесс взаимодействия влияют и такие факторы, как светский и религиозный, национальный и националистический, политический и бытовой, экономический и правовой, традиция и обновление, иллюзия и реальность, оптимизм и пессимизм, надежда и отчаяние, вера и убеждение, созидание и разрушение.

Исследование процесса эволюции общественного сознания и идеологии показывает, насколько неопределенны и подвижны грани между общественным сознанием и социальной психологией, какого точного и скрупулезного анализа требуют сохранившиеся источники, как обоснованны и научно доказаны должны быть утверждения, объяснения, выводы. Отсутствие подобного подхода, к стати сказать, – самая слабая сторона большинства современных трудов по истории XX в., страдающих претенциозно-

стью, поверхностью, поспешностью. В этой достаточно сложной историографической ситуации, существующей в российской исторической науке в настоящее время, необходимо прежде всего осознать потребность общества и науки в исследовании проблем общественного сознания и идеологии, учесть ошибки и просчеты прошлого, воспользоваться появившейся возможностью свободно и раскрепощенно подойти к изучению и освещению идеологических процессов всего XX в., начавшегося с кризиса и завершившегося кризисом социальной системы, включая и идеологию.

Объективное освещение идеологических процессов XX в., включая и 1920–1930-е годы, невозможно без критического осмысления всего накопленного наукой опыта, существовавших ранее мнений, подходов, позволяющих обеспечить творческое продвижение и избежать ошибок. В прошлом тоже существовали различные толкования определения “идеология”, которая понималась и воспринималась как сознание всего общества, хотя эти понятия имеют различное содержание, свой особый тип формирования и изменения, отличающуюся друг от друга объективно роль в различных обществах. Если рассматривать сознание как отношение человека к окружающему миру – к природе, обществу, к жизни, самому себе, к прошлому (опыт), настоящему и будущему, выраженному в мысли, проявляющемуся в языке, в поступках, поведении, исторически связанных с определенным типом общества, с конкретной стадией его развития, – то становится очевидным, что оно существует с момента возникновения человека, является естественным продуктом исторического прогресса и личности, и общества. В то же время его следует рассматривать как показатель степени развития и общества, и личности, отражающих сущность конкретной исторической эпохи. Сознание – неотъемлемый продукт общественного развития, и в этом плане можно говорить об общественном сознании древнего, средневекового мира, нового времени, XX и XXI вв., которые по-разному воспроизводят объективный мир, и в этой картине наряду с реалиями существуют элементы иллюзорного, неадекватного, иррационального, мифологического мышления, которые являются неотъемлемыми спутниками эволюции сознания общества фактически на всех этапах его развития, включая XX в.

Исторически эволюция сознания сопровождалась вычленением группового и индивидуального, национального, религиозного, бытового, светского сознания, тоже нуждающегося в научном анализе на основе конкретного исторического материала. Подобный анализ способны осуществить только историки, которые до сих пор еще мало продвинулись в этой области примени-

тельно к истории России, особенно XIX и XX вв. На определенном этапе развития общества проявляется и такая составляющая сознания, как идеология. По мнению советского философа В.Ж. Келле, термин “идеология” впервые ввел французский философ и экономист А.Л.К. Дестют де Траси в труде “Элементы идеологии” в начале XIX в. Он определил “идеологию” как учение об идеях, дающее возможность дать обоснование для политики<sup>5</sup>. Если принять это мнение, то становится очевидным, что с самого возникновения этот термин связан с политикой, с политической сферой существования общества и деятельностью политиков. Осознание этого явления учеными еще раз убеждает нас, что только в начале XIX в. эта проблема возникает как объект исследования наукой, хотя политики решали ее задолго до определения объекта научного исследования.

Понятие “идеология”, его неоднозначное и часто противоречивое толкование присутствует в XIX – начале XX в. в трудах ученых и политиков самых различных направлений: К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. Плеханова и В. Ленина, А. Богданова и Д. Лукача и др. К этой теме обращались и такие социологи, как К. Дюркгейм, К. Манхейм, Р. Гароди, и многие другие.

В фундаментальной, но незавершенной работе “Немецкая идеология” (1845–1846 гг.) К. Маркс и Ф. Энгельс открыто заявляли, что их отношение к этой проблеме связано с политической деятельностью, с политическим движением, на которое они намерены влиять<sup>6</sup>. Решая самые различные философские проблемы на материале состояния немецкой идеологии XIX в., Маркс и Энгельс оставили нам большое число различных характеристик, оценок, объяснений, которые в полной мере применимы к нашей науке и деятельности современных политиков, пытающихся “работать” на идеологическом поле<sup>7</sup>. Определяя идеологию как особый тип сознания, как спекулятивное мышление, не связанное или противоположное действительному знанию, они доказывали, что идеология является “иллюзорной формой”, прикрывающей иллюзорную “общность” интересов<sup>8</sup>.

В современной России имеются историки, полностью опровергающие научную ценность трудов Маркса и Энгельса, в основном по причине незнания их наследия, идеологической и политической ангажированности. Однако рано или поздно мы вынуждены будем признать научную ценность их трудов, их громадный вклад в мировую науку, в том числе в области истории духовной жизни общества, его сознания и идеологии. Например, не потеряло своей актуальности положение о том, что “мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими

мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила”<sup>9</sup>. Теоретики отмечали весьма важное для историка и такое явление: “...его (класса – Г.А.) активные, способные к обобщениям идеологи ... делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе”, тогда как другие члены (тоже идеологи) общества относятся либо пассивно “к этим мыслям и иллюзиям”, либо воспринимают их, не имея возможности разрабатывать свои идеологические позиции<sup>10</sup>.

Эти примеры ценных для историков XX в. наблюдений и заключений об идеологических процессах XIX в. в Германии можно продолжить. Однако и приведенные примеры позволяют сравнивать и оценивать различные идеологические процессы 1920–1930-х годов. От идеи основоположников марксизма об иллюзорном характере идеологии, об извращенном типе сознания, основанном на ненормальном для человека типе общественных отношений, марксисты XX в. отошли, выдвинув иные представления об этом сложном социальном явлении. По разным причинам советские политические деятели, идеологи, практики, работавшие в сфере идеологии в 1920–1930-е годы, на идеи своих предшественников не обращали внимания, точнее их игнорировали. Это проявилось и в исторической литературе, освещавшей проблемы идеологической работы коммунистической партии в массах за все периоды советской истории.

Из марксистов начала прошлого века наибольшее внимание проблемам идеологии уделял А.А. Богданов-Малиновский, отлученный от марксизма сторонниками ленинского направления в марксизме. Идеи Богданова не были использованы в исследованиях историков, в выступлениях политиков, в конкретной деятельности идеологов, хотя в практике стихийно многие факты из идейной жизни тех лет подтверждали историческую правоту ряда важных идей Богданова. Однако это предварительное заключение историкам следует проверить на основании конкретного материала об идеологической деятельности крупнейших деятелей партии – И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского и др. Для Богданова идеология – неотъемлемая часть всего общественного сознания, имеющего свои особенности на каждом конкретном этапе развития. Богданов рассматривает идеологию как сложную систему идей, которая возникает, формируется, развивается и разрушается в определенных исторических условиях под воздействием самых различных факторов, влияние которых тоже постоянно изменяется. Сформиро-

вавшуюся идеологическую систему он характеризует как “идеологический скелет” общества<sup>11</sup>.

Ценность исследования Богданова состоит в том, что он впервые изучал идеологические процессы на обширном историческом материале, начиная от общинной идеологии родового строя вплоть до XX в., что позволило ему выявить и проследить большое число различных состояний, связей, закономерностей, отношений. Ни до него, ни после него никто подобного изыска в России не проводил. Богданов разрабатывал эти вопросы в русле теории систем и системного анализа, который он достаточно успешно применил к ряду важных вопросов, включая идеологические системы различного типа. По Богданову, идеология – это система идей, догм, постулатов, которая связывает определенную организацию (общину, партию, государство и т.п.) определенным единством: “связь организаций здесь закреплена идеологическим скелетом, он придает ей величайшую прочность”. Причем этот “идеологический скелет” не так-то легко разрушается: он слишком прочен, слишком укреплен десятками лет авторитарного подчинения<sup>12</sup>. В то же время “прочность форм организационного мышления” обладает таким качеством, как власть над людьми<sup>13</sup>. Господство идеологической системы вызывает потребность в ее организационном закреплении<sup>14</sup>. Эту роль в 1920–1930-е годы играли Агитпроп ЦК ВКП(б) и Главполитпросвет, их организации на местах.

Богданов рассматривает в своем исследовании различные типы идеологических систем, их содержание (основное ядро), связь с предшествующими формами, роль традиции, различные качества: способность к сохранению в новых условиях, роль противоречий в процессе разрушения, влияние общественных кризисов, их подготовка в сфере идеологии и др. Ценные наблюдения высказывает Богданов по вопросу общественных кризисов, которые современные исследователи различных социальных структур упорно игнорируют, хотя они по многим вопросам могут быть плодотворными в изучении ряда важных проблем всего XX в., в том числе и идеологического кризиса, порожденного перестройкой, из которого страна до сих пор не может выйти.

Научные наработки начала прошлого века позволяют сделать вывод, что идеология является неотъемлемой частью общественного сознания, играющей определенную роль в жизни общества и государства. Ее не следует отождествлять с научной теорией, с программами политических партий, с массовым общественным сознанием, а тем более с заявлениями отдельных лидеров, объявляющих, что у них есть своя идеология (например,



Г. Явлинский). Идеология может содержать самые различные, но не противоречащие друг другу основополагающие идеи. Например, концепция построения буржуазного общества исключает наличие в государственной политике социалистических элементов (как у Ю. Лужкова и др.).

Следовательно, идеология – это система идей, позиций, положений, находящихся в тесной взаимосвязи, не противоречащих друг другу, ибо противоречия могут ее либо ослабить, либо разрушить. Самым значительным фактором в развитии общества с момента возникновения государства является официальная государственная идеология, играющая роль связующего звена между властью и обществом, государством и народом. Именно этот тип идеологии имеют в виду политические деятели современности, понимающие ее важность для современной России.

В своем развитии идеология проходит сложные этапы возникновения, формирования, эволюции, при определенных условиях – кризиса, распада, исчезновения. Об этом свидетельствует история всех общественных структур, начиная с древности (Греция и Рим). В современном мире идеология имеет важное значение для сохранения единства общества, государства (США, Великобритания, Иран, Израиль и др.). Поэтому концепция деидеологизации, выдвинутая в 1990-е годы в России идеологами перестройки, и проходившие тогда дискуссии были либо сознательным обманом общества, либо профессиональным невежеством, незнанием элементарных основ социального развития, помноженного на претензии возглавлять обновление, быть лидерами. Это тоже в будущем следует изучить на конкретном историческом материале конца XX в.

Однако уже сейчас становится очевидным, что в России и после разрушения советской идеологии до сих пор не создана государственная идеологическая система, способная обеспечить единство общества, хотя бы его большей части (что мы сейчас наблюдаем в США), и помочь власти руководствоваться государственной идеологической доктриной в своей внутренней и внешней политике. Примечательно, что идеологи современной социальной системы в России даже не предпринимают серьезных попыток проанализировать сложившуюся в стране идеологическую ситуацию, обратиться к опыту прошлого России (начала XX в.), современных стран (США, Франция и др.), которые в своей политике постоянно используют, а чаще эксплуатируют, и весьма успешно, идеологический фактор.

Современная Россия не имеет ни государственной идеологии, ни идеологов, работающих в этой области, при этом игнориру-

ются возможности ученых, способных помочь власти в решении этой проблемы. Именно это обстоятельство заставило автора обратиться к истории 1920–1930-х годов, когда в процессе выхода из идеологического кризиса начала XX в. в России под руководством большевиков формировалась новая идеологическая система. Можно по-разному к ней относиться, называть ее авторитарной, тоталитарной и т.п., однако это не должно мешать объективному изучению проблемы, особенно с точки зрения опыта прошлого – ошибок и достижений, вредных и злонамеренных действий, которые трагически сказывались на судьбах отдельных групп населения.

Кстати, в обществах XX в., как, по-видимому, в прошлые века, государственная идеология всегда являлась авторитарной. Если вернуться к первоначальному смыслу слова “авторитаризм” (от фр. *autoritarism*, лат. *auctoritas* – власть, влияние), то станет ясным, что она связана с властью, с ее влиянием, авторитетом, подчинением. Позднее этот термин стал синонимом режима личной власти диктаторства<sup>15</sup>, тогда как во времена Богданова, писавшего об авторитарном характере идеологии, это понятие имело свой первоначальный смысл, и данное обстоятельство имело принципиальное значение для понимания сущности идеологии, ее роли в обществе. С изменением смысла этого термина наука утратила имевшуюся ранее возможность изучения идеологии в позитивном, объективном значении, ибо приобрела понятие сугубо негативного содержания, которое у современных авторов нередко используется как клише-клеймо, обвинение, чего не должно быть в работах, претендующих на научность и объективность. Следует попутно заметить, что нередко они отождествляют такие понятия, как авторитарная власть, авторитарное государство, авторитарное общество, авторитарная партия, тогда как в научной литературе следовало бы учитывать их существенное различие. Это особенно важно для изучения истории XX в., в общественном развитии которого и его социальных структурах переплетаются самые различные элементы: демократизма, авторитаризма, тоталитаризма, анархизма и др.

Применительно к идеологии эти явления играли различную роль в процессе ее формирования и влияния на сознание общества, отдельных социальных групп, что можно проследить на истории России и XIX, и XX в. Изучение идеологических процессов в России 1920–1930-х годов затрудняется помимо названных еще рядом существенных обстоятельств. Одно из них – это неизученность государственной идеологической доктрины XIX в., т.е. царской России. Большинство авторов советского времени и совре-

менных историков ограничиваются повторением давно известной (из школьных учебников) формулы Уварова, хотя не он ее сформулировал впервые; “Православие, самодержавие, народность”. Некоторые современные историки склонны видеть в ее третьей части русскую идею, находясь в известной мере под влиянием политиков националистического толка. Созвучен этой триаде и другой лозунг дореволюционного времени: “За Веру, Царя, Отечество”, который в большей степени отражает и официальную идеологическую доктрину и отношение к ней русского общества, его различных слоев, солдат, умиравших на фронтах многочисленных войн, которые вела Россия, отстаивая свою независимость от вражеских нападений.

Многие исследователи XX в. считают, что большевистское руководство, его главные лидеры намерены были радикальным образом порвать с прошлым, со всеми канонами и традициями дореволюционной политической и социальной жизни. Во-первых, исторически по самым различным причинам этот разрыв нельзя осуществить даже при самом большом желании. Во-вторых, вопреки воле политиков в сознании различных слоев сохраняются элементы прошлого, которые при определенных условиях могут появиться, точнее возродиться, изменяя лишь частично форму, содержание, характер восприятия обществом той или иной идеологемы, выраженной в лозунгах, которые широко распространяются и воспринимаются значительной частью населения, естественно, при поддержке идеологического аппарата и его представителей. К числу таких лозунгов-призывов, отражающих в полной мере идеологический климат в стране и в обществе, можно отнести призывы периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – “За Родину, за Сталина!”, “За Советскую Родину!”, мирного времени – “Вперед к победе коммунизма!” и многие другие, которые весьма близки по содержанию и своей функциональности триадам дореволюционного времени. Поэтому нельзя утверждать, что новая советская идеология была полным, абсолютным отрицанием постулатов, идеологией прошлых эпох. Она сохраняла в обновленном варианте и такие общепринятые на Руси элементы бытия, как соборность, коллективизм, гуманизм, жертвенность, героизм и романтизм, взаимопомощь, праведность, товарищество и другие черты, уходявшие своими корнями частично в традиционные формы бытия народа, частично в православие, а также в общечеловеческие ценности, сохранявшиеся в национальной форме в течение многих веков. Все эти вопросы предстоит изучить на конкретном историческом материале путем объективного сравнения различных элементов жизни

быта, сознания, психологии “верхов” и “низов” XIX и XX вв. К сожалению, историки прошлого века этого еще не сделали и, по-видимому, по разным причинам нынешние не собираются в ближайшее время этим серьезно заняться.

Другой сложной и не менее важной проблемой становится выявление, соби́рание, изучение круга источников, позволяющих всесторонне и глубоко раскрыть проблемы идеологического характера в тесной связи с эволюцией общественного сознания XX в. Ряд современных историков увлеклись изучением проблем психологии, настроений (Е.Ю. Зубкова, Е.С. Сенявская и др.), игнорируют такой важный аспект существования общества и человека, как сознание и идеология. Эти понятия в подобных трудах звучат как шаблонные, “проходящие”, второстепенные, не играющие существенной роли в изучаемых процессах.

Непонимание и недооценка органической связи общественного и группового сознания, официальной идеологии, социальной психологии, настроений масс и отдельной личности (которая, к тому же, не всегда является типичной в своих индивидуальных высказываниях и проявлениях) мешают созданию объективной картины конкретной эпохи, уводят исследователя в сторону примитивного и одностороннего подхода к решению фундаментальных исторических и философских проблем такой сложной эпохи, как XX в. А ведь именно такую возможность предоставляют опубликованные архивные источники, отражающие не только настроения, индивидуальную психологию отдельной личности (изложенную в письме, дневнике, жалобах на тяжелое положение т.д.), но и состояние сознания общества, различных групп населения (интеллигенции, горожан, молодежи).

В советское время вся источниковая база изучения идеологических процессов ограничивалась постановлениями партийных совещаний, пленумов ЦК, конференций, партсъездов КПСС. Именно партийные директивные документы определяли исходные позиции, ход изложения материала, конечные выводы, без глубокого научного анализа документов и реальных исторических процессов. Посылки и исходные позиции совпадали с выводами, т.е. результатами проделанной работы, а сама идеологическая деятельность партии, ее центральных и местных организаций изображалась во все времена эффективной, целенаправленной, научно обоснованной. В этой концепции не было места имевшимся ошибкам, просчетам, недоработкам, которые прикрывались пустословием и восхвалением “руководящей и направляющей деятельности партии”. Это особенно ярко проявилось в литературе 1960 – середины 1980-х годов, когда идеологической

работой руководил М. Сулов и идеологический отдел ЦК КПСС, когда проблемы идеологии и массового сознания нуждались в самом тщательном и объективном изучении. Прежние штампы и догмы заменили новые, главным содержанием которых стало сугубо негативное отношение к прошлому, которое также опасно, как и его восхваление.

Современные исследователи расстались со старыми советскими порочными и далекими от науки принципами. Однако взамен не предложено ничего существенного и перспективного, в достаточной мере обоснованного для обновления прежних подходов, для утверждения нового видения, понимания и объяснения сложных проблем духовного, идеологического развития общества XX в.

Обращение к этой теме, осмысление новых подходов, всей совокупности источников, в том числе материалов ОГПУ–НКВД–КГБ, личных архивов, заметно обогащают наши представления новой фактографией, впервые вводимой в историю русской науки. Она позволяет развернуть широкие исследования по проблемам общественного сознания, идеологии, социальной, массовой, групповой и индивидуальной психологии, которая фиксируется в документах о настроениях и поведении различных групп населения большинства регионов страны. За всеми этими фактами стоят процессы созидательного, осмысленного отношения к действительности.

Есть еще одна группа источников, которые историки почти не привлекают к изучению названной тематики. Это – художественная культура: особенно песенное творчество различных жанров, художественная литература, журналистика очеркового типа, сатира и юмор, а также частушки, пословицы, поговорки, отражающие народное как художественное, бытовое, так и политическое, гражданское сознание на различных этапах общественного развития. Советский театр, кино, цирк тоже были носителями определенных идеологических установок, влияя на воспитание и мировоззрение больших групп населения. Однако этот аспект остается особенно сложным для исторического освещения, поскольку мало сохранилось источников для изучения проблемы восприятия массами художественной культуры советского времени, ее содержания и идеологического влияния на сознание населения. Исследование темы до сих пор ограничено неизученностью художественной культуры массового потребления в советское (как и в дореволюционное) время.

Надо сказать, что восприятие массами политики государства, коммунистической партии (как в прошлом царской власти), ее

оценки проявлялись в самых различных формах – от протестного движения с антисоветскими речами, лозунгами и призывами к новой революции до выступлений с требованиями “больше социализма”, ликвидации нэпа (грабящих народ нэпманов), борьбы против кулачества, байства, бандитизма и т.д.<sup>16</sup>

При всей важности перечисленных выше проблем и методологических подходов главным остается анализ содержания самой идеологии, ее важнейших составляющих, в число которых входит идеологическое ядро и элементы различной степени устойчивости, изменчивости и сменяемости. Государственная идеология до советского периода имела полусветский, полурелигиозный характер. Она отвечала потребностям и задачам того общества, которое существовало до 1917 г.

С победой Октябрьской революции в жизнь стала проводиться политика преобразования, т.е. изменения всех сфер общественной жизни: экономики, государственной, социальной, идеологических отношений, культуры, науки, образования. Это естественно влияло на изменение сознания общества, всех его социальных групп и отдельных личностей. И главным фактором такого воздействия становится идеология, идеологическая политика государства и коммунистической партии, которые строят свои взаимоотношения с обществом, народом на основе того видения и понимания мира, которое определялось научной теорией, получившей название марксизма.

Именно идеи марксизма, воплощенные в России XIX – начала XX в. в ленинизме, становятся ядром новой идеологической системы, которая в 1920-е годы называлась по-разному: советская, коммунистическая, реже марксистская, с конца 1920-х годов “марксистско-ленинская идеология”. Этот термин сохранялся в научной литературе до начала 1990-х годов как основополагающий, а позднее приобрел в ряде случаев негативный оттенок, хотя до сих пор не получил объективной научной оценки на основе его глубокого и непредвзятого изучения. И хотя данная проблема представляет для историка весьма интересное поле деятельности как исследователя и свидетеля многих событий, связанных с идеологическими процессами XX в., тем не менее нет ни одной более менее серьезной работы на весьма важную и сложную тему “Что такое марксизм-ленинизм в СССР 1920–1980-х годов”. Это значительно затрудняет изучение многих важных проблем, в том числе идеологических процессов, протекавших в России в советский и постсоветский периоды, когда началось разрушение системы. Однако до сих пор в сознании больших групп населения, в том числе среди ученых-обществоведов, сохраняется ряд ее элементов.

Разрушение дореволюционной идеологической составляющей в массовом сознании началось задолго до 1917 г. Особенно активизировался этот процесс в начале XX в. в условиях революции 1905–1907 гг., русско-японской и Первой мировой войн. Под влиянием глубочайшего экономического, социокультурного и идеологического кризиса (9 января – расстрел веры в царя), рассыпались основные звенья официальной идеологической доктрины – монархизм, консерватизм, государственный патриотизм. Не избежали краха идеология российского либерализма, народнические представления о возможности мирного, капиталистического пути эволюции страны, религиозно-этические направления русской общественной мысли (христианский социализм) и др.

Освобождалось широкое поле, свободное для влияния и распространения коммунистических идей марксистского, большевистского содержания. Они накладывались на пошатнувшееся религиозное сознание (православие), на многочисленные существовавшие в России социалистические доктрины народнического, анархистского, христианского, плебейского толка, которые мы тоже еще плохо знаем. Русскую революцию 1917 г. как историческое социокультурное явление готовили не только большевики, но и определенные слои демократической интеллигенции (которую позднее стали упрекать в разрушительных действиях), идеологи партий социалистического толка (эсеры, меньшевики и др.), религиозные секты, защищавшие идеи общности имущества, коллективизма, включая толстовство и его идеолога Л.Н. Толстого. Русская художественная литература XIX – начала XX в. внесла свой, довольно значительный вклад в ломку старого образа жизни и мысли различных слоев российского общества, осознавшего в полной мере, что так жить дальше нельзя. Однако взамен уходящих реалий никто, кроме большевиков, ничего российскому обществу не предложил.

Можно по-всякому относиться к большевистской программе<sup>17</sup> революционного преобразования России, к ее различным направлениям, элементам, этапам, мероприятиям, однако вряд ли кто станет оспаривать ее главнейшее качество: впервые в истории она включала все основные составляющие общественного развития – экономику, государственное строительство, социальную сферу, национальные и межнациональные отношения, культуру, науку, образование. Важное место в этой программе занимала идеологическая сфера бытия, ибо она объединяла все названные выше элементы как бы в одно целое, где не было значительных противоречий (или почти не было). И этой идеологической составляющей, общей для государства и правящей партии,

которая предлагалась обществу и народу, стала коммунистическая идея, т.е. построение общества без частной собственности, без эксплуатации и угнетения, на основе равенства для всех его членов; общества, способного объединить интересы власти и народа, общества и государства, всех его граждан. Такого общества, такой страны и государства в истории человечества никогда не было; оно существовало в мечте о будущем идеологов утопического социализма и коммунизма, в вере всех мировых религий, всех народов мира. Может быть еще и поэтому коммунистические идеи советского типа получили весьма быстрое распространение в самой России и за ее пределами.

Таким образом, ядром советской идеологии стала совокупность положений и позиций, заимствованных из марксизма, ленинизма, социальной практики периода Октябрьской революции, первого опыта социального преобразования общества. Поэтому в стержень идеологической доктрины были включены не изменявшиеся в течение всего периода существования советской власти идеи: о строительстве социалистического, коммунистического общества (идеологи советского времени нередко отождествляли две фазы коммунистической формации), руководящей роли коммунистической партии, советской форме пролетарского государства и советской демократии, рабочем классе – ведущей силы советского общества, союзе рабочего класса, крестьянства и трудовой, позднее социалистической интеллигенции, равноправии всех наций и народов, объединенных в единый Союз Советских Социалистических Республик; о равных правах всех граждан, закрепленных Конституцией. К числу этих же ядрообразующих идей можно отнести трактовку Октября как первой мировой социалистической революции, концепции, содержащие оценки марксизма, ленинизма, большевизма, мировой революции и мирового социального прогресса, империализма, реакционной роли буржуазии в XX в. По-видимому, этот перечень можно расширить, однако главное в другом – без выделения этих основополагающих идей изучить процесс формирования и эволюции советской идеологии в 1920–1930-е, как и в последующие, годы нельзя.

Вторая группа идей имела другое происхождение и другой тип включения в государственную идеологическую доктрину. Они в большей мере были связаны с политикой, с ее влиянием на конкретных этапах общественного развития. В науке они приобрели определение марксистской концепции военного коммунизма, новой экономической политики, индустриализации, коллективизации. На каждом конкретном этапе эти понятия, их объяснение и



идеологическая (нередко научное и идеологическое объяснения не совпадали, хотя постоянно утверждалась идея об их тождестве) составляющая включались в государственную доктрину с целью влияния на массовое сознание. Этот срез идеологической системы играл не только разъяснительную, но и мобилизующую роль, обеспечивая партии поддержку различных слоев населения, в том числе и рядовых членов партии, в проведении экономической и социальной, внутренней и внешней политики, ее важнейших акций.

С середины 1930-х годов важной составляющей стали оценки фашизма, его звериной сущности, возможности нападения Германии на СССР. В этих условиях особенно заметную роль заняла пропаганда советского патриотизма, единства советского общества, дружбы народов. Так политическая конъюнктура влияла на эволюцию государственной идеологической доктрины. К концу 1930-х годов сформировалась государственная идеологическая система, которая имела несколько уровней, блоков, системообразующих элементов. Ее завершением стала «История ВКП(б). Краткий курс», вышедшая в 1938 г. В советской литературе этот уникальный по своему содержанию и значению источник рассматривался как исторический, т.е. содержащий официальную концепцию истории СССР с конца (точно с 1861 г.) XIX в. до конца 1930-х годов. Однако его главная цель была идеологическая, что еще предстоит изучить историкам советского периода, интересующимся поставленными проблемами.

В данном докладе не ставилась задача рассмотрения всех аспектов этой сложной и весьма важной для современной науки темы. За ее пределами остались многие другие аспекты, которые следует разрабатывать. Главная цель – обратить на нее внимание как на объект исследования, а на идеологию – как фактор, влияющий на сознание, психологию, настроения в обществах различного типа, включая и современное.

<sup>1</sup> См.: Биккенин Н.Б. Социалистическая идеология М., 1983; Яковлев М.В. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций идеологии. М., 1979; Очерки идеологической деятельности КПСС. 1917–1937. М., 1985; и др.

<sup>2</sup> Хорхордина Т.И. Архивы в «Зазеркалье»: Архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. Россия. XX век / Под общей редакцией академика Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.

<sup>3</sup> Там же. С. 191, 205, 210 и др.; Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: Наука, не обретшая лица // Там же. С. 184, 186 и др. Названные авторы, упрекая советских историков в идеологической зависимости от политики компартии и государства, сами демонстрируют своими работами полную приверженность «пе-

- рестроечной идеологии”, обрушившейся на наше общество во второй половине 1990-х годов, а также концепциям тоталитаризма, давно отвергнутым западными учеными, поскольку они не отражают сущность советской общественно-политической системы. С. Коэн относит концепцию тоталитаризма к “примитивному антикоммунизму” эпохи холодной войны // *Коэн С. Переосмысливая советский опыт: (Политика и история с 1917 года)*. ИСА, 1986. С. 22 и др.
- <sup>4</sup> См.: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX в.: Исторический опыт России. М., 1999; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество. 1945–1953. М., 2000; и др.
- <sup>5</sup> *Келле В.Ж.* Идеология // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 200.
- <sup>6</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. М., 1952. Т. II. С. 327.
- <sup>7</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 15.
- <sup>8</sup> Там же. С. 16, 25, 32.
- <sup>9</sup> Там же. С. 45.
- <sup>10</sup> Там же. С. 46.
- <sup>11</sup> *Богданов А.А.* Тектология. М., 1989. Ч. II. С. 138.
- <sup>12</sup> Там же. С. 146.
- <sup>13</sup> Там же. С. 150.
- <sup>14</sup> Там же. С. 154.
- <sup>15</sup> *Философский энциклопедический словарь*. С. 11.
- <sup>16</sup> “Совершенно секретно”: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 4. Ч. 2. С. 722, 777, 779, 871, 909 и др.
- <sup>17</sup> В данном тексте слово “программа” упоминается в широком смысле слова как совокупность направлений деятельности, средств, мер революционного преобразования всех сторон жизни общества.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н. Сахаров. Галина Дмитриевна, вы говорили об идеологии, о народном сознании, но ничего не сказали о вере.

Г.Д. Алексеева. Да, это очень важный вопрос.

А.Н. Сахаров. Ведь чем ниже уровень человека и общества, тем выше потребность в вере, в идее. И это относится как к до-революционной, так и к Советской России. Как Вы считаете, в этой связи можно оценить проблему идеологии в соответствии с проблемами веры?

Второй даже не вопрос, а маленькая реплика относительно поисков идеологии. Когда Ельцин объявил о необходимости создания новой идеологии, стало смешно, потому что идеология не находится и не вырабатывается, она появляется.

Г.Д. Алексеева. И причем стихийно.

А.Н. Сахаров. Стихийно – это правильно. Поэтому все подобные потуги сегодня обречены на полный провал. Прав был В.В. Путин, когда сказал: “Какая идеология вам нужна? Десять заповедей нагорных – вот вам идеология”. Это казалось шуткой, но в этой шутке – большая доля истины.

Г.Д. Алексеева. Я с вами согласна. У меня даже было желание включить веру в систему идеологии. Конечно, вера нередко определяется уровнем сознания масс. Однако есть и какой-то другой фактор, механизм. Я долго над этим думала, когда хотела осветить вопрос о разрушении старой и появлении новой веры. Она появилась, и с этим следует согласиться. Это подтверждается всей историей России XX в. Разве мы с вами не верим, что Россия выживет? У нас нет никаких оснований в это не верить, иначе мы теряем вообще всякий смысл жизни. Мы не верим, что Россия развалится, мы верим, что она возродится, а смысл жизни наших внуков будет иным. Элемент веры всегда присутствует в сознании масс, в идеологии, в мировоззрении личности. Дело в том, что социологи, философы, психологи, т.е. наука не ответила на вопрос, что такое светская, гражданская вера в жизни общества, что такое вера в индивидуальной жизни человека. Я говорила о сознании государственном, общественном, а следует рассматривать групповое и индивидуальное. В индивидуальном сознании вера всегда играет гораздо бóльшую роль, чем в общественном и государственном. Мы все живем верой в то, что будет лучше. Наша вера, точнее уверенность, в лучшее будущее иного характера по сравнению с религиозной верой, где верят и молятся все вместе, а в рай попадут поодиночке. Это все очень сложные проблемы, их следует изучать и историкам.

Ю.А. Тихонов. В советское время многие считали, что в Кремле Сталин отстаивает интересы народа, а администрация “внизу” проводит другую политику. Так это что – массовое сознание или массовое настроение, вера?

Г.Д. Алексеева. И то и другое, потому что “настроение” – это органическая часть (в определенном смысле) сознания, психологическое проявление этого сознания. Без сознания, точнее осознания, осмысления происходящего, не может появляться настроение, тем более как массовое явление.

Ю.А. Тихонов. Если через полгода одно настроение сменится на другое, все равно это будет массовое сознание и идеология?

Г.Д. Алексеева. Нет. Это не идеология, а настроение, психология, т.е. те элементы, которые можно изменить и достаточно быстро, например, повысить зарплату рабочим на предприятии, снизить налог крестьянам. Жизнь станет легче, они перестанут протестовать, как это было в 1920-е годы, требовать “Советской власти без коммунистов”. Вот чем отличается “настроение” от “сознания”. Крестьяне выступали в 1920-е годы с требованием “своей крестьянской партии, своих профсоюзов”, которые бы защищали их интересы, как это делает для пролетариата его партия и профсоюзы. Сейчас некоторые наши современные исследователи относят подобные факты к проявлению “настроенный”, к психологии, я это оцениваю как элемент сознания и психологии.

Г.А. Куманев. Ваша тема – “Идеологические процессы в России 1920–1930-х годов XX века”. Но известно, что вся идеология с конца или со второй половины 1920-х годов и в 1930-е годы была пронизана возвеличиванием одной личности – Сталина. По Вашему мнению, когда это началось?

Г.Д. Алексеева. Было несколько этапов утверждения в идеологии культового образа Сталина. Замечу, что само понятие “культ”, введенное в массовое сознание и науку в середине 1950-х годов заимствовано из религиозного сознания. Первый этап – выступление Сталина в защиту учения Ленина, благодаря чему они помирились с Н.К. Крупской после всех имевших место между ними конфликтов. В 1924–1925 гг. появляются известные работы, обусловившие колоссальную популярность Сталина, особенно в партии. И еще одно важное обстоятельство я пропустила – идеологию партийной бюрократии. Это особый тип идеологии, которая создается, культивируется и отнюдь не является идеологией государства. Может быть, изучая эту тему, мы придем к выводу, что никакого тоталитарного общества у нас не было и не могло быть. Это вывод предварительный, поэтому необходимо данную проблему исследовать, а не навешивать ярлыки.

Следующий этап, – конечно, рубеж конца 1920-х – начала 1930-х годов. В 1929 г., когда страна отмечала юбилей вождя, идеологи партии культивируют его образ. Однако в период коллективизации авторитет Сталина среди широких масс населения, особенно крестьянства, падает. Поскольку рабочий класс пополнялся из крестьянства, он постоянно воспроизводит “типовое” сознание крестьян. Часто рабочие выдвигают чисто крестьянские требования, например, снизить налоги. Это тоже очень важная сторона общественной жизни. Затем следует разобраться с об-

становкой 1930-х годов. После репрессий перед войной либо страх и боязнь фашизма способствовали укреплению единства общества, либо были другие причины. Колоссальную роль в формировании культа личности Сталина сыграла вышедшая в этот период “История ВКП(б). Краткий курс”. Это типичный идеологический документ, кстати сказать, очень грамотный. Западные историки считают его удивительно интересным источником со всех точек зрения. При внимательном чтении можно обнаружить, что Сталин проводит резкую грань между идеологией и теорией, тогда как советская наука их абсолютно отождествляла, считая идеологию и теорию одним и тем же. Одним словом, без изучения рассматриваемой весьма сложной проблемы нельзя понять историю XX в.

Л.Н. Нежинский. Доклад посвящен необычной, нестандартной теме, вместе с тем очень важной для всех занимающихся XX столетием. Когда во второй половине 80-х годов М.С. Горбачев и его единомышленники поставили вопрос о необходимости полной деидеологизации нашей внешней политики, я насторожился и задумался: а может ли быть вообще полная деидеологизация внешней политики нашего или любого другого государства? Вряд ли. Каждое государство имеет свою степень идеологизации. С господствующей идеологией связан целый ряд других проблем, в частности такая сугубо практическая проблема, как цена того или иного внешнеполитического действия, акции и т.д.

Г.Д. Алексеева. Давайте проведем пока “круглый стол”, а затем подумаем, как организовать работу в институте по этой проблеме.

Л.Н. Нежинский. Поддерживаю предложение о проведении “круглого стола” с Вашим заглавным докладом. Следует пригласить всех желающих выступить, может быть, предварительно всех участников ознакомить с подготовленным заранее текстом. Для меня, например, важны формулировки, раскрывающие понятие “идеология”, данное Богдановым, Марксом и другими. У нас нет этого в собранном виде. Вы правы, сейчас мы путаем идеологию и теорию, а это далеко не одно и то же. Под эгидой марксистско-ленинской идеологии прожили уже несколько поколений, особенно после 1917 г., и чем это кончилось, мы все знаем. Поэтому всячески поддерживаю докладчика в постановке и дальнейшей разработке этой актуальной проблемы.

## НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВПК СССР\*

Термин “военно-промышленный комплекс” был впервые употреблен американским президентом Д. Эйзенхауэром в его “прощальном обращении к нации” в 1961 г. Под ВПК понималось сложившееся в течение Второй мировой войны и полутора десятилетий холодной войны “сращивание громадного военного истеблишмента (военной верхушки. – И.Б.) с обширной индустрией вооружений”. Экономическое, политическое и даже духовное влияние этого могущественного лобби ощущалось, по выражению президента, “в каждом городе, в каждом законодательном собрании штата, на каждом посту в Федеральном правительстве”<sup>1</sup>.

Изучение проблем военно-промышленного комплекса началось в применении к его западным вариантам в зарубежной социологии и политологии в 60–70-е годы. Основой для формирования концепции ВПК стали теории властной элиты, постиндустриального общества. В различных вариантах концепции ВПК последний определяли и как правящий класс, и властную элиту, и бюрократию, и лобби, включавшее в свой состав широкие слои американского общества, заинтересованные в эскалации гонки вооружений и политики холодной войны<sup>2</sup>.

В целом в западной трактовке под ВПК понималось “совпадение военных и экономических интересов в преследовании общих целей, в ущерб обществу в целом”<sup>3</sup>, т.е. акцентировался негативный аспект этого явления.

В советской историографии считалось, что ВПК существовал только в капиталистических странах. В 70–80-е годы в СССР вышло немало работ по истории военно-промышленных комплексов США, Германии, Великобритании и других стран НАТО<sup>4</sup>. В большинстве работ советских историков ВПК представлялся наиболее агрессивной частью политической элиты, или правящего класса капиталистических стран. ВПК рассматривался и как

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 октября 2001 г.

разновидность государственно-монополистического капитализма с такой присущей ему характерной чертой, как милитаризм. По сути эти трактовки мало отличались от оценок западных исследователей. Один из известных советских американистов Р.Г. Богданов определял ВПК как “союз гражданско-военной бюрократической группы и бизнеса, процветающего за счет подготовки к войне”<sup>5</sup>.

В отечественной историографии эпохи холодной войны ВПК СССР вообще не являлся предметом исследования. Западные же авторы и в эти годы занимались изучением советского варианта ВПК (здесь следует отметить работы В. Аспатуряна, М. Агурского, Х. Адомайта<sup>6</sup>). Большинство из них отмечали различия между политической системой США, относительно открытой для воздействия на нее извне со стороны как гражданских, так и военных интересов, и закрытой советской политической системой, из которой исключены гражданские интересы<sup>7</sup>. Этим определялся, по их мнению, относительно больший вес ВПК в советской политической системе по сравнению с американской. В наиболее крайней форме СССР вообще отождествлялся с ВПК. Однако эта точка зрения была в целом отвергнута большинством исследователей<sup>8</sup>.

Основная линия теоретических дискуссий по проблемам советского ВПК проходила, как и в случае с американским вариантом, вокруг вопроса о степени единства и автономности ВПК как социально-политической группы и уровня его реального влияния на принятие политических решений в области развития вооружений. Вопрос ставился так: действовали ли военные, партийно-политические лидеры и руководители оборонной промышленности как единое целое или как отдельные “актеры” (действующие лица) в советской политической системе. Многие современные западные авторы считают, что по крайней мере на раннем этапе развития ВПК – в довоенные годы противоречия между группами превалировали над единством и каждая из групп (прежде всего военные и промышленники) действовала более или менее самостоятельно. Важным направлением в историографии стало изучение роли различных социально-политических групп, связанных с обеспечением безопасности страны, в процессе принятия решений по развитию вооружений и их реализации<sup>9</sup>.

Очередное обострение “военно-гражданских” отношений имело место при Н.С. Хрущеве, на этот раз по линии противоречий между партийным руководством и военными (это было связано, в частности, со стремлением Хрущева сократить “традиционные” вооруженные силы во имя развития ракетно-ядерных

вооружений). Проблема “военно-гражданских отношений” (при этом под “военным” понимается чисто профессионально военная сфера, а под “гражданским” – политическое руководство, интересы руководителей оборонной промышленности) традиционно являлась предметом приоритетного изучения западных авторов.

Большинство этих авторов отдавало приоритет в деле развития вооружений партийному руководству и бюрократическим структурам. Однако в ряде работ изучалась роль военных и промышленных руководителей в процессе принятия и реализации решений по вопросам безопасности. Общим местом такого рода исследований явился тезис об отстранении военных от власти в СССР партийным руководством страны, которое пребывало в постоянном страхе перед “военным заговором”. Все эти противоречия, безусловно, являлись элементом функционирования ВПК как части политической системы СССР через систему диалектических противоречий. О том же, что в целом с начала 60-х до середины 80-х годов единство интересов различных групп внутри ВПК стало доминировать над противоречиями, свидетельствовал довольно устойчивый курс на развитие оборонных программ, рост военных расходов в годы холодной войны (несмотря на некоторые периодические отступления в сторону “разрядки”).

Важнейшим направлением в историографии советского ВПК последних двух десятилетий стало “экономическое” направление, занимавшееся изучением хозяйственной деятельности отраслей, предприятий, институтов оборонной промышленности, экономической политики советского государства в этой области. В соответствии с различиями в трактовке предмета своих исследований авторы использовали термины “оборонная промышленность”, “оборонно-промышленный комплекс”, “военная промышленность” и т.д.<sup>10</sup>

В 80-е годы на Западе появились труды по развитию военно-экономического потенциала СССР, основанные на данных западной статистики, американских разведслужб и специальных институтов (как, например, Стокгольмский институт изучения проблем мира – SIPRI, Лондонский институт международных стратегических исследований – IISS). В этом ряду можно отметить капитальные монографии Д. Холловэя и П. Элмквиста, где наряду с экономико-технической стороной развития ВПК затрагивались и вопросы взаимоотношений между различными его сегментами в процессе принятия решений и управления военно-промышленной сферой<sup>11</sup>. Следует выделить также научно-техническое направление, в рамках которого многие исследователи занимались проблемами применения научно-технических достижений в воен-



ной сфере, сравнением научно-технических потенциалов СССР и Запада, вопросами военного соревнования, заимствования советской стороной образцов зарубежной военной техники и т.д.<sup>12</sup>

В последние годы в зарубежной и отечественной историко-политологической литературе высказывался широкий спектр суждений о роли военно-стратегического фактора в международных отношениях в годы холодной войны. Оформилось новое направление в историографии: изучение истории холодной войны как комплекса диалектических взаимосвязей между внутренней и внешней политикой вовлеченных в нее стран, в частности СССР. Во второй половине 90-х годов появился целый ряд коллективных монографий, написанных в этом ключе<sup>13</sup>. В них нашли освещение такие аспекты развития отечественного ВПК, как военно-экономическая политика сталинского руководства, взаимоотношения между властью и руководством “оборонки”, между вооруженными силами и военно-политическим руководством, отдельные вопросы развития военно-стратегического соревнования между СССР и США.

С начала 90-х годов в России был снят запрет с изучения истории отечественного ВПК. Первыми разработчиками ранее закрытой тематики стали журналисты: сотни публикаций о малоизвестных военно-технических проектах и их творцах увидели свет на страницах периодической печати (здесь прежде всего следует отметить газеты “Красная звезда”, “Независимая газета”, журналы “Огонек”, “Знамя”, “Родина” и другие). Эти материалы, как правило, не носили научного характера и не всегда соответствовали исторической действительности; однако именно они способствовали первому ознакомлению широкой российской общественности с ранее закрытой тематикой советского ВПК. Публицистический накал борьбы с кризисом в обществе приводил зачастую к стремлению представить советский ВПК в роли “социального монстра”, развивавшегося исключительно в ущерб социальному и техническому прогрессу. Политологическое изучение проблем советского ВПК привело к выдвиганию понятия “ВПК” как суперструктуры в советском обществе, которая возникла как результат “срастания военной бюрократии с партаппаратом” и стала в конечном счете “диктовать политику партаппарату, государству и обществу”<sup>14</sup>.

Своего рода противовесом этому сверхкритическому подходу к ВПК СССР стали работы по истории различных военно-технических программ, где делался в основном упор на немалые достижения отечественного ВПК. Большинство из них было написано самими участниками создания оборонно-промышленных отрас-

лей – выходцами из соответствующих министерств, которые получили в силу ведомственной принадлежности доступ к закрытым для исследователей “со стороны” архивным документам. Среди них необходимо особо выделить работы А.К. Круглова по истории создания атомной промышленности и руководящих органов отрасли<sup>15</sup>, основанные на архивных документах и публикациях Минсредмаша, воспоминаниях сотрудников этого ведомства. Эти исследования, насыщенные цифровым материалом и специальными техническими сведениями, биографическими данными о руководителях и рядовых тружениках ВПК, стали своего рода источником для собственно профессионально-исторических исследований.

Вплоть до последнего времени продолжают выходить десятки книг по истории различных видов вооруженных сил, военной техники, полигонов, написанные на базе ведомственных источников (научно-справочного аппарата они, как правило, не содержат). Среди наиболее капитальных обобщающих трудов военнотехнического направления необходимо выделить вышедшую в 1999 г. книгу “Советская военная мощь от Сталина до Горбачева”<sup>16</sup>. Это фундаментальное издание содержит обширные сведения о развитии основных отраслей ВПК СССР – о создании ядерных, ракетно-космических, радиоэлектронных вооружений, развитии военной авиации, вооружений Военно-Морского Флота и Сухопутных войск. В книгу входят также снабженные цифровыми данными разделы о планировании и финансировании советской оборонной промышленности, о стратегическом соревновании между СССР и США (с приведением сравнительных количественных данных о военном потенциале СССР и стран НАТО, по классификациям вооружений обоих военно-политических блоков). Ценность издания заключается в его комплексном и сквозном характере, обильном использовании количественных показателей. К сожалению, не всегда ясны источники этих сведений: зачастую в сносках указываются все те же западные источники (ежегодники SIPRI и т.д.), в то время как в таком исследовании хотелось бы получить рассекреченные отечественные цифры и сопоставить их с зарубежными.

Авторами являются выходцы из сферы самого ВПК, что придает этим изданиям, с одной стороны, профессионализм и информационную насыщенность, а с другой – некоторую ограниченность и предвзятость суждений. Многие из этих изданий носят парадно-юбилейный характер. На наш взгляд, эти недостатки значительно снижают объективный характер таких работ.

Открытие в начале 90-х годов соответствующих фондов из государственных и бывших партийных архивов привело к появлению первых работ профессиональных историков по проблематике советского ВПК. Вышла книга по истории ВПК СССР российского историка Н.С. Симонова “Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы”, монография И.В. Быстровой “Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны”, переведена на русский язык книга шведского исследователя Л. Самуэльсона “Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941”<sup>17</sup>.

Н.С. Симонов сосредоточился на изучении процессов становления и развития отраслевой структуры и органов управления оборонной промышленностью СССР, динамики и темпов экономического роста в период со второй половины 20-х по 50-е годы. Заслугой автора стало введение в научный оборот обширного комплекса ранее бывших секретными архивных документов органов хозяйственного руководства, оборонных министерств. Концептуально же Н.С. Симонов в основном остался в рамках “экономического” направления в историографии, отождествляя ВПК с совокупностью отраслей оборонной промышленности.

Правда, в докторской диссертации (1999) Н.С. Симонов несколько скорректировал свою позицию, разграничив понятия “военная промышленность” (система “кадровых” военных заводов, сформировавшаяся в СССР в 20–30-е годы) и “военно-промышленный комплекс” («совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных, но относительно обособленных от своих “родовых отраслей”... видов общественного производства, предназначенных советской правящей элитой для решения глобальных... задач военно-политического, военно-технического и экономического противостояния Западу»)<sup>18</sup>. Таким образом, и в этом определении Симонов как бы отделяет правящую политическую элиту СССР от ВПК, оставляя за последним сугубо экономические функции (хотя и признает, что ВПК формируется только в послевоенный период).

Автор данного доклада и монографии о ВПК в годы холодной войны понимает под ВПК СССР систему взаимосвязей субъектов экономической и социально-политической структуры советского общества, связанных с обеспечением военной безопасности страны. Основы этой системы начали создаваться в СССР с конца 20-х годов, однако окончательно ВПК сформировался в годы холодной войны, на базе устойчивого роста военных расходов. При этом экономическую, или материально-техническую составляющую ВПК можно охарактеризовать термином “обо-

ронно-промышленный комплекс”, который включал в себя совокупность предприятий и учреждений, научно-технических организаций оборонных отраслей промышленности, органов управления ими. Как социально-политическая структура, ВПК являлся неотъемлемой частью правящей элиты СССР, включая в себя компоненты партийно-государственного руководства, органы обеспечения внутренней и внешней безопасности, органы управления оборонной промышленностью, руководящий состав вооруженных сил, научно-технические структуры, работавшие на решение военных задач.

Ряд современных российских исследователей (А.Н. Щерба, А.В. Лосик) пытаются расширить понятие “ВПК”, включая в него не только оборонные министерства, научные и опытно-конструкторские учреждения, занятые разработкой и производством военной продукции, но и “специальный административный аппарат, созданный государством для управления и контроля над военным производством”<sup>19</sup>. Они считают, то в данном качестве ВПК в основном сформировался уже к началу Великой Отечественной войны и при этом явился продуктом “высшей стадии развития военного производства”. С последним утверждением можно согласиться, однако эта стадия, связанная с коренным переворотом в науке и технике, наступлением эры ракетно-ядерного оружия, очевидно, относится только к послевоенному периоду. Именно тогда объективные закономерности научно-технического развития в совокупности со специфическими условиями холодной войны создали почву для тотального изменения военно-стратегических концепций, форсированного развития новейших вооружений. Только в этих условиях ВПК смог превратиться в устойчивую и самодостаточную силу, оказывавшую усиливавшееся влияние на внутреннюю и внешнюю политику СССР, всю систему международных отношений.

К числу значительных работ по истории ВПК СССР, написанных на базе отечественных архивов, следует отнести также книгу Л. Самуэльсона, где исследованы во взаимосвязи проблемы военного планирования и развития оборонной промышленности в СССР в 20–30-е годы. Однако эта работа в целом остается в рамках “экономического” направления.

Как положительный сдвиг в историографии последних лет можно оценить разграничение понятий “военно-промышленный комплекс” и “оборонно-промышленный комплекс”. Зарубежные и российские сторонники “экономического” направления, выпустившие в 2000 г. совместную книгу “Советский оборонно-промышленный комплекс от Сталина к Хрущеву”<sup>20</sup>, рассмотрели во-

прос о различиях в трактовках термина “ВПК” в западной и российской традициях. Возникший первоначально в английском варианте термин подразумевал “коалицию интересов промышленности с интересами оборонного ведомства и вооруженных сил”, при этом слова “военный” и “промышленный” имеют одинаковый вес как прилагательные, определяющие понятие “комплекс”. При переводе на русский язык термин “ВПК” понимался в нескольких разных смыслах: не только в широком западном, но и как “более узкий комплекс военной (т.е. оборонной) промышленности”, где прилагательное “военный” определяет “промышленный”, но не “комплекс”. При обратном переводе такой вариант определения ВПК соответствовал понятию “оборонно-промышленный комплекс”<sup>21</sup>.

В целом авторы книги согласились с тем, что “оборонная промышленность, ее производственные и научно-технические единицы, ее рабочая сила и система управления, учреждения и руководители” составляли “оборонно-промышленный комплекс (ОПК) СССР” (именно так они определили свой предмет исследования). В это определение, отличное от понятия “ВПК”, не включены профессионально военная сфера, партийно-политическое руководство и ряд других компонентов. Вместе с тем в книге показана роль в процессе разработки и производства вооружений отдельных руководителей военного ведомства (М.Н. Тухачевский), органов безопасности и их лидеров (Л.П. Берия и руководство НКВД), представлена история отдельных закрытых атомных объектов и городов, раскрыты технические аспекты создания ракетных вооружений.

Некоторыми авторами предложены интересные теоретические подходы к определению сущности ОПК. В частности, в статье Н. Лебиной о развитии послевоенной урановой промышленности в Ленинграде (на примере ОКБ на Кировском заводе) содержится оригинальный вывод о формировании специфической социальной группы внутри ОПК – “среднего класса” с более высоким уровнем материального обеспечения и особыми привилегиями. Кировское ОКБ рассматривается как ячейка новой организации, для которой характерна тесная связь между научными и производственными единицами – своего рода прототип будущих научно-производственных объединений (НПО)<sup>22</sup>.

Следует отметить, что с середины 90-х годов термин “оборонно-промышленный комплекс” (ОПК) вошел в обиход и у исследователей современной российской “оборонки”. Под ОПК они понимают “составную часть военного потенциала России, предназначенную для разработки вооружений и военной техни-

ки”, куда входят “промышленные предприятия общего и целевого назначения, научно-исследовательские институты, КБ, испытательные полигоны и центры, другие организации”. Этот термин, по мнению ряда авторов, позволяет избавиться от “политической ангажированности” термина “военно-промышленный комплекс” и более точно отражает экономическую составляющую военно-технической политики России<sup>23</sup>.

К широкому спектру оценок сущности советского ВПК можно отнести и “технократическое” ответвление, которое делает упор на особую роль представителей научно-технической элиты – ведущих ученых конструкторов военной техники – в структуре ВПК. Эта идея нашла отражение в ряде публикаций в периодической печати и научно-популярных изданиях, среди которых можно особо выделить капитальный труд журналиста Я.К. Голованова о С.П. Королеве<sup>24</sup>.

Наиболее ярко эта мысль была выражена в воспоминаниях одного из конструкторов ракетной техники Б.Е. Чертока, который развил тезис о господстве в советском обществе своего рода технократии<sup>25</sup> в лице Советов главных конструкторов ракетно-космической техники во главе с С.П. Королевым, М.К. Янгелем, В.Н. Челомеем, В.П. Макеевым, М.Ф. Решетневым и другими, технократических структур в атомной промышленности (под руководством И.В. Курчатова) и в радиолокационной отрасли (под руководством А.И. Берга, А.А. Расплетина, Г.В. Кисунько). Однако политического давления на власть технократическая элита не оказывала, что автор относит к традиционному неумению русской интеллигенции “политически организовать самое себя”.

Значительная, все возрастающая в годы холодной войны роль научно-технической составляющей советского оборонного комплекса привела к появлению в историографии термина “военно-научно-промышленный комплекс”. Автор этого понятия А.Б. Безбородов подчеркивал, что научно-техническая элита (институты Академии наук, сеть НИИ и ОКБ, работавших на оборонную тематику) являлась важнейшим компонентом более широкого понятия “оборонный комплекс”, куда входили помимо этого Министерство обороны и “государственная система управления и обеспечения”. Однако, по нашему мнению, этот признак не являлся отличительным в сравнении с ВПК в странах Запада, где роль научно-технического компонента в годы холодной войны также неуклонно возрастала, что определялось общими закономерностями послевоенной НТР. В этом отношении добавление понятия “научный” мало что меняет в понятии “военно-промышленный комплекс”. В целом же автор одним из первых в отечест-

венной историографии разрабатывал проблему влияния различных властных структур на выработку и осуществление военно-технической политики в период с середины 50-х до середины 70-х годов, выдвинул тезис о НТР как разновидности военно-технической революции в условиях холодной войны<sup>26</sup>.

Разграничение понятий представляется особенно важным, поскольку поможет историкам осуществить объективный анализ причин возникновения, этапов развития ВПК, установить периодизацию этого процесса. По мнению Н.С. Симонова, военная промышленность в виде специализированных “кадровых” военных заводов под руководством Совета военной промышленности ВСНХ начала создаваться как обособленная отрасль с 1919 г., в условиях международной изоляции России, когда все вооружения должны были производиться внутри страны. Несмотря на некоторое распыление оборонных предприятий по трестам в 20-е годы, основное их ядро оставалось в ведении административных органов государства. Индустриализация первых пятилеток создала основу для выделения оборонных отраслей в отдельный сектор народного хозяйства. Н.С. Симонов в своей монографии предметно показал, как шел процесс организационного обособления оборонной промышленности от базовых отраслей тяжелой индустрии во второй половине 30-х годов.

Ряд российских и зарубежных исследователей (Н. Симонов, Р. Дэвис) считали отправной точкой в процессе милитаризации экономики и создания оборонного планирования период военной угрозы 1926–1927 гг., а реальный рост военных расходов относили к началу 30-х годов. По мнению других исследователей (Л. Самуэльсон), в 1926 г. политическим руководством страны было принято только принципиальное решение о необходимости создания военной промышленности<sup>27</sup>. В результате дискуссии 1925–1927 гг. были заложены основы военно-промышленного планирования, которое оказалось разделенным между двумя ведомствами – военным (НКО, Генштаб РККА) и гражданским (сектор обороны Госплана).

Л. Самуэльсон поднимает также более общий вопрос о сущности милитаризации экономики и двух путях развития ВПК СССР в период его формирования – гражданском и военном. Гражданский путь он связывает с “американским вариантом”, в котором доминировала промышленность двойного назначения, по преимуществу гражданская, которая должна была быть мобилизована на военные нужды в годы войны. Как известно, в годы первой пятилетки в СССР не существовало отдельного плана развития вооруженных сил и оборонной промышленности, эти

показатели включались в общие планы развития промышленности. В начале 30-х годов имело место в основном планирование в ключе общей подготовки к тотальной войне, а не реальная милитаризация промышленного производства. По мнению шведского историка, милитаризация экономики началась только тогда, когда под влиянием международной обстановки руководство СССР было вынуждено отказаться от “американского варианта”, пошло по линии создания отдельного военного сектора в промышленности и “мобилизационные задания превысили показатели мобилизации гражданской промышленности”. Это произошло только с началом третьей пятилетки, в 1938–1939 гг.<sup>28</sup>

В предвоенные годы в основном оформилась структура оборонной промышленности и органов управления как вооруженными силами, так и военной промышленностью (Военно-промышленная комиссия, Экономический совет, Комитет обороны при СНК СССР). Пик милитаризации экономики и централизации управления (в лице Государственного Комитета Обороны), естественно, пришелся на годы войны, когда, по данным Н.С. Симонова, предметы военного потребления составляли около 65–68% всей произведенной в СССР промышленной продукции<sup>29</sup>.

В отличие от межвоенных периодов предшествующих лет, после Второй мировой войны появилась новая тенденция к сохранению высокого уровня военных расходов, что было связано с началом холодной войны. Международная обстановка не позволила СССР провести существенного сокращения военного потенциала, а напротив, потребовала форсированного создания новых отраслей оборонной промышленности – атомной, ракетной, радиоэлектронной.

В зависимости от различий в трактовке определения “ВПК” разные исследователи относят период завершения его формирования либо к кануну Второй мировой войны, либо к военному периоду, либо к послевоенным годам. Автор данного доклада ограничивает завершающий этап создания ВПК первыми двумя послевоенными десятилетиями – 1945–1965 гг. К концу периода окончательно сформировалась структура ОПК, органов управления вооруженными силами и оборонной промышленностью по линии партийного контроля и государственного руководства. Представители военно-промышленных групп прочно вошли в состав высших органов власти СССР; укрепление обороноспособности стало приоритетным направлением политики руководства СССР. После некоторых сокращений военного потенциала во второй половине 50-х годов и 60-е годы начался новый резкий рост военных программ, продолжавший-



ся до достижения примерного паритета стратегических потенциалов СССР и США в начале 70-х годов. После этого начался период частичной разрядки 70-х годов, сменившийся новым ростом производства вооружений, который продолжался до середины 80-х годов.

К концу 80-х годов предприятия советского оборонного комплекса производили 20–25% валового внутреннего продукта и потребляли большую часть ресурсов страны. В “оборонке” оказались сосредоточенными лучшие научно-технические разработки и кадры: до  $\frac{3}{4}$  всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) производились в сфере ВПК. Оборонные предприятия производили основную часть гражданской продукции. В 9–10 крупнейших центрах оборонного производства проживали 7–8 млн работников и членов их семей. Вместе с тем приоритетное развитие оборонного сектора привело к чрезмерному разрастанию “непроизводительных” расходов на создание вооружений, в ущерб сфере потребления. Проблема влияния ВПК (милитаризации) на экономическое развитие и социальный прогресс в обществе по-прежнему является острой и дискуссионной.

В целом за последние годы в отечественной историографии появилось много новых направлений исследования истории оборонной промышленности. В первой половине 90-х годов началось изучение истории атомной программы в СССР – одной из самых закрытых сфер советского ВПК. С середины 90-х годов в России вышел ряд капитальных исторических трудов, где комплексно рассмотрены отдельные этапы создания первых ядерных объектов и центров, дискутировался вопрос о роли советской разведки в создании первой советской атомной бомбы<sup>30</sup>. Последняя дискуссия началась после появления в 1994 г. на Западе книги воспоминаний бывшего руководителя советской атомной разведки генерала КГБ П.А. Судоплатова (переиздана в России в 1996 г.<sup>31</sup>). Используя ряд оригинальных документов из советских архивов и собственные мемуары, генерал доказывал, что важнейшие стратегические сведения были получены советскими органами разведки, через посредство атомных агентов, от ведущих западных ученых-физиков, которые были готовы поделиться атомными секретами с СССР в целях создания равновесия сил в послевоенном мире. Многие ветераны советской атомной программы и западные исследователи выступили против позиции Судоплатова, утверждая, что отечественные ученые были более самостоятельны в своих разработках<sup>32</sup>. Однако, каковы бы ни были разногласия по этой проблеме, в настоящее время боль-

шинство специалистов признает, что разведка сыграла существенную роль на начальном этапе осуществления советской атомной программы, в 1942–1946 гг., способствовала более быстрому решению проблемы создания ядерного оружия в СССР.

Ведущими уральскими историками выдвинута концепция советского атомного проекта как феномена мобилизационной экономики<sup>33</sup>, предложена периодизация атомной программы СССР. Этими учеными активно разрабатывается идея об урановом проекте как первой общенациональной программе в истории СССР, которая способствовала привлечению всех экономических и людских ресурсов, реализации внутренних резервов политической системы. Из опыта мобилизации экономики периода Великой Отечественной войны был использован метод одновременного ведения работ по всем направлениям атомной программы (поиск месторождений урановой руды и ее добыча, научно-исследовательские работы, изыскания новых технологических процессов и строительство предприятий).

Можно в большой степени согласиться с утверждением этих исследователей о том, что атомная промышленность стала основой ВПК СССР. Более того, ядерный комплекс находился на особом положении даже внутри ВПК, для управления им применялись чрезвычайные методы, при известной трансформации общих для всего народного хозяйства принципов партийного руководства не только политической, но и хозяйственной жизнью.

В целом при сохранении в первые послевоенные годы традиционной структуры управления рядом оборонных отраслей (наркоматы/министерства вооружения, авиационной, судостроительной промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, транспортного машиностроения) для руководства новыми приоритетными программами были созданы чрезвычайные органы управления при СНК (Совете министров): Специальный комитет и Первое Главное управление (по атомной проблеме), Комитет № 2 (по реактивной технике), Комитет № 3 (по радиолокации). Чрезвычайный мобилизационный и экспериментальный характер этих программ вызвал необходимость концентрации ресурсов различных ведомств в специальных надминистерских органах управления.

И в дальнейшем атомный комплекс оставался на особом положении в структуре ВПК СССР. 10 закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) ядерного комплекса приобрели в 1954–1958 гг. статус закрытых городов Минсредмаша, находившихся вне компетенции местных партийно-государственных органов. Это были своего рода “государства в государстве”,

со своими органами управления (ПГУ-Минсредмаш, особые органы правопорядка в закрытых городах).

Дискуссионным в отечественной и зарубежной историографии остаются также такие вопросы, как научно-технические заимствования и их роль в развитии отечественной военной техники, общие размеры и динамика военных расходов СССР и другие более частные проблемы. Продолжающийся в настоящее время процесс рассекречивания новых документальных коллекций из российских архивов, подготовка к изданию многотомного сборника документов откроет новые перспективы для дальнейшего углубленного изучения истории ВПК СССР.

- <sup>1</sup> См.: *Melman S. Pentagon Capitalism. The Political Economy of War.* N.Y., 1970. P. 234–239; *Амброс С. Эйзенхауэр: Солдат и президент / Пер. с англ.* М., 1993. С. 507.
- <sup>2</sup> См.: *Testing the Theory of the Military-Industrial Complex / Ed. S. Rosen.* Lexington, 1973; *The Military-Industrial Complex: A Reassessment/Ed. S. Sarkessian.* Beverly Hills, 1972.
- <sup>3</sup> *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev/Ed. J. Barber and M. Harrison.* Houndmills, 2000. P. 24.
- <sup>4</sup> См.: *Богданов П.Г.* США: Военная машина и политика. М., 1983; *Фарамазян Р.А.* Военная экономика американского империализма. М., 1983; *Репницкий В.В.* НАТО и военный бизнес. М., 1970; *Бузуев А.В.* Международный военно-промышленный бизнес. М., 1985; *Шеин А.И.* Военно-промышленный комплекс Великобритании. М., 1985; *Борисов И.В.* Военно-промышленный комплекс ФРГ // *Мировая экономика и международные отношения.* 1987. № 8. С. 121–128; *Альянс меча и бизнеса: Военно-промышленные комплексы империалистических государств / Отв. ред. О.Н. Бочков, Е.Б. Бугров.* М., 1988.
- <sup>5</sup> См.: *Богданов П.Г.* Указ. соч. С. 56.
- <sup>6</sup> *Agursky M. The Soviet Military-Industrial Complex.* Jerusalem, 1967; *Aspaturian V. The Soviet Military-Industrial Complex: Does It Exist? // Testing the Theory of the Military-Industrial Complex.* P. 103–133.
- <sup>7</sup> См.: *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. J. Barber and M. Harrison.* Houndmills, 2000. P. 24 (Далее: *The Soviet Defence-Industry Complex*).
- <sup>8</sup> *Holloway D. War, Militarism and the Soviet State.* Harmondsworth, 1980. P. 158.
- <sup>9</sup> *Ericson J. The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941.* L., 1962; *Civil-Military Relations in Communist Systems.* Boulder, 1978; *Soviet Decision-Making For National Security / Ed. J. Valenta and W. Potter.* L., 1984; *Johnes E. Red Army and Society: A Sociology of the Soviet Military.* Boston, 1985; *Soviet Military Policy / Ed. S.M. Lynn-Johnes, S. E. Miller, S. van Evera.* Cambridge, 1989.
- <sup>10</sup> *Almqvist P. Red Forge: Soviet Military Industry Since 1965.* N.Y., 1990; *Cooper J. The Soviet Defence Industry: Conversion and Reform.* L., 1991;

- Harrison M.* The Soviet Defence Industrial Complex in World War II. Tokyo, 1994.
- <sup>11</sup> *Holloway D.* The Soviet Union and the Arms Race. New Haven; London; 1983; *Almquist P.* Op. Cit.
- <sup>12</sup> Technical Progress and the Technological Level of Soviet Industry / Ed. R. Amann, J. Cooper, R.W. Davies. New Haven, 1977; Industrial Innovation in the Soviet Union / Ed. R. Amann, J. Cooper. New Haven, 1982; *Evangelista M.* Innovation and the Arms Race: How the United States and the Soviet Union Develop New Military Technologies. Ithaca; London, 1988.
- <sup>13</sup> Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985): Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995; СССР и холодная война / Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М., 1995; Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999; Советское общество: Будни холодной войны: Материалы “круглого стола” / Под ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. Москва; Арзамас, 2000.
- <sup>14</sup> См.: *Кива А.* Сверхдержава, сама себя разорившая // Международная жизнь. 1992. № 1. С. 15–24.
- <sup>15</sup> *Круглов А.К.* Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995; *Он же.* Штаб Атомпрома. М., 1998.
- <sup>16</sup> Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Отв. ред. А.В. Минаев. М., 1999.
- <sup>17</sup> *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000; *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса СССР 1921–1941. М., 2001.
- <sup>18</sup> *Симонов Н.С.* Создание военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920–1950-е годы): Проблемы экономического роста, структура, организация, производство, управление. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1999. С. 5–6.
- <sup>19</sup> *Щерба А.Н.* Роль военной промышленности СССР в укреплении обороноспособности СССР в 20–30-е годы. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 43–44; *Лосик А.В., Мезенцев А.Ф., Щерба А.Н.* У истоков российского военно-промышленного комплекса // Военная промышленность Ленинграда в 20–30-е годы и перспективы ее развития в конце XX века. СПб., 1998.
- <sup>20</sup> The Soviet Defence-Industry Complex...
- <sup>21</sup> Ibid. P. 24–25.
- <sup>22</sup> Ibid. P. 193.
- <sup>23</sup> См.: Армия России: Состояние и перспективы / Под ред. Р. Яновского, Ю. Дерюгина и др. М., 1999. С. 97–98.
- <sup>24</sup> См.: *Голованов Я.К.* Королев: Факты и мифы. М., 1994.
- <sup>25</sup> *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. Изд. 2-е М., 1999. С. 12–13.
- <sup>26</sup> *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР се-

- редины 50-х – середины 70-х годов. М., 1997. С. 66–67; *Он же*. Власть и ВПК в СССР середины 40-х – середины 70-х годов // Советское общество: Будни холодной войны... С. 94–126.
- <sup>27</sup> См.: *Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 46–47.
- <sup>28</sup> Там же. С. 232–233.
- <sup>29</sup> См.: *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 152.
- <sup>30</sup> Наука и общество: История советского атомного проекта (40–50 годы) / Отв. ред. Е.П. Велихов. М., 1997; История советского атомного проекта: Документы, воспоминания и исследования. Вып. 1 / Отв. ред. В.П. Визгин. М., 1998.
- <sup>31</sup> *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
- <sup>32</sup> Подробнее см.: У истоков советского атомного проекта: Роль разведки // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 107–134; *Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н.* Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994; Семинар памяти Нильса Бора // Наука и общество: История советского атомного проекта. М., 1997. С. 409–540; Роль разведки в создании советского атомного оружия // История советского атомного проекта: Документы, воспоминания и исследования. М., 1998. Вып. 1. С. 61–134.
- <sup>33</sup> См.: *Алексеев В.В., Литвинов Б.В.* Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 1; *Новоселов В.Н.* Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Д. Есаков. С какого периода начинается многотомное издание документов по истории ВПК?

И.В. Быстрова. Издание начинается с 1919 г. Если брать предысторию, можно очень далеко уйти в истоки развития российской промышленности. Конечно, были у нас военные заводы, но если говорить о создании советской промышленности, то 1919 г. был показателен. Может быть, с него надо начинать.

В.Д. Есаков. В Петербурге провели конференцию, на которой пришли к выводу, что создание оборонных отраслей начинается чуть ли не с момента основания самого города.

И.В. Быстрова. Конечно! Казенные мануфактуры начали возникать в царствование Алексея Михайловича и Петра I. Все они работали на военное дело, и можно вести отсчет отсюда.

Э.И. Гракина. Не могли бы Вы назвать литературу, касающуюся проблемы заимствования?

И.В. Быстрова. Есть западные исследования по развитию этих направлений – труды Энтони Саттона, Марка Харрисона и др., которые показывают, как шла научно-техническая инновация во всем мире и насколько научно-технические достижения переходили от одной страны к другим. Общеизвестно, что атомные бомбы создаются по американскому образцу, а в основе производства ракет у нас и американцев лежит знаменитая немецкая “ФАУ-2”. Очень актуальная тема – бактериологическое оружие, развитие которого пошло из немецких лабораторий. У нас не было своих широкомасштабных разработок в данной области, но когда мы получили немецкое наследство, то они стали развиваться.

В.С. Лельчук. Уважаемые коллеги! Доклад подталкивает к новым размышлениям и требует дискуссии, хотя бы короткой. В этой связи хочу напомнить, откуда появляется термин “ВПК”. Это тем более важно, что стало нормой сопоставлять историю появления и развития советского ВПК и американского, точнее США. Этот термин ввел в оборот президент США Эйзенхауэр. Как известно, он 40 лет назад, первым весьма откровенно и четко сказал, что в Соединенных Штатах негласно идет процесс сращивания узковедомственных интересов ряда военных и политиков, процесс, который опасен для Соединенных Штатов, ибо его инициаторы стремятся выйти из-под контроля правительства и конгресса. Соответственно в СССР стали изучать заокеанский ВПК как своего рода теневую экономику, в наращивании которой заинтересованы наиболее реакционные силы, пытающиеся совместить свои финансовые интересы с развязыванием противоборства двух систем. Что касается советских авторов, то здесь царило единодушие иного плана. Термин “ВПК” стал синонимом “оборонки”, т.е. оборонной промышленности Советского Союза.

На мой взгляд, если мы хотим в научном плане сопоставлять ВПК США и СССР (а это очень важно для понимания драматических коллизий, выпавших на долю Советского Союза во второй половине XX столетия), то нам придется признать, что и у нас ВПК развивался не только потому, что осуществлялся курс на упрочение отечественной обороной промышленности. Даже если допустить, что Сталин и его соратники не теряли былых надежд и готовили наступательную войну (а мы обязаны были ее готовить, иначе какие мы большевики), корыстные интересы определенных групп номенклатуры сказывались в СССР. Теперь

уже известно, сколь энергично отстаивали свои проекты и программы вполне определенные лица и даже, если угодно, кланы, связанные с развитием ракетно-ядерной техники, освоением космоса. Кто сегодня подсчитает величину сверхзатрат того времени? Иначе говоря, определенное сращивание, о котором говорил Эйзенхауэр, было и у нас тоже. Функционировали структуры, действовали люди, официально работавшие на государство и в то же время грабившие его.

Российские историки обязаны объяснить и показать, как ВПК в условиях НТР позволил Соединенным Штатам стать первой, потом сверхдержавой мира, а у нас он стал одной из главных причин распада СССР. Разумеется, дело не только в ВПК. Надо изучать и другие проблемы. Но коль сегодня мы обсуждаем вполне конкретный вопрос, то речь идет прежде всего о ВПК. История его начинается все же при Сталине, и не раньше того времени, когда шло создание сверхсекретных комитетов – ракетного и ядерного, точнее, сначала ядерного, а потом ракетного, т.е. не раньше Хиросимы. Хотя между прочим первый проект атомной бомбы был предложен тремя советскими новаторами за 5–6 лет до этого. Но тогда верхи не заинтересовались. Лишь позже патент получил поддержку и был зарегистрирован. Тоже интересное для нас открытие; к сожалению, о нем и сейчас мало кто знает.

И последнее. После публикации материала доклада и его обсуждения целесообразно собраться и продолжить разговор, рассмотреть ВПК в связи с общими процессами развертывания НТР, формирования индустриального общества и его перехода к информационному. Особое внимание предлагаю уделить нашей литературе, опубликованной в условиях гласности, примерно в последние 10–12 лет, т.е. в годы архивной революции и тех радикальных, можно сказать, революционных сдвигов, которые произошли в нашей стране и в масштабах всего мира. Взгляд с этих высот поможет полнее оценить и проанализировать уроки холодной войны, XX в. в целом.

Л.Н. Нежинский. Доклад, а также выступление В.С. Лельчука еще раз подчеркивают, насколько актуальна и важна эта тема не только с научной точки зрения для изучения истории России, советского общества XX столетия, но она остро связана с жизнью современной России. Вы прекрасно знаете, какие идут не только жесткие дискуссии, но и организационное противостояние и т.д.

Не могу сказать, что и сегодня эта тема до конца решена, учитывая, как рассматриваются правительством, интерпретируются и решаются проблемы реформирования армии.

Вопросы относительно реформ российской армии очень тесно связаны с проблемами, которые поднимала Ирина Владимировна в своем докладе и которые сегодня еще далеко не решены.

Тема, разрабатываемая И.В. Быстровой, имеет исключительно большое не только научное, но и познавательное значение. Полностью согласен с предложением В.С. Лельчука о проведении ее обсуждения, может быть, на Ученом совете или с приглашением всех подразделений, занимающихся XX столетием. Это будет нечто вроде симпозиума или научной конференции. Еще о многом предстоит подумать и сказать по затронутому чрезвычайно актуальному комплексу проблем.



## **ПРОБЛЕМА КРАСНОГО И БЕЛОГО ТЕРРОРА 1917–1920 ГОДОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ\***

На сегодняшний день по этой сложной проблеме имеется довольно значительная научная литература<sup>1</sup>. Я не ставлю своей задачей освещение и анализ всей историографии данного вопроса. Хотелось обратить внимание на ряд невыясненных до сих пор моментов, имеющих принципиальное значение для раскрытия рассматриваемой темы.

Некоторые авторы под красным террором имеют в виду казни участников (прямых или косвенных) антисоветских заговоров и мятежей, подпольных групп, главарей различных банд, злостных дезертиров из Красной Армии, расстрелы крестьян при подавлении антисоветских выступлений, заложников и военнопленных<sup>2</sup>.

Встречается и более широкое понятие “красный террор”. Например, Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России, созданная А.И. Деникиным<sup>3</sup>, включала в число жертв красного террора пострадавших в связи с мерами по уничтожению демократических организаций и насильственной замене их советскими органами власти, с ликвидацией судебных органов и созданием вместо них трибуналов, национализацией, конфискацией, реквизициями, проводимыми большевиками, а также при осуществлении ими аграрной политики. Кроме физически уничтоженных жертвами красного террора считались арестованные, принужденные к трудам, лишённые продпайки, а также потерпевшие от всякого рода оскорблений и попрания неприкосновенности личности. К жертвам красного террора были отнесены и пропавшие без вести во время большевистского правления в той или иной местности<sup>4</sup>.

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 марта 2002 г.

Как видно из этих определений, типология самого понятия “террор” не разработана. От толкования этого термина зависит очень многое – хронология этого явления, количество жертв террора, соотношение террора и репрессивной политики государства и т.д.

Известно, что террор, кем бы он ни осуществлялся, – это акт или политика устрашения, которая всегда сопровождалась произволом, самосудом, незаконными расправами и попранием прав личности. Известно также, что жертвами террора часто являются не только противники, но и люди случайные. Например, среди заложников оказываются люди, стоящие вне политики и, даже исходя из классового принципа, не подлежащие расправе.

Террор возникает в период безвластия, глубокого кризиса власти, революций, восстаний, мятежей, а также в военное время в случае поражения или неустойчивой победы. Террор как акт или политика устрашения не замалчивается: публикуются списки заложников, расстрелянных, ультиматумы, откровенные заявления о начале его широкомасштабного осуществления. В ряде случаев он связан с введением смертной казни, особенно публичной, хотя само по себе введение смертной казни, даже публичной, террором не является.

Как сочетается террор с репрессивной политикой государства? Некоторые авторы считают его частью такой политики, а другие – не расчленяют их вовсе. Отсюда название репрессивной политики Сталина – “большой террор”. В этом случае хронологические рамки красного террора сильно раздвигаются и определить хронологические рубежи сложно. Кроме того, при расширительном толковании этого понятия к жертвам можно отнести практически все население страны.

Некоторые авторы предлагают считать террором акты незаконной расправы. Однако ряд расстрелов и казней, которые явно относятся к террору, производились на основании подобия судебного процесса.

Относится ли к террору подавление вооруженных выступлений против того или иного режима? Ведь само подавление похоже на военное действие, в котором участвуют и несут жертвы обе стороны. Вооруженные выступления пресекались и красными и белыми. Например, в 1919 г. произошли антибольшевистские восстания в Симбирской, Самарской, Казанской губерниях и т.д. При их подавлении в 1920 г. Запасная армия республики потеряла 79 человек, повстанцы – 630. В 1918 г. во время крестьянского восстания Славгородского

езда против Сибирского областного правительства войскам атамана Анненкова пришлось с большими для себя потерями штурмовать штаб повстанцев<sup>5</sup>.

Ряд авторов склонен рассматривать подавление восстаний как террор<sup>6</sup>. Однако в данном случае мы имеем дело скорее с репрессивной политикой, свойственной диктаторскому режиму. Другое дело, что расправа с арестованными и мирным населением после подавления восстания, безусловно, относится к террору. Думается, что более правы те авторы, которые причисляют к жертвам террора замученных и казненных заложников, военнопленных, участников заговоров, подпольных групп, дезертиров из армии, крестьян или иных повстанцев, казненных после подавления мятежа.

В современном понимании жертвы террора – это погибшие от пыток, казней, побоев, умерщвленные голодом, умершие вследствие намеренного лишения их медицинской помощи.

Известно, что у нас во время гражданской войны в деревнях и городах действовало множество банд, в том числе уголовного характера. Иногда их относят к зеленому террору. Но, может быть, их скорее следует считать уголовными структурами, чистой воды бандитами, которые появляются в период кризисов и террора.

В нашей стране в 1917–1920-х годах наблюдался разгул и красного, и белого, и зеленого террора. В советской литературе обычно подчеркивался вынужденный характер красного террора как ответа на белый<sup>7</sup>. В ряде работ, публиковавшихся за рубежом и в последнее десятилетие в России, встречалось прямо противоположное мнение: существовал лишь красный террор, а в ответ на него отдельные выступления со стороны белых<sup>8</sup>.

Следует заметить, что одностороннего террора не существует. Так, крымская газета “Общее дело” писала в июле 1921 г.: «...Со стороны красных целым селам был предложен ультиматум: “если не вернете ушедших в горы, то будете спалены”. Но ультиматум не был приведен в исполнение, так как зеленые заявили, что в случае исполнения угрозы они вырежут всех коммунистов и их семьи не только в деревнях, но и в таких городах, как Алушта, Симеиз, Судак»<sup>9</sup>. Другая крымская газета – “Последние новости” сообщала: “В отместку за казнь Маламбутова, одного из деятелей зеленых в Крыму, зеленые мстят красным жестоко и зверски: попадавших в их руки коммунистов подвергают средневековым пыткам”<sup>10</sup>.

Разгул террора не был специфичным явлением только для нашей страны. Во всех странах революции сопровождались многосторонним террором: сколько было задействовано социально-политических сил, столько и было направлений террора. Во время Великой французской революции одна власть приходила на смену другой и расправлялась с поверженными. В отечественной историографии обходили молчанием кровь французской революции, фокусируя внимание на светлых образах и моментах. Но существовала французская литература, которая воспроизводила кошмарные и отвратительные сцены насилия, кровавых расправ. В последнее десятилетие прошлого века и у нас появились работы, объективно освещающие события тех лет во Франции<sup>11</sup>. Разрушена была не одна Бастилия. По приказу Конвента, предписывающему уничтожить гробницы “тиранов”, толпа возбужденных парижан ворвалась в церковь Сорбонны и в считанные минуты разбила мраморное надгробие – творение скульптора Жирардена, где сто пятьдесят лет покоился прах де Ришелье. Гробница была вскрыта, а бальзамированная мумия кардинала растерзана и отдана на забаву мальчишкам. В тот же день разграблению подверглись еще 48 захоронений. Ежедневно парижане являлись свидетелями массовых казней. По свидетельству современников, головы, насаженные на пики или палки, были привычным зрелищем<sup>12</sup>.

Однако во время французской революции террор был недолгим – это 1793 г. (период Конвента). В России будучи частью политики всех действовавших на ее территории правительств он существовал в течение нескольких лет – с конца 1917 по 1920 г. А.Л. Литвин отмечает исторические корни особенностей террора в России периода Гражданской войны. Эта специфика объяснялась тем, что по своим традициям Россия относилась к странам, где цена человеческой жизни была мизерной, где никогда не соблюдались права личности, царил политический и правовой “беспредел”. У граждан не было воспитано правосознание, и они привыкли к произволу власти<sup>13</sup>.

В известных воспоминаниях С.Ю. Витте приводится один из характерных для того времени эпизодов. Александр II во время своей поездки увидел на платформе в толпе встречающих поезд офицера в боевых наградах и вдруг вспомнил, что он участвовал в какой-то дуэли. Император тотчас приказал разжаловать его и заключить в крепость. Заслуженный офицер не вынес унижения и застрелился. Доехав до следующей станции, Александр пришел в хорошее расположение духа и простил офицера<sup>14</sup>. Не только самодержец, но любой чиновник обладал в России огромными правами и мог поступать с людьми по своему усмотрению.

Сказывалось и то обстоятельство, что в России десятки лет народовольцы, а затем эсеры действовали террористическими методами. При этом погибали совершенно неповинные люди. Например, жертвы от взрыва в Зимнем дворце, подготовленного С.Н. Халтуриным, и пострадавшие во время покушения на П.А. Столыпина исчислялись десятками.

Элементы терроризма имели место и в официальной политике. Достаточно вспомнить хотя бы так называемые столыпинские галстуки.

Каковы же хронологические рамки террора? В советской историографии одни авторы считали, что красный террор начался после 5 сентября 1918 г., т.е. после постановления СНК “О красном терроре” и серии последовавших за ним постановлений СНК и ВЦИК, которые были приняты в связи с покушением на В.И. Ленина и убийством М.С. Урицкого<sup>15</sup>. При этом красный террор считался ответом на белый, начавшийся летом 1918 г., т.е. датировался позднее, чем белый<sup>16</sup>. Другие авторы связывали начало террора с убийством В. Володарского 20 июня 1918 г.<sup>17</sup> и соответствующим постановлением ВЦИК от 29 июня 1918 г. о проведении террора против буржуазии. Л.Д. Троцкий связывал начало красного террора с расстрелом царской семьи<sup>18</sup>.

С нашей точки зрения, более правы исследователи, которые склоняются к тому, что красный террор, как и белый, начались одновременно с конца 1917 г. При этом красный террор до августа 1918 г. проводился фактически, а с сентября того же года официально<sup>19</sup>.

Концом красного террора С.П. Мельгунов считает 1923–1924 гг.<sup>20</sup>, а А.Л. Литвин – 1922 г.<sup>21</sup>, т.е. оба автора включают сюда и 1921 г. (подавление Кронштадтского мятежа). Думается, что правомернее относить завершение террора к окончанию Гражданской войны (1920), так как кронштадтские события 1921 г. – это уже репрессивная политика утвердившегося государства диктатуры пролетариата. Акт подавления был много и впоследствии. Репрессивная политика диктаторского государства подпитывалась террором, на ней сказывались его традиции, она выросла из террора и все же не была ему тождественна.

С какими же событиями связано начало красного и белого террора в конце 1917 г.? Это прежде всего корниловские военно-полевые суды, введенные Временным правительством. Известна дата расстрела 500 солдат в Московском Кремле – 20 октября 1917 г. Есть и другие даты, относящиеся к 1917 г., – создание 7(20) декабря 1917 г. ВЧК<sup>22</sup>. Первыми подсудимыми трибуналов

красного террора\* были Пуришкевич и графиня Панина (конец 1917 г.). Первого приговорили к условному наказанию и скоро амнистировали, а вторую освободили под денежный залог<sup>23</sup>.

В июне 1918 г. по приговору революционного трибунала был расстрелян командующий Балтийским флотом капитан Щастный. Его арестовали по приказу Троцкого, который был и единственным свидетелем по делу Щастного. Процесс закончился быстро, для него характерно нарушение прав арестованного на защиту<sup>24</sup>. Это был первый расстрел по политическому мотиву.

Развернулся красный террор в 1918 г. и стал не только индивидуальным, но массовым, тотальным. Во время наступления Деникина 26 ноября 1918 г. ЦК РКП(б) постановил: “Красный террор сейчас обязателен, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте – не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным...”<sup>25</sup>

В 1918 г. был обоснован классовый принцип красного террора. Исходя из этого принципа, Лацис говорил: “...не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он (арестованный. – В.Ж.) против Советов оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Все эти вопросы должны решить судьбу обвиняемого”. Это по сути руководство к действию на местах было напечатано в Казани в издании типа бюллетеня, которое называлось “Красный террор” (1918. № 1). В том же году был введен “расстрел на месте спекулянтов”, который почти сразу начал очень широко применяться.

В 1919 г. сложились система карательных органов на государственном уровне и у красных, и у белых, и у зеленых, и у “розовых”. У красных – это внесудебные (чрезвычайные) учреждения: территориальные и военные революционные трибуналы, система ВЧК (губернские, уездные, фронтовые, армейские и т.д.), при которых создавались так называемые расстрельные тройки (их приговоры должны быть доказаны и единогласно приняты). При ВЧК существовали особые отделы, которые появились в апреле 1919 г. и контролировались реввоенсоветами. Реввоентрибуналы были творчеством военного ведомства, а не Наркомата юстиции.

8 октября 1919 г. ВЧК получает право расстреливать на местах всех, кто нарушает работу железных дорог. В подавлении

---

\* В литературе больше изучен красный террор, чем белый и особенно зеленый.

крупных антибольшевистских выступлений крестьян, солдат, матросов и других слоев населения использовались части Красной Армии, отряды ЧОН, созданные в апреле 1919 г., продотряды и продармии, внутренние войска ВОХР, образованные в мае 1919 г.<sup>26</sup>

В 1920 г. была приостановлена смертная казнь по приговорам ВЧК, а военные трибуналы продолжали пользоваться правом выносить смертный приговор. В том же году к смертной казни приговорили 5,8 тыс. человек<sup>27</sup>.

Террор на государственном уровне осуществляли и правительства, выступавшие от имени Учредительного собрания и признававшие лишь его власть законной. Они были созданы в Поволжье, Сибири, на Урале и Севере. Вряд ли можно согласиться с мнением, существующим в ряде работ, что их действия относятся к красному террору. Эти правительства не включали в свой состав большевиков и противостояли советской власти. Некоторые авторы называют эти правительства “розовыми”, социалистическими или демократическими. Но и данное определение не совсем удачно, так как в составе этих правительств были представители разных партий – от правых эсеров и кадетов до черносотенцев. Чисто правозесеровскими их тоже считать трудно, хотя в литературе встречается подобное суждение. Не относятся они и к белому террору, так как они выступали и против белых, в частности против Колчака. Скорее всего каждое из них устанавливало свой диктаторский режим от имени Учредительного собрания, и террор, который они осуществляли, не является ни белым, ни красным и рассматривать его следует особо.

Правительство Комуча (Комитет членов Учредительного собрания) было образовано в июне 1918 г. в Поволжье (Самара, Казань, Симбирск, Сызрань), действовало оно и в Ставрополье, и в Мелекесе. В его состав входили правые эсеры, меньшевики, а опорой были легионеры чехословацкого корпуса. Органами террора на государственном уровне служили контрразведка (она же “Особая охранка”) и созданный в октябре 1918 г. Чрезвычайный военный суд, а также военно-полевые суды. В унисон Комучу на этой территории в качестве карательных органов выступала чешская и сербская контрразведка.

27 августа 1918 г. правыми эсерами, меньшевиками, кадетами и трудовиками было создано Временное областное правительство Урала, 3 августа 1918 г. – Временное сибирское правительство, в сентябре 1918 г. в Уфе – Директория (правые эсеры и кадеты). Верховное управление Северной области возглавлял народный социалист Н. Чайковский. Все эти правительства имели, по-

добно Комучу, отлаженную систему карательных органов и отряды, осуществлявшие на их территориях беспредельный террор.

Одновременно на государственном уровне складывалась система карательных органов и белого террора. Как уже было сказано выше, исследователи не располагают такой источниковой базой для изучения белого террора, какую оставила нам денкинская комиссия по красному террору. Но то, что дошло до нас в разного рода документах, дневниках и воспоминаниях, достаточно красноречиво свидетельствует о его разгуле.

Правительством А.В. Колчака в декабре 1918 г. было принято специальное постановление о широком введении смертной казни. Занималась приведением в исполнение этого постановления милиция. Кроме того, при МВД существовали карательные отряды особого назначения. Тяжелейшим преступлением было объявлено оскорбление Колчака “на словах”, за что полагалось тюремное заключение<sup>28</sup>.

В правительстве А.И. Деникина в качестве карательных органов действовали военно-полевые суды и судебные следственные комиссии. Однако произвол здесь был распространен особенно широко. Достаточно сказать, что офицеры при захвате городов имели право самочинно и безнаказанно расправляться по своему усмотрению с жителями. Узаконена была расправа над нейтрально настроенным населением, “недостаточно энергично борющимся с большевиками”<sup>29</sup>. Кроме того, в армии Деникина было много черносотенцев, которые наводили ужас еврейскими погромами. Надо сказать, что еврейские погромы производили и красные, и белые, и зеленые, но в данном случае они были особенно жестокими (с поголовным вырезанием) и частыми. В целом в результате погромов за годы Гражданской войны пострадало 300 тыс. евреев, только денкинская армия совершила 200 погромов<sup>30</sup>. Большую роль в качестве карательного органа играла у Деникина контрразведка при военных частях и при губернаторах.

В Крыму Врангель учредил военно-полевые суды, но многие были расстреляны и без суда. Особую “популярность” своей жестокостью приобрел врангелевский генерал Я. Слащов. Известен случай, когда суд оправдал нескольких человек, однако Слащов по своему почину расстрелял их<sup>31</sup>.

Таким образом, довольно часто высказываемое в литературе мнение о том, что лишь красный террор осуществлялся на государственном уровне, фактически не подтверждается. И красный, и белый террор, и террор других задействованных в Гражданской войне сил санкционировался властью и служил ее укреплению.



Формы террора были одинаково отвратительны и отличались лишь некоторыми деталями. Как правило, это были расстрелы, казни, часто на средневековом уровне, взятие заложников, тюрьмы, расправа с военнопленными, пытки, самосуд, концлагеря, лагеря смерти, эшелоны смерти, плавучие баржи смерти и многое другое.

Обратимся к фактам, собранным в отечественной и зарубежной литературе. Начнем с красного террора. Материалы Комиссии при штабе главнокомандующего Деникина по расследованию злодеяний большевиков охватывали обширную территорию: Курск, Одессу, Николаев, Херсон, Таганрог, Пятигорск и т.д.<sup>32</sup> В архиве этой комиссии имеются протоколы вскрытия могил казненных военнослужащих, акты эксгумации трупов заложников, документы и списки расстрелянных, найденные в учреждениях красных, свидетельства очевидцев, корреспонденция и проч. Степень точности и достоверности этих документов различна, однако протоколы вскрытия захоронений не могут быть подвергнуты сомнению, равно как и акты эксгумации.

Некоторые из материалов Комиссии были в извлечениях приведены в книге С.П. Мельгунова, но подавляющая их часть публикуется впервые в журнале “Вопросы истории”. Благодаря своему разнообразию они позволяют сопоставлять их друг с другом и точнее восстанавливать события тех дней. Так, в некоторых воспоминаниях говорится о публичных расправах большевиков. Однако протоколы, распоряжения, приказы, воспоминания уцелевших узников в своей массе свидетельствуют о том, что казни совершались глубокой ночью, а трупы старались засыпать до рассвета. Затем в целях устрашения населения списки расстрелянных публиковались.

При этом списки расстрелянных во многих случаях не соответствовали действительности. Например, в документах Комиссии сохранился приказ (г. Пятигорск), согласно которому следовало расстрелять 59 заложников. Но, как явствует из отчета об исполнении, на казнь поздним вечером 18 октября 1918 г. было выведено 52 человека<sup>33</sup>. Что стало с остальными семьёю – неизвестно. Другой пример. По списку должно было быть казнено 104 человека, однако в могилах, куда они были захоронены, при вскрытии 27 февраля – 2 марта 1919 г. оказалось 83 трупа, два из них вовсе не значились в списке<sup>34</sup>. Вместо одних, видимо, нередко казнили других.

Обосновывая необходимость красного террора, Ф. Дзержинский писал, что “там, где пролетариат применил массовый террор, там мы не встречаем предательства”, что “право расстрела для ЧК чрезвычайно важно”<sup>35</sup>.

В 1918–1919 гг. красный террор достиг своего апогея. Сохранился акт о вскрытии могилы в г. Пятигорске от 17–28 февраля 1919 г. Трупы, как правило, были сильно повреждены. Огнестрельных ран на них не было заметно, но зато видны следы многочисленных ударов шашками и тупыми тяжелыми предметами, чаще всего прикладами. Зарубленного генерала Н. Рузского перед смертью сильно избили прикладами. Родственники с трудом могли опознать своих. Некоторые заложники были захоронены еще живыми и умерли от удушья<sup>36</sup>. Один из актов комиссии свидетельствует, что многие больные и раненые Добровольческой армии в лазаретах станицы Елизаветинской (апрель 1918 г.) были зарублены, заколоты штыками, забиты до смерти<sup>37</sup>.

Среди документов о вскрытии могил сохранился акт о расправе в г. Екатеринодаре над представителями интеллигенции из 83 человек (среди них находились и дети), которые были без суда и следствия зарублены и тут же закопаны (март 1918 г.)<sup>38</sup>. Протоколы Комиссии пролили свет на зверское истребление экипажей кораблей “Трувор” и “Румыния”<sup>39</sup>.

Одной из наиболее кровавых акций стала в 1920 г. крымская трагедия, разыгравшаяся после эвакуации войск Врангеля. Крым “чистили” расстрелами, арестами и выселением. “Проверить, – пишет А.Л. Литвин, – называемые в разных изданиях числа расстрелянных в то время в Крыму – 25 или 120 тысяч человек – невозможно из-за отсутствия документов. Но сохранившиеся данные подтверждают жестокость проводимых экзекуций”<sup>40</sup>. Автор приводит данные из “известий временного севастопольского ревкома” от 28 ноября 1920 г., где сообщалось о расстреле 1634 человек, в том числе 278 женщин, два дня спустя там же говорилось о расстреле 1202 человек, в том числе 88 женщин и т.д. Эти расправы проводились тогда особым отделом фронта во главе с Е.Г. Евдокимовым, в характеристике которого для представления его к высокой награде значилась как заслуга впечатляющая цифра в 12 тыс. человек, расстрелянных только сотрудниками особого отдела фронта<sup>41</sup>. Сохранилось немало воспоминаний о крымской трагедии, которые цитируются во многих исследованиях.

Репрессии обрушивались и на головы рабочих. Многие из них были расстреляны во время расправы над повстанцами в Ярославле в июле 1918 г. По данным представителя комиссии по делам немецких военнопленных Балка, с марта по ноябрь в Ярославле было казнено 50 тыс. человек из разных сословий<sup>42</sup>.

С.П. Мельгунов приводит цифру в 4 тыс. рабочих, расстрелянных чекистами и красноармейцами в марте 1919 г. при подав-

лении забастовки в Астрахани. Он допускает, что эта цифра преувеличена, но даже если ее уменьшить вдвое, то и это не изменит факта, что “карательная политика не исключала рабочих из числа подозреваемых”<sup>43</sup>. В Ижевске были расстреляны многие рабочие, чьи родственники ушли к Колчаку<sup>44</sup>. Жертвы исчислялись десятками тысяч.

В литературе описаны устрашающие расправы над населением после подавления крестьянских восстаний: “чапанной” войны в марте 1919 г. в смежных уездах Самарской и Симбирской губерний; “вилочного” восстания в феврале–марте 1920 г. в ряде уездов Уфимской, Казанской и Самарской губерний; выступления западносибирских крестьян (Тобольск, Кокчетав, Петропавловск) в январе 1921 г.<sup>45</sup>

На те же 1918–1919 гг. падал и разгул белого террора. В. Булдаков справедливо отмечает, что и у красных, и у белых осуществление заданной идеи превалировало над ценностью человеческой жизни<sup>46</sup>.

Документы о белом терроре фрагментарны. Из них явствует, что в 22 губерниях РСФСР белыми было расстреляно в июне 1919 г. 824 человека, в июле – 4141, в августе – 339, в сентябре – более 6 тыс. человек. Кроме того, производились массовые расстрелы рабочих в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Омске и других городах. В Самарской губернии после пыток (выкалывали глаза, отрезали уши) расстреляно 675 красноармейцев<sup>47</sup>. В Ногинске были сожжены советские активисты<sup>48</sup>. Эти действия санкционировались колчаковским и деникинским правительствами. Когда Колчаку на допросе сказали о том, что в одной деревне у крестьян отрезали носы и уши, он заявил: “это обычно на войне, и в борьбе так делается”<sup>49</sup>.

В некоторых работах проявляется склонность авторов идеализировать фигуру Колчака. Однако в настоящее время опубликовано немало воспоминаний и свидетельств соратников и членов его правительства о нем самом и действиях его армии. Кроме того, в ряде трудов, особенно в книге А.Л. Литвина, приводится довольно убедительный материал о размахе белого террора<sup>50</sup>.

Как следует из мемуаров, сам Колчак не раз высказывал мнение о том, что “гражданская война должна быть беспощадной”. Начальник Уральского края Постников, отказавшийся от исполнения своих обязанностей, так характеризовал колчаковский режим: диктатура военной власти, расправа без суда, порка даже женщин, аресты по доносам, преследование по клеветам, ужасы – в лагерях красноармейцев, умерло за неделю 178 из 1600 человек. “По-видимому, они все обречены на вымирание”.

Штаб-ротмистр Фролов драгунского эскадрона корпуса Каппеля повествовал о своих “подвигах”: «Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню, деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за сочувствие большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18 до 55-летнего возраста, после чего пустить “петуха”».

По мере военных неудач колчаковские генералы становились все более жестокими. 12 октября 1919 г. один из них издал приказ о расстреле каждого десятого заложника, а в случае массового вооруженного выступления против армии – всех жителей и сожжении селения дотла. В книге Литвина приводится письмо пермских рабочих от 15 ноября 1919 г.: “Мы дожидались Колчака, как Христова дня, а дождались, как самого хищного зверя”.

Карательная политика как инструмент укрепления власти широко использовалась и Деникиным. По признанию одного из его генералов, надо было исповедовать правило: “Лучше наказать десять невиновных, нежели оправдать одного виноватого”. Один из офицеров “волчьей сотни” Шкуро сообщал, что при взятии Мариуполя были расстреляны 4 тыс. безоружных, т.е. пленных.

Численность полиции на территории, подчиненной Деникину, достигала в 1919 г. почти 78 тыс. человек, а всего в его армии было 110 тыс. штыков. В литературе собрано немало свидетельств очевидцев жестокого террора, осуществляемого полицией и Добровольческой армией. Сам Деникин признавал, что “каждый офицер считал себя вправе арестовывать кого хотел и расправиться с ним по своему усмотрению”.

Жесточайший террор осуществляли банды Б. Анненкова, Г. Семенова и других, действовавших от имени той или иной белой армии. Многих из них судили. Их бесчинства отражены в следственных делах и других документах, приводимых в научной отечественной литературе. Например, Анненков был послан на усмирение крестьянского восстания в Славгородском уезде. Его гусары после подавления повстанцев за один день замучили и убили 500 человек. Делегатов крестьянского съезда (87 человек) атаман приказал изрубить на площади перед народным домом и закопать в яму. Казнили анненковцы жестоко: вырывали глаза, языки, снимали полосы кожи на спинах, живых закапывали в землю, привязывали к конским хвостам. Большинство этих банд действовали от имени регулярных войск Колчака.

Сменив Деникина на посту главнокомандующего вооруженными силами Юга России, барон П.Н. Врангель установил военную диктатуру и потребовал безжалостно расстреливать всех комиссаров и коммунистов, взятых в плен (приказ от 20 апреля

1920 г.). Прославившийся своей жестокостью генерал Я. Слащов писал в своих воспоминаниях: “На смертную казнь я смотрю как на устрашение живых, чтобы не мешали работе”.

В сохранившихся документах, воспоминаниях и научной литературе приводятся факты о карательных мерах, применяемых правительствами Комуча, Уральскими и Сибирскими областниками<sup>51</sup>. В частности, отмечен всплеск террора на Волге, где действовали народная армия Комуча и легионеры чехословацкого корпуса. 8 июня 1918 г. после взятия ими Самары были зверски убиты руководители советских учреждений, а также рядовые коммунисты, среди них поэт и драматург А.С. Коникин, рабочие, в том числе женщины. Убивали за попытки оказать помощь раненым красноармейцам. За один день более 100 пленных красноармейцев были расстреляны. Вооруженные патрули по указаниям из толпы стреляли по заподозренным в большевизме прямо на улице. Официальные приказы Комуча не только не осуждали подобные бесчинства, а напротив, одобряли их.

Массовые казни были устроены в Симбирске, Казани, где расстреливали всех, кого подозревали в сочувствии к советской власти. Трупы захороненными оставались прямо на улицах. Среди казненных были и члены Учредительного собрания, которые, видимо, не поддержали комучевцев.

Широко практиковались “эшелоны смерти”, тюрьмы на колесах, плавучие тюрьмы. В литературе приводится известный факт: в эшелоне, отправленном из Самары, находилось 2700 человек, из них около 2000 погибли в пути.

Немало кровавых жертв было на совести Временного областного правительства Урала, Временного Сибирского правительства (в одном Омске было расстреляно 1,5 тыс. человек) и Верховного управления Северной областью во главе с Чайковским. В частности, через архангельскую тюрьму прошли за один год 38 тыс. заключенных, 9000 из них были забиты насмерть и расстреляны. В заключении пребывала десятая часть населения области. В концлагере на полуострове Мудьюг сажали в карцер, расположенный в вечной мерзлоте, морили голодом, топили в прорубях на Печоре и Пинеге.

Комуч, сибирские и уральские областники и прочие правительства обстреливали из пушек целые деревни за отказ дать новобранцев или провиант, убивали бастовавших рабочих, даже женщин с детьми.

Зеленый террор исследован мало. Довольно хорошо известны лишь действия махновцев. В одном из актов уже упоминав-

шейся деникинской комиссии говорится: “Махновские банды отличаются особенной беспощадной жестокостью по отношению не только к офицерам, но и к сельским священникам, жителям и вообще к местной интеллигенции”<sup>52</sup>. Заняв юго-западную часть Таганрогского округа, они проявили особую свирепость при захвате станицы Новониколаевской, где сразу расстреляли 18 человек мирного населения<sup>53</sup>. В акте приводятся факты зверских издевательств над арестованными. Конные махновцы заставляли бежать их 15 верст, расстреливали тех, кто падал от утомления. Оставшихся в живых изошренно казнили<sup>54</sup>.

Отряды Н.И. Махно дважды становились регулярными частями Красной Армии. В начале июня 1919 г. он был объявлен Троцким вне закона. Во второй половине 1919 г. Махно воевал и с белыми, и с красными. Он писал в эмиграции, что повстанцы-махновцы никогда не отрицали и не намеревались отрицать, что расстреливали и уполномоченных большевиков по подразверстке, и председателей Советов, и милиционеров<sup>55</sup>, равно как и тех, кто поддерживал деникинский режим. В начале октября 1920 г. Махно сражался против Врангеля, однако идти на Северный Кавказ по приказу М.В. Фрунзе отказался. На ликвидацию махновцев было направлено две трети красноармейцев Южного фронта. РККА потеряла в этой борьбе 170 тыс. бойцов в одном только 1921 г.<sup>56</sup>

Большая часть исследователей сходятся во мнении, что точно подсчитать число жертв террора в годы Гражданской войны практически невозможно. Однако приблизительные подсчеты имеются. Те авторы, которые придерживаются широкого понятия “красный террор” (С.П. Мельгунов, П.Н. Милуков) и опираются на данные деникинской комиссии, исчисляют жертвы красного террора в 1918–1919 гг. в 1700–1766 тыс. человек<sup>57</sup>. Другие исследователи подвергают эти данные сомнению и считают их несколько завышенными. По их подсчетам, жертвами красного, белого и другого террора, погромов, бандитизма, подавления крестьянских выступлений пало в 1918–1919 гг. 1300 тыс. человек<sup>58</sup>. Достаточно распространенной в научной литературе является оценка численности погибших от красного и белого террора – несколько десятков тысяч человек<sup>59</sup>.

Источники, доступные исследователям, неполны и противоречивы. По сведениям М. Лациса<sup>60</sup>, за 1918–1919 гг. ВЧК было арестовано 128 тыс. человек, а расстреляно 8 тыс. Ежедневник ЦК за 1918 г. называет цифру в 2,2 тыс. расстрелянных, а Лацис позднее писал, что их в этом году было 6,3 тыс., за 7 месяцев 1919 г. – 2 тыс. Литвин приводит свои подсчеты, основанные на данных уездных и губернских ЧК: за 7 месяцев 1919 г. было рас-

стреляно 4,7 тыс. человек. М. Хильдермайер приводит на 1920 г. данные того же М. Лациса: в 1920 г. в концлагерях содержалось 13,9 тыс. человек, в трудовых – 4,1 тыс., взято заложниками 9,6 тыс., 36,5 тыс. томились в тюрьмах, 9,6 тыс. казнено. Освобождено после наказания из-под стражи 54,2 тыс. человек<sup>61</sup>. Некоторые исследователи прибегают к использованию оценки жертв красного террора, данной А.И. Солженициным: с июня по октябрь 1918 г. было расстреляно 16 тыс. человек<sup>62</sup>.

Подсчет жертв белого, зеленого и прочего террора еще более затруднителен, чем красного. В научной литературе есть оценки общих потерь населения в годы Гражданской войны. Однако надо иметь в виду, что эти потери были связаны не только с террором, но и с боевыми действиями вооруженных сил обеих сторон, бесчинствами японских, французских, английских интервентов, распространением эпидемических заболеваний, голодом, гибелью беженцев и т.д. По последним данным, население России потеряло во время Гражданской войны 11–15 млн человек, включая эмиграцию, которая составила около 2 млн человек<sup>63</sup>.

Что же касается белого и другого антибольшевистского террора, то число его жертв, если и было меньше красного, то, по всей вероятности, ненамного. Безусловно, разгул красного, белого и прочего террора унес не десятки тысяч, а сотни тысяч человеческих жизней. Более близки к истине, нам кажется, те авторы, которые насчитывают свыше миллиона, даже до полутора миллионов людских потерь от террора в целом. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении.

Представляется назревшим исследование проблемы психологии террора, который часто охватывает огромные массы людей. Все акции произвола, как это показывает пример нашей страны, стали восприниматься населением с равнодушием. Многие авторы мемуаров, пережившие этот период, отмечают любопытство, даже одобрение толпой карательных мер и полное отсутствие их осуждения. Те, кто осуществляли террор, реагировали на свои действия по-разному. В большинстве своем они не были профессионалами (офицеры и солдаты), некоторые из них сходили с ума (такие случаи у красных отмечены деникинской комиссией). Однако очень многие становились садистами, находя даже удовольствие в беспредельной власти над беззащитными. Интересная попытка проникнуть в тайны психологии (по выражению автора, “психопатологии”) различных социальных слоев общества, вовлеченных во время Гражданской войны в массовый стихийный и организованный садизм, сделана В.П. Булдаковым в книге “Красная смута”<sup>64</sup>.

Террор, особенно массовый, оказывает растлевающее влияние на все общество. Противоборствующие силы оправдывают свои кровавые действия, присваивают себе право на месть: одни – за вековое угнетение и страдание, другие – за посягательство на их власть, которую они имели сотни лет. Но отмщение, сколько бы ни было оно справедливым, всегда разрушительно в первую очередь для самого мстителя. Поэтому неверной является попытка оправдывать какой-нибудь террор. Еще раз прав Литвин, когда пишет, что белые, красные, зеленые одинаково ответственны перед народом за свое лихоедеяство.

Итак, на основании изученной литературы по проблеме террора времен Гражданской войны можно прийти к следующим выводам:

– и красный, и белый, и зеленый террор не придерживался каких-либо правовых норм, совершался часто на уровне самосуда, расправ, сообразуясь с политической целесообразностью, но и там где был суд, он, как правило, происходил с нарушением права личности на защиту;

– любой террор сочетал в себе индивидуальный и массовый террор;

– и красный и белый террор использовался на государственном уровне;

– и красный, и белый, и любой иной террор не может быть оправдан, он одинаково преступен.

Актуальность изучения данной проблемы в современной обстановке оживления терроризма привлекает к ней внимание все большего числа ученых. Ведется успешный поиск фактического материала с опорой на документальные источники, преодолевается односторонний подход к ее освещению. Однако предстоит еще большая поисковая и исследовательская работа.

<sup>1</sup> См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1917–1922 // Отечественная история. 1993. № 6; Он же. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань, 1995; Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР. 1917–1990 гг. // Россия. XXI. 1994. № 1–2; Красный террор в годы гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 7–9; и др.

<sup>2</sup> Земсков В.Н. Указ. соч. С. 123–124; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. М., 2000.

<sup>3</sup> Красный террор в годы гражданской войны...

<sup>4</sup> Там же. С. 9–10.



- <sup>5</sup> См.: *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995. С. 215–216, 130–131.
- <sup>6</sup> См., например: *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 97, 100, 101, 103.
- <sup>7</sup> См. например: Красная книга ВЧК. М., 1990. Ч. I. С. 7.
- <sup>8</sup> *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 6; Красный террор в годы гражданской войны... С. 5–6.
- <sup>9</sup> См.: *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 70–71.
- <sup>10</sup> Там же.
- <sup>11</sup> *Черкасов П.П.* Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 5–10.
- <sup>12</sup> Там же. С. 5–6.
- <sup>13</sup> *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 17–18.
- <sup>14</sup> *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1968. Т. 2. С. 235.
- <sup>15</sup> Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов. М., 1960. Т. 1. С. 204–207.
- <sup>16</sup> *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. 1917–1920 гг. М., 1968; *Велидов А.С.* Предисловие ко 2-му изданию // Красная книга ВЧК. Ч. I. С. 6.
- <sup>17</sup> *Авторханов А.* Ленин в судьбах России // Новый мир. 1991. № 1.
- <sup>18</sup> *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. М., 1986.
- <sup>19</sup> См.: Отечественная история. 1993. № 6. С. 49.
- <sup>20</sup> *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 83–86.
- <sup>21</sup> *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 3.
- <sup>22</sup> См.: Красная книга ВЧК. Ч. I.
- <sup>23</sup> См.: *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 40–42.
- <sup>24</sup> Там же. С. 40–42.
- <sup>25</sup> Из истории гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 465–466.
- <sup>26</sup> Красная книга ВЧК. Ч. 1. С. 5–11; Из истории гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 204–205; *Бугай Н.Ф.* Чрезвычайные органы Советской власти. М., 1990; *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства. 1917–1918 гг. М., 1987; *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 40–43, 55–57, 109–111; Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 157–161; Внутренние войска Советской Республики. 1917–1922: Документы и материалы. М., 1972; и др.
- <sup>27</sup> *Муранов А.* Правда о трибунале // Известия. 1989. 4 мая.
- <sup>28</sup> *Трукан Г.А.* Верховный правитель России // Отечественная история. 1999. № 6. С. 27–47; *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 127–128.
- <sup>29</sup> *Журавская И.Л.* Полковник К.И. Рябцев: Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4. С. 72–73.
- <sup>30</sup> Население России в XX веке. М., 2000. Т. I. С. 98; *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 138.
- <sup>31</sup> *Слащов-Крымский Я.А.* Белый Крым. 1920: Мемуары и документы. М., 1990; *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 141–143; *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 66; Архив русской революции. М., 1991. Т. 3.
- <sup>32</sup> См.: Красный террор в годы гражданской войны...
- <sup>33</sup> Там же // Вопросы истории. № 7. С. 21.
- <sup>34</sup> Там же. С. 27.

- 35 Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов... С. 157–159, 161.
- 36 Вопросы истории. 2001. № 7. С. 26–27.
- 37 Там же. С. 31–33.
- 38 Там же. № 8. С. 14.
- 39 Там же. № 9. С. 10–11.
- 40 *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 81.
- 41 Там же.
- 42 См.: Там же. С. 212.
- 43 *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 50–51.
- 44 См.: *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 212.
- 45 *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972. С. 195–208; *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 96–103.
- 46 *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 64.
- 47 Красная книга ВЧК. Ч. 1. С. 6, 13–14.
- 48 Там же. С. 13–14.
- 49 См.: Допрос Колчака. М., 1925. С. 211–212.
- 50 См.: *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 124, 125, 129, 131, 134, 135, 143; Неизвестная Россия. М., 1992. С. 239; Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920): Документы и материалы. М., 1962. С. 357.
- 51 *Вольский В.К.* Судьба Учредительного собрания // Исторический архив. 1993. № 3. С. 145–146; *Сичинский Е.П.* Из истории Временного областного правительства Урала // История СССР. 1992. № 11. С. 164–172; Белый Север. 1918–1921: Материалы и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 77–80; Вып. 2. С. 447–448; *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 105–106, 110, 113, 114.
- 52 Красный террор в годы гражданской войны... // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 16.
- 53 Там же. С. 17.
- 54 Там же.
- 55 См.: *Комин В.В.* Нестор Махно: Миф и реальность. М., 1990. С. 35–39; *Литвин А.Л.* Указ. соч. С. 222.
- 56 Там же.
- 57 *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 88; *Миллюков П.Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 194.
- 58 *Данилов В.П.* За что погибли шестнадцать миллионов россиян? // Юность. 1990. № 10. С. 19.
- 59 *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 123–125.
- 60 *Лацис М.* Правда о красном терроре // Известия ВЦИК. 1920. 6 февр.
- 61 *Хильдермайер М.* Цена победы: Гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 318–319.
- 62 *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ // Новый мир. 1989. № 9.
- 63 Население России в XX веке. Т. 1. С. 95, 139.
- 64 *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 237.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. Хотелось бы, чтобы В.Б. Жиромская продолжила серьезную научную разработку этой проблематики. Причем в дальнейшем следует обратить внимание на два ее аспекта. Один – психологический, он и на сегодняшний день далеко выходит за пределы России, поэтому актуален. Другой – экономические последствия красного и белого террора хотя бы в те годы, которые обозначены в докладе.

Не так давно мне пришлось снова поднять документы по Генуэзской конференции 1922 г., где впервые открыто схлестнулись Советская Россия и западные страны. Представители последних поставили вопрос так: если вы хотите, чтобы мы вас признали, погасите долги России – довоенные, военные и Советской России за национализацию промышленных предприятий и частных банков в 1918–1919 гг. На вопрос Чичерина о сумме задолженности ответ был – 19 млрд золотых руб. Тогда наша делегация предъявила контрпретензии, явившиеся результатом работы специальной комиссии: западные страны должны России 39 млрд золотых руб., т.е. на 20 млрд руб. больше. Это вызвало у западных делегатов шок. Был задан вопрос о методологии подсчетов. А методология заключалась в экономическом ущербе, который нанесло участие западных держав в Гражданской войне в 1918–1920 гг., в результате чего было разрушено много предприятий, железных дорог, баз, складов и т.д. Делегаты же западных стран считали, что эта война на 90% явилась следствием социального столкновения красного и белого террора. Поэтому они не склонны были признать материальные претензии как результат Гражданской войны и их участия в названном объеме.

Короче говоря, это был один из главных вопросов, по которому возник спор между нашей и зарубежными делегациями. Известно, что конференция в Генуе ни к чему не привела, так же как аналогичная конференция, состоявшаяся через полтора месяца в Гааге. Если продолжать работать над темой, то эту проблему нужно поставить так: каковы были потери в области экономики, народного хозяйства в результате белого и красного террора в 1917–1920 гг.

В заключение хотелось бы пожелать Вам продолжать работу над этой очень непростой темой.

М.Н. Зырянов. Доклад очень интересный. Сложность проблемы состоит еще и в том, что она не очень вычленяется из общей картины событий. Проявления террора были неотъемле-

мым элементом хода событий в те годы. Первые волны массового террора прокатились в феврале 1917 г., когда в Кронштадте и в Гельсингфорсе были расстреляны офицеры. Как это назвать – красный или белый террор?

Известно, насколько широким было партизанское движение в Сибири против колчаковского режима. Там убивали священников, вырезали казачьи станицы. Казаки находились на фронте, поэтому партизаны, в основном из крестьян, грабили станицы, убивали всех от мала до велика. Какой это террор?

Следует учитывать, что не всегда террор исходил от правительства, был и самочинный. Не всегда власть была к нему причастна. Необходимо отделять военные действия от террора.

В.П. Данилов. Когда в Сибирь приходили пепеляевцы, это – военные действия? Они же были вооружены и расстреливали в селении всех, кто с ними не соглашался.

М.Н. Зырянов. Это в Сибири. Но в других регионах России, если село было превращено фактически в укрепленный район и его жители хорошо вооружены, то его приходилось брать штурмом, использовать артиллерию. Погибшие были с обеих сторон. Бесспорно, – это военные действия.

Террор не всегда выражался в убийствах. Вот, например, знаменитое в Сибири партизанское село Косеево. После первого разгрома восстания и взятия села правительство Колчака провело закон, по которому земельный надел села передавался ветеранам сибирской армии.

То, что здесь второй раз началось восстание, не случайно. Поэтому мне кажется, что тема должна включать не только расстрелы и убийства, но и экономические действия, которые ставили людей на грань голодной смерти из-за полного изъятия продовольствия, земельного надела и т.д.

Что касается лично Колчака, то, по свидетельству современников, нужны были величайшие усилия, чтобы заставить его подписать какой-то смертный приговор. Однако это не исключает того факта, что колчаковское правительство применяло террор.

В.П. Данилов. Пепеляеву не надо было оснований для подписания приказов, даже для устных приказов об артиллерийском обстреле целых селений.

А.К. Соколов. В 1920-е годы и позже мы очень много писали о белом терроре, работали комиссии и публиковали свои материалы. В нынешнее время больше внимания уделяется красному террору. Все это связано с политической конъюнктурой, с осо-

бенностями переживаемого момента. В докладе В.Б. Жиромской сделана первая попытка уравновесить эти два аспекта, связав воедино красный и белый террор, осмыслить, что он означает в историческом и морально-этическом плане.

Возникает вопрос: а каковы перспективы исследования этой проблемы и зачем ее изучать? Как источниковед, могу сказать, что разрабатывать ее сложно, поскольку мало источников. Устные свидетельства и воспоминания не всегда являются достоверными источниками. Изучать эти исторические явления надо для того, чтобы извлекать определенные уроки из прошлого, а именно: что означает “гражданская война”, различные формы социального и политического противоборства в чистом виде.

Ю.А. Поляков. Валентина Борисовна сделала хороший доклад. И он ко времени. Поставлена назревшая научная проблема глобального масштаба. Все мы знаем о борьбе с терроризмом. Но и сейчас во всем мире не ясно представляют себе, что такое терроризм.

Америка обрушила удар огромной силы на Афганистан. При этом неизвестно, сколько было убито мирных жителей. Я думаю, что жертвы исчисляются тысячами. А рядовых бойцов государственной армии талибов до этого уничтожали только за то, что кто-то (до сих пор это неизвестно и неясно) совершил ужасный террористический акт в Нью-Йорке. Но объяснение ответного удара как борьба с терроризмом для значительной части наших граждан не слишком ясно. В Чечне, например, террор понимается по-разному, и часто судят русских солдат и офицеров за действия, которые судом приравниваются к терроризму.

Поэтому поднять проблему терроризма сейчас особенно интересно и важно, так же, как проблему междоусобиц. Междоусобица – вечная спутница истории. Иногда ее называют гражданской войной, крестьянской войной. Но с древнейших времен нам известны случаи междоусобной войны, которая неизбежно в массовом порядке сопровождалась террором. И изучать это в историческом аспекте, глобально, очень актуально и полезно для развития исторической науки.

Что касается России и Гражданской войны, то об этом тоже писалось много, но достаточно бестолково, потому что не произведено типологизации террора. А он был совершенно различным. Поэтому сейчас выступают люди и как открытие высказывают мысль, что террор вообще нужно отличать от террора военного. Конечно, надо, потому что те люди, которые погибали в сражениях и были ранены, это не жертвы террора. Но особен-

ность Гражданской войны заключается в том, что тогда почти не было пленных. Если сдавался или попадал в окружение полк белых, то снимали кокарды, расстреливали офицера или нескольких офицеров, навешивали красные звездочки, и этот полк спокойно отправлялся в бой уже против белых. И наоборот, когда полк красных попадал в плен, то расстреливали его командира, если он изначально был красный. Если же раньше он был офицером царской армии, то существовал специальный приказ Деникина, по которому добровольцы, коммунисты должны быть расстреляны. Поэтому отличать военный террор, потери во время боевых действий от террора во время партизанских действий чрезвычайно трудно.

Если мы хотим изучить эти вещи по-настоящему и глобально, то, во-первых, нужно рассматривать обстоятельства, в которых осуществлялись действия террора, поскольку происходят частые, быстрые и существенные перемены. Террористами бывают люди, борющиеся за национальное освобождение той или иной территории или страны. Или борьба начинается за национальную независимость, а потом перерастает в террор, порой криминальный. Поэтому выяснение обстоятельств, при которых разворачивается террор и при которых он заканчивается, чрезвычайно важно. Что помогает примирить людей и покончить с террором? Что послужило детонатором для вспышки террора? Исторический подход к исследованию этих вопросов может принести пользу всему мировому сообществу.

И наконец, последнее – об иностранцах. Достаточно изучена (может быть, с некоторыми преувеличениями) роль интервентов на нашей территории в осуществлении террора. Я не говорю о германской оккупации на Украине и Северном Кавказе. А если вспомнить Север, то без суда и следствия были расстреляны члены Кемского совета. Печально известны лагеря смерти на полуострове Мудьюг. Поэтому, говоря о красном и белом терроре, нельзя забывать и об иностранном терроре.

Что касается литературы, то ее типология очень разбросанная, неясная. Например, книжка С.П. Мельгунова “Красный террор в России. 1917–1922” – беспомощная, очень слабая, там нет никакого анализа, приводятся непроверенные факты. Необходим ее максимальный критический анализ.

Г.А. Куманев. Тема трудная, специфическая, не каждый может за нее взяться.

Надо, наверное, более четко определить хронологические рамки темы. Если речь идет о красном и белом терроре без хро-

нологических рамок, тогда неизбежно можно будет довести его чуть ли не до наших дней.

Очень важно более четко определить, кто же начал этот террор – белые или красные. Нас убеждали в литературе, в источниках, что его начали белые. При этом приводились многие примеры того, как поначалу даже несколько наивно поступала советская власть, и ни о каком терроре тогда речи быть не могло. Так, Краснов за все свои злодеяния был арестован и под честное слово, что он не будет впредь поднимать руку на советскую власть, отпущен. Он убежал на Дон, и конечно, сразу же включился в борьбу против этой власти.

Сейчас мы имеем немало публикаций уже обратной интерпретации – террор начали именно красные, советская власть, а вот о белом терроре авторы этих книг или умалчивают, или говорят скороговоркой. Это уже крен в другую сторону.

Хотелось бы заметить, что террор так или иначе, будь он красный или белый, всегда связан, а иногда и напрямую сливается с беззаконием. Если не ограничить хронологически историю красного и белого террора, то незаметно для себя можно перейти к описанию времени и событий, когда уже никакого белого движения не было, была просто месть, необоснованная подозрительность, и вместе с уничтожением или ликвидацией так называемой пятой колонны развернулась стрельба по своим. Примеров такого беззакония много. Например, Ежов пишет докладную Сталину и приводит три списка арестованных. Первый – это явные враги, второй – люди, которых надо еще перепроверить, третий – жены и дети так называемых врагов народа. И Сталин пишет резолюцию: “Ознакомить членов Политбюро”. Она попадает к Молотову, который считает, что всякие проверки излишни. Потом он берет список жен и детей так называемых врагов народа и почти против каждой фамилии ставит “ВМН” (высшая мера наказания) синим карандашом (как это делал Сталин), а потом пишет: “Товарищу Ежову. Прошу учесть мои пометки”.

Еще один факт, сообщенный заместителем наркома вооружений в годы войны Владимиром Николаевичем Новиковым. Он рассказывал, как в годы войны они, передавая готовую продукцию, постоянно сталкивались с военпредами, имели с ними дело, и здесь же на чеку были бдительные органы госбезопасности и НКВД. В течение двух лет Новиков проработал в Ижевске. «Прихожу, – вспоминал он, – я однажды к начальнику Управления НКВД по Удмуртской республике, там – бывший секретарь райкома комсомола, я его звал Михаил. Смотрю, он навеселе, под градусом. Спрашиваю его: “Михаил, ты чем-то расстроен?” Он отвечает: “Да, промашку

мы тут сделали одну”. “Какую?” “Да вот послали в Москву список осужденных к высшей мере наказания. А оттуда вернули список и указали, что таких-то шесть человек следует отпустить и реабилитировать. Но мы-то их уже расстреляли. Что делать?” Но самое удивительное – ни один не пострадал из-за этого вопиющего беззакония. Даже не пожурили этого Михаила. Он так и работал и продолжал свое дело».

Существует мнение, что отсутствуют цифровые данные о жертвах террора во время Гражданской войны и их невозможно найти.

Все эти данные есть. В комиссии по реабилитации, которой руководит А.Н. Яковлев, на каждого осужденного имеется досье. Согласно ее материалам, с 1919 по 1990 г. было осуждено 3 млн 776 тыс. 43 человека. С точностью до одного человека! Причем к расстрелу были приговорены 776 тыс. 91 человек. И, наконец, комиссия занималась и реабилитацией. Ей удалось реабилитировать только более 800 тыс. осужденных, в их числе “братаны”, уголовники, каратели и прочие.

В.П. Булдаков. В этой теме легко достичь эмоционального перебора. Складывается впечатление, что мы снова начинаем бродить по известному кругу. Кто-то говорит (и это совершенно справедливо), что точного количества жертв быть не может. Кто-то считает, что есть такие данные. На мой взгляд, надо исходить из совершенно других критериев.

Если подходить к этому делу всерьез, следует иметь в виду, что в истории бывают времена, когда люди убивают друг друга, своих ближних и делают это почему-то с редкостным азартом. Начинать надо именно с социальных условий, обстоятельств террора и не вести простые подсчеты, а исходить из конкретной ситуации – из степени озверения людей в то время. К сожалению, опыт показывает, что от этого мы не гарантированы.

Необходимо также выяснить, что стояло за теми или иными террористическими акциями. Я согласен с докладчиком, что красный террор начался, конечно, с октября 1917 г. Государственным актом тогда официально смертная казнь не была восстановлена. Это то самое время, когда начинается террор “снизу”, террор толпы. Чтобы государство утвердилось в качестве государства, ему необходимо восстановить монополию на насилие. Вот такая жуткая и в то же время простая вещь, но это факт. Любая государственность держится на насилии. Когда мы говорим о периоде Гражданской войны, это все-таки террор, война для всех против всех, в данном случае требуются более тонкие критерии оценки взаимного насилия.



А.Н. Сахаров. Тема эта для нас новая. Юристы уже давно занимаются ею, например, академик В.Н. Кудрявцев выпустил серию работ. Думаю, что нам нужно тоже по мере сил и возможностей ставить эти вопросы.

Доклад дал возможность представить проблему более широко. Речь идет не столько о красном и белом терроре, сколько о цивилизационном уровне народа в начале XX в. Дело не в том, что народ наш плохой, а в том, что на том уровне культуры, при развале государства, при борьбе с инакомыслием и при социальной розни то, что случилось, было совершено типично. Так было во Франции в период Жакерии, в Англии во времена Уотта Тайлера, при Гезах и т.д. И тогда тоже были красный и белый террор, но отсутствовали пушки и пулеметы. Наши же события развернулись в тот период, когда имелись средства массового уничтожения. С этой точки зрения вопрос надо ставить конкретно по Гражданской войне, по красному и белому террору, но можно рассматривать его более широко, с точки зрения цивилизационной.

Любой развал государства в России, начиная с XVII в. вплоть до начала XX в., кончался вот таким явлением. На три века все это растянулось, между тем в Европе длилось одно-два столетия, после чего закончилось.

То, что у нас растянулось на века, вполне закономерно, поскольку связано и со скудностью жизни, и с медленным развитием осознания человеческих ценностей.

Я вспоминаю одно письмо Петра I Шереметеву во время покорения Астрахани: “Стреляй, коли, четвертуй, уничтожай эту сарынь (т.е. сволочь), с жесточью, потому что другого они не понимают”. Вот такое было отношение царя к своему народу. И вот эта “сарынь” и в XVII, и в XX в. мало изменилась по своей сущности.

Память о репрессиях, о психушках, о многом другом рано или поздно заставила людей подумать о самообеспечении, о самовозрождении, о том, чтобы как-то себя обезопасить от полного уничтожения и одичания. Возьмите тех же народовольцев, Пестеля, этого беспощадного человека, который предлагал всех резать, убивать, все разрушить и т.д. Я недавно читал “Русскую правду” Пестеля и поразился: это совершенно античеловечный документ! Его невозможно по-другому оценивать. Я тут же посмотрел работы М.В. Нечкиной. Она просто обошла эти моменты. А ведь Пестель был знаменем народовольцев и большевиков.

В будущих ваших разработках хорошо бы упомянуть по поводу “рассказывания”. Страшная картина, конечно. Об этом

М. Шолохов писал так, что лучше не скажешь, и науке следует позаимствовать его описания.

Так что речь идет об уровне развития народа, о его самосознании. От этого мы никуда деться не можем. На мой взгляд, это тот второй фон, который необходимо иметь в виду, по крайней мере он объяснит ситуацию.

Мне бы хотелось в заключение сказать о своем несогласии с Ю.А. Поляковым, что обстоятельства во многом диктуют террор. Террор есть террор, убийство есть убийство, и стоит встать на позицию объяснения обстоятельствами, как будут забыты общечеловеческие ценности. Никакие “обстоятельства” не оправдывают террор, который является преступлением по отношению к человеку. Другого объяснения быть не может. И государственный террор, и личный террор, и палестинский террор, и всякий другой – это все бесчеловечно, это все не укладывается в те общечеловеческие ценности, к которым мы в конце концов через многие испытания, кровь и ужасы на пороге XXI в. все-таки пришли, и дай Бог, чтобы это никогда не повторилось.

Мне хочется поблагодарить докладчика за необычную блестящую постановку вопроса, которая позволила обратиться к жизненным ценностям. В.Б. Жиромская не побоялась, что подобный доклад может быть встречен по-разному не только в научном, но и в политическом плане, потому что до сих пор не отрешились от многих оценок, как это показало сегодняшнее обсуждение, и еще долго не отрешимся. Ничего в этом страшного нет, потому что политические пристрастия уходят вместе с нами, а научные ценности остаются нетленными. Думаю, что Вы еще многое сделаете на этом пути.

В.Б. Жиромская. Хочу поблагодарить за то внимание, с которым все выслушали мой доклад, который, видимо, взволновал присутствующих. Это было главное.

Мне хотелось показать, насколько поставленная проблема, несмотря на достаточное количество мемуаров, научных и публицистических работ, еще не разработана и как много острых вопросов с ней связано. Не случайно в процессе обсуждения встала одна из наиболее интересных проблем – о психологии, социальных и цивилизационных корнях террора.

Что касается точных сведений о жертвах террора, то пока, видимо, мы еще не можем их дать. Но этими сведениями проблема не исчерпывается. Хотелось бы выразить надежду, что если мы не будем забывать подобных событий, то их повторения удастся избежать.

## **МОСКВА И БАЛТИЯ: МЕХАНИЗМЫ СОВЕТИЗАЦИИ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ В 1944–1953 годах\***

История Балтийских государств в послевоенный период, когда они утратили свою независимость и стали частью СССР, до сих пор является предметом не столько научного, сколько политического дискурса. Политические интересы влияют на выбор тем и ракурса исследования, на оценки и интерпретации, определяют героев и антигероев. Советская Балтия предстает или как история бедствий и сопротивления ее народов режиму, или как история насилия и подавления свобод. Возможно, такое сознательное ограничение поля исследования вполне достаточно, чтобы ответить на политический вызов и удовлетворить эмоции (вполне понятные по большей части). Но для уяснения того, что же реально происходило в Литве, Латвии и Эстонии в рассматриваемые годы, как люди строили свои стратегии выживания в новой ситуации, как развивались и разрешались конфликты, как строились отношения между республиканской и центральной властью, заданные рамки оказываются слишком тесными, а иногда и просто искажающими картину.

Целью советизации Балтийских республик являлось “встраивание” региона в советскую систему, преобразование политических, социальных и экономических структур в соответствии с советской моделью. Для достижения этой цели использовались различные способы, которые не оставались неизменными, а периоды относительной либерализации сменялись очередным “закручиванием гаек”.

“Балтийская политика” Москвы, определяющая особенности взаимоотношений Центра и республик Балтии, в основных своих чертах сложилась в первые послевоенные годы. Именно тогда обозначились процессы и завязались конфликты – политические, этнические, территориальные, которые через несколько десяти-

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 21 февраля 2002 г. Подготовлен при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-01-00092а).

летий стали одной из причин распада СССР. Поэтому период 1940–1950-х годов во многом является ключевым для понимания всех позднейших отношений между Центром и Балтийскими республиками вплоть до обретения ими государственной независимости.

На основе имеющихся в нашем распоряжении документов можно утверждать, что первоначально у советского руководства не было какого-либо четкого представления о принципах “балтийской политики”, и она складывалась в зависимости от изменения обстановки в республиках, в СССР в целом, а также на международной арене. И хотя эта политика проводилась под лозунгом “восстановления” (советской власти, народного хозяйства и т.д.), фактически речь шла о сломе ранее сложившихся в регионе политических и экономических структур, привычного уклада жизни и традиций населения. Для ее осуществления московское руководство использовало всевозможные каналы и связи (партийные, государственные, личные), а также разные методы поведения своих решений (от политических до силовых).

На первом этапе советизации – примерно до середины 1947 г. – Москва и ее представители в Литве, Латвии и Эстонии старались избежать жестких действий, используя их главным образом по отношению к вооруженной оппозиции. Поэтому балтийскую политику первых послевоенных лет условно можно назвать “осторожной советизацией”. Ее характерные черты – официальное признание Москвой “национальных особенностей” развития республик Балтии и попытки строить свою политику с их учетом; отказ от форсированной коллективизации, сохранение индивидуального крестьянского хозяйства и частного предпринимательства; стремление наладить диалог с местной интеллигенцией; сохранение руководящих постов в центральных и местных органах власти за представителями коренной национальности; признание важности языковой проблемы и национального языка основным; избирательность репрессивной практики и т.д. Специфику первого периода советизации Балтии определяет также существование специальных Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии и Эстонии, которые призваны были осуществлять посреднические функции между республиканским руководством и Москвой.

Сразу после освобождения территории прибалтийских республик от немецких войск там началось восстановление партийных и советских властных структур, образованных еще в 1940 г. ЦК компартий республик тогда возглавили А. Снечкус (Литва), Я. Калнберзин (Латвия), Н. Каротамм (Эстония). Председателями советов министров соответственно стали М. Гедвилас, В. Ла-

цис, А. Веймер. Причем в Литве и Латвии на прежних постах остались руководители, занявшие их еще до войны, только в Эстонии в 1944 г. появились новые первые лица.

Положение в Балтийских республиках и первые итоги работы республиканских органов власти рассматривались на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б) 30 октября – 3 ноября 1944 г.<sup>1</sup> В каждой республике было отмечено “наличие серьезных недостатков и ошибок”, которые, по мнению московского руководства, свидетельствовали о неспособности республиканских властей в полной мере контролировать ситуацию. Тогда и было принято решение о создании “консультационных” структур – Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии (ноябрь 1944 г.) и Латвии (декабрь 1944 г.). Председателями Бюро были назначены: по Литве – М. Суслов (в 1946 г. его сменил на этом посту В. Щербаков), по Латвии и Эстонии – Н. Шаталин (позднее в Латвии им стал В. Рязанов, Эстонии – Г. Перов). В состав Бюро помимо председателей входили их заместители, а также уполномоченные НКВД и НКГБ СССР по соответствующим республикам, первые секретари ЦК компартий и председатели правительств республик. Бюро ЦК по Литве, Латвии и Эстонии находились в непосредственном подчинении ЦК ВКП(б), а их решения были обязательными для республиканских ЦК<sup>2</sup>.

Бюро ЦК задумывались как своего рода наблюдательные органы, призванные оказывать содействие республиканским руководителям в проведении политики советизации. О результатах своей деятельности они должны были периодически отчитываться перед ЦК ВКП(б). И хотя московские эмиссары получили специальные директивы, которые предписывали им избегать прямого нажима на республиканские власти и работать с ними в режиме диалога, прибытие “наблюдателей” было воспринято в руководящих сферах Литвы, Латвии и Эстонии довольно болезненно как свидетельство ограничения собственных полномочий и властных функций. Кроме того, аппарат Бюро вместе с его руководителями представляли собой “русскую власть”, что расценивалось как существенное ущемление национального суверенитета (который формально Москвой признавался).

«Взаимоотношения между Бюро ЦК ВКП(б) и руководством ЦК КП(б) и СНК Литвы в первый период были довольно холодными, – докладывал председатель Бюро по Литве М. Суслов. – Создание Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и наш приезд были встречены тт. Снечкусом и Гедвиласом несколько растерянно, болезненно и с опасливостью, как бы литовское руководство не было оттеснено на задний план. Тов. Снечкус обращался ко мне при-

мерно с такого рода вопросом: “Не означает ли Ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?”... С течением времени, однако, когда руководство ЦК и СНК Литвы убедились, что мы не намерены его оттирать и что мы действительно оказываем ему действительную помощь в работе, наши отношения нормализовались»<sup>3</sup>.

Председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии В. Рязанов стремился также избегать конфликтов с республиканским руководством. “Мы считали нецелесообразным на первом этапе своей работы – писал он в докладной записке о деятельности Бюро, – созывать заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии и выносить решения, обязывающие ЦК КП(б) Латвии выполнять то-то и то-то, чтобы не создать такого настроения среди руководства республики, что ему не доверяют, что они не полновластны, что над ними поставлена русская власть, как некоторые пытались это говорить, и поэтому создать нездоровые настроения среди латышей”<sup>4</sup>. В течение 1944–1945 гг., т.е. примерно за первые полтора года существования Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии было проведено всего одно заседание Бюро, его руководители ограничивались неформальными контактами с руководителями республики. И такая практика находила понимание (“все рекомендации и предложения со стороны руководства Бюро ВКП(б) по Латвии... никогда еще не оспаривались и всегда воспринимались правильно”<sup>5</sup>). “Все делается руками ЦК КП(б) Латвии и Совета Министров Латвийской ССР”<sup>6</sup>, – подводил итог В. Рязанов. Представители Москвы формально оставались в “тени”, выполняя, тем не менее, свои руководящие функции.

Иначе складывались отношения между Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и руководителями республики после замены Н. Шаталина Г. Перовым. Так же, как в Литве и Латвии, многое зависело, а часто и определялось личной позицией председателя Бюро. В противовес М. Суслову или В. Рязанову Г. Перов стремился держать республиканские власти под постоянным контролем, в том числе и в мелочах. В течение 1946 г. Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии заседало ежемесячно, а иногда даже три–четыре раза в месяц, каждый раз принимая то или иное решение, касающееся ЦК КП(б) Эстонии. Стиль “указующего перста”, практиковавшийся Бюро, не только осложнял отношения между представителями Центра и руководителям республики, но и соответствующим образом влиял на восприятие власти местным населением. Не случайно республиканские лидеры стремились хотя бы внешне дистанцироваться от всех структур, олицетворявших “русскую власть”.

Местная партийная власть попадала в довольно сложную ситуацию: стремясь сохранить свою самостоятельность, она, тем не менее, не могла быть полностью независимой. И дело было не только в политике московского руководства, которое рассматривало республику Балтии как часть СССР. Без поддержки Москвы советская власть в регионе вообще не могла бы существовать, поскольку собственные позиции коммунистов в Литве, Латвии и Эстонии никогда не были достаточно сильными. Создание социальной базы режима превращалось, таким образом, в одну из главных проблем республиканских властей. И в этом вопросе их интересы и интересы Центра совпадали. Традиционно его решение виделось как расширение влияния компартии в регионе прежде всего за счет ее численного роста.

Коммунистам предстояло занять руководящие посты на всех уровнях управления – от республиканского до сельского. Однако их катастрофически не хватало. В начале 1945 г. аппарат ЦК КП(б) Литвы был укомплектован на 55% (укомов и горкомов – на 59%)<sup>7</sup>, аппарат ЦК КП(б) Эстонии – на 53%<sup>8</sup>, в Латвии весь партийный аппарат был укомплектован не более, чем на 40%<sup>9</sup>. Всего на 1 января 1945 г., в Литве насчитывалось 3536 коммунистов (членов и кандидатов в члены партии), в Латвии – 3592, в Эстонии – 2409<sup>10</sup>. Представители коренной национальности составляли менее 50% партийного состава, примерно половина коммунистов всех республик состояла на учете в органах НКВД и НКГБ, а также в военных организациях. Таким образом, республиканские компартии на том этапе уже олицетворяли собой не только “русскую” власть, но и власть “силовую”, репрессивную. По крайней мере именно такой образ партии складывался в глазах коренного населения. И московские, и региональные власти хорошо понимали, что данную ситуацию необходимо менять кардинальным образом.

В связи с этим руководители Латвии, Литвы и Эстонии обратились в Центральный Комитет ВКП(б) с просьбой направить в их распоряжение на постоянную партийную и хозяйственную работу латышей, литовцев и эстонцев (коммунистов), проживающих в других республиках СССР. По данным Управления кадров ЦК ВКП(б), всего на территории Советского Союза к началу 1945 г. находилось 4346 латышей, 1228 литовцев и 1804 эстонца, состоявших в компартии. 10 марта 1945 г. секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление, обязывающее Управление кадров в течение двух месяцев направить на работу в Прибалтику 300 коммунистов-латышей, 150 коммунистов-литовцев и 200 коммунистов-эстонцев<sup>11</sup>. Решение этой задачи оказалось совсем

не простым. Так, спустя несколько месяцев, в ноябре 1945 г. сотрудники управления докладывали Г.М. Маленкову, что вместо определенных постановлением ЦК 150 человек удалось отправить в Литву только 35. “Медленная посылка их объясняется секретарями обкомов ВКП(б) тем, что большая часть коммунистов-литовцев является престарелыми и больными”, – таково было заключение Управления кадров<sup>12</sup>.

В отношении Латвии и Эстонии ситуация складывалась более благополучно. В Латвию, например, в течение 1945 г. было направлено 540 коммунистов-латышей<sup>13</sup>. Однако в своем большинстве направляемые в Балтийские республики коммунисты только по своему происхождению являлись этническими латышами, литовцами или эстонцами, значительную часть жизни они провели за пределами Латвии, Литвы и Эстонии, иногда плохо знали родной язык, т.е. приобрели иную идентичность. И если Москва подобные кадры считала “коренными”, то в республиках они все равно воспринимались как “пришлые” – не совсем, возможно, “чужие” (как этнические русские или представители других национальностей), но и не вполне “свои”.

В любом случае потребность в управленцах, поддерживающих новую власть на территории Балтии, была большей, чем определенный Москвой первоначальный “лимит” национальных кадров коммунистов из числа проживающих за пределами региона. Отдавая должное национальному моменту в формировании управленческого аппарата, Центр не считал его единственным и даже главным в обеспечении своего влияния в регионе. Изначально ставка делалась на “интернационализацию” Балтийских республик, призванную блокировать развитие сепаратистских тенденций. Причем “пришлые” кадры, прошедшие советскую школу партийной и хозяйственной работы, рассматривались Москвой как наиболее надежные агенты влияния. Поскольку центральной власти волей-неволей приходилось считаться с наличием сильных антирусских и антисоветских настроений в регионе, необходимо было найти оптимальный баланс между политикой коренизации и интернационализации управленческого аппарата. Создание и поддержание данного баланса зависело не только от намерений Москвы, но и от возможностей заполнить образовавшийся кадровый вакуум, исходя из местных ресурсов. Задача серьезно усложнялась тем, что речь шла о поиске не только профессиональных национальных кадров (с этой задачей республиканские власти могли бы справиться вполне успешно), но и специалистов, лояльных по отношению к советскому режиму.



Среди этнических латышей, литовцев и эстонцев, занятых в аппаратах власти и управления, лиц, проживавших в балтийском регионе до войны, было, как правило, значительно меньше, чем “пришлых”. Так, в Эстонии, где в центральном партийном аппарате эстонцы составляли большинство, из 78 сотрудников ЦК КП(б) 61 человек работал в “старых” советских республиках до 1940 г. (данные на май 1945 г.)<sup>14</sup>.

За счет вновь прибывших в основном пополнялись и партийные организации Балтийских республик. За два года – с 1 января 1945 по 1 января 1947 г. – они значительно выросли численно: в Латвии почти в 6 раз (до 21 037 членов и кандидатов), в Литве – в 4,6 раза (16 202), в Эстонии – в 5,4 раза (12 965). Главными источниками роста коммунистических партий в регионе была миграция из других республик и приток демобилизованных из армии. Менялся национальный состав компартий в сторону все большей интернационализации.

Поскольку именно коммунисты рассматривались в качестве главного кадрового резерва, развитие тенденции к размыванию национального состава партии не могло не вызывать беспокойства у республиканского руководства. Не случайно председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М.А. Сулов, характеризуя кадровую политику литовских руководителей, отмечал свойственную им “особую чувствительность в отношении русских работников (как бы лишнего русского работника на появилось)”<sup>15</sup>.

Существовало негласное распоряжение первого секретаря ЦК КПЛ А.Ю. Снечкаса ограничить прием на руководящую работу русских, украинцев, поляков. “ЦК КП(б) Литвы, СНК и наркоматы в деле подбора и расстановки кадров руководствуются, как правило, национальными признаками. Всех делят на литовцев и нелитовцев”, – к такому выводу пришли сотрудники Управления кадров ЦК ВКП(б), побывавшие в ноябре 1944 г. в Литве<sup>16</sup>.

Кадровую политику в балтийском регионе можно рассматривать, таким образом, как один из ключевых механизмов его советизации. Представление об этом механизме будет неполным без такой его составляющей, как конфликты. Их развитие проходило как бы на трех уровнях, или, точнее, между тремя группами конфликтующих: 1) представителями коренной национальности и русским (или русскоязычным) населением; 2) представителями титульной нации – “старыми”, т.е. жившими в регионе до 1940 г., и “новыми”, прибывшими из других республик СССР; 3) внутри руководства – между теми, кто пострадал от прежнего режима, и “новыми” руководителями, пережившими неблагоприятные времена за пределами балтийских республик. Первая группа кон-

фликтов – между “коренными” и “русскоязычными” – была наиболее острой и трудноразрешимой.

Мигранты из других регионов СССР попадали в балтийские республики главным образом по контролируемым каналам – в порядке оргнабора рабочей силы на предприятия, кадровых перемещений, организованного переселения на конфискованные в процессе земельной реформы угодья и т.д. Однако существовали и неконтролируемые способы перемещения граждан из смежных регионов (например, с целью покупки продуктов и промышленных товаров), которые становились дополнительным источником роста социальной напряженности в республиках региона.

Представители коренных этносов весьма болезненно реагировали на присутствие русских в Балтийских республиках (под русскими обычно понимались все русскоговорящие). Это отношение, сформированное еще двоенными событиями (обстоятельствами переворота 1940 г., последующими депортациям и т.д.), после войны получило дополнительный источник раздражения в виде размещения в городах русских военных гарнизонов, неконтролируемого наплыва людей из других регионов, выдвижения русских на руководящие посты. Конечно, далеко не все “пришлые” давали повод для недовольства. Многие, особенно из числа командированных на постоянную работу, стремились изучать национальную культуру и язык и своими профессиональными знаниями, опытом могли оказать реальную помощь республикам. Но не они определяли образ русских в массовом сознании. Ущемленное чувство национального достоинства сознательно и подсознательно проводило селекцию признаков “чужой” национальной идентичности и формировало образ русских с заранее заданными отрицательными свойствами. В результате такого отбора символом русского становился, например, мешочник или нетрезвый красноармеец, а не квалифицированный инженер. Отсюда расхожие мнения о русских как о необразованном и некультурном народе, к тому же нечистом на руку<sup>17</sup>. Соответственно этому образу складывалось и представление о России как нищей и голодной стране, где люди терпят лишения и нужду.

Негативное восприятие России (а СССР в массовом сознании балтийских народов продолжал оставаться именно “русским” государством, т.е. Россией) объяснялось не только изначально предвзятым отношением ко всему русскому, но и реальным положением дел. Разоренная войной страна являла собой не самый убедительный пример для подражания. Кроме того, латыши, литовцы и эстонцы имели перед глазами западные образцы жизни, гораздо более привлекательные. Да и собственный довоенный

опыт, уровень и условия жизни начинали восприниматься по-иному, поскольку сравнение было не в пользу послевоенных порядков. Этого обстоятельства не учла пропаганда, когда стала убеждать балтийское население в “преимуществах социалистического строя”. Логика неприятия была проста: Если СССР – богатая и процветающая страна, почему люди голодают? Если коллективное хозяйство – самое передовое, почему советские колхозники приезжают за хлебом в “отсталую” с этой точки зрения Прибалтику? Если советская политическая система самая демократичная, почему существует столько ограничений избирательных и иных гражданских прав? Такого рода вопросы не случайно во всех официальных сводках попадали в разряд “провокационных” – этой простой логике нечего было противопоставить.

Поскольку московская власть была далеко, негативные эмоции переключались на мигрантов – людей, прибывших на работу в республики Балтии. Нельзя сказать, что сами приезжие не давали повода к недовольству: не все из них оценили специфику региона и значение здесь национального вопроса. Часть людей, присланных на руководящие должности, особенно в первое время, продолжали мыслить и действовать в русле традиционного классового подхода. Его суть выразил секретарь Клайпедского горкома партии Шилин, который на пленуме ЦК КП(б) Литвы заявил: “Нам нечего беспокоиться об учете национальных особенностей, наша задача – проводить революционную линию”<sup>18</sup>.

От руководителей с подобным взглядами старались избавиться (тот же Шилин был, например, освобожден от должности) а работники, не знающие языка республики, в которую они направлялись, обязывались изучать его на месте. Но даже эти меры не снимали остроту конфликта между местным и русскоязычным населением.

Подобное отношение коренных жителей рождало ответную реакцию “пришлых”, которые требовали от властей защитить права русскоязычного населения, причем обе конфликтующие стороны гарантию собственных прав воспринимали часто только как ограничение прав контрагента. Наиболее наглядно непримиримость позиций проявилась по отношению к принципу двуязычия. По установленному порядку делопроизводство во всех трех республиках должно было вестись на языке титульной нации и русском, однако на практике этот порядок часто нарушался, причем с обеих сторон.

Конфликты вокруг языковой проблемы почти всегда заключали в себе политический подтекст и рассматривались республиканским руководством как борьба за национальный суверенитет,

хотя бы в границах культурной автономии. Понятие “языковой барьер” в данном случае обрело свой прямой смысл: незнание языка становилось чуть ли не главным препятствием на пути мигрантов.

Защита прав национального языка для балтийских лидеров была еще способом отвести от себя обвинения в проведении “прорусской” политики. По этой же причине республиканские власти осторожно подходили к такой острой проблеме, как борьба с “националистами” и вооруженной оппозицией. Эту во многих смыслах щекотливую проблему они пытались решать главным образом “чужими руками”, например, силами органов НКВД, которые имели преимущественно “русский” состав.

Периодические чистки управленческого аппарата от “чуждых” и “неблагонадежных” людей становились серьезным препятствием для решения кадровой проблемы в Балтийских республиках. Жертвами чисток могли быть бывшие участники национальных вооруженных формирований периода войны, бывшие члены некоммунистических партий, лица, отнесенные к разряду кулаков по происхождению или положению, граждане, имевшие родственников за границей и т.д. Поскольку в любой из трех республик трудно было найти хороших профессионалов с “чистой”, с точки зрения органов госбезопасности, анкетой, подход к самому процессу “очищения” был избирательным. Республиканские власти стремились действовать в этом вопросе осторожно, понимая, что любая чистка открывает вакансии для “пришлых”.

Инспектора ЦК ВКП(б), выезжавшие в ноябре 1944 г. с проверкой в Литву, докладывали, что “руководящие работники КП(б) Литвы, СНК и наркоматов не только не организуют борьбы с врагами народа – буржуазными националистами, но нередко мешают органам НКГБ и НКВД проводить эту работу”<sup>19</sup>. Согласно той же информации, на партийном собрании наркоматов внутренних дел и госбезопасности республики А. Снечкус призывал “осторожно подходить к аресту литовцев-шаулистов”, так как многие, мол, из них рабочие и вступали в эту организацию по призыву компартии”<sup>20</sup>. Ситуация изменилась после вмешательства ЦК ВКП(б), который в августе 1946 г. принял специальное постановление “О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве партийно-политической работой”. Одним из главных упреков, высказанных тогда в адрес литовского руководства, было обвинение в недостаточной борьбе с “чуждыми” элементами (под которыми прежде всего понимались “буржуазные националисты”).

---

\* Шаулисты – члены военизированной националистической организации “Союз шаулистов” (“Союз стрелков”)

Всего за неполный год, прошедший с момента принятия постановления, – с 15 августа 1945 по 1 июня 1946 г. – из советского и хозяйственного аппарата Литвы было уволено по политическим мотивам 1896 человек, из них большинство (1492) с формулировкой “как не внушающие политического доверия и политически сомнительные”.

В марте 1946 г. руководство Латвии в лице Я. Калнберзина и В. Лациса направили В. Молотову докладную записку с просьбой отменить высылку латышских легионеров в отдаленные регионы СССР и оставить их в республике. Свою просьбу они мотивировали следующим: большинство бывших легионеров были не добровольцами, а мобилизованными; в случае их высылки семьи оставались без кормильцев; репрессии в отношении легионеров отрицательно сказываются на настроениях местного населения, прежде всего по отношению к советской власти; не последнюю роль играли и экономические аргументы: опасение возникновения дефицита рабочих рук<sup>21</sup>.

Это ходатайство не было удовлетворено, как не получили взаимопонимания эстонские лидеры, когда они в 1948 г. обратились в Москву с аналогичной просьбой, но уже в отношении “своих” (т.е. эстонских) кулаков, также подлежавших депортации (речь тогда шла о замене депортации поселением в специальные места, расположенные на территории Эстонии). Позднее эта инициатива была использована Москвой в качестве одного из поводов для обвинения эстонских руководителей в “местном национализме”<sup>22</sup>.

Попытки республиканского руководства осуществлять своего рода протекционистскую политику в отношении некоторых лиц, отнесенных к категории “неблагонадежных”, не находили поддержки центрального руководства. Однако в Москве с пониманием относились к стремлению латышских, литовских и эстонских лидеров избегать наиболее жестких форм и методов разрешения внутренних конфликтов. Несмотря на сохранение революционной риторики (о классовой борьбе, решительном противостоянии буржуазным националистам, революционной бдительности и т.д.) на первом этапе советизации приоритет отдавался политическим, а не административно-репрессивным методам.

Исключением была Литва, где развернулись боевые операции против отрядов вооруженной оппозиции (“лесных братьев”). Борьба оказалась затяжной, несмотря на размах репрессий, чередуемых с объявлением амнистий, а также работой по легализации участников группировок и разложению их изнутри. О характере и динамике этой борьбы свидетельствуют, например, такие

данные: на 1 января 1945 г. было зарегистрировано 170 вооруженных групп, которые объединяли 7526 партизан. За первое полугодие 1945 г. ликвидировали 423 группы, 6171 человек был убит и 4989 арестованы. Однако на 1 июля 1945 г., по данным Военного отдела ЦК КП(б) Литвы, в лесах находились 175 вооруженных групп (7862 человека). В ходе проведения “чекистско-войсковых операций” во втором полугодии 298 групп были уничтожены, 3460 партизан убиты и 4620 арестованы. Однако на начало 1946 г. ситуация изменилась несущественно, хотя число зарегистрированных групп сократилось до 134, а партизан в них – до 3121<sup>23</sup>.

Ряды “лесных братьев” постоянно пополнялись, главным образом из числа литовских крестьян, и борьба с ними, ведущаяся в таких формах и масштабах, все больше приобретала характер репрессивных акций, направленных против народа в целом. Понимало ли литовское и главным образом московское руководство если не бесперспективность, то по крайней мере уязвимость такого способа стабилизации ситуации в республике? Позиция республиканской и центральной властей в данном вопросе никогда не ограничивалась принципом “террором – на террор”, и репрессивные акции против отрядов вооруженной оппозиции сопровождались политическими и экономическими мерами, призванными создать перелом в настроениях населения. Однако спад активности партизанского сопротивления, заметный уже в 1947 г., объяснялся не только политикой власти и эффективностью тех или иных методов советизации региона. В значительной степени он стал возможен благодаря изменениям настроений литовского крестьянства, сделавшего свой выбор в пользу “меньшего зла”, каким была советская власть по сравнению с бесперспективностью борьбы с заведомо более сильным противником. Надежды на помощь Запада – один из стимулов развития движения “лесных братьев”, – не подкрепленные сколько-нибудь значительными шагами в том направлении, постепенно рушились, что также способствовало перемене общественных настроений.

Самым уязвимым звеном в проведении политики советизации на первом ее этапе оказались местные органы власти. Управленческая вертикаль не функционировала или работала очень плохо. Республиканское руководство часто имело довольно приблизительное представление о том, что творится в волостях, а тем более в уездах. У тех же, кому доводилось выезжать в глубинку, складывалось впечатление, что советская власть на уровне волости уже заканчивалась, да и там держалась во многом условно.

Ситуация на местах изменилась только в начале 1947 г., когда в основном было завершено создание низовых органов власти – не номинально, а фактически. К этому же времени можно отнести окончательное формирование во всех балтийских республиках управленческой вертикали. Относительная стабилизация обстановки в регионе стала одной из причин ликвидации посреднических структур – Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии. Задачи, возложенные на Бюро, отмечалось в соответствующем решении Политбюро ЦК ВКП(б), “могут быть впредь осуществлены ЦК компартий Литвы, Латвии и Эстонии непосредственно”<sup>24</sup>.

Переходный период в развитии процесса советизации Балтии закончился. Он был отмечен не только напряженностью конфликтов и жесткостью противостояния, но и достаточным разнообразием форм и методов разрешения этих конфликтов. Для Москвы это был период поиска своей “балтийской политики”, выработки стратегии управления регионом. Главным результатом данного этапа стало формирование структуры и органов власти, т.е. построение опорного каркаса нового режима.

В течение 1947 г. постепенно стала меняться тактика советизации региона, которая, в отличие от первого периода, уже проводилась с откровенным акцентом на унификацию и силовые методы. Специфика этого этапа заключалась, например, в переходе к массовой коллективизации, а также в усилении репрессий по отношению к различным категориям балтийского населения. “Чистки” коснулись и представителей региональных элит, результатом которых стал ряд отставок и новых назначений (в наибольшей степени этот процесс затронул Эстонию, которая должна была служить своего рода дисциплинирующим примером для остальных).

Коллективизация в сознании балтийского населения была не просто синонимом советизации, но, возможно, худшим из всего того, что она несла с собой. Колхозной система ломала привычный производительный процесс, быт крестьянина, традиции организации жизненного пространства с преобладанием его индивидуальных форм (хутора, небольшие поселки и т.д.). Во всех трех Балтийских республиках под влиянием природно-географических факторов, особенностей размещения населения, экономической конъюнктуры сложилась своя система сельскохозяйственного производства и довольно развитые рыночные его формы. Главное – за годы независимости сформировалась устойчивая практика договорно-рыночных отношений между производителем сельскохозяйственной продукции и государством. Вполне

естественно, что привыкший самостоятельно распоряжаться результатами своего труда балтийский крестьянин вовсе не стремился идти в кабалу к государству, т.е. вступать в колхоз.

О колхозах балтийское население было наслышано: немало поработала в этом направлении немецкая пропаганда, но гораздо убедительнее любых пропагандистских акций были рассказы очевидцев, слухи из России и собственные наблюдения. Балтийские крестьяне колхозов не хотели, боялись их и готовы были бороться за свои права (последнее с особой очевидностью демонстрировала Литва – самая “сельскохозяйственная” их трех республик). С подобной ситуацией вынуждены были считаться и московские, и местные власти.

Во время проведения кампании по выборам в Верховный Совет СССР 1946 г. наблюдатели от партийных органов и других структур в своих отчетах и сводках фиксировали наличие устойчивых антиколхозных настроений у населения всех трех Балтийских республик. Чтобы избежать возможных эксцессов, агитаторы и чиновники, ответственные за проведенные предвыборной кампании в регионе, стремились при контактах с местным населением вообще избегать “колхозной темы”. В этом контексте достаточно показательным является такой факт: уполномоченный ЦК КП(б) Эстонии в волости Вигала предложил агитаторам читать “Обращение ЦК ВКП(б) к избирателям” не полностью, а в выдержках<sup>25</sup>. Дело в том, что в документе упоминалось о развитии “колхозного сельского хозяйства”, а эстонские крестьяне, считал уполномоченный, “боятся слова колхоз”. Поэтому и была найдена такая своеобразная форма агитации, позволяющая лишний раз не раздражать общественное мнение. Предприимчивого уполномоченного потом поправили, запретив “ре-визовать партийный документ”, однако случай сам по себе весьма показателен.

Надо отметить, что в течение первых двух послевоенных лет Москва рассматривала коллективизацию в балтийском регионе скорее как перспективную задачу, руководствуясь при этом примерно теми же мотивами, что и эстонский уполномоченный. Центральное руководство на том этапе вынуждено было считаться с наличием антиколхозных настроений, которые в условиях неустойчивости советской власти в регионе могли стать взрывоопасными. Первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Н.Г. Каротамм вспоминал, как во время февральского пленума 1947 г. он разговаривал с секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым по поводу организации в республике колхозов. Жданов тогда ответил, что “этот вопрос для Эстонии в настоящее время не актуален и



что судьба социализма никак не зависит от того, что в Эстонии еще нет колхозов”<sup>26</sup>.

Вероятно, Жданов в данном случае выражал не только свое личное мнение. Тем более примечательно, что буквально спустя месяц после этой беседы, 16 марта 1947 г., Оргбюро ЦК ВКП(б) специально обсуждало вопрос “О создании колхозов в Литве, Латвии, Эстонии” и образовало комиссию (под председательством того же Жданова), которой поручалось в трехдневный срок представить проект директивы ЦК<sup>27</sup>. Однако процесс принятия основного решения несколько затянулся, и постановление ЦК ВКП(б) “О колхозном строительстве в Литовской, Латвийской и Эстонской СССР” было принято только 21 мая 1947 г.

Достаточно очевидно, что это решение пришлось как раз на тот момент, когда в стране возник кризис с продовольственным обеспечением, а в ряде регионов – настоящий голод. В этой ситуации проблема хлебозаготовок приобрела почти такую же остроту, как в период кризиса 1927–1928 гг., своеобразным выходом из которого стало решение о сплошной коллективизации (когда государство становится фактически единственным хозяином хлеба). Правда, в случае с республиками Балтии в 1947 г. речь о массовой коллективизации не шла, говорилось лишь об организации первых, опытных колхозов, которые, как предполагалось, должны были убедить балтийское крестьянство в “преимуществах коллективного хозяйства”.

Известно, что в течение 1947–1948 гг. практика нажима на крестьян с целью принудить их к вступлению в колхоз Москвой не одобрялась. Центр ориентировал республиканские власти на поиски экономических средств стимулирования колхозного строительства, в том числе и с помощью налоговой политики. Несмотря на все эти меры – от пропагандистских до экономических, дело коллективизации в регионе продвигалось медленно: на начало 1949 г. в колхозы было объединено только 3,9% крестьянских хозяйств в Литве, 5,8% – в Эстонии и 8% – в Латвии<sup>28</sup>. Новый налоговый нажим на зажиточную часть балтийского крестьянства несколько ускорил процесс коллективизации в республиках Балтии, но не поменял ситуацию кардинально. Тогда региональные власти, выполняя директиву Москвы, попытались решить эту проблему, используя советский опыт конца 20-х – начала 30-х годов, т.е. делая ставку на репрессивные методы.

Начались массовые депортации крестьян, попавших в категорию кулаков, и членов их семей. Специальное постановление по этому вопросу было принято Советом Министров СССР в январе

1949 г.<sup>29</sup> Согласно официальной справке, во исполнение этого постановления (которое коснулось не только кулаков, но и членов повстанческих групп) из Литвы, Латвии и Эстонии было выселено 90 тыс. человек.

В противостоянии крестьянства Балтийских республик и государственной машины преимущество оказалось на стороне сильного. Массовые репрессии заставили крестьян смириться с колхозами, о чем свидетельствовало быстрое увеличение числа коллективных хозяйств. Даже в Литве, согласно официальным данным, на начало 1950 г. около 62% крестьянских хозяйств значились как перешедшие к коллективной форме ведения хозяйства.

Однако на деле значительная часть вновь организованных колхозов при проверке оказывалась фиктивной. Например, в д. Абола Шальчининского района Вильнюсской области был якобы организован колхоз “Вперед”, который, как и положено, имел устав, зарегистрированный в райисполкоме. На самом деле крестьяне, числившиеся как члены артели, продолжали работать единолично, в индивидуальном пользовании находились также скот и инвентарь. У этого так называемого колхоза не было ни правления, ни председателя. В с. Давланы того же района крестьяне организовали целых три фиктивных колхоза – “Дружба”, “Счастье” и “Чапаев”, а всего в районе имелось 13 колхозов, которые существовали только на бумаге<sup>30</sup>.

Достаточно типичной для Литвы была и другая ситуация. Если решение об организации колхоза принималось после сева, то, как правило, крестьяне в таких вновь созданных колхозах требовали, чтобы им разрешили убирать урожай индивидуально, и не спешили с обобществлением скота и инвентаря. Например, по данным на август 1951 г., из 126 новых колхозов Вильнюсской области 115 требовали индивидуальной уборки урожая. В некоторых районах были отмечены случаи, когда в период уборки крестьяне начали растаскивать обобществленный ранее скот и инвентарь. Если местные власти и колхозные активисты пытались воспрепятствовать этой практике, часто дело доходило до открытых столкновений.

Ситуация, которая сложилась в связи с организацией колхозов в Литве, вызывала серьезную обеспокоенность в Москве. Эта практика могла стать “заразительной”. Не была поддержана в ЦК ВКП(б) попытка литовского руководства переложить ответственность за столь очевидные провалы на местные партийные органы, как это было в СССР в 1930 г.: принцип “головкружения от успехов” на сей раз не сработал. Литва попала под пристальный контроль Москвы, во всяком случае в течение 1951 и

1952 г. ситуация в республике, в том числе и в связи с колхозным вопросом, несколько раз обсуждалась в ЦК ВКП(б).

К 1953 г. коллективизация в республиках Балтии была в основном завершена. Однако колхозы так и не смогли там до конца “укорениться”, а крестьянство долгое время сохраняло приверженность традиции индивидуального, хуторского (фермерского) хозяйства. Процесс “встраивания” региона в советскую систему затянулся и в общем так и не был завершен до конца. Республики Балтии, несмотря на все попытки унификации, чередуемые время от времени с признанием национальных и культурных особенностей региона, продолжала оставаться особой частью СССР.

<sup>1</sup> Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 1–3; Д. 460. Л. 8–11; Д. 464. Л. 16–18. (Далее: РГАСПИ).

<sup>2</sup> Там же. Оп. 3. Д. 1051. Л. 36, 37, 58.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 11. Л. 76.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. Д. 2. Л. 4.

<sup>8</sup> Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

<sup>9</sup> Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

<sup>10</sup> Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 498. Л. 8.

<sup>11</sup> Там же. Л. 7.

<sup>12</sup> Там же. Д. 541. Л. 4.

<sup>13</sup> Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

<sup>14</sup> Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8.

<sup>15</sup> Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

<sup>16</sup> Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 460. Л. 14.

<sup>17</sup> Там же. Л. 73–74.

<sup>18</sup> Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

<sup>19</sup> Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 460. Л. 13.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 142. Л. 102–104.

<sup>22</sup> Подробнее о развитии “эстонского дела” см.: *Зубкова Е.Ю.* Феномен “местного национализма”: “Эстонское дело” 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // *Отечественная история.* 2001. № 3. С. 89–102.

<sup>23</sup> РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 133.

<sup>24</sup> Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 733. Л. 8.

<sup>25</sup> Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

<sup>26</sup> Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 331.

<sup>27</sup> Там же. Оп. 116. Д. 4303. Л. 2.

- <sup>28</sup> *Misiunas R., Taagarpera R. The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990. California, 1993. P. 99.*
- <sup>29</sup> Имеется в виду постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. “О выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находившихся на нелегальном положении, легализованных бандитов и их семей”.
- <sup>30</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 90.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.Б. Куликова. Решения о создании Бюро ЦК принимались по отношению к каждой республике?

Е.Ю. Зубкова. Никаких различий в отношении республик Балтии не было. Все делалось “под копирку”.

Г.Б. Куликова. Хотя все три республики Балтии соседствуют, но все же они разные. В том процессе советизации и его механизмах периода 40 – 50-х годов была ли принципиальная разница в разных республиках?

Е.Ю. Зубкова. Ситуация во всех республиках, конечно, отличалась.

Я не уверена, что эта специфика тогда серьезно осознавалась в Москве, т.е., как правило, решение по региону принималось в целом, или если, например, оно касалось Литвы, то вскоре точно такое же появлялось по отношению к Латвии, или Эстонии. Во всех трех республиках были уполномоченные из Москвы, которые там работали, видели ситуацию изнутри, докладывали об этом в Москву (в том числе о коллективизации и прочем), описывали местные особенности. По сообщениям складывалась “картинка”, в чем-то общая для всех республик, а в чем-то различная по каждой из них. Однако на принятие решений влияли даже не эти сообщения, а другие факторы, в том числе личные отношения. Сумел, например, А.Ю. Снечук себя поставить, и у Литвы была более сильная позиция. Поэтому даже когда в ее адрес звучала жесткая критика, руководство республики практически не страдало. Напротив, руководство Эстонии было подвергнуто серьезной чистке, и назначение в 1951 г. на пост первого секретаря ЦК КПЭ И.Г. Кэбина, с моей точки зрения, имело для нее если не трагичные, но все же негативные последствия. И если функционеры первой волны, так называемые национал-комму-

нисты, несмотря на внутренние разногласия, умели держать удар и отстаивать, в пределах возможного, интересы республики, то приход Кэбина означал абсолютное подчинение Москве. На мой взгляд, большую роль играли личные контакты и те балтийские лидеры, которые могли настаивать на своем.

О.Ю. Васильева. Известен факт, что на 1940 г. процент русскоязычного населения в регионе был разным. Например, в Латвии было много русских эмигрантов. Какое все же количество русских было в тот период в Прибалтийских республиках?

Е.Ю. Зубкова. Мне проще сказать, сколько было этнических латышей, литовцев и эстонцев. На самом деле республики Балтии были в основном мононациональные. До войны в Эстонии проживало 92% эстонцев, в Латвии согласно переписи 1934 г. – где-то 73% латышей, в Литве – 75,5% литовцев. Потом немного ситуация изменяется в пользу коренного населения, что связано с эмиграцией, с массовой депортацией немцев. Эстония становится практически моноэтничным государством. В 1944–1945 гг. литовцы составляют 80%, а в Латвии на 1944 г. по-прежнему 75% латышей.

О.Ю. Васильева. Я располагаю другими цифрами. На всю территорию Балтии, исключая Эстонию, приходится 33% православных приходов, что подразумевает, естественно, русскоязычное население. Это как-то не вяжется с теми данными, которые Вы приводите.

Е.Ю. Зубкова. Думаю, что эти данные, конечно, нужно проверять, так как после переписи 1934 г. начинаются обычные текущие подсчеты. Но даже если эти цифры разнятся, все равно демографы выходят на 70–80% коренного населения. А что касается Русской православной, католической и других церквей, то это отдельная большая и серьезная проблема. Количество приходов – вообще не очень надежный показатель для демографических измерений. Они могли иметь очень немного прихожан.

О.Ю. Васильева. 33% – общее количество, и это уже больше, чем те данные, которые Вы приводите, особенно по Латвии. Где стыковка этих цифр? Послевоенную ситуацию надо как-то сравнивать. Мне кажется, что в Латвии в процентном отношении доля не латышей была значительно выше. Там должны быть по определению другие процессы, другие данные.

Е.Ю. Зубкова. Пока мне удалось найти такие данные. А вообще все цифры необходимо, конечно, проверить.

О.Ю. Васильева. И о колхозах. Наверное, о колхозах можно говорить только по Литве. Эстония – это рыболовецкие колхозы.

Е.Ю. Зубкова. Там было немного зерновых. В Латвии вообще другая ситуация, другие проблемы с развитием сельского хозяйства, основные колхозы – зерновые и животноводческие. Но главные проблемы с насаждением колхозов обнаружились в Литве – самой “сельскохозяйственной” из трех республик. Поэтому в 1951–1952 гг. в Москве активно обсуждалась именно литовская ситуация.

О.М. Вербицкая. После Второй мировой войны в республиках Прибалтики соотношение полов в составе населения было сильно деформировано. Известно, что у нас в России по отдельным областям было 25–30% мужчин, остальные – женщины (имеется в виду взрослое население). Интересно, а как обстояло дело в Прибалтике?

Е.Ю. Зубкова. Я этих данных не помню. Они на самом деле есть, но я не могу сказать даже приблизительно, потому что у меня другая задача. Мне приходилось по ходу дела решать и эти проблемы тоже. Когда я начинала заниматься этой темой, мне казалось, что нужно только сравнить имеющиеся данные. Ничего не получилось. Источники противоречат друг другу. Демографические исследования существуют, но они сделаны немецкими авторами по самым разным источникам, которые признают, что приводимые ими данные приблизительны.

Л.Н. Нежинский. Несколько лет тому назад я имел длительную беседу с тогдашним послом Российской Федерацией в Латвии Удальцовым и понял, насколько актуальна проблематика, которой посвящен доклад. Она злободневна не только в научно-познавательном, но и в гражданско-личностном отношении для очень многих россиян, которые пока еще живут и, видимо, будут в ближайшем будущем жить в Прибалтийских республиках. Подобные разработки крайне необходимы. Вместе с тем по ходу этой работы необходимо поднимать проблемы более общего характера, о чем свидетельствуют заданные вопросы, – о демографии, относительно конфессиональных дел и другие. Когда мы готовили и сдавали работу “Россия и Черноморские проливы”, я поинтересовался: а какие в дореволюционной и послереволюционной России были главные морские порты по грузообороту? Оказалось, что до 1914 г. самым крупным был Ревель (нынешний Таллин). Это 1912, 1913, 1914 гг. По основным статьям грузооборота он был намного крупнее Новороссийска, Мурманска, Ар-

хангельска, Владивостока и т.д. Это весьма показательный факт для оценки места и роли этих земель в составе Российской империи, потом – при самостоятельном существовании, затем при советской власти в составе СССР. Кстати, и после Второй мировой войны этот порт если уже не на первом, то все же на втором или на третьем месте по грузообороту всех морских перевозок.

Чрезвычайно остра языковая проблема. Кстати, в газетах сообщалось о решении нынешнего латвийского руководства установить новые правила правописания и произношения русских слов в Латвии, вплоть до ликвидации шипящих звуков. Как быть русскоязычным гражданам современной Латвии?

Здесь поднимались чрезвычайно важные проблемы. Я уже не говорю о таких современных политических проблемах, как взаимоотношения России в связи с заявлениями этих республик о приеме в НАТО, в Европейский Союз. Это особая тема. Она чрезвычайно актуальна, в том числе в общественном и гражданском смысле.

## ЛАГЕРНАЯ ЮСТИЦИЯ В СССР. 1944–1954\*

К числу практически неизученных проблем истории советского государства и права относится проблема создания и деятельности особой системы специальных лагерных судов, существовавших в СССР под покровом строгой государственной секретности с 1945 по 1954 г. Тема лагерной юстиции удивительным образом выпала из поля зрения специалистов. Вышедшие в последнее десятилетие в России и за рубежом работы по истории советских репрессий (Ю.И. Стецовский), советской юстиции (П. Соломон), политической юстиции СССР (В.Н. Кудрявцев, А.И. Трусов), советской пенитенциарной системы (А.С. Смыкалин) и другие не содержат даже фрагментарных сведений о специальных лагерных судах. Не нашла отражения данная проблема и в публикациях документов по истории ГУЛАГа.

Причина, по которой проблема лагерной юстиции до настоящего времени не являлась предметом специального исследования, кроется, на мой взгляд, в специфике ее источниковой базы. Многие годы материалы лагерных судов находились на секретном ведомственном хранении и были недоступны исследователям. Лишь в 1992 г. они поступили на хранение в Государственный архив Российской Федерации, где в течение нескольких лет велись работы по их описанию и рассекречиванию. О существовании в СССР в послевоенный период особой системы специальных лагерных судов зачастую не знали даже специалисты. Термином “лагерный суд” (или “лагерная коллегия”) в литературе чаще всего ошибочно называли постоянные сессии областных судов, которые заседали на территории лагерей и рассматривали уголовные дела заключенных. Встречалась в литературе и другая неверная информация. Например, в известном “Справочнике по ГУЛАГу” Жака Росси указывалось, что лагерный суд – это “собственное судебное ведомство НКВД – МВД СССР, заменившее в начале 40-х гг. лагколлегии”<sup>1</sup>. Такие ошибочные сведения вводили исследователей в заблуждение и мешали целенаправленному поиску источников. Все это в конечном итоге вело к

---

\* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 15 ноября 2001 г.



тому, что тема лагерной юстиции естественным образом оставалась вне сферы внимания ученых.

Между тем изучение истории создания и деятельности специальной лагерной судебной системы в СССР, выявление ее специфики, места и роли в системе советского правосудия – задача, заслуживающая самого пристального внимания. Кроме того, без исследования лагерной судебной системы невозможно создать цельную картину существования того “государства в государстве”, каким стал ГУЛАГ в послевоенный период. Материалы лагерных судов, отложившиеся в фондах Министерства юстиции СССР и Верховного суда СССР, – чрезвычайно ценный источник по истории советской репрессивной системы в целом.

Учитывая сложность и многоаспектность проблемы, я остановлюсь на двух вопросах: подсудность и организационная структура лагерной судебной системы; судебная и карательная практика специальных лагерных судов.

На основании ст. 102 Конституции СССР 1936 г. в Советском Союзе действовали три группы специальных судов: военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта и линейные суды водного транспорта. Специальные лагерные суды были созданы на том же основании Указом Президиума Верховного Совета СССР “Об организации специальных лагерных судов” от 30 декабря 1944 г.<sup>2</sup> Указ относил к подсудности лагерных судов все дела о преступлениях, совершенных в лагерях и колониях НКВД, за исключением дел о преступлениях офицеров НКВД и сотрудников, имевших специальные звания госбезопасности, дела которых рассматривались военными трибуналами. В составе Верховного суда СССР создавалась особая Судебная коллегия по делам лагерных судов для рассмотрения дел по кассационным жалобам и в порядке надзора.

16 апреля 1945 г. народный комиссар юстиции Н.М. Рычков издал приказ, предписывавший организовать на основании вышеназванного указа 105 специальных лагерных судов<sup>3</sup>. Для руководства организацией этих новых судебных учреждений и контроля за их работой образовалось Управление лагерных судов НКЮ СССР. В 1948 г. оно было переименовано в Управление по делам лагерных судов Министерства юстиции СССР.

Лагерные суды создавались во всех регионах Советского Союза. На практике в их юрисдикции оказалось огромное количество людей, а именно: все заключенные старше 16 лет (кроме содержащихся в тюрьмах); спецпоселенцы, трудмобилизованные и ссыльные, чья трудовая деятельность была связана с хозяйственной деятельностью МВД; вольнонаемные сотрудники, совер-

шившие правонарушения на территории лагерно-производственных комплексов; и, наконец, все военнослужащие ГУЛАГа, не имевшие офицерских званий. В общей сложности в юрисдикции лагерных судов в разные годы находилось 4–5 млн человек.

О широте подсудности лагерных судов можно судить по отчетному докладу за 1951 г. председателя лагерного суда Норильского ИТЛ Самохвалова. “Сообщаю, – говорилось в докладе, – что лагерный суд ИТЛ “Ч” (Норильского лагеря. – Г.И.) МВД СССР рассматривает почти все дела на вольнонаемных работников Норильского комбината, не имеющих никакого отношения к работе лагеря и не работающих в системе лагеря... В народный же суд направляется незначительное количество дел в основном по ст. 140<sup>б</sup> (производство аборт. – Г.И.) и дела частного обвинения... Необходимо отметить, что прокурор Норильлага вообще считает, что все дела, преступления по которым совершены на территории Норильска, подсудны лагерному суду, независимо от лиц, совершивших преступления”<sup>4</sup>. Аналогичный подход к проблеме подсудности был характерен и для других лагерных судов. Нередко между лагерными судами и территориальными народными судами возникали острые споры о подсудности того или иного дела. В отдельных случаях, по поручению Верховного суда СССР, лагерные суды рассматривали дела, подсудные военным трибуналам.

Появление лагерных судов обусловлено, на мой взгляд, тем, что к концу войны ГУЛАГ окончательно оформился в гигантский лагерно-промышленный комплекс, превратился в структуру, действительно напоминающую “государство в государстве”. А всякое государство, как известно, создает свою собственную судебную систему. До образования специальных судов правосудие в лагерях и колониях вершили несколько судебных инстанций: постоянные сессии областных судов, военные трибуналы НКВД и народные суды. Например, Восточно-уральский лагерь, в составе которого было 20 отдельных лагерных подразделений, расположенных на расстоянии от 9 до 150 км от центра Управления, а само Управление находилось в г. Тавде в 360 км от Свердловска, обслуживали: постоянная сессия Свердловского областного суда, 15 народных судов и Военный трибунал войск НКВД. Кроме того, многочисленные колонии, подведомственные Управлению НКВД Свердловской области, обслуживались Свердловским областным судом, 26-ю народными судами и Военным трибуналом войск НКВД.

Такая судебная практика имела существенные недостатки, главными из которых, по мнению лагерного руководства, были следующие: во-первых, “суды в своей работе были оторваны от

политической и хозяйственно-производственной деятельности лагерей и колоний”; во-вторых, отсутствовала единообразная судебная практика; в-третьих, “если постоянные сессии рассматривали дела на территории управления лагеря, то народные суды, как правило, рассматривали дела в своих камерах (так в тексте. – Г.И.). Народные суды при рассмотрении дел не учитывали специфику лагерей и колоний, и, таким образом, присутствующие в зале суда посторонние лица в ходе судебного процесса посвящались в деятельность мест заключения”. Существенным недостатком было и то, что “оперативные работники судов зачастую не были знакомы с системой лагерей и колоний и режимом содержания заключенных, что влияло на правильность разрешения уголовного дела”<sup>5</sup>.

Все эти “неудобства” устранялись с введением специальных лагерных судов. Судебный процесс при этом оставался открытым, как того требовал закон, но проходил он на закрытой лагерной территории. Состав судей подбирался соответствующим образом, народные заседатели выбирались из числа лагерных служащих и военизированной охраны. Лояльность служащих лагерной Фемиды гарантировалась тем, что они находились в полной материальной зависимости от лагерной администрации. Официально ГУЛАГ был обязан снабжать судебские кадры всем необходимым, в том числе жильем, топливом, теплой одеждой и т.д.

Процесс организации и реорганизации лагерных судов шел беспрерывно и зависел от изменения дислокации лагерей, от количества поступавших уголовных дел, от специфики того или иного лагерно-производственного комплекса. К осени 1948 г. было образовано 78 лагерных судов, из них 40 при крупнейших лагерях центрального подчинения, 28 при лагерях и колониях территориального подчинения, 4 при отделах исправительно-трудовых колоний Управлений МВД и 6 при спецстроительствах (причем два из них находились на территории Монголии). Из общего числа действовавших судов 33 были организованы в 1945 г., 12 – в 1946, 18 – в 1947 и 15 – в 1948 г.

Функции новых судебных учреждений не ограничивались задачами отправления правосудия. На Всесоюзном совещании председателей лагерных судов (1948) отмечалось, что “специфика лагерных судов определяется как их подсудностью, так и тем, что работа лагерных судов часто связана с вопросами, представляющими государственную тайну. Всей своей деятельностью специальные лагерные суды должны способствовать выполнению политических и хозяйственных задач, стоящих перед лагерем или колонией... поддерживать режим и дисциплину”<sup>6</sup>. Укло-

ниться от выполнения этих задач, даже если бы они вдруг того захотели, лагерные суды вряд ли смогли бы. Дело в том, что суды, хоть и были подведомственны Министерству юстиции, на практике полностью зависели от ГУЛАГа. Лагерь выделял помещения для суда, ремонтировал их, снабжал топливом и электроэнергией, предоставлял транспорт для выезда судей в отдаленные подразделения и т.д. Таким образом, независимость судей, гарантированная 112 статьей Конституции СССР, была в этих условиях абсолютным мифом, о ней не говорили даже в декларативных целях.

Некоторую независимость в системе лагерной юстиции проявляли отдельные адвокаты. Нужно сразу оговориться, что в силу ряда причин (в качестве главной, как правило, называлось “отсутствие достаточного количества адвокатских сил”) дела в лагерных судах очень редко слушались с участием защиты. В 1949 г. выступлениями адвокатов в лагерных судах заинтересовалась Прокуратура СССР. В ходе проведенной проверки было установлено, что “за 6 месяцев 1949 г. в одном лагерном суде Севводстроя (Московская область. – *Г.И.*) выступило 19 адвокатов, и в силу незнания условий содержания заключенных в лагере они по-разному оценивают мотивы, послужившие основанием для совершения заключенными преступлений, и в своих выступлениях некоторые адвокаты допускают политически неверные мотивы”. В качестве примеров приводились следующие факты: адвокат Хигер в своей защитительной речи заявил, что работники МВД подсаживают к следственным заключенным “наседок” и “кукушек”, поэтому показания свидетелей-заключенных необъективны и им не всегда следует верить. Адвокат Ария заявил, что прокурор обосновывает обвинение исключительно на материалах предварительного следствия, что бывает только в фашистском суде, а в нашем советском процессе этого не должно быть. Этот же адвокат, по мнению прокуратуры, опорочивал работу исправительно-трудовых учреждений, заявляя, что “заключенные поставлены в такие условия, в которых они вынуждены воровать”<sup>7</sup>.

Эти примеры, на мой взгляд, не только свидетельствуют об определенной самостоятельности адвокатской позиции, но и очень хорошо раскрывают специфику лагерного правосудия. “В целях предотвращения подобных случаев” начальник Управления по надзору за местами заключения, государственный советник юстиции 2 класса В.П. Дьяконов просил министра юстиции СССР К.П. Горшенина дать распоряжение, “чтобы в лагерных судах выступали не разные адвокаты, а лучше было бы, если для выступлений в этих судах были закреплены 1–2 постоян-

ных всесторонне проверенных адвоката”<sup>8</sup>. К чести министра юстиции, он не считал возможным ограничить круг адвокатов, привлекаемых к участию в судебных заседаниях лагерных судов.

Судебная практика лагерных судов была весьма разнообразной. Ежегодно, за исключением 1945 и 1953 гг., в лагерные суды поступало 20–25 тыс. уголовных дел, к суду привлекалось от 25 до 30 тыс. человек, доля заключенных в этом числе колебалась от 64% (1946) до 78% (1949). Значительную часть дел (от 30,4% в 1945 г. до 19,7% в 1950 г.) составляли дела о контрреволюционных преступлениях. Основную массу дел по ст. 58 составляли дела об антисоветской агитации и пропаганде (ст. 58<sup>10</sup>) и о контрреволюционном саботаже (ст. 58<sup>14</sup>). Лагерные суды тщательно изучали и обобщали судебную практику по этим группам дел.

“Антисоветская агитация” в условиях лагеря нередко имела успех и представляла порой вполне реальную угрозу благополучию и спокойствию лагерного начальства. Вынося обвинительные приговоры по статье 58<sup>10</sup>, лагерные судьи в большинстве случаев были убеждены, что основной целью антисоветской агитации в лагере является задача “вызвать недовольство режимом и организовать саботаж и срыв выполнения государственных плановых заданий”. В 1946 г. по этой статье было осуждено 1235 человек (4,5% к общему количеству осужденных), в том числе 999 заключенных, 11 военнослужащих и 225 вольнонаемных (большинство из числа спецпоселенцев). В основном в антисоветской агитации обвинялись лица, уже имевшие одну или несколько судимостей за контрреволюционные преступления.

Среди подсудимых лагерных судов нередко встречались настоящие “политические рецидивисты”. Заключенная Сибирского ИТЛ М.Ф. Карпова осуждалась по ст. 58<sup>10</sup> 7 раз. Заключенного Ивдельского ИТЛ А.В. Попова, попавшего впервые в ГУЛАГ в 1933 г. по закону от 7 августа 1932 г., впоследствии пять раз судили за антисоветскую агитацию, и в 1944 г. приговорили к высшей мере наказания. Поскольку решением Верховного суда СССР расстрел был заменен Попову 20-ю годами каторги, то все последующие приговоры лагерных судов поглощались этим наказанием. Заключенный В.И. Туров осуждался по ст. 58 шесть раз. Находясь в заключении в Ивдельском лагере, он в 1947 г. написал две антисоветские листовки и вывесил их на видных местах. Как установил лагерный суд, в этих листовках Туров “призывал заключенных к саботажу и неподчинению советской власти и лагерной администрации”<sup>9</sup>. “За составление контрреволюционных воззваний” заключенная Восточноуральского ИТЛ Кубрякова осуждалась по ст. 58<sup>10</sup> шесть раз, причем каждый раз к 10 годам лишения свободы.

Наиболее распространенной формой антисоветской агитации было “комментирование”. Более 70% лиц, привлеченных к суду по статье 58<sup>10</sup>, обвинялись в том, что они публично комментировали во враждебном, антисоветском духе прочитанные газетные статьи, услышанные по радио речи советских руководителей, доклады и выступления политработников ГУЛАГа. Важно отметить, что многие обвиняемые не считали нужным отказываться в суде от своих “антисоветских высказываний”. Они открыто заявляли в судебных заседаниях, что вели антисоветскую агитацию сознательно, исходя из своих внутренних убеждений. По наблюдениям председателя лагерного суда Вятского ИТЛ И.Ф. Ислентьева, “агитацию против советской власти проводили главным образом, т.е. 82,7%, элементы, воспитанные в условиях царского режима”<sup>10</sup>.

Весьма распространенной формой “антисоветской агитации” было вывешивание в лагерях в ночное и предутреннее время лозунгов и листовок “контрреволюционного содержания”. В марте 1952 г. лагерный суд Песчаного ИТЛ рассмотрел дело по обвинению в антисоветской агитации четырех заключенных женщин – Гичко Е.Д., Зелинской, Стасюк, Яструбецкой. Каждую из них суд приговорил к 10 годам заключения в ИТЛ. Председатель лагерного суда Э.П. Шимук видел их вину в том, “что они по договоренности между собой на протяжении с апреля по ноябрь месяцы 1951 г. занимались антисоветской агитацией путем печатания листовок и карикатур антисоветского содержания и распространения их среди других заключенных женщин, среди которых также выступали с антисоветскими высказываниями. Названная группа изготовила в мае месяце 1951 г. флаг украинских националистов, а также изготовила штамп с надписью антисоветского содержания, с помощью которого печатали антисоветские листовки”<sup>11</sup>. В преступлениях, связанных с изготовлением и распространением листовок, обвинялось более 25% заключенных, привлеченных к суду по статье 58<sup>10</sup>.

Как и на воле, ст. 58<sup>10</sup> часто превращала в “политических заключенных” людей, весьма далеких от политики. Многие заключенные, осужденные ранее за бытовые, должностные или хозяйственные преступления, попадали в разряд “контрреволюционеров” за рассказанный не к месту анекдот, за критические высказывания в адрес начальства, “за разговоры” или просто по наговору недоброжелателей.

Среди осужденных по ст. 58<sup>10</sup> редко встречались представители уголовного мира. “Политическими заключенными” воры и бандиты становились благодаря ст. 58<sup>14</sup>. Ежегодно по этой статье

в лагерные суды поступало 3–5 тыс. дел, что составляло 12–20% от общего количества поступавших дел. По ст. 58<sup>14</sup> лагерные суды привлекали к ответственности за побег, отказ от работы и членовредительство. Основанием для квалификации названных деяний по статье о контрреволюционном саботаже служил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. “О лагерях НКВД СССР”. Третий пункт этого документа предписывал применять “по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства” суровые меры принуждения, к “наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно”<sup>12</sup>.

В целях усиления борьбы с побегами НКВД, НКЮ и Прокуратура СССР издали 28 апреля 1941 г. специальную директиву. В ней предлагалось рассматривать побег заключенных “как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства” и судить всех беглецов по ст. 58<sup>14</sup> УК РСФСР, применяя к ним “суровые судебные меры наказания, а в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно”. Рекомендовалось применять расстрел, прежде всего в отношении “контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других особо опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег”<sup>13</sup>. Уже после начала войны, 2 июля 1941 г., действие этой директивы было распространено также и на тех заключенных, которые бежали из мест лишения свободы еще до ее издания, т.е. противозаконному по сути нормативному акту была придана обратная сила. Противозаконность названной директивы заключалась в том, что она грубо нарушала ст. 82 УК РСФСР, которая предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет за побег арестованного из-под стражи или из мест заключения.

Побеги являлись наиболее распространенным видом преступлений в системе ГУЛАГа. Количество лиц, привлекаемых ежегодно за побег, составляло более 30% от общего количества заключенных, привлекаемых лагерными судами к уголовной ответственности. Поскольку у судей не было полной ясности, в каких случаях побег квалифицировать по ст. 82, а в каких по ст. 58<sup>14</sup>, директивным органам приходилось неоднократно давать специальные разъяснения. Рекомендовалось при вынесении приговора руководствоваться обстоятельствами дела, по которому осужден бежавший, учитывать характер побега и личность беглеца. На практике за побег как за побег, т.е. по ст. 82 УК РСФСР,

судили примерно 40% беглецов, в основном несовершеннолетних преступников, а также бежавших преимущественно из колоний и имевших небольшие сроки наказания. В большинстве других случаев, часто явно перестраховываясь, судьи квалифицировали побег как контрреволюционный саботаж.

Сотрудники Управления лагерных судов Министерства юстиции СССР, обобщая судебную практику лагерных судов, не раз отмечали в своих докладных записках, что “привлечение большого числа лиц за побег по ст. 58<sup>14</sup> УК РСФСР создает неправильное представление о наличии антисоветских элементов в стране”<sup>14</sup>. Однако их предложения ограничить применение ст. 58<sup>14</sup> для квалификации дел о побегах не находили поддержки в вышестоящих инстанциях. Ежегодно по ст. 58<sup>14</sup> судили за побег 3–4,5 тыс. заключенных (16–20% от общего количества привлеченных к ответственности заключенных). В 1949 г., например, по ст. 58<sup>14</sup> было осуждено за побег 4487 человек, или 21,5% от общего количества осужденных заключенных. Такого рода судебная практика была признана порочной только после смерти Сталина, когда начался так называемый процесс восстановления законности. 29 сентября 1953 г. Пленум Верховного суда СССР принял постановление № 8 “Об устранении недостатков в судебной практике по делам о преступлениях, совершенных в местах заключения”. Названный документ предлагал пересмотреть приговоры по ст. 58<sup>14</sup> и впредь при квалификации побегов руководствоваться ст. 82 УК РСФСР.

Санционируя в 1941 г. применение статьи о контрреволюционном саботаже, директивные органы рассчитывали, что угроза попасть в разряд “политических” будет сдерживать уголовных заключенных. Однако в реальной жизни этого не происходило. Насколько трудно было совершить побег? Вот что писал по этому поводу в своем обзоре судебной практики за 1953 г. председатель лагерного суда Норильского ИТЛ Ф.Н. Лакомый: “Заключенные, не желающие отбывать наказание за совершенные преступления, имеют полную возможность совершать побег без каких-либо трудностей или риска быть задержанными при совершении побега”<sup>15</sup>.

Существовало множество способов бежать из мест лишения свободы, но большинство побегов совершалось по недосмотру и халатности охраны. Некоторые заключенные выбирали весьма неординарные способы побега. Например, в 1947 г. бандит И.Г. Гиляков, работавший на стройке в Челябинской области, сделал в стене строящегося дома отверстие, взял с собой хлеб, воду, табак, влез в это отверстие, забил его досками, после чего



другой заключенный заштукатурил это место. Готовящийся побег удалось предотвратить благодаря донесениям агентуры.

Иногда заключенные изготавливали печати и штампы лагерей и бежали по поддельным документам. Нередко совершали подкопы, но, естественно, только там, где не было вечной мерзлоты. Осенью 1951 г. в 6-м лагерном отделении Песчаного ИТЛ (город Экибастуз Павлодарской области) пятеро заключенных совершили побег с подкопом, несколько других готовились последовать их примеру. В официальном отчете лагерного суда об этом случае говорилось: “Длина траншеи подкопа от начала ее до выхода составляет 47 метров. Подкоп производился с помощью двух лопат, кирки, совка, самодельных ножей, а земля из подкопа выносилась на чердак барака по изготовленной веревочной лестнице через противопожарное пространство между печью и стеной секции. Внутри подкопа траншея освещалась тремя электролампами, подключенными через патроны к электропроводу длиной в 48 метров, а последний был подключен к основной электросети, проведенной внутри барака № 2”<sup>16</sup>. Неудивительно, что А.И. Солженицын, рассказывая о сопротивлении в ГУЛАГе, назвал этот подкоп “метро”. Все привлеченные по данному делу (11 человек) были осуждены по статье 58<sup>14</sup>.

Далеко не всегда беглецы попадали на скамью подсудимых. Многих стрелки убивали при задержании, некоторым продолжительное время удавалось скрываться, в исключительно редких случаях беглецы оказывались за границей. К судебной ответственности за побег чаще всего привлекались те, кто или попался при совершении новых преступлений, или был обнаружен в момент подготовки побега. Большинство осужденных за побег имели ранее судимости за кражи, воинские преступления, бандитизм, грабежи. Около 4% беглецов были осуждены за контрреволюционные преступления.

Как уже отмечалось, по статье 58<sup>14</sup> судили также за отказ от работы и за членовредительство. В 1946 г. за отказ от работы было привлечено к суду 878 заключенных, в 1947 г. – 1072 (5,7% и 4,7% к общему количеству привлеченных к судебной ответственности заключенных). В последующие годы в связи с введением зачетов рабочих дней и оплаты труда количество “отказчиков” сократилось, их доля в числе осужденных заключенных составляла 2–3%.

За членовредительство ежегодно привлекалось к суду более полутысячи человек. Минимальным число подсудимых по этим делам было в 1946 г. – 210 человек. Больше всего было осуждено за членовредительство в 1949 г. – 681 человек (3,2% от всех

осужденных заключенных). Иногда в лагерях наблюдались настоящие “эпидемии” членовредительства. Зимой 1946 /47 г. в лагерный суд Вятского ИТЛ поступило только из одного Вятлага 41 дело о членовредительстве, главным образом фигурировал саморуб пальцев рук. Лагерный суд считал необходимым изучить причины столь резкого увеличения данного вида “преступности”. Как выяснил лагерный судья, критическая ситуация объяснялась, в частности, “плохим, нечутким отношением к людям со стороны администрации лагерных подразделений, и отношением заключенных со стороны бригадиров и других работников”<sup>17</sup>. На основании материалов судебных дел о членовредительстве 14 представителей администрации Вятского ИТЛ были привлечены к уголовной ответственности и осуждены по ст. 110 часть 2 УК РСФСР (превышение власти или служебных полномочий, сопровождавшееся насилием. – Г.И.).

В целом лагерные суды относились к делам об отказах и членовредительстве с большой строгостью. “Отказы от работы и членовредительства имеют довольно широкое распространение в системе ГУЛАГа МВД СССР... Эти преступления разлагают лагерную дисциплину и наносят большой вред производственной работе лагерей и колоний МВД”<sup>18</sup>, – говорилось в одном из докладов Управления лагерных судов за 1947 г.

Серьезную озабоченность у служителей лагерной Фемиды вызывал также рост количества дел о хищениях и растратах. В 1945 г. такие дела составили 14,5% от общего количества поступивших дел. После выхода 4 июня 1947 г. Указа “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества” их доля увеличилась до 24%. В 1948 г. лагерные суды рассмотрели 5519 дел по этому указу. Многие судебные процессы носили показательный характер, они проходили непосредственно в лагерных подразделениях по месту совершения преступлений. Приговоры публиковались в лагерной печати. В 1948 г. суды осудили за хищение государственного и общественного имущества 6471 человека, из них 4947 заключенных (76,4%), 1226 вольнонаемных (19%), 298 военнослужащих (4,6%); оправдали 507 человек (7,2% к числу привлеченных), в отношении 58 человек дела прекратили. Карательная практика лагерных судов по этой категории дел, как того требовало высшее партийное руководство, была очень суровой. Наказание в виде лишения свободы на срок выше 5 лет получили почти 97% осужденных.

Хищения в ГУЛАГе, как и на воле, часто совершались по принципу, “что охраняем, то и имеем”. Не секрет, что к работе с материальными ценностями в ГУЛАГе допускались только “со-

циально близкие” заключенные, т.е. все те же воры, грабители, расхитители. Классическим примером хищения государственной собственности в условиях лагеря может служить следующий факт. Изложу его словами судебного дела: “На хлебопекарне Верхотурского лагпункта (Севераллаг) группа заключенных, работавших в пекарне, систематически в 1948 г. расхищала хлеб, за счет увеличения припека, и растительное масло, получаемое для подмазки хлебных форм, заменяя его олифой. Ущерб, нанесенный государству, составил 1377 рублей”<sup>19</sup>. Следует заметить, что, несмотря на типичность такого вида воровства, сам факт возбуждения подобного уголовного дела совсем нетипичен. Обычно уголовникам, хозяйничавшим в пекарнях и хлеборезках, все шло с рук. Заметим также, что в судебном деле ничего не говорилось об ущербе, нанесенном здоровью тех заключенных, которые ели хлеб, испеченный на олифе.

Значительную группу дел в лагерных судах составляли дела о бандитизме (ст. 59<sup>3</sup> УК РСФСР). Впервые обобщение судебной практики по этой категории дел было осуществлено осенью 1947 г. Тогда старший консультант Управления лагерных судов Е.А. Новикова написала в своей докладной записке: “Несмотря на то, что бандитизм широкого распространения в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД не имеет, появилась необходимость в изучении судебной практики... так как даже единичные случаи бандитизма представляют повышенную опасность”<sup>20</sup>. В этом же документе отмечалось, что начиная с января 1946 г. поступление дел о бандитизме неуклонно увеличивается. За 1946 и первое полугодие 1947 г. к уголовной ответственности по ст. 59<sup>3</sup> было привлечено 1678 заключенных. Из них лагерные суды осудили 1609 человек, причем 325 бандитов (20,2%) приговорили к расстрелу. Подавляющее большинство осужденных попали в ГУЛАГ за бандитизм, убийство, разбой, хищения, злостное хулиганство, и только 34 человека ранее были осуждены за контрреволюционные преступления.

До конца 1940-х годов при квалификации дел о бандитизме у судей, как правило, не возникало затруднений. Личность обвиняемого, характер и мотивы его действий – все подтверждало факт бандитизма. Ситуация изменилась в 1950 г. Первое, что бросалось в глаза при анализе судебной практики, это резко возросшее количество дел о бандитизме. В 1949 г. в лагерные суды поступило 960 таких дел в отношении 1977 человек, в 1950 г. – 1433 дела в отношении 2504 человек. Но более важными были не количественные изменения, а качественные. Наряду с обыкновенным бандитизмом в ГУЛАГе появился новый вид лагерной преступно-

сти – так называемый политический бандитизм, получивший значительное распространение в особых лагерях. В отличие от обычных бандитов, которые в подавляющем большинстве случаев действовали на почве вражды и убивали заключенных, принадлежащих к другой, враждующей с ними, воровской группировке, а также из личной неприязни, “политические бандиты” руководствовались совсем иными побуждениями. Среди них не было уголовников, большинство имели одну судимость и отбывали наказание по политическим статьям.

Анализируя дела о бандитизме, поступившие из особого Горного лагеря в начале 1950-х годов, лагерный судья отмечал: “Особенности Горного лагеря по убийствам и бандитским проявлениям заключаются в том, что в нем нет враждующих группировок”<sup>21</sup>. Другой судья, проанализировав деятельность “бандитских группировок” в Песчаном лагере в 1951–1952 гг., констатировал: “Нападения за принадлежность к одной из враждующих групп не было ни одного случая”. Он также пришел к выводу, что бандиты избивали и убивали “тех заключенных, которых они подозревали как оповещателей оперативных работников отделов МВД и МГБ лагеря”<sup>22</sup>.

Ситуация для лагерной юстиции была настолько неожиданной, что первоначально такие дела квалифицировались по статье 58<sup>8</sup>. Но в этой статье речь шла об ответственности за “совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти”, и судить на ее основании за убийство заключенных, пусть даже и “оповещателей”, было как-то несолидно. Ясность внесло Особое совещание при МГБ СССР. Оно, по словам председателя лагерного суда, указало, что “действия обвиняемых должны быть квалифицированы по статье 59<sup>3</sup>, так как они составляли бандитскую группу и совершали убийства заключенных из числа лиц, занимавших руководящие должности низовой лагерной obsługi, и лиц, заподозренных ими в связях с администрацией лагеря”<sup>23</sup>.

“Политический бандитизм” карался, как правило, более сурово, чем бандитские проявления уголовников. 25-летний срок лишения свободы получали примерно 45% рецидивистов и около 80% участников “самообороны”. “Не все стукачи были казнены, но доносительство заметно ослабло, и жизнь заключенных стала почти вольготная; оперчекистам же стало невозможно выполнять свои служебные обязанности”<sup>24</sup>, – так оценивал последствия тех кровавых событий Жак Росси, проведенный в ГУЛАГе почти четверть столетия.

В начале 1953 г. советское руководство предприняло решительную попытку искоренить “политический бандитизм”. 13 ян-

варя 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ “О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях”. На основании этого указа лагерные суды приговорили к расстрелу за бандитизм 52 заключенных (официально в этот период смертная казнь за уголовные преступления не применялась).

Карательная практика специальных лагерных судов основывалась, преимущественно, не на статьях Уголовного кодекса, а на всевозможных указах, директивах, инструкциях и была, по общему правилу, более суровой, чем практика обычных судов. До отмены смертной казни в мае 1947 г. лагерные суды активно применяли расстрел, в среднем в год к высшей мере наказания приговаривалось 300–400 человек. Обращают на себя внимание также многочисленные случаи вынесения приговоров, явно не соответствующих степени тяжести содеянного. Причем, если в отношении заключенных эти приговоры поражают драконовской суровостью, то в отношении лагерных служащих удивляют явно подкупленной мягкостью. В качестве примера приведу только два факта. В 1949 г. лагерный суд Ухто-Ижемского ИТЛ осудил заключенную Самойленко по ст. 58<sup>14</sup> УК РСФСР к 25 годам заключения в ИТЛ за то, “что с целью членовредительства и уклонения от работы в лагере она ввела себе под кожу бедра керосин, чем вызвала флегмону, и была освобождена от работы в течение 14 дней”<sup>25</sup>. В 1947 г. лагерный суд Вятского ИТЛ осудил к 9 годам лишения свободы *условно* проводника розыскных собак Упадышева, беспричинно расстрелявшего из пулемета во время сна четырех конвоируемых им заключенных<sup>26</sup>. Судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного суда СССР такие приговоры, в случае их обжалования или опротестования, как правило, не оставляла без внимания. В первом случае наказание было признано “чрезмерно суровым” и снижено до 5 лет лишения свободы (т.е. в 5 раз!), во втором – приговор отменен “за мягкостью наказания”.

Судебная коллегия по делам лагерных судов ежегодно рассматривала по кассационным и надзорным жалобам и протестам примерно 20–22% дел, рассмотренных лагерными судами по существу за тот же период. Результаты выглядели следующим образом: 65–70% приговоров оставлялось в силе, 10–15% – изменялось, примерно 20% – отменялось, в том числе в отношении 4–5% осужденных приговоры отменялись с прекращением дел. Такая кассационная и надзорная практика Верховного суда свидетельствовала в целом о некачественной работе специальных лагер-

ных судов. Основанием для отмены приговоров служили следующие причины: отсутствие в действиях обвиняемых состава преступления, недоказанность предъявленного обвинения, неполнота судебного следствия (невывод свидетелей, экспертов, вынесение приговора только на основе показания подсудимых), грубое нарушение процессуального законодательства и ряд других. В специальных определениях Судебной коллегии по делам лагерных судов отмечалось: “некоторые судьи дела рассматривали поверхностно, глубоко не вникали в сущность дела и обоснованность обвинения и в ряде случаев без достаточных оснований выносили обвинительные приговоры... Лагерные суды подготовительные заседания в ряде случаев проводили на низком уровне, поверхностно, не оценивали критически всех материалов, добытых на предварительном следствии, и вместо возвращения недоследованных дел на дополнительное расследование принимали их к производству и в судебных заседаниях выносили приговоры по недостаточно исследованным делам”<sup>27</sup>.

Уместно заметить, что предварительное следствие по делам лагерных судов вели оперативно-чекистские отделы, которые в силу своего особого положения и влияния в системе ГУЛАГа оказывали на суды весьма существенное давление, в чем признавались сами лагерные судьи. Одной из главных причин низкого качества судебной работы лагерных судов было то, что большинство судебных кадров имели крайне низкий уровень не только профессиональной, но и общей подготовки. Они проявляли пренебрежительное отношение к соблюдению материальных и процессуальных норм, при вынесении приговоров предпочитали перестраховываться и назначать приговоры более суровые, чем того требовал закон, нередко фальсифицировали судебные дела. Но других судебных кадров в те годы не имела не только система специальных лагерных судов, но и вся советская судебная система в целом.

В судебной практике лагерных судов наряду с уголовными делами большое место отводилось работе по досрочному освобождению заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом. Эти люди не могли работать, но требовали расходов на свое содержание. В соответствии со статьей 457 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР такими делами должны были заниматься суды, вынесшие приговор. Но уже первый год войны показал, что во многих случаях это просто невозможно. Тогда Пленум Верховного суда СССР принял 1 августа 1942 г. специальное постановление, в котором указывалось, что в таких ситуациях дела могут рассматриваться судами по месту отбывания осужденными наказания. После создания специаль-

ных лагерных судов вопросами досрочного освобождения заключенных стали заниматься эти суды.

16 сентября 1946 г., в условиях начавшегося массового голода, руководители четырех общесоюзных ведомств – министры внутренних дел, госбезопасности и юстиции, а также Генеральный прокурор – издали под грифом “совершенно секретно” приказ “О порядке предоставления и рассмотрения материалов в судебных органах на заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом”. Этот документ, названный в бюрократических кругах “директивой 4-х”, предписывал “материалы на лиц, отбывающих наказание в местах заключения, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, а также полностью потерявших трудоспособность, впредь рассматривать применительно к ст. 457 УПК РСФСР в специальных лагерных судах по месту содержания заключенных...” Допускалось представление материалов на всех заключенных, “независимо от органа и статьи осуждения”. Но тут же делалась оговорка: “Материалы на лиц, осужденных за антисоветские преступления (по всем пунктам ст. 58 УК РСФСР), за бандитизм, а также приговоренных к каторжным работам, в судебные органы не направлять вовсе”<sup>28</sup>. Приказ предписывал создать во всех лагерных управлениях особые комиссии, которые должны были выносить на основании медицинских актов свои заключения о досрочном освобождении лиц, полностью потерявших трудоспособность. При вынесении решений комиссиям рекомендовалось принимать во внимание характер совершенного преступления, личность осужденного, его поведение. Предложенный порядок досрочного освобождения неизлечимо больных заключенных стал именоваться словами “активирование” и “комиссование”, причем эти бюрократические термины использовались как в лагерном быту, так и в официальном делопроизводстве.

В первые же месяцы после издания приказа резко возросло количество дел о досрочно освобождаемых заключенных. С января по сентябрь 1946 г., т.е. за 9 месяцев, в лагерные суды поступило 3087 таких дел, а с октября по декабрь, т.е. за 3 месяца, – 12 088. Лагеря стремились поскорее избавиться от безнадежно больных, нетрудоспособных заключенных. Лагерные суды охотно шли им навстречу, часто рассматривали дела заочно, не вникая при этом в определение степени социальной опасности освобождаемых заключенных. Отказы составляли в этот период не более 1,5% от общего количества поступавших дел. Вышестоящие инстанции рекомендовали судам при вынесении решений исходить “не из интересов субъекта заключенного, а из интересов

государства”, “избавляться от неработающего в заключении контингента, хотя бы и по возрасту”. Аналогичное мнение высказали и лагерные прокуроры: “Коль скоро в течение ближайшего времени заболевшие заключенные не могут работать, их надлежит освободить, а не кормить за счет государства”<sup>29</sup>.

В голодный 1947 г. лагерные суды рассмотрели почти 60 тыс. дел на освобождение, выпустив на свободу при этом 58 326 человек. Некоторые коррективы в этот по сути формальный судебный процесс внес Пленум Верховного Суда СССР, который 25 апреля 1947 г. предложил судам рассматривать также вопрос о степени социальной и политической опасности заключенного, представленного к освобождению, и тяжести совершенного им преступления. В результате такого подхода число отказов увеличилось до 2,7%.

Во втором полугодии 1948 г. суды рассмотрели еще 32 690 дел, количество отказов при этом возросло до 4%. Со второго полугодия 1948 г., после соответствующих указаний “сверху”, процесс, как стали вдруг говорить, “огульного” освобождения полуживых людей прекратился. Уже в третьем квартале 1948 г. в суды поступило всего 4500 дел, число отказов составило 11,2%. Всего с 1946 по 1950 г. лагерные суды рассмотрели около 140 тыс. дел, при этом было освобождено примерно 130 тыс. человек, из них за период с осени 1946 до лета 1948 г. около 102 тыс. Бывший заключенный Н.Н. Кожин, отдавший лагерному молоху девять лет своей жизни, так описывал процесс досрочного освобождения:

“В бараке КВЧ (культурно-воспитательной части. – Г.И.) установлено несколько столов, за которыми восседают представители медицины, кители которых скрыты белыми халатами. Это комиссия по активированию эков, пришедших в состояние полной непригодности для каких-либо работ. Эти освобождаемые, бывшие когда-то людьми, превращены в скелеты, обтянутые кожей, во взгляде опустошенность, полная отрешенность от происходящего вокруг.

Не нужно быть медиками, чтобы понять – они обречены. Морально и физически раздавленные, они с трудом передвигаются от стола к столу. Во взглядах у них нет даже слабой надежды на возврат к нормальной жизни. Сам акт активирования ни в коем случае не акт милосердия, это избавление от ненужного балласта, от которого нет никакой отдачи. Судьба этих активированных остается тайной, ибо самостоятельно они не способны добраться до места проживания”<sup>30</sup>.

По официальным статистическим материалам, за три года – с 1946 по 1948 – в системе ГУЛАГа умерло 148 204 человека, в том числе за 1947 г. 66 830 человек<sup>31</sup>. Какая связь между освобо-



ждением больных заключенных и уровнем смертности в ГУЛАГе? Материалы лагерных судов свидетельствуют, что эта связь самая прямая. Никогда так не ругали лагерные суды за волокиту, как в этот период. Дело в том, что из-за судебно-бюрократических проволочек многие кандидаты на досрочное освобождение не успевали дожить до суда и умирали “досрочно”. Количество умерших заключенных, на которых уже были оформлены дела об освобождении, исчислялось многими сотнями. Нередко случалось, что суды освобождали уже умерших людей. Анализируя эту практику лагерных судов, председатель лагерного суда Управления МВД Азербайджанской ССР Н.И. Фролов писал в 1948 г.:

“Преобладающее большинство освобожденных находилось в безнадежном состоянии. В таком же безнадежном состоянии находилось и большинство ранее освобожденных. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что досрочники, склонные к преступлениям, не возвращаются в места заключения, они умирают вскоре после освобождения... Последнее время заключенные, как правило, активируются только тогда, когда по состоянию здоровья становятся явно безнадежными. Не следует ли изменить эту практику в том смысле, чтобы активирование проводить до наступления такого состояния, т.е. тогда, когда досрочное освобождение может привести к сохранению людей?.. Нынешняя практика досрочного освобождения оправдывает себя в том смысле, что она понижает смертность в местах заключения. И только”<sup>32</sup>.

Можно, наверное, не пояснять, что рассуждения этого судьи (кстати, с высшим юридическим образованием, что было большой редкостью в лагерной юстиции) московское судебное руководство охарактеризовало как “политически незрелые”, “неправильные” и т.д. Но на самом деле Н.И. Фролов выразил суть проблемы абсолютно верно: досрочное освобождение использовалось как эффективный способ снижения официальных показателей уровня смертности в лагерях. Судебная практика лагерных судов даже в таком деле, как досрочное освобождение неизлечимо больных заключенных, способствовала не столько правосудию, сколько служила хозяйственным и политическим интересам лагерного ведомства.

Деятельность лагерных судов стала сворачиваться в 1953 г., поступление уголовных дел резко сократилось, и они один за другим стали закрываться. Официально эти суды были ликвидированы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1954 г. Их практическая деятельность продолжалась почти 9 лет и пришлась на тот период, который в литературе принято называть апогеем развития системы советских концлагерей.

На мой взгляд, лагерные суды не были органами правосудия в прямом смысле, поскольку служили не столько интересам правосудия, сколько советской репрессивной системе в целом. Их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех тех беззаконий и несправедливостей, которые творились за колючей проволокой. Они драконовскими мерами помогали лагерному начальству поддерживать рабское повиновение в среде заключенных, помогали держать в страхе и покорности большие массы людей, скрывали преступное, безответственное поведение лагерных руководителей, в результате которого люди оказывались на грани жизни и смерти. В целом лагерные суды были чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрелагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор тоталитарного режима.

<sup>1</sup> *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 187.

<sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 1. Л. 341. (Далее: ГАРФ.)

<sup>3</sup> Там же. Л. 2.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 14. Д. 479. Л. 12.

<sup>5</sup> Там же. Оп. 5. Д. 25. Л. 133–134.

<sup>6</sup> Там же. Д. 42. Л. 149.

<sup>7</sup> Там же. Д. 49. Л. 99.

<sup>8</sup> Там же. Л. 100.

<sup>9</sup> Там же. Д. 25. Л. 24–29.

<sup>10</sup> Там же. Оп. 14. Д. 165. Л. 59.

<sup>11</sup> Там же. Д. 483. Л. 30.

<sup>12</sup> ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 116.

<sup>13</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 38.

<sup>14</sup> ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 25. Л. 69.

<sup>15</sup> Там же. Оп. 14. Д. 531. Л. 54.

<sup>16</sup> Там же. Д. 483. Л. 27.

<sup>17</sup> Там же. Д. 165. Л. 17.

<sup>18</sup> Там же. Оп. 5. Д. 25. Л. 80.

<sup>19</sup> Там же. Д. 76. Л. 24.

<sup>20</sup> Там же. Д. 42. Л. 31.

<sup>21</sup> Там же. Оп. 14. Д. 531. Л. 6.

<sup>22</sup> Там же. Д. 483. Л. 44, 122.

<sup>23</sup> Там же. Л. 116.

<sup>24</sup> *Росси Ж.* Указ. соч. С. 345.

<sup>25</sup> ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 76. Л. 100.

<sup>26</sup> Там же. Д. 42. Л. 158.

<sup>27</sup> Там же. Д. 76. Л. 96–97.

<sup>28</sup> Там же. Д. 4. Л. 16.

<sup>29</sup> Там же. Д. 30. Л. 4, 34, 38.

<sup>30</sup> ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт/Майн; Москва, 1999. С. 352–353.

<sup>31</sup> См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 441–442.

<sup>32</sup> ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 58. Л. 3–4.

## ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.Д. Алексеева. Кто был автором идеи создания лагерных судов, разрабатывал их концепцию? Как вообще появилась эта идея – в общем-то очень примечательная. Каким образом изменялась мера наказания, к которой был приговорен человек? Кто принимал решение о его расконвоировании, о его праве жить на поселении, покупать дом, принимать в нем других заключенных и создавать вместе с ними колонию? О таких фактах свидетельствовали С.М. Дубровский и А.И. Тодорский.

Г.М. Иванова. К сожалению, до сих пор я не нашла в архивах материалов, которые раскрывали бы предысторию организации лагерных судов, но продолжаю их поиски.

Что же касается остальных вопросов, то могу сказать, что принятие таких решений не входило в компетенцию лагерных судов. Как правило, все разрешения в системе ГУЛАГа давались либо непосредственно оперативно-чекистскими отделами, либо другими органами НКВД–МВД, но обязательно с согласия органов госбезопасности.

Г.Д. Алексеева. Допустим, Военный трибунал приговорил человека, находившегося в ГУЛАГе, к расстрелу (так было с моим отцом). Какая инстанция решала вопрос о его замене другой мерой наказания?

Г.М. Иванова. Такие вопросы решал, как правило, Верховный суд СССР. Если человек был осужден Военным трибуналом, то Военная Коллегия Верховного Суда имела право пересмотреть дело и отменить приговор, что случалось довольно часто. Нередко расстрел заменялся 25 годами лишения свободы. Если приговор выносил лагерный суд, то дело могла пересматривать Судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного суда СССР, она же имела право отменить приговор о расстреле и снизить меру наказания, или направить дело на новое рассмотрение.

Г.А. Куманев. На какой год из того десятилетия, которое Вы исследуете, приходится самый низкий уровень лагерной смертно-

сти? Правда, это все условно. Но все же интересно, сколько было досрочно освобождено людей в этом году?

Г.М. Иванова. Затрудняюсь назвать конкретные цифры по всему послевоенному десятилетию. В докладе мной сделан акцент на наиболее ярких цифрах. Начиная с 1948 г. смертность все время снижалась, и то, что с этого времени стали сворачивать кампанию по досрочному освобождению смертельно больных людей, конечно, не случайность. Период массового голода в стране прошел, в лагерях постепенно улучшилось питание и снабжение, смертность снизилась. Счет умерших шел уже на десятки тысяч, а не на сотни, как было, например, в годы войны. Можно для сравнения статистики умерших заключенных и досрочно освобожденных по болезни взять 1950 г. По официальным данным, в этот год в системе ГУЛАГа умерло 24 511 человек, а освободили как неизлечимо больных и полностью потерявших трудоспособность 12 872 человека.

Г.Д. Алексеева. Вы не пробовали сравнить процесс досрочно-го освобождения в 1946–1948 гг. с периодом войны, скажем, с 1942–1943 гг.? Для лагерей они были очень тяжелыми годами.

Г.М. Иванова. Знаю, что аналогичные приказы издавались и до 1946 г. Например, такой приказ вышел в 1942 г., и тогда огромное количество людей, находившихся на грани смерти, было досрочно освобождено. Но точных данных привести не могу, так как нет необходимых источников. Ведь подобные дела в годы войны рассматривали обычные суды, выделить среди них дела по досрочному освобождению заключенных, заболевших неизлечимым недугом, практически невозможно, а обобщающей статистики по этому вопросу суды не вели.

Л.Н. Нежинский. В тот период, который Вы рассматриваете, как известно, существовал социалистический лагерь, в который входили СССР и страны народной демократии. Не приходилось ли Вам слышать о чем-либо подобном хотя бы в одной из этих стран? Или же это было сугубо советское явление?

Г.М. Иванова. Так называемые страны народной демократии весьма активно перенимали опыт ГУЛАГа. На этот счет существовали специальные инструкции (мне приходилось их читать), но о лагерных судах ни в одной из них речь не шла. Я никогда не слышала, чтобы где-то еще существовала такая судебная система.

Л.Н. Нежинский. Мне довелось видеть документы, свидетельствующие о том, что страны народной демократии перени-

мали репрессивный опыт СССР. Некоторые из них сегодня уже публикуются, в частности в многотомном издании Института славяноведения под общим названием “СССР и Центральная и Юго-Восточная Европа”.

Г.М. Иванова. Видимо, возникновение специальных лагерных судов определялось наличием системы лагерей. В нашей стране лагерные суды тоже были не везде. Их, например, не было в Эстонии, в которой число лагерей и колоний было столь незначительно, что не было смысла создавать и подобные суды. Зато там, где была потребность в рабочих руках, т.е. там, где располагались многие десятки лагерей и колоний, специальные лагерные суды создавались.

Л.Н. Нежинский. Излишне говорить, сколь непроста и значима в научно-познавательном отношении эта тема и сколь она заслуживает дальнейшего исследования, изучения и освещения, причем именно на таких методических основах, которые продемонстрировала нам докладчица, т.е. на максимально объективной основе. Тогда это будет иметь смысл.

На мой взгляд, в некоторых работах зарубежной историографии, изданных в послевоенные десятилетия, данная тема или не затрагивалась или освещалась в таком искривленном виде, что трудно было понять, что же в действительности имело место. Я не знаю ни одной крупной работы по истории советской России послевоенного периода, в которой она даже ставилась бы, хотя о ГУЛАГе написано немало. В свое время мне приходилось касаться истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В 70–80-е годы, когда она освещалась более-менее объективно, в отличие от нашей историографии, в этих странах весьма критически оценивали тот путь, который прошли их режимы с 1944–1945 гг., но тоже нигде не упоминается рассматриваемая проблема. Пожелаем докладчику продолжить ее исследование на таком же высоком научном уровне, на котором был сделан доклад.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, занимается историей русских княжеств XIV в., историей Москвы и Подмосковья. В числе основных работ: С.Б. Веселовский: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989; Московское княжество Ивана Калиты. М., 1993–1994; Купли Ивана Калиты. М., 2001; История Западного округа Москвы. М., 1997. Редактор-составитель сборников: История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1992–1994. Вып. I–II.

Алексеева Галина Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор, занимается проблемами истории исторической науки XX в. Автор трех монографий: Октябрьская революция и историческая наука. 1917–1923. М., 1968 (в соавторстве); Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений 20–30-х гг. Ташкент, 1977 (в соавторстве); Историческая наука в России: Идеология. Политика (60–80 годы XX века). М., 2003, а также учебного пособия и хроник исторической науки.

Аксенов Александр Иванович – доктор исторических наук, занимается изучением социально-экономических проблем, истории сословий и общественной мысли России в XVIII–XIX вв. (генеалогия, источниковедение, историография, археография, историческая биография). Автор ряда монографий, в том числе: Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993, а также составитель ряда сборников документов.

Бокарев Юрий Павлович – доктор исторических наук. Главные направления исследований: компаративная история, социально-экономическая история, геополитика, математические методы моделирования исторических процессов, источниковедение. Основные монографии: Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х гг. М., 1981; Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство СССР в 20-е годы. М., 1989; Русский рубль: Два века истории. М., 1993 (в соавторстве).

Быстрова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, занимается историей России, СССР XX в., военно-промышленным комплексом, модернизацией промышленности. Автор моно-

графии “Военно-промышленный комплекс в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000.

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, специалист по демографической истории России XX века (динамика численности населения, людские потери, особенности протекания демографических процессов, оценка достоверности источников по демографической истории России). Автор монографий: Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001; После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996.

Зубкова Елена Юрьевна – доктор исторических наук. Автор монографий: Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993; Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 2000 и других публикаций по социальной и политической истории СССР послевоенного времени.

Иванова Галина Михайловна – доктор исторических наук, занимается историей оппозиционных движений и политических репрессий в СССР, историей ГУЛАГа, советской правовой системы. Основные публикации: ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System. New York; London, 2000.

Куприянов Александр Иванович – кандидат исторических наук, занимается историей городской культуры, исторической антропологией, историей частной жизни. Автор монографии “Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири” (М., 1995).

Лисовой Николай Николаевич – кандидат философских наук, член Союза писателей России, вице-председатель Императорского Православного Палестинского Общества. Преимущественная сфера интересов: история церкви, история русской богословской науки, русское присутствие на Ближнем Востоке. Автор книг: “Приди и виждь”: Свидетельства Бога на земле. М., 2000; Россия в Святой Земле: Документы и материалы. М., 2000. Т. 1–2; Храмы русской православной церкви. М., 2001. Изд. 2-е, доп. М., 2003; Чудотворные иконы. М., 2002.

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, академик РАЕН. Область научных интересов – история государства и права (абсолютизм, административные реформы, конституционные проекты), сравнительное конституционное право и политические институты, российский политический процесс нового и новейшего времени. Автор более 200 на-

учных работ (в российских и иностранных научных изданиях), в том числе 7 монографий. Важнейшие из них: Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994; История русской социологии. М., 1993; Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Конституционные проекты в России. М., 2000; сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2003.

Юрасов Михаил Константинович – кандидат исторических наук, занимается историей домонгольской Руси, отношениями Руси и кочевников до монголо-татарского нашествия, русско-венгерскими связями IX–XIII вв.



Научное издание

**ТРУДЫ  
ИНСТИТУТА  
РОССИЙСКОЙ  
ИСТОРИИ**

Выпуск 4

Утверждено к печати  
Ученым советом  
Института российской истории  
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *В.М. Черемных*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *О.В. Аредова*

Корректоры *Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 01.06.2004  
Формат 60 × 90<sup>1/16</sup>. Гарнитура Таймс  
Печать офсетная  
Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр.-отг. 19,5  
Уч.-изд. л. 20,0  
Тираж 510 экз. Тип. зак. 3370

Издательство “Наука”  
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90  
E-mail: [secret@naukaran.ru](mailto:secret@naukaran.ru)  
Internet: [www.naukaran.ru](http://www.naukaran.ru)

ГУП “Типография “Наука”  
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12